

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

2

1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

2

1957

В. И. Ленин об общих закономерностях и конкретных, формах перехода к социализму

Ц. А. СТЕПАНЯН

I. Актуальнейшая проблема нашей эпохи

Вопрос об общих закономерностях и конкретных формах перехода к социализму в различных странах занимает одно из центральных мест в теории научного коммунизма. В соответствии с назревшими потребностями эпохи возникновения социализма Владимир Ильич Ленин уделял этому вопросу большое внимание.

Об исключительной значимости этого вопроса свидетельствуют решения XX съезда КПСС, который творчески развил положение об общих закономерностях и своеобразии форм перехода к социализму в различных странах.

Ныне переход к социализму практически стоит перед рабочим классом многих капиталистических стран, что нашло свое отражение в программах коммунистических и рабочих партий.

Чтобы правильно ориентироваться в современной обстановке и не ошибиться в оценке характера движения в любой стране, надо руководствоваться прежде всего обоснованными марксизмом-ленинизмом общими принципами перехода к социализму, получившими практическое подтверждение на опыте СССР, Китая и других стран народной демократии. Следствием забвения или игнорирования общих закономерностей является отход от основ марксизма-ленинизма, от принципов пролетарского интернационализма, переход на позиции оппортунизма, ревизионизма. Подобные опасные тенденции можно наблюдать в заявлениях тех людей, которые абсолютизируют особенности развития отдельных стран народной демократии, противопоставляя эти особенности общим магистральным путям достижения победы нового строя.

Эта антиленинская тенденция нашла свое выражение в платформе так называемого национального коммунизма. О том, кому выгодна эта платформа, говорят прямые заявления представителей НАТО о необходимости всячески поддержать тенденции «национального коммунизма», помогающие создать новые формы «в рамках марксизма в народно-демократических странах с целью нарушить восточный блок».

Специалист по борьбе против «интернационального коммунизма» Джон Даллес незамедлительно выступил в поддержку «национального коммунизма», который, по его словам, открывает «великую перспективу», конечно, для империалистических кругов США.

В основе «национального коммунизма» лежит отрицание общих закономерностей перехода общества к социализму. Реакционные круги США усиленно начали поддерживать «национально-коммунистические» тенденции в странах народной демократии, внутри отдельных коммунистических партий капиталистических стран.

Коммунистические партии дают решительный отпор такого рода попыткам. Четкую отповедь реакции дал президент Чехословацкой Респуб-

лики А. Запотоцкий. На Западе, заявил он, «намекают, что для капиталистических правительств наш коммунизм был бы приемлем, если бы он был иным — скажем, национальным, либеральным, короче говоря, если бы он не был настолько коммунистическим. Я хотел бы сказать по адресу всех, кто принимает во внимание такие соображения, что они напрасно ломают себе голову и напрасно тратят время» (газета «Правда» от 29 января 1957 года).

Недавно из рядов Французской коммунистической партии, показывающей образец принципиального и творческого решения проблем коммунистического движения, исключен Пьер Эрве, который, прикрываясь рассуждениями о многообразии путей перехода к социализму, проповедовал отказ от всех форм классовой борьбы: политической, экономической и идеологической. Отрицая классовую борьбу как общую закономерность перехода к социализму, Пьер Эрве выступал против руководящей роли рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии. Буржуазные газеты объявили Эрве новейшим носителем «подлинного коммунизма».

Чтобы не отрываться, однако, от реальной жизни, от всего многообразия ее проявлений, чтобы не впасть в догматизм и сектантство, необходимо учитывать не только общее, но и особенное в общественно-экономическом развитии, именно своеобразие форм перехода к социализму в соответствии с историческими особенностями отдельных стран.

Забвение или игнорирование специфики развития разных стран к социализму приводит, как и игнорирование общих закономерностей, к отходу от принципов ленинизма. В. И. Ленин еще в 1919 году писал: «Совершенно несомненно, что голое подражание нашей русской тактике во всех подробностях при своеобразных условиях венгерской революции было бы ошибкой. От этой ошибки я должен предостеречь» (Соч., т. 29, стр. 203).

Опыт строительства в СССР и других странах надо воспринимать творчески, с учетом исторических, социальных, национальных особенностей и традиций данной страны, ставшей на путь строительства социализма. При отсутствии должного учета диалектики общего и особенного в строительстве социализма создаются, как показывает опыт в Венгрии, дополнительные трудности, порождающие недовольство масс, которое, конечно, используется врагами социализма.

В мировой исторической обстановке произошли за последнее десятилетие коренные изменения, требующие новой постановки ряда конкретных вопросов в разных странах. Прежде всего социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему, развивающуюся по пути все большего сплочения. О расширении фронта мирового социализма говорят следующие данные. В 1917 году только что возникшая единственная социалистическая республика занимала 15,9% территории земного шара; социалистический лагерь ныне охватывает 26,6% этой территории. Народы Советской России в 1917 году составляли 7,4% населения нашей планеты, а ныне на долю международного лагеря социализма приходится уже 36% населения земного шара. Социалистическая система хозяйства производит 30% всей мировой промышленной продукции.

Одновременно с ростом международного социалистического лагеря происходит сужение фронта мирового капитализма, неуклонное углубление его всеобщего кризиса. После второй мировой войны 10 стран отпали от капитализма и перешли в лагерь демократии и социализма. Из 1 500 миллионов населения колониальных и полуколониальных стран 1 200 миллионов уже вырвались из-под гнета империализма. Происходит дальнейший ускоренный распад всей колониальной системы.

В тесной связи с ростом социалистической системы и углублением всеобщего кризиса капитализма находятся серьезные классовые сдвиги в буржуазном обществе, полевение широких народных масс, рост международного рабочего и коммунистического движения. По мере распада ко-

лонииальной системы и в результате капиталистического применения новейшей техники, приводящего к относительному сокращению части высококвалифицированных рабочих, будет постепенно уменьшаться удельный вес рабочей аристократии, суживаться социальная база оппортунизма.

Ухудшается положение и крестьянства, главным врагом которого является буржуазия: к чисто капиталистическим методам эксплуатации она прибавила и полуфеодальные (издольщина в США и других странах капитализма). О положении современного крестьянства говорит тот факт, что социалистические революции в странах народной демократии произошли при активном участии среднего крестьянства.

Большие изменения происходят и в среде такой социальной прослойки, как интеллигенция. В количественном отношении она неуклонно растет вследствие прогресса науки и техники, а также и огромного роста государственного и вообще управленческого аппарата. Все большее число представителей интеллигенции принимает активное участие в борьбе за мир, национальную независимость, демократию и социализм.

Изменения в классах капиталистического общества касаются и буржуазии. Дальнейший рост концентрации капитала усиливает противоречия между кучкой монополистов и мелкими, а также средними слоями буржуазии. Особенно усилилось противоречие между буржуазией метрополий и национальной буржуазией прежних и еще существующих колоний, национальной буржуазией слаборазвитых стран. Это дает возможность вовлекать известные слои средних и крупных предпринимателей в борьбу против империалистических монополий.

Такова далеко не полная картина изменений в классах и в их взаимоотношениях в современном капиталистическом обществе. Эти изменения в сочетании с огромным революционизирующим влиянием международного социалистического лагеря создают предпосылки для дальнейшего расширения демократической базы, сплочения большинства народа под руководством коммунистических и рабочих партий, неодолимый рост которых нагляден в наше время. Растут коммунистические партии не только стран социализма, но и стран капиталистического мира. В 1933 году коммунистические партии капиталистических и колониальных стран насчитывали 684 400 членов, теперь — более 5 000 000, и это несмотря на то, что капиталистический мир значительно сузился. В целом численность коммунистических партий по сравнению с довоенным временем выросла в восемь раз.

Но дело не только в количественном росте коммунистических партий, а прежде всего в улучшении их качественного состава и повышении уровня их деятельности. Воспитанные в духе ленинизма, коммунистические партии успешно осуществляют мудрую и гибкую политику в борьбе за новые формы перехода к социализму, основанные на незыблемых принципах научного коммунизма.

II. Общие закономерности перехода к социализму в различных странах

Марксизм-ленинизм придает первенствующее значение общим законам революционного преобразования общества на базе социализма. Социализм — явление интернациональное. Есть и могут быть национальные особенности форм и путей перехода к социализму. Но эти особенности, учил В. И. Ленин, могут касаться, конечно, не самого главного. Главное — это общие законы революционного преобразования общества и вытекающие из них единые принципы строительства социализма. В своей программной работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин учил коммунистические партии необходимости руководствоваться общими принципами коммунизма, требовал умения

такого применения основных принципов коммунизма, «которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*» (Соч., т. 31, стр. 72).

Неоднократно подчеркивая единство интернационального содержания социалистического преобразования общества, В. И. Ленин писал: «Европа идет к революции не так, как мы пришли, но Европа, по существу, проделывает то же самое» (Соч., т. 30, стр. 396). Далее, выясняя международное значение Октябрьской революции, В. И. Ленин, имея в виду общие закономерности, указывал на «историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас» (Соч., т. 31, стр. 5). Социализм победил в СССР на базе действия общих законов социалистического преобразования общества. Поэтому обобщенный в ленинизме опыт советской революции и советского строительства при всех особенностях развития нашей страны является в своей основе *общим драгоценным приобретением для всех стран*. Игнорирование этого опыта может привести объективно, независимо от субъективных намерений отдельных политических деятелей к нарушению принципов интернационализма. Опыт, впервые накопленный в СССР и ныне накапливаемый и в странах народной демократии, воплощает в себе, в своих *существенных чертах* общие законы победы социализма.

Каковы же общие закономерности строительства социализма? Ленинизм учит, что общей политической закономерностью победы социализма является классовая борьба пролетариата против буржуазии, союз рабочего класса с крестьянством, руководящая роль Коммунистической партии, свершение социалистической революции, установление диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата означает подавление сопротивления буржуазии, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, осуществление высшей формы демократии, победоносное строительство социализма. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что при всем многообразии и обилии форм перехода к социализму «сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*» (Соч., т. 25, стр. 385). Важнейшим принципом деятельности диктатуры пролетариата является марксистско-ленинское решение национального вопроса.

Руководствуясь великим ленинским учением, XX съезд КПСС напомнил, что господствующие классы добровольно власти не уступают. что неизбежна большая или меньшая острота классовой борьбы. Эта классовая борьба приведет к социалистическому преобразованию общества только при условии руководящей роли рабочего класса и его партии. «При всех формах перехода к социализму,— говорится в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии,— *непременным и решающим условием является политическое руководство рабочего класса во главе с его передовой частью. Без этого невозможен переход к социализму*».

Такова общая политическая закономерность победы социализма. Поэтому стремление построить социализм без государственного руководства рабочего класса надо рассматривать как попытку обойти объективные законы общественного развития.

Экономическое преобразование общества на социалистических началах требует замены производственных отношений, основанных на частной собственности и эксплуатации человека человеком, социалистическими производственными отношениями, основанными на общественной собственности на средства производства.

Социалисты ряда капиталистических стран, многократно находясь у власти, не создали экономической основы нового строя потому, что не пытались серьезно осуществить коренное преобразование общества — заменить частную собственность общественной собственностью на средства производства. Проведенная английскими лейбористами национализация угольной, железоделательной и сталелитейной промышленности, электрических предприятий, а французскими социалистами — предприятий по выработке электричества и газа и др. не могла создать экономической

основы социализма. И это понятно, так как указанные мероприятия, проведенные в рамках буржуазного общества при сохранении фактического господства монополий, не меняли всей структуры капиталистического хозяйства и носили госкапиталистический характер. Эти госкапиталистические мероприятия были, конечно, известным шагом к созданию объективных предпосылок для социализма, и потому коммунистические партии поддерживают такие шаги. Коммунистические партии исходят из того, что в условиях капитализма «государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения» (Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», 1950, стр. 263). Решение экономического противоречия между растущими производительными силами и отжившими капиталистическими производственными отношениями, переход к социализму возможен только при условии последовательного осуществления подлинно пролетарской политики рабочего класса. Эта политика требует не останавливаться на частных экономических мероприятиях, а осуществить «переход количества в качество» — твердо провести коренное изменение всей экономической структуры общества путем национализации всех решающих командных высот народного хозяйства под контролем и руководством рабочего класса в интересах всего народа.

Планомерное строительство социализма требует осуществления ленинского принципа демократического централизма в управлении хозяйством. Этот принцип, гармонически сочетающий демократизм и централизм как две стороны единого метода хозяйствования, вытекает из природы социалистической экономики и подлинно народного характера социалистического строя. Социалистическая экономика, представляющая крупное общественное производство, может успешно развиваться только на основе единого централизованного государственного плана. Вместе с тем социалистическая экономика может развиваться только при активном, творческом участии народных масс, их общественных организаций — партийных, государственных, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских. Правильное сочетание демократизма и централизма является важнейшим условием преодоления бюрократизма и местничества.

В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» дается следующая сжатая характеристика общих закономерностей социалистической революции: «Подчеркивая необходимость строго учитывать национальное своеобразие и специфику различных стран, Ленин отмечал, что основные закономерности и черты развития социалистической революции в СССР имеют не местное, не национально-особенное, а международное значение. Такими общими чертами и закономерностями являются: диктатура пролетариата, то есть политическая власть рабочего класса, руководимого Коммунистической партией; союз рабочего класса с основными массами крестьянства и всеми другими слоями трудящихся; ликвидация национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами; ликвидация капиталистической собственности и установление социалистической, общественной собственности на основные средства производства, планомерное развитие индустрии, экономики в целом, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; укрепление социалистического государства и защита завоеваний социализма от покушения внешних и внутренних классовых врагов; солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран (пролетарский интернационализм).

При всем своеобразии Октябрьской революции, связанном с историческими условиями России, она проложила общую столбовую дорожку, по которой идут и будут идти к социализму пролетарии всех стран» («Правда» от 17 марта 1957 года, стр. 1).

III. Своеобразие форм перехода к социализму в различных странах

Сильный своим творческим духом, марксизм-ленинизм всегда исходил из признания возможности разнообразных форм перехода к социализму.

Обобщая опыт Октябрьской революции, В. И. Ленин призывал внимательно изучать, как он писал, *«особые условия русской революции, особый путь ее развития»* (Соч., т. 28, стр. 235). Здесь очень важно еще раз подчеркнуть, что Ленин под особыми путями развития русской революции имел в виду не содержание социалистического преобразования общества, которое было, есть и будет интернациональным, а своеобразие форм этого преобразования. В этой связи В. И. Ленин называл Советы особой, национальной, русской формой политической диктатуры (см. там же). В. И. Ленин говорил (и практика это полностью подтвердила) о национальных особенностях общего, единого пути социалистического развития.

Одна из особенностей развития революции в СССР вытекала из того, что наша страна вынуждена была строить социализм в одиночку, в длительном и полном капиталистическом окружении, в обстановке яростных атак внутренней и международной контрреволюции. В этих исторических условиях «нам пришлось осуществлять диктатуру пролетариата в самой ее суровой форме», — говорил В. И. Ленин (Соч., т. 28, стр. 186). Эта суровая форма, продиктованная поведением самой буржуазии, проявилась в беспощадном подавлении контрреволюции, во введении политики военного коммунизма, в лишении избирательных прав представителей эксплуататорских классов и т. д. В новых исторических условиях, как предвидел Ленин, в странах, ставших на путь социализма, отпала необходимость политики военного коммунизма, лишения избирательных прав буржуазии и т. п.

В. И. Ленин учил, что «основные революционные принципы должны быть приспособлены к особенностям разных стран» (Соч., т. 32, стр. 441). Воспитанные в духе ленинизма, братские коммунистические партии в соответствии с новыми историческими условиями, опираясь на могучую поддержку Советского Союза, сумели в ряде стран Европы и Азии найти иные формы развития революции, установить другую форму диктатуры пролетариата.

Уроки развития всемирной истории, особенно уроки развития истории нового времени, свидетельствуют о том, что действие общего закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил не исключает многообразия форм возникновения и развития общественно-экономических формаций. Многообразны были формы возникновения и развития первобытного общинного строя, рабовладельческой и феодальной формации в разных странах. Еще в большей мере относится эта закономерность к капитализму, который, например, в Англии сложился на базе компромисса буржуазии с дворянством, во Франции — благодаря радикальной буржуазной революции. История капитализма в земледелии знает прусский и американский пути развития. Оба эти пути характерны для многих других стран. Разнообразие форм присуще и эпохе империализма. В. И. Ленин писал: «Даже тресты, даже банки в современном империализме, будучи одинаково неизбежны при развитом капитализме, неодинаковы в их конкретном виде в разных странах. Тем более неодинаковы, несмотря на их однородность в основном, политические формы в передовых империалистических странах, Америке, Англии, Франции, Германии» (Соч., т. 23, стр. 58).

Из диалектического анализа разнообразия форм общественного развития Ленин сделал следующий вывод применительно к социализму: «Такое же разнообразие проявится и на том пути, который проделает человечество от нынешнего империализма к социалистической революции завтрашнего дня» (там же).

Еще большее разнообразие форм возникновения социализма вытекает из специфических особенностей и исторического места коммунистической общественно-экономической формации. В отличие от всех других классовых формаций коммунистическая формация исторически неизбежна во всех странах. Известно, что не все страны прошли стадию рабовладельческого общества, феодализма и капитализма. Австралия совершила переход от первобытно-общинного строя прямо к капитализму. США перешли к капитализму, минуя стадию феодализма. Большинство современного человечества совершит переход к социализму, минуя развитую стадию капитализма. Но ни один народ не может миновать коммунистическую формацию. Ленин писал, что «все нации придут к социализму, это неизбежно» (там же).

Но поскольку все страны находятся на различных ступенях экономического, политического и культурного развития, имеют много исторических и национальных особенностей и традиций, движутся к социализму в различных исторических условиях, то естественно, что каждая страна внесет свое, специфическое, оригинальное, самобытное в общий поток социалистических преобразований общества.

Существенной причиной разнообразия форм перехода к социализму является закон неравномерного развития человеческого общества вообще, капитализма в особенности, из которого исторически возникает коммунистическая формация. Исторически отличные политические, экономические и культурные условия в тех или иных странах порождают различие форм и методов социалистического преобразования общества.

Политические условия, связанные с соотношением классовых сил и партий, порождают мирные или немирные формы социалистической революции, однопартийную или многопартийную систему социалистической демократии, однопартийный или коалиционный состав правительства при руководящей роли Коммунистической партии.

Экономические условия, связанные с уровнем развития производительных сил, со структурой промышленности и хозяйства вообще, с отношением различных слоев буржуазии к экономическим преобразованиям и т. д., порождают различные методы, пути и темпы создания социалистического фундамента общества. В общий поток социалистического развития включаются и будут включаться и наиболее развитые и слаборазвитые страны мира, каждая из которых имеет много исторических и национальных особенностей.

Опыт возникновения и развития мировой социалистической системы подтвердил предвидение В. И. Ленина о различных формах перехода к социализму. Важнейшими из сторон этой проблемы являются:

- а) различные средства свершения социалистической революции — немирные и мирные средства установления власти рабочего класса;
- б) разновидности диктатуры пролетариата, проявляющиеся в различных формах государственной организации общества;
- в) своеобразие методов социалистического преобразования экономики, различные темпы и методы индустриализации страны, кооперирования сельского хозяйства, ликвидации эксплуататорских классов.

В своих выводах о различных средствах — мирных или немирных — осуществления социалистической революции В. И. Ленин опирался на высказывания основоположников теории научного коммунизма.

Основоположники марксизма писали: «Место отмирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, — насильственно, если оно противится этой необходимости» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1952, стр. 342). Эти основополагающие указания, выработанные с самого возникновения теории научного коммунизма, неоднократно подчеркивались классиками марксизма-ленинизма и нашли практическое подтверждение

в ходе исторического развития. Характерным для многочисленных подобных высказываний является диалектико-материалистический подход к вопросу о путях перехода к социализму: учет конкретно-исторических условий и, в частности, поведения самой буржуазии. В. И. Ленин писал: «Марксизм требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма» (Соч., т. 11, стр. 187). Он указывал, что есть условия, при которых насилие и необходимо и полезно, и есть условия, при которых насилие не может дать никаких результатов (см. Соч., т. 29, стр. 41).

В своеобразных условиях развития революции в России в период февраль — октябрь 1917 года Ленин неоднократно говорил о возможности мирного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую как о крайне редкой в истории и крайне ценной возможности.

Понятно, что мирное развитие революции не означает добровольного отказа буржуазии от своего классового господства, от своей власти. Таких чудес не было в истории. Возможность мирного развития революции означает создание таких условий и такого соотношения классовых сил, когда буржуазия вынуждена уступать власть народу без вооруженного сопротивления, когда она не в состоянии навязать трудящимся гражданскую войну и интервенцию.

Нельзя абсолютизировать понятие мирного перехода к социализму, исключать необходимость применения различных форм подавления, отказать от общественного давления и принуждения в государственном порядке по отношению к эксплуататорским классам и их партиям. И это вполне понятно. Социалистическая революция, какие бы формы она ни принимала, есть вторжение в капиталистическую собственность, экспроприация ее и передача командных высот народного хозяйства в собственность народа, всего общества. Не желая добровольно уступить свои привилегии, буржуазия всеми средствами своей экономической и политической мощи сопротивляется развитию социалистической революции. Но степень и формы сопротивления зависят от соотношения сил.

Накануне Октябрьской революции, в сентябре 1917 года, В. И. Ленин в статье «Задачи революции» писал о последнем шансе на мирное развитие революции: «Ни один класс не посмеет поднять восстание против Советов, и помещики с капиталистами, проученные опытом корниловщины, уступят власть мирно перед ультимативным требованием Советов. Для того, чтобы преодолеть сопротивление капиталистов программе Советов, достаточно будет надзора за эксплуататорами со стороны рабочих и крестьян и таких мер наказания послушникам, как конфискация всего имущества, соединенная с непродолжительным арестом» (Соч., т. 26, стр. 45—46). Не по вине большевиков в России не удалось совершить мирный переход к социалистическому этапу революции. Контрреволюция вынудила рабочий класс и трудящееся крестьянство нашей страны действовать путем вооруженного восстания, а затем гражданской войны. Октябрьский переворот был почти бескровной революцией, так как во время вооруженного штурма Зимнего дворца погибло всего несколько десятков человек, но после установления Советской власти рабочим и крестьянам нашей страны пришлось обильно проливать кровь для защиты революции в период навязанной помещиками и буржуазией гражданской войны и интервенции.

В новых исторических условиях мирный переход ко второму, социалистическому этапу революции совершился во всех странах народной демократии. Предвидя будущее, В. И. Ленин писал о возможности «мирного и постепенного перехода к социализму» (Соч., т. 24, стр. 95). Он с уверенностью писал, что при благоприятном соотношении сил необходимо заставить «капиталистов мирно подчиниться и культурно, организо-

ванно перейти к социализму на условии выкупа» (Соч., т. 32, стр. 317). Впервые в широких масштабах это удалось осуществить в Китае. Один из китайских капиталистов образно выразил альтернативу, вставшую перед национальной буржуазией Китая: «Сесть на поезд,двигающийся к социализму, или же оказаться под колесами этого поезда».

В Чехословакии национальная буржуазия под давлением народных масс в 1948 году была вынуждена отступить и отказаться от гражданской войны.

Нельзя не видеть нового в вопросах мирного развития социалистической революции. В эпоху полного господства капитализма мирное развитие социалистической революции было крайне редкой возможностью. Теперь в результате коренных изменений международной обстановки и огромных социальных сдвигов во многих странах капитализма формы перехода к социализму, как указал XX съезд КПСС, становятся более разнообразными. Одной из таких форм может быть при известных условиях парламентский путь перехода к социализму.

Огромную роль в разработке проблемы использования парламентских форм сыграли послеоктябрьские труды В. И. Ленина. Критикуя левацкие и сектантские ошибки в деятельности молодых коммунистических партий, В. И. Ленин неустанно призывал коммунистов Западной Европы и Америки использовать парламент в интересах победы пролетариата. «Коммунисты в Западной Европе и в Америке,— писал Ленин,— должны научиться создать новый, необычный, неоппортунистический, некарьеристский парламентаризм» (Соч., т. 31, стр. 78). В. И. Ленин призывал смело использовать в интересах рабочего класса созданный буржуазией парламентский аппарат. С тех пор многие коммунистические партии, особенно во Франции и Италии, стали серьезной силой в парламенте.

Для правильного понимания особенностей мирного перехода к социализму необходимо по-ленински, диалектически оценить ряд социально-экономических процессов, происходящих как в капиталистически развитых странах, так и в слаборазвитых странах, которые недавно вырвались из-под колониального гнета и под огромным влиянием идей социализма, несравненных преимуществ социалистической системы хозяйства стремятся строить новую жизнь.

Национализация промышленности в условиях буржуазного общества означает рост государственного монополистического капитализма. Такой характер носит национализация отдельных отраслей промышленности в Англии, во Франции и в ряде капиталистических стран. Госкапитализм имеет различные формы. Он развивается в бывших колониальных странах, и отношение к нему должно соответствовать местным особенностям. Борьба за использование национализированного производства для ограничения господства монополий, для развития национальной экономики под контролем рабочего класса, для поднятия жизненного уровня народных масс может сыграть действительную роль в подготовке предпосылок завоевания власти рабочим классом. Рост политической активности народных масс, возрастание роли рабочих партий, могучее влияние стран социалистического мира — все это содействует успеху борьбы за использование национализированного производства, за подъем кооперативного движения и проведение демократических мероприятий, расширяет социальную базу борьбы за политическое господство рабочего класса, за социализм.

Оппортунисты считают, что национализация отдельных отраслей промышленности в условиях капитализма, развитие кооперации, в том числе и потребительских обществ с участием рабочих, проведение некоторых мероприятий по планированию различных частей народного хозяйства, провозглашение права на труд, проведение социального обеспечения и т. д. означают уже социализм, созданный по частям, эволюционным путем, на базе соглашения с буржуазией, или усилиями якобы нейтрального, неklas-

сового государства, выступающего-де в качестве арбитра между буржуазией и пролетариатом. На деле это позиция реформистского ревизионизма, означающего, по выражению тов. Тольятти, «подчинение капитализму в ожидании, когда он сам по себе станет социализмом».

Ключ к правильному пониманию этих острейших вопросов современности мы находим в работах В. И. Ленина, в ленинских положениях, направленных против реформизма. В. И. Ленин требовал от революционеров умения связать борьбу за демократические мероприятия с борьбой за завоевание политического господства рабочего класса, как главного условия социалистического переустройства общества.

Вот классический образец ленинской критики реформизма. Реформисты считали, что по частям, начиная с потребительских обществ, можно эволюционным путем добиться развития социализма на базе капитализма. Отвечая им, В. И. Ленин писал: «Оппортунисты спорят: потребительные общества — реальная сила пролетариев, завоевание реальной экономической позиции, настоящий кусочек социализма; вы, революционеры, не понимаете диалектического развития, этого перерастания капитализма в социализм, этого проникновения ячеек социализма в недра самого капитализма, этого опорожнения капитализма новым социалистическим содержанием».

Да, отвечают революционеры, мы согласны, что потребительные общества есть в известном смысле кусочек социализма. Во-первых, социалистическое общество есть одно большое потребительное общество с планомерно организованным производством для потребления; во-вторых, социализм неосуществим без мощного, многостороннего рабочего движения, а одной из этих многих сторон неизбежно являются потребительные общества. Но дело-то не в этом. Пока власть остается в руках буржуазии, до тех пор потребительные общества — жалкий кусочек, никаких серьезных перемен не гарантирующий, никакого решительного изменения не вносящий, иногда даже отвлекающий от серьезной борьбы за переворот» (Соч., т. 9, стр. 341).

Далее В. И. Ленин делает общий вывод, имеющий принципиальное значение для понимания философских основ революционной тактики: «Диалектический процесс развития действительно всовывает еще в пределах капитализма элементы нового общества, и материальные и духовные элементы его. Но социалисты должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом *целое*, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопанием, которые нередко сбивают борцов с истинно-революционного пути» (там же, стр. 342).

В своей статье «Разногласия в европейском рабочем движении», раскрывая классовые и гносеологические корни реформизма и анархизма, обнажая их крайне односторонний подход к сложным явлениям общественной жизни, показывая их неспособность схватить противоречия живой жизни, В. И. Ленин пишет: «Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «с к а ч к а», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти п р о т и в о р е ч и я живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма» (Соч., т. 16, стр. 318. Разрядка моя.— Ц. С.). Только завоевание рабочим классом, борющимся за социализм, господствующего положения в обществе позволит перейти к коренному преобразованию общества на новых началах.

Диалектика учит, что целое — это не сумма кусочков, а качественно новое явление, в котором преобразованные части находятся в принципиально ином соотношении, чем при старом качестве. Только признание диктатуры пролетариата, как главного оружия для осуществления перехода от капитализма к социализму, отличает марксиста от реформиста,

выясняет принципиальное различие между оппортунистической тактикой штопання старого общества и революционной тактикой его коренного, революционного преобразования. Задача коммунистов состоит в том, чтобы подчинить борьбу за структурные реформы борьбе за целое, за завоевание политического господства рабочего класса, чего сегодня можно добиться в ряде стран при определенных условиях парламентским путем.

Борьба за предпосылки социализма, за демократические преобразования и реформы может быть использована коммунистами для завоевания единства рабочего класса, для привлечения крестьянства, интеллигенции, всех прогрессивных сил народа на сторону рабочего класса и его авангарда.

Ленинское положение о сочетании борьбы за демократию с борьбой за социализм обязывает помнить о принципиальном различии между марксистским, с одной стороны, и оппортунистическим и сектантским пониманием путей перехода к социализму — с другой. Борясь против сектантства и ревизионизма, давая решительный отпор оппортунистическим элементам, коммунистические партии добиваются под знаменем ленинизма необходимых условий для осуществления перехода к социализму.

Борьба коммунистических партий за предотвращение новой войны, за мирное сосуществование и экономическое соревнование двух систем, за последовательное осуществление общих принципов теории научного коммунизма, за учет конкретных условий в решении проблем перехода к социализму, за всемерное укрепление лагеря социализма — вот что ускоряет сегодня процесс перехода к социализму.

В октябре 1956 года влиятельная английская газета «Таймс» с тревогой спрашивала, куда движется Запад, сможет ли он устоять в экономическом соревновании со странами социализма. На этот определяемый всем ходом общественного развития жизненный вопрос дается следующий вынужденный ответ: «Если произойдет ожидаемое повышение жизненного уровня в коммунистическом мире, оно окажет большое влияние в других местах как прямой пример, а также благодаря дополнительной возможности оказывать помощь другим странам. Это грозная перспектива...»

Это действительно грозная перспектива для империалистических монополий. Но эта перспектива полностью отвечает интересам всех народов.

Коммунистические партии СССР и всего социалистического лагеря руководствуются указанием Ленина о том, что решающее воздействие на процесс социалистического преобразования во всем мире они оказывают своей хозяйственной политикой, борьбой за создание более высокого, чем при капитализме, экономического уровня социалистических государств, более высокой производительности труда, обеспечивающей удовлетворение растущих потребностей народа. В недалеком будущем это решающее экономическое преимущество социализма станет настолько очевидным, простым, наглядным для всех людей земного шара, что оно неизмеримо усилит политическую борьбу трудящихся капиталистических стран за социалистическое преобразование общества, гигантски ускорит весь ход мирового развития, приблизит полную победу коммунизма.

О значении «Философских тетрадей» В. И. Ленина

М. М. РОЗЕНТАЛЬ

«Философские тетради» В. И. Ленина являются замечательным документом марксистско-ленинской философии, одним из ярких проявлений того огромного вклада в развитие марксистской философской науки, который внес В. И. Ленин.

«Философские тетради» — не обычное произведение, написанное Лениным для опубликования. Это сборник конспектов различных философских произведений, выписки из этих произведений, заметки Ленина на полях читанных им книг, записи собственных мыслей и т. д.

В связи с особым характером этого ленинского произведения имели место два неверных подхода к нему. Некоторые философы цитировали из этой книги, не считаясь с ее характером, канонизировали отдельные незаконченные формулировки, положения и т. д. Другой, еще более неверный подход к «Философским тетрадям» состоял в том, что, учитывая особенности этой книги, умаляли ее значение. В течение длительного времени философы в своей работе плохо использовали важнейшие программные указания Ленина о дальнейшем развитии марксистской философии, особенно о разработке марксистской теории познания и диалектической логики. Сейчас этот недостаток постепенно преодолевается.

Как известно, «Философские тетради» будут включены в один из дополнительных томов четвертого издания и войдут в новое, пятое издание Сочинений В. И. Ленина. В этой связи представляется небесполезным хотя бы в общей форме, без всяких претензий исчерпать тему, напомнить читателю о том богатстве идей и мыслей, которые содержатся в «Философских тетрадях».

1. Исторические условия и цели работы Ленина над «Философскими тетрадями»

Материалы, вошедшие в «Философские тетради», и работа Ленина над ними относятся главным образом к периоду 1914—1916 годов, то есть к периоду возникновения первой мировой империалистической войны. Не случайно Ленин снова занялся тщательным изучением философии именно в этот, один из наиболее острых и сложных периодов истории России и всего человечества. Капитализм вступил в последнюю, империалистическую стадию своего развития. Эта стадия характерна обострением всех противоречий капитализма. Империализм доводит эти противоречия до предела, за которым начинается пролетарская революция. Ленин назвал эпоху империализма эпохой наиболее конфликтного, катастрофического развития.

Период империализма и первая мировая империалистическая война потребовали крутого поворота в политике партии пролетариата, смены старых форм борьбы новыми формами. Нужно было в соответствии с изменившимися историческими условиями выработать новую стратегию

и тактику пролетарской партии, организовать и подготовить рабочий класс к непосредственному штурму капитализма.

Между тем вожди II Интернационала, меньшевики и оппортунисты, «не заметили» того нового, что принесла с собой эпоха империализма, первая мировая империалистическая война. Ленин указывал, что оппортунистические вожди II Интернационала оказались на практике «не диалектиками», не сумели учесть быстрой перемены форм социалистического движения и быстрого наполнения старых форм новым содержанием.

Перед Лениным, перед большевистской партией стояла задача разоблачить взгляды вождей II Интернационала, раскрыть перед рабочим классом новые задачи, возникшие перед ним в эпоху империализма и в связи с войной, определить истинные лозунги борьбы пролетариата, вытекающие из новых условий.

Отсюда первостепенное значение разработки диалектики, этой важнейшей стороны марксистской философской науки. Только диалектический подход, то есть подход, учитывающий все своеобразие новой обстановки, мог позволить точно определить новые задачи пролетариата и его партии. Только борьба с позиций марксистской диалектики против софистики и эклектики оппортунистов и меньшевиков могла способствовать решению практических задач революционной борьбы, вставших перед пролетариатом в этот новый период. Этим и объясняется то обстоятельство, что в то время в центре внимания Ленина, его философских занятий стояла разработка марксистской диалектики. Поэтому центральным вопросом и в «Философских тетрадах» является именно марксистская диалектика.

Несравненный мастер марксистской диалектики, Ленин снова и снова берется за изучение диалектики, читает и конспектирует книги по истории диалектики, изучает основной труд Гегеля, посвященный диалектике, — «Науку логики», изучает диалектику древних греков и т. д. Именно в марксистской, материалистической диалектике Ленин ищет верный способ подхода к раскрытию того нового, что принесла с собой эпоха империализма, мировая война и что должно характеризовать рабочее движение на этом историческом этапе.

Было бы, однако, неправильно полагать, что в «Философских тетрадах» Ленин ставил перед собой ограниченную задачу: разработать некоторые положения диалектики, лишь непосредственно связанные с практическими задачами момента. Нет, Ленин глубже и шире понимал единство теории и практики, и его творческий замысел был несравнимо значительнее. Работа над «Философскими тетрадами» вплотную примыкает к ленинскому произведению «Материализм и эмпириокритицизм». В этом произведении Ленин показал, что развитие науки, в частности физики, требует глубоких философских обобщений с позиций марксистской диалектики. Незнание естествоиспытателями диалектики Ленин считал важнейшей причиной кризиса в физике. Хорошо известны ленинские слова о том, что часть физиков «в силу незнания диалектики» скатилась «через релятивизм к идеализму» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 343).

Но Ленин, конечно, не ограничился простой констатацией того факта, что идеалистические шатания части физиков объясняются незнанием диалектики. Он прекрасно понимал, что только дальнейшее исследование теории марксистской диалектики, теории познания на основе философского обобщения вопросов, выдвинутых новым развитием естествознания, способно оказать действенное влияние на развитие науки, оградить ее от разрушительного воздействия идеализма. И Ленин проделал эту работу, благодаря чему «Материализм и эмпириокритицизм» стал важнейшей вехой на пути исторического развития материалистической диалектики, как и диалектического материализма в целом.

От «Материализма и эмпириокритицизма» тянется прямая нить к «Философским тетрадам». Здесь вопросы диалектики исследуются в более широком и специальном плане. Ленин ставит задачу всестороннего иссле-

дования материалистической диалектики как науки, как теории, разработки марксистской системы диалектической логики. В этом Ленин видел насущную потребность времени, выдвинутую всем ходом развития науки и исторической практики. Круг проблем диалектики, намеченных в «Философских тетрадах», поистине необъятен. Можно с полным основанием сказать, что все главные вопросы, все стороны материалистической диалектики нашли здесь свое отражение. И главное, по всем этим вопросам и сторонам Ленин дает решающие указания, имеющие первостепенное значение для дальнейшей работы над марксистским диалектическим методом.

В «Философских тетрадах» нашли свое отражение не только вопросы диалектики. Чрезвычайный интерес представляют конспект одного из ранних произведений Маркса и Энгельса, «Святое семейство», сделанный Лениным в 1895 году, конспект книги Фейербаха «Лекции о сущности религии», относящийся примерно к 1909 году, различные заметки и выписки по философии и естествознанию, сделанные в период 1904—1916 годов, и т. д. Огромный интерес имеют также ленинские мысли по вопросам истории философии. Ряд ценных замечаний Ленин высказывает по вопросам исторического материализма. Невозможно и нет нужды останавливаться на всех этих вопросах. Необходимо выделить хотя бы то основное, решающее, что характеризует «Философские тетради» Ленина, и более подробно осветить значение их для дальнейшего развития главного предмета этого труда — диалектики.

2. Вопросы диалектики в «Философских тетрадах»

Во фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин указывает, что диалектика есть *«живое»* многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности...» (стр. 330).

Значение «Философских тетрадей» и заключается в том, что Ленин раздвигает рамки диалектики как метода исследования и познания, обогащает марксистский метод новыми гранями, оттенками подхода, приближения к действительности, открывает новые стороны диалектики.

Прежде всего Ленин продельывает большую работу по выяснению вопроса о соотношении марксистской диалектики и идеалистической диалектики Гегеля. Центральное место в «Философских тетрадах» занимает обширный конспект книги Гегеля «Наука логики». Это и понятно. Из всех домарксовских философов Гегель больше, чем кто-либо другой, сделал для того, чтобы на место отжившего метафизического метода поставить диалектический метод. Ленин в своих заметках отмечает этот факт и отдает должное Гегелю. В особенности Ленин ценил стремление немецкого философа выразить в диалектике понятий диалектику движения, заменить окостеневшие, неподвижные категории, понятия метафизики текучими, изменчивыми понятиями, категориями. Ленин подчеркивает как наиболее положительный момент в диалектике Гегеля его учение о единстве и борьбе противоположностей.

Вместе с тем в ленинском конспекте книги «Наука логики» подвергается глубокой критике идеалистический характер диалектики Гегеля, непереваренная метафизика гегелевской философии, вытекающая из ее идеалистических основ, социально-политических взглядов немецкого философа. «Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически... — пишет Ленин, — т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею etc.» (стр. 78).

Ярким образцом материалистического чтения Лениным Гегеля и выявления того рационального, что имеется в гегелевской диалектике, может служить, например, следующее место из ленинского конспекта. Ленин приводит слова Гегеля: «*Нет... ничего, ни в небе, ни в природе, ни в духе, ни*

где бы то ни было, что не содержало бы вместе и непосредственности и опосредствования» — и затем по этому поводу замечает:

«1) Небо — природа — дух. Небо долой: материализм.

2) Все *vermittelt* = опосредствовано, связано в едином, связано переходами. Долой небо — закономерная связь *всего* (процесса) мира» (стр. 77).

Иначе говоря, Ленин показывает, как причудливо у Гегеля сочетается живое с мертвым. Глубокая и плодотворная идея о связи всего со всем облечена в религиозно-идеалистическую оболочку, Ленин производит очистку живого в гегелевской диалектике от «мистики идей». Этот пример — а подобных примеров в «Философских тетрадах» множество — должен служить нам образцом того, как следует подходить к оценке диалектики Гегеля. Он предостерегает от часто наблюдающегося шараханья из одной крайности в другую, когда философия знаменитого немецкого мыслителя или полностью третируется или некритически воспринимается, отождествляется с марксистской диалектикой.

Для Ленина мысли Гегеля являются лишь трамплином, поводом для главного — для дальнейшего развития материалистической диалектики.

Ленин высказывает прежде всего ряд ценных мыслей по поводу ее предмета, по поводу ее содержания. «Философские тетради», бесспорно, имеют важнейшее значение для правильного понимания предмета диалектики как науки. Ленин в связи с этим делает важные критические замечания по адресу Плеханова.

«Плеханов, — отмечает Ленин, — написал о философии (диалектике), вероятно, до 1 000 страниц... Из них о большой логике, *по поводу* нее, ее мысли (т. е. *собственно* диалектика, как философская наука) nil!!» (стр. 258—259).

Известен ленинский упрек по адресу Плеханова, что он сводил диалектику к сумме примеров. Иногда у нас приводят это ленинское замечание и упрекают всякого, кто дает примеры диалектики. Так нельзя понимать Ленина.

Дело не в том, что Плеханов приводил много примеров. Не в этом смысл ленинского упрека по адресу Плеханова. Примеры нужно приводить. Сам Ленин приводил много примеров, рассуждая о диалектике. Ленин имел в виду другое, а именно то, что Плеханов при всех его заслугах, которые Ленин всячески подчеркивал, не разрабатывал диалектику во всем ее богатстве, во всех ее аспектах, упуская из виду диалектику как логику и теорию познания. Плеханов даже и не ставил вопроса об исследовании диалектики как научной системы законов и категорий. При таком ограниченном подходе к диалектике одна иллюстрация ее положений примерами действительно означает сведение диалектики к сумме примеров¹.

Напомню следующий факт. Почти в одно и то же время Плеханов писал свою книгу «*Materialismus militans*» («Воинствующий материализм»), направленную против Богданова, а Ленин писал свою книгу «Материализм и эмпириокритицизм». Сопоставление этих двух работ очень поучительно для понимания ленинского упрека по адресу Плеханова.

Плеханов в своей книге, являющейся блестящим образцом полемики, бесспорно, сделал много ценных указаний относительно махизма. Она помогла делу разоблачения этой новой разновидности идеализма. Но Плеханов не видел и не понял связи между махизмом и новейшим естествознанием, тем кризисом, который оно переживало.

В значительной мере узкий подход к диалектике, непонимание того, что она есть теория познания и логика, не позволили Плеханову сделать

¹ Такой подход был характерен и для многих наших работ, работ советских философов, что объяснялось слабой разработкой ленинского философского наследия.

необходимые диалектические обобщения новых данных науки, уяснить, что одним из центральных вопросов, вокруг которых шла борьба с махизмом, был вопрос о диалектике познания, о релятивизме, о соотношении абсолютной и относительной истины, о диалектической закономерности развития научных открытий и т. д. Поэтому в его книге мы не найдем постановки и освещения этих вопросов, нашедших свое гениальное исследование в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина.

В. И. Ленин же именно в этом направлении, в этом духе разрабатывал и требовал разрабатывать марксистскую диалектику. В диалектике как науке он видел нерасторжимое единство законов развития объективного мира и их отражения в человеческом сознании, единство объективной и субъективной диалектики, диалектики бытия и логики познания.

Энгельс в свое время, определяя сущность диалектики, говорил, что диалектика есть наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления. Это классическое определение марксистской диалектики не потеряло своего значения до настоящего дня. В нем со всей ясностью выражена идея о том, что диалектика есть наука не только о наиболее общих законах развития объективного мира, но также наука о наиболее общих законах развития самого человеческого познания. В этом духе Энгельс трактовал диалектику в ряде своих работ: «Анти-Дюринге», «Диалектике природы», «Людвиге Фейербахе...» и др. Но в ту пору вопросы диалектики познания, логики, как известно, не стояли еще с такой остротой, как они встали позже. В новое время буржуазная философия стала специализироваться на гносеологии. Характерной чертой буржуазной философии является разрыв между наукой о бытии и наукой о познании, между онтологией, как говорили раньше, и гносеологией, а также логикой. Перед Лениным со всей остротой возникла задача доказать единство этих частей философии, единство онтологии и гносеологии, доказать то положение, что наиболее общие законы развития объективного мира являются вместе с тем законами самого мышления, познания, что если, скажем, законом развития объективного мира является единство и борьба противоположностей, то этот закон является и законом самого познания.

В «Философских тетрадах», а также в статье «Карл Маркс» и других своих произведениях Ленин говорит о том, что диалектика, логика и теория познания — это одно и то же, что это неразрывно связанные между собой стороны, аспекты одной и той же науки. Ленин доказывает, что диалектика есть наука о наиболее общих законах развития объективного мира, наука о том, как строится и как должна строиться теория познания, чтобы охватить сложный объективный мир, диалектику объективного мира, какой должна быть логика — учение о формах мышления, о категориях и понятиях, посредством которых человек отражает изменчивую и развивающуюся действительность в своем сознании.

Старый, домарксовский материализм также понимал сознание как отражение объективного мира, но он обеднял познание, ибо был метафизическим материализмом. Он не понимал активной роли мышления в процессе познания. Во фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин пишет, что беда старого, метафизического материализма состояла в неумении применить диалектику к теории познания. Охарактеризовав диалектику как живое, многостороннее познание с бездной оттенков, Ленин пишет: «...Вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная беда коего есть неумение применить диалектики к Bildertheorie (теории отражения.— М. Р.), к процессу и развитию познания» («Философские тетради», стр. 330).

В том же фрагменте Ленин указывает, что диалектика и есть теория познания марксизма, и отмечает: «Вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» (стр. 329).

Ленин называет вопрос о диалектике как теории познания сутью дела. Это и понятно, ибо строить теорию познания, не принимая во внимание диалектику, не применяя ее к процессу познания, к вопросу о том, как совершается этот процесс в голове отдельного человека, как он исторически осуществляется, не учитывая диалектической природы понятий,— это значит возвращаться по крайней мере на два столетия назад в развитии философии.

Заслуга Ленина в разработке марксистской диалектики заключается в том, что он, опираясь на Маркса и Энгельса, раскрыл огромное богатство диалектики как науки, ее основные стороны, связав воедино диалектику, логику и теорию познания.

Выяснение Лениным вопроса о предмете диалектики как науки указывает нам пути и направление ее всесторонней разработки. В этом состоит одно из бесценных значений «Философских тетрадей».

Если центральным вопросом этого ленинского труда является диалектика, то главный, центральный вопрос в самой разработке диалектики у Ленина — это вопрос о противоречиях. В «Философских тетрадях» Ленин формулирует важную для понимания существа марксистской революционной диалектики мысль о том, что сутью, ядром, главным в диалектике является учение о единстве и борьбе противоположностей. Это учение о противоречиях, о борьбе противоположностей как источнике развития нашло в «Философских тетрадях» наиболее подробное освещение.

Период империализма является периодом наибольшего обострения противоречий капитализма. Понять характерные особенности империализма можно, лишь приняв во внимание гигантское обострение противоречий на этой стадии капитализма. Между тем враги марксизма — реформисты, оппортунисты, меньшевики, каутскианцы — сознательно затушевывали противоречия империализма, сглаживали их, пытались доказать, что империализм не только не обостряет противоречия капитализма, а снимает их, приводит якобы к «организованному капитализму».

Легко понять, почему главный интерес Ленина при разработке марксистской диалектики в этот период был обращен именно на этот вопрос. Перед Лениным стояла задача — дать теоретическое обоснование самых актуальных и коренных проблем современной исторической эпохи — проблемы обострения, углубления противоречий капитализма, борьбы рабочего класса и его партии за революционное преодоление этих противоречий и завоевание диктатуры пролетариата.

Разрабатывая вопрос о борьбе противоположностей как источнике развития, вскрывая это ядро диалектики, Ленин тем самым указывал единственно верный ключ к пониманию главных особенностей новой эпохи. В написанной Лениным в 1916 году книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» это понимание развития находит свое воплощение в конкретном экономическом и историческом материале. Между абстрактными философскими положениями Ленина о борьбе противоположностей, о противоречиях, высказанными в «Философских тетрадях», и этой работой Ленина, впервые раскрывшей сущность империализма, существует неразрывная связь. Сформулированные Лениным в общей форме в «Философских тетрадях» положения о диалектике противоречий затем как бы переплавляются им в конкретные экономические и политические положения о сущности империализма.

В своей книге об империализме Ленин пишет: «Насколько обострил монополистический капитализм все противоречия капитализма, общеизвестно. Достаточно указать на дороговизну и на гнет картелей. Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала» (Соч., т. 22, стр. 286).

Ленин жестоко бичует Каутского за его холопский дух преклонения перед капитализмом, за его филистерское стремление сгладить, затушевать непримиримые противоречия империализма.

«И теоретический анализ империализма у Каутского и его экономическая, а также политическая критика империализма *насквозь* проникнуты абсолютно непримиримым с марксизмом духом затушевывания и сглаживания самых коренных противоречий, стремлением во что бы то ни стало отстоять разрушающееся единство с оппортунизмом в европейском рабочем движении» (там же, стр. 284).

Проделанная Лениным работа вооружает нас и сейчас, когда противоречия империализма еще сильнее обострились, когда цепь мирового империализма прорвалась уже в ряде мест и мир все более раскалывается на две противоположные системы: капиталистическую и социалистическую. Разработанное Лениным положение о борьбе противоположностей как источнике развития учит непримиримому отношению ко всякому сглаживанию противоречий капитализма, учит диалектически подходить к действительности и во главу угла ставить центральное требование марксистской диалектики — вскрывать противоречия капитализма, понимать, что только борьба, а не реформистское сглаживание этих противоположностей является двигательной силой развития общества.

Определив учение о борьбе противоположностей как суть, ядро диалектики, Ленин обогатил марксистскую науку о диалектике, показал ее основной угол зрения на вещи и процессы, раскрыл революционное содержание материалистической диалектики.

«Философские тетради» содержат много глубоких мыслей о том, что нужно понимать под диалектическим противоречием, как развиваются противоречия, как противоположности в известных условиях становятся тождественными, превращаясь друг в друга, каково соотношение единства и борьбы противоположностей, и т. д., и т. д. Но что особенно важно подчеркнуть, — это разработку Лениным проблемы противоречий не только как закона объективного развития природы, но и как **з а к о н а п о з н а н и я**. Обращая внимание на недостатки плехановского подхода к этому вопросу, Ленин снова и снова указывает, что единство противоположностей берется у Плеханова «не как закон познания».

Ленин ведет борьбу против метафизической окостенелости мысли, понятий, против разрыва между объективной действительностью и познанием человека. Если в объективной действительности все развивается и изменяется, если борьба противоположностей имеет своим результатом уничтожение старого и возникновение нового, если она приводит к превращению предметов, явлений в свою противоположность, то, следовательно, и наши понятия, для того чтобы они могли быть верным отражением действительности, должны быть гибкими, подвижными, «единными в противоположностях, дабы обнять мир» (см. «Философские тетради», стр. 122).

Вообще следует указать, что проблеме понятия как одной из важнейших форм и средств мышления. Ленин в «Философских тетрадях» уделяет исключительное внимание. И это естественно. Понятие, по Ленину, — итог, вывод познания. Задача поэтому заключается в том, чтобы понятия были столь же диалектичными, как сама природа. Ленин тщательно анализирует вопрос о том, как в движении и связи понятий выразить объективную диалектику, противоречия движения. Он указывает на то, что человеческие понятия, как и ощущения, неизбежно «огрубляют» всю сложность противоречивых связей и отношений действительности. Но это не значит, что наши понятия способны давать лишь мертвую фотографию действительности. Они могут и должны давать диалектическое отражение противоречий движения и изменения. Но чтобы этого достигнуть, существует лишь один путь: понятия должны «вобрать» в себя реальные противоречия объективного движения, объективных диалектических изме-

нений и превращений, быть зеркалом этих противоречий. «И в этом,—подчеркивает Ленин,—*суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей» («Философские тетради», стр. 243).

Ленинские мысли по поводу того, как выразить противоречия движения в понятиях, приобретают тем больший интерес и значение, что в настоящее время в связи с обсуждением вопросов логики положение о диалектичности понятий, о диалектической противоречивости понятий и суждений иногда берется под сомнение или даже просто отрицается. Об этом уже писалось на страницах «Вопросов философии». Некоторые логики пытаются реальное, полное противоречий движение подчинить формально-логическому принципу, согласно которому противоречивые суждения, высказываемые об одной и той же вещи, взятой в одно и то же время и в одном и том же отношении, не могут быть истинными (например, движущееся тело находится и не находится в данном месте). Таким образом, в угоду форме мысли, суждения, ограниченной узкими рамками формальной логики, приносится в жертву реальная действительность.

В «Философских тетрадах» Ленин показывает совсем другой и единственно истинный подход к сложной развивающейся действительности. Человеческие понятия, суждения как формы отражения объективного движения должны схватывать его противоречия, иначе они не смогут выразить сущность движения, изменения. «...В абстрактных понятиях (и в их системе),—говорит Ленин,—*нельзя* иначе выразить принцип движения, как принципом тождества противоположностей» («Философские тетради», стр. 290).

В противном случае неизбежен разрыв между понятиями, суждениями как формами мысли и самой объективной действительностью, объективным содержанием движения. Нельзя, например, считать правильным заявление иных наших логиков, что суждение «движение — прерывно и непрерывно» верно по своему содержанию «вопреки его форме». Выходит, что форма данного суждения в силу своей противоречивости неистинна, истинно лишь содержание. Но это и есть разрыв содержания и формы суждения. В действительности же суждение «движение—прерывно и непрерывно» истинно как по содержанию, так и по форме. Иначе под предлогом противоречивости формы отрицается и противоречивость содержания, то есть реального движения.

Одно из коренных отличий диалектической логики от логики формальной в том и состоит, что в то время как формальная логика отвлекается от внутренних противоречий движения и их отражения в понятиях, суждениях, умозаключениях, логика диалектическая видит свою главную и существенную задачу в изучении того, как в мышлении и его разнообразных формах выразить диалектику движения и развития.

В «Философских тетрадах» Ленин так определяет диалектическую природу понятий: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,— вот в чем суть» (стр. 84). Это, как и другие положения Ленина, показывает, какое огромное значение для науки и практической деятельности имеет разработка теории диалектики.

В тот период, когда Ленин работал над «Философскими тетрадами», ему приходилось бороться против, по его собственному выражению, «мертвых абстракций» своих противников, подходивших к решению сложных политических вопросов с узкой меркой формальной логики. Так, в замечательной статье «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», написанной в 1916 году, Ленин подвергает критике П. Киевского (Пятакова) за подмену им диалектических понятий и суждений, отражающих объективные противоречия, мертвыми, неподвижными абстракциями. Киевский видел «дуализм» в ленинской постановке во-

проса о том, что рабочие угнетающей нации должны безусловно бороться за право угнетенных наций на самоопределение вплоть до отделения, иначе они окажутся в плену великодержавного национализма, а рабочие угнетенной нации должны бороться за единство с рабочим классом угнетающей нации, иначе они сползут на позиции буржуазного шовинизма. Он говорил о «монизме», который якобы должен заключаться в одинаковости пропаганды и действия рабочих и социалистов угнетающих и угнетенных наций. Ленин показывает, что подобного рода «монизм» есть мертвая абстракция. В самой жизни положение рабочих тех и других наций неодинаково, противоречиво, и это противоречие должно найти свое отражение и в наших понятиях, суждениях, а также в действиях. Не понимать этого, указывает Ленин, «все равно, что не понять того, почему для «монистического действия» против царской армии, допустим, под Москвой, революционное войско из Нижнего должно бы идти на запад, а из Смоленска на восток» (В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 45).

Здесь нет возможности коснуться ряда других сторон ленинской разработки проблем понятия, суждения и пр. в диалектической логике, например, вопросов о связи и взаимозависимости понятий, о переходе понятий друг в друга и т. д.¹ Богатство мыслей Ленина по этим вопросам неисчерпаемо. Исследование данных вопросов составляет одно из наиболее важных направлений дальнейшей работы над диалектической логикой.

Чрезвычайно ценным вкладом в развитие марксистской диалектики является разработка Лениным в «Философских тетрадах» вопроса о диалектическом процессе познания объективной истины. Именно здесь Ленин дает свою знаменитую формулу процесса познания, ставшую для нас уже аксиомой, позволяющую понять всю сложность и глубину процесса познания: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» (стр. 146—147).

В этой формуле показано, что познание проходит определенные ступени, стадии своего развития. Особенно заслуживают внимания мысли Ленина о диалектичности перехода от чувственного познания к абстрактному, рациональному познанию, от ощущения к мысли. Выяснение вопроса о том, как на ступени чувственного познания подготавливается скачок от ощущения к мысли, в чем выражается этот скачок, имеет важное значение для дальнейшего исследования и развития марксистской гносеологии. Ленин со всей силой подчеркивает значение научных абстракций для познания. В образовании абстрактных понятий он видит осознание закономерной связи мира. Ленинские мысли о значении и роли абстракции помогают бороться против распространенного в современной буржуазной философии субъективно-идеалистического эмпиризма и обесценения абстрагирующей деятельности мышления, против превращения общих понятий в лишенные содержания знаки и имена.

Современная наука, ход и логика ее развития дают массу доказательств того, что чем шире и глубже обобщения, тем более глубоко человеческое мышление охватывает объективную закономерную связь мира. В качестве примера можно привести открытие взаимопревращаемости элементарных частиц материи. Установление в тридцатых годах нашего века факта превращения электронов и позитронов в фотоны и наоборот позволяло предположить, что в мире элементарных частиц нет ничего, что не претерпевало бы качественных превращений. В дальнейшем это обобщение было распространено на другие частицы благодаря экспериментальному доказательству того, что нейтроны, мезоны и другие простейшие виды материи не являются стабильными и превращаются друг в друга и в другие частицы. Но до последнего времени еще не было до-

¹ Вопрос о значении «Философских тетрадей» для исследования диалектической логики специально рассмотрен в моей статье «В. И. Ленин о задачах и принципах разработки диалектической логики» (см. «Вопросы философии» № 2 за 1955 год).

стигнуто такого обобщения, которое позволило бы утверждать, что взаимопревращаемость элементарных частиц является всеобщим законом. Последние открытия (открытие антипротона) уже дают основание для такого обобщения (см. сообщение Я. П. Терлецкого «О взаимопревращаемости элементарных частиц», «Вопросы философии» № 2 за 1956 год). Развитие научных обобщений, следовательно, позволяет проникнуть во все более глубокую сущность природы. Чем шире и глубже обобщения, тем точнее становится картина мира.

«Философские тетради» ставят перед марксистами задачу дальнейшей разработки проблем диалектики и логики познания, диалектического процесса познания истины. Ленин подчеркивает особенное значение практики и как основы всего процесса познания и как критерия истинности наших понятий, как «узлового пункта» познавательной деятельности человека.

Подлинным венцом всей работы, проделанной Лениным в «Философских тетрадях» над проблемами диалектики, является его фрагмент под названием «К вопросу о диалектике». Без преувеличения можно сказать, что в этом небольшом фрагменте на нескольких страничках выражено все то главное, что характеризует ленинский этап развития марксистской диалектики.

В целом «Философские тетради» долго еще будут служить источником творческого понимания диалектики, настоящей сокровищницей диалектической мудрости.

3. Философские вопросы естествознания

Постановка Лениным в «Философских тетрадях» вопросов диалектики и диалектической логики имеет неограниченное значение для всех наук, в том числе и для естествознания. Ленин был глубоко убежден, что современное естествознание не может обойтись без материалистической диалектики, которая дает науке метод для правильных философских обобщений ее новейших достижений.

В марте 1922 года, то есть ровно 35 лет назад, Ленин написал свою знаменитую статью «О значении воинствующего материализма». В этой статье Ленин указывал на ту огромную роль, которую должна играть диалектика в развитии естествознания. Напоминая о том, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, рождаются реакционные философские школы и течения, Ленин подчеркивал, что без материалистической диалектики естествоиспытатели будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. В диалектике, говорил Ленин, естествоиспытатели найдут, «если сумеют искать и если мы научимся помогать им», ответы на философские вопросы, выдвигаемые революцией в естествознании. Из этого Ленин делал вывод для философов-марксистов: разрабатывать диалектику «со всех сторон» (Соч., т. 33, стр. 208, 207).

«Философские тетради» важны для философских вопросов естествознания прежде всего тем, что они именно ставят и разрабатывают диалектику «со всех сторон». Но прежде чем вкратце остановиться на этой стороне дела, необходимо отметить те ценные указания, которые имеются в «Философских тетрадях» по общему вопросу о взаимоотношении философии и естествознания. Этот вопрос приобретает в наше время принципиальное значение по двум причинам. Во-первых, по той причине, что современная буржуазная философия сплошь и рядом проповедует позитивистское пренебрежение к философии и философским обобщениям в целях защиты идеализма. Во-вторых, этот вопрос является злободневным и потому, что среди отдельных ученых и в нашей среде раздаются голоса, свидетельствующие о непонимании значения философии для естествознания.

В этом смысле большой интерес представляют ленинские замечания на полях книги А. Рей «Современная философия». Рей — типичный позитивист. Он заявлял, что одинаково не приемлет взгляды двух противоположных философских направлений — материализма и идеализма — и что его позиция выше этих «метафизических», по его выражению, «ценностных шкал». Точь-в-точь так же поступает и большинство современных буржуазных философов. Рей доказывал, что борьба между материализмом и идеализмом «не имеет ничего общего с беспристрастным исканием истины». Он пришел к заключению, что философия должна слиться с наукой, стать «лишь необходимым дополнением к науке». Философия, утверждал он, не должна отличаться от остальной науки предметом, она должна быть «теорией совокупности фактов». Ученый не нуждается в философии, «ибо сама позитивность есть философия» — таков основной тезис Рея.

Ленин на полях книги по поводу всех этих и подобных им положений дает очень нелестные характеристики. Он показывает, что эта борьба за «позитивность» есть не что иное, как «защита от материализма» в пользу идеализма (см. «Философские тетради», стр. 398). «Позитивность» Рея, как и современных буржуазных позитивистов, сводится к защите тезиса о том, что естествоиспытатель имеет дело с опытом как «суммой ощущений» (см. там же, стр. 399).

Весь смысл критических замечаний Ленина по адресу Рея состоит в разоблачении нелепой и реакционной идеи о растворении философии в науке. Философия имеет свой предмет, отличный от предмета других наук, она вооружает естествоиспытателей правильным мировоззрением и методом философских обобщений данных науки. С этой точки зрения «Философские тетради», как и «Материализм и эмпириокритицизм», имеют огромное значение для естествознания. Трудно правильно понять, правильно подойти к решению ряда философских вопросов современной физики, физиологии и других наук, не учитывая постановки и освещения многих методологических вопросов, которые даны Лениным.

Так, например, ленинские положения о противоречиях как законе познания очень важны для понимания закономерности развития науки, ее понятий, все глубже и точнее вскрывающих и отражающих противоречия явлений и процессов природы. В современной физике, например, невозможно рассматривать такие понятия, как масса и энергия, вещество и свет, корпускулы и волны, прерывное и непрерывное, вне их диалектического, противоречивого единства. В науке борьба по важнейшим вопросам сосредоточена в значительной степени вокруг признания или отрицания противоречивой природы явлений и их отражения в научных понятиях и концепциях. Ленинские указания о законе единства и борьбы противоположностей как законе познания помогают правильно подходить к решению сложных вопросов современной науки.

Метафизичность так называемой «теории дополнительности» Бора, Гейзенберга и др. состоит именно в том, что отрицается возможность взаимопроникновения противоположностей в микрообъектах и противоположности (прерывное и непрерывное, корпускула и волна) рассматриваются изолированно друг от друга, как «дополнительные» характеристики. Бор писал: «Моя главная цель состояла в том, чтобы доказать, что дополнительность имеет основополагающее значение для беспротиворечивого истолкования квантовой теории». Но это недоказуемо, ибо сама природа, ее объекты полны внутренних противоречий, как учит диалектика и как подтверждается каждым новым шагом развития естествознания.

Противоречивое единство непрерывного и прерывного, волны и корпускулы — не «логическое» противоречие, не противоречие мысли, которого нужно избегать, а противоречие, свойственное самим объектам и отражаемое в физических понятиях. Хотят этого или не хотят некоторые физики, но они должны сообразовать свои понятия с диалектическим

принципом, сформулированным Лениным: гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей. Разве открытие античастиц — антипротонов, антинейтронов — не является новым подтверждением диалектического учения о противоречивой природе явлений материального мира!

Насколько прав был Ленин, говоря о том, что трудно без диалектики делать правильные философские обобщения современной науки, показывают следующие факты. Среди естествоиспытателей буржуазных стран широко распространена идея о том, что новейшие достижения физики изменили самый стиль научного мышления. Если-де раньше исследователи стремились не отождествлять субъект и объект при описании природы, а понимали физические понятия как отражение объективного мира, то теперь уже нельзя отделять субъект и объект, одно не существует без другого. Одним из оснований для такого вывода считается то обстоятельство, что физические теории, понятия становятся, как указывает Гейзенберг, все «более абстрактными и менее наглядными». Гейзенберг правильно констатирует, что, «становясь все более и более абстрактным, естествознание приобретает в то же время новую силу. Оно оказывается в состоянии вскрывать внутренние связи между самыми различными явлениями и сводить их к общему источнику». Но, пытаясь философски обобщить этот факт, он делает вывод, который, если его принять, привел бы к разрушению науки, к ликвидации научного знания. Процесс научного абстрагирования он трактует как растущую зависимость объективного мира от субъекта, как факт, свидетельствующий о том, что физические теории перестают быть копией объективного мира. «...Объективный мир, — заявляет Гейзенберг, — в известной мере выступает как результат наших активных действий и совершенной техники наблюдения. Следовательно, здесь мы также вплотную наталкиваемся на непреодолимые границы человеческого познания» (Вернер Гейзенберг «Философские проблемы атомной физики», Изд-во иностранной литературы, 1953, стр. 65).

Такой вывод можно сделать при полном непонимании гносеологической природы научных абстракций и игнорировании диалектики абстрактного и конкретного. В «Философских тетрадах» Ленин показывает, что движение мысли от конкретного, то есть от чувственно воспринимаемого многообразия мира, к абстрактному есть не отход от объективного мира, как думают Гейзенберг и другие, а, напротив, приближение ко все более и более объективной и точной картине мира, ибо абстракция материи, закона природы отражает действительность шире, глубже, вернее, полнее, нежели одно живое созерцание. Диалектика познания такова, что научная абстракция проясняет конкретное содержание мира, помогает нашему знанию становиться все более конкретным. «Движение познания к объекту, — читаем мы в «Философских тетрадах», — всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть...» (стр. 261). Абстракция «отходит» от мира восприятий, но это такой «отход», который позволяет лучше проникнуть в сущность объективного мира.

Игнорирование диалектики абстрактного и конкретного, таким образом, прямым путем ведет к идеализму и агностицизму.

Противники диалектического материализма, пытаясь ослабить влияние марксистской диалектики на естествознание, заявляют, что-де с помощью диалектики не было еще сделано ни одного научного открытия. Здесь не место вступать в полемику с этим утверждением. Хотелось бы лишь привести один факт, который не может не заставить призадуматься всякого честного и мыслящего ученого. Сейчас благодаря крупным открытиям науки твердо установлено, что нет элементарных частиц, способных превращаться в другие частицы. Указывая на это, В. Гейзенберг пишет, что «характеристика неразрушимости больше неприменима к ним в старом смысле» (см. цит. книгу, стр. 98). Но задолго до того, как были написаны эти слова, в 1908 году, Ленин, не будучи специалистом в физи-

ке, со всей решительностью заявлял: «Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма» (Соч., т. 14, стр. 268).

Так философия предвосхитила путь, по которому пошла естественно-научная теория о материи. И в этом сила материалистической диалектики как учения о развитии. Можно до поры до времени не считаться с этой силой, не признавать ее, но логика развития науки заставит перейти крупных естествоиспытателей на позиции диалектического материализма.

4. Историко-философские вопросы в «Философских тетрадах»

В «Философских тетрадах» помещены ленинские конспекты целого ряда работ по истории философии. Ленин составил подробные конспекты книги Гегеля «Лекции по истории философии», книги Лассаля о философии Гераклита, книги Аристотеля «Метафизика», книги Фейербаха с Лейбнице и др. Правда, в этих работах Ленина интересуют главным образом опять-таки вопросы диалектики. Однако Ленин в своих конспектах попутно делает чрезвычайно ценные замечания историко-философского характера, имеющие для нас большой интерес, и если обобщить все замечания Ленина, то можно установить ряд важных принципов ленинского подхода к истории философии, ленинского анализа философских систем прошлого. Эти принципы вкратце можно свести к следующему.

Во всех ленинских заметках и размышлениях по поводу тех или иных философских систем красной нитью проходит разграничение двух партий в философии, двух противоположных лагерей философии — материализма и идеализма. Ленин тщательно отделяет живое от мертвого, прогрессивное от реакционного, подчеркивает все то ценное и значительное, что имело место в философских системах прошлого и вошло в фонд научной философии. Ленин показывает, что история философии — это не гладкий и безболезненный, а сложный и противоречивый процесс борьбы между старым и новым, отживающим и нарождающимся в философии. Ленин партиен в подлинном смысле этого слова.

Он обнаруживает, как Гегель сознательно скрадывает все колебания Аристотеля между материализмом и идеализмом, пытается выдать Аристотеля за чистого идеалиста. Так, например, Ленин бичует Гегеля за то, что тот выхватывает идеалистические рассуждения Аристотеля о душе и другие и вместе с тем подделывает под идеализм чисто материалистические положения древнегреческого философа о том, что объективный мир существует вне сознания людей.

Критикуя идеалистов и тех историков философии, которые на первый план выдвигают идеализм, Ленин высоко оценивает роль материалистов в истории философии и науки, с большой теплотой отзывается о древнегреческих материалистах и новейших представителях философского материализма. Из замечаний Ленина ясно вытекает, что для него история философии — это история борьбы между материализмом и идеализмом, история же развития материализма — углубление научной линии, научной тенденции в развитии философской мысли.

В этом отношении характерна следующая заметка Ленина. Показывая, что у пифагорейцев некоторые догадки о реальной действительности перемешиваются с фантазией, с религией, Ленин пишет: «...Связь *зачатков* научного мышления и фантазии à la религии, мифологии. А теперь! То же, та же связь, но пропорция науки и мифологии иная» (стр. 235).

Иначе говоря, вся история философии, история науки рассматривается Лениным как история борьбы между научным подходом к действительности и фантастическим, религиозным, идеалистическим подходом, борьбы, в процессе которой материализм и наука вытесняют все фантастическое и приближаются к объективной истине. Этот ленинский подход к истории развития философской мысли требует от марксистских истори-

ков философии, чтобы они не бесстрастно, объективистски описывали школы и течения, имевшие место в прошлом, а с позиций единственно научных, марксистских, то есть так, как рассматривал историю философии Ленин.

Очень важно отметить настойчивое подчеркивание Лениным связи материализма с естествознанием. Он показывает, что идеализм в целом был оторван от науки, от естествознания и что именно в этом его порочность, фантастичность, слабость. Вместе с тем «Философские тетради» помогают бороться против вульгарного подхода к идеалистическим системам прошлого. Ленин глубоко объясняет гносеологические и классовые корни философского идеализма. Он борется против вульгарного материализма, который считает идеализм просто чепухой. Идеализм, говорит Ленин, есть чепуха лишь с точки зрения материализма грубого, метафизического. Для диалектического же материализма идеализм имеет свои определенные корни, как теоретико-познавательные, так и классовые. Ленин показывает, что гносеологическими корнями идеализма является преувеличение, раздувание одной из граней, одной из черточек человеческого познания, ощущения или понятия, отрыв их от объективной реальности, отражением которой они являются. Идеализм, пишет Ленин, не способен понять истинные взаимоотношения между единичным и общим, между ощущением и понятием. Отсюда дикий, чудовищный вывод идеалистов о том, что понятия существуют до внешнего мира и независимо от него, что понятия творят мир, и т. д.

Правильное понимание гносеологических корней идеализма и отказ от вульгарного подхода к нему помогают в то же время понять, что в идеалистических системах прошлого могли содержаться и действительно содержались ценные идеи, которые должны быть не отброшены, а переработаны на научной, материалистической основе. Ярким примером служит отношение марксизма к идеалистической диалектике Гегеля. Марксизм последовательно борется против идеализма, но он никогда не третирует тех зерен истины, которые вопреки враждебности идеализма науке в нем заключались.

Как известно, одни гносеологические корни идеализма не объясняют его существования. Философский идеализм имеет также и свою классовую подоплеку. Этой классовой подоплекой является заинтересованность в нем эксплуататорских классов. Идеализм своим учением о первичности идеи и вторичности материи, об идее как творце мира способствует затемнению сознания людей, отвлекает их от реальных законов действительности. Эксплуататорские классы используют философский идеализм как оружие борьбы против рабочего класса, против трудящихся масс, против материализма и науки.

Философский материализм имеет совершенно иные классовые корни. Он всегда был оружием преимущественно прогрессивных классов. Высшая форма материализма — марксистский материализм — является идеологией самого революционного класса, пролетариата, который уничтожает строй эксплуатации и утверждает новый строй, строй социализма, коммунизма.

В «Философских тетрадях» даны меткие и глубокие характеристики сущности взглядов многих философов прошлого. Эти характеристики стали прочным достоянием марксистской историко-философской науки. Достаточно указать на оценку Лениным Аристотеля, Канта, Гегеля и других.

Таким образом, «Философские тетради» вооружают рядом ценнейших указаний и марксистских историков философии, дают образцы подхода к развитию философии прошлого и борьбы за материалистическое мировоззрение.

К вопросу о конкретности понятия

Д. М. КЕБУРИЯ (Тбилиси)

Проблема понятия является одной из основных проблем диалектической логики. Понятие есть форма отражения объективной сущности предметов. Посредством понятий человек выражает свое научное знание об объективном мире. Поэтому крайне важно знать, что представляет собой само понятие.

В марксистской теории понятия особое место занимает принцип конкретности. Известно, что положение о конкретности истины представляет узловой пункт в марксистской теории познания. Конкретный анализ конкретной ситуации — вот в чем самая суть, живая душа марксизма, писал В. И. Ленин (см. Соч., т. 31, стр. 143). «...Диалектическая логика учит, — подчеркивал Ленин, — что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» (Соч., т. 32, стр. 72). Отсюда вытекает принцип конкретности понятия.

Нашей задачей не является подробная характеристика таких важных категорий материалистической диалектики, как абстрактное и конкретное, и их взаимоотношения. Цель нашей статьи — показать, в чем выражается с точки зрения марксистско-ленинской философии конкретность понятия. Но прежде чем приступить к характеристике конкретности понятия, нужно определить, что подразумевается под словом «конкретное», как нужно понимать вообще самую конкретность.

Во введении к «Критике политической экономии» К. Маркс в числе многих других проблем, раскрытие которых имеет огромное значение для изучения и разработки диалектической логики, дает также определение категории конкретного: «Оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного». Это общее определение конкретного имеет существенное значение для марксистского понимания конкретности понятия.

Согласно этому определению, конкретное имеет два необходимых признака: а) многообразие определений и б) их единство. Конкретное выступает как целое, которое объединяет разнообразные моменты. Вызывание «предмет конкретен» означает, с одной стороны, что у него имеются разнообразные определения, а с другой стороны, что он представляет единство этих определений. Наше понимание конкретного будет неправильным, если мы не будем иметь в виду обе указанные стороны, то есть как различие, так и единство.

Рассмотрим, что дает применение этого положения к изучению понятия. Понятие вторично, производно, представляет собой субъективный образ объективного, его отражение. Конкретность понятия состоит в том, что оно своими нераздельными моментами подразумевает как различие, так и единство и не существует, немислимо без них. Например, понятия «товар», «производство», «государство», «империализм», «нация», «диктатура пролетариата» — все они без исключения подразумевают различные признаки и их диалектическое единство. Без единства вы-

ражение «различные признаки» не имеет никакого смысла, и, наоборот, различные признаки в понятии всегда даны в определенном единстве. Более того, достаточно из любого понятия «вычестъ» какой-либо признак, и у вас не останется самого понятия. Это положение можно проиллюстрировать на примерах из любой отрасли науки. А это, бесспорно, означает, что конкретность есть н е о б х о д и м ы й признак понятия, выражающий его с у щ е с т в е н н у ю природу.

Нельзя делить понятия на две группы, в одну включать «конкретные понятия», а в другую «абстрактные». Деление понятий на «абстрактные» и «конкретные» означает, что ни конкретность, ни абстрактность не считается необходимым и тем более существенным признаком понятия. Выходит, таким образом, что конкретностью (соответственно абстрактностью) характеризуется лишь часть понятий, лишь некоторые из них. В действительности же конкретность является всеобщим признаком понятий: понятие не может не быть конкретным.

Конечно, понятия характеризуются большей или меньшей конкретностью. Но они бывают более или менее конкретными, разумеется, по сравнению друг с другом, а не в «абсолютном» смысле. Если, например, понятие «белый» взято в отношении со «снегом», как более сложным целым, то можно сказать, что первое понятие сравнительно более абстрактное, чем второе.

Конкретный объект — это исходная точка познания и в то же время его цель, конечный пункт, пишет К. Маркс. Познание с самого начала предполагает наличие объекта, подлежащего отражению. Человек, познающий субъект, отправляясь от данного объекта, объясняет его, то есть создает, формулирует понятие о нем. Когда предмет можно считать познанным, объясненным? Когда он понят как определенный результат реально-исторического развития. А развитие означает процесс движения от низшего к высшему, от простого к сложному, где высшее возникает из низшего, низшее переходит в высшее, высшее преодолевает, отрицает низшее, продолжая и развивая в то же время его позитивное содержание.

Поэтому результат научного исследования объекта является ключом как для выяснения его прошлого, так и для постижения тенденций его дальнейшего развития. В этом смысле К. Маркс отмечает, что низшее может быть понято с позиций высшего. «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно. Буржуазная экономия дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.» (К. М а р к с «К критике политической экономии», 1952, стр. 219).

Что означает нахождение предмета на высокой ступени своего развития? Это означает, что он раскрыл себя во всей своей глубине и широте и выступает перед нами как совокупность, как цельная система развернутых и разнообразных определений, отношений и особенностей, как сложное органическое целое. Чем богаче и развитее определения предмета, чем больше их, тем он конкретнее.

Конкретное — понятие относительное. Предмет как целостность в единстве своих определений является конкретным по сравнению с его каким-нибудь отдельным признаком, определением. В этом отношении можно сравнить также различные ступени развития одного и того же предмета или различные предметы, которые являются последовательными звеньями единой линии развития. Предмет на высокой ступени своего развития более конкретен, чем на низкой ступени.

Однако познание не может сразу «охватить» все стороны и моменты конкретного материального предмета. Настоящее, подлинное знание предмета достигается путем постепенного анализа различных его определений, посредством логически дискурсивного мышления. Это значит, что и познание является процессом, движением и развитием, благодаря которому

человек добивается отражения объективной природы предмета. Это означает также, что мышление может быть истинным и отражать объективный, движущийся предмет лишь путем движения и развития. Ничто не может быть познано мгновенно, все раскрывает свою природу и познается лишь в процессе развития. Это внутренняя логика всякого научного мышления, без чего невозможно какое бы то ни было познание. Требовать выяснения какого-либо вопроса вне процесса развития — значит требовать науки до науки.

Вот как освещает этот вопрос К. Маркс на примере из политической экономии. Исследуя экономические отношения капиталистической страны, мы в первую очередь обращаемся к ее населению, которое есть реальная и действительно конкретная предпосылка, «основа и субъект всего общественного процесса производства» (К. Маркс «К критике политической экономии», стр. 212). Однако как только мы попытаемся осмыслить, что такое население, то окажется, что мы имеем о нем совершенно бессодержательное и неопределенное представление. «Население, — говорит Маркс, — это абстракция, если я, например, оставлю в стороне классы, из которых оно состоит» (там же, стр. 212—213. Разрядка моя. — Д. К.). Но что же такое «классы»? «Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю элементов, на которых они покоятся, например, наемного труда, капитала и т. д.» (там же, стр. 213). Но и эти последние будут представлять собой абстракцию, если мы не поймем их в единстве различных определений. «Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, — ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д.» (там же). Таким образом, население как исходная точка познания (непосредственная конкретность) может быть понято в своем подлинно конкретном виде лишь в том случае, если оно будет рассмотрено в единстве всех этих определений.

«...Если бы я начал с населения, — продолжает Маркс, — то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подошел бы к все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, к все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями» (там же). Действительное познание конкретного достигается лишь в последнем случае. В мышлении конкретное поэтому представляется как «процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собою исходный пункт действительности и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» (там же. Разрядка моя. — Д. К.).

Как видно из сказанного, К. Маркс различает конкретность чувственного познания и конкретность понятия. Первое (то есть конкретное чувственное познание) характеризуется некоторой целостностью, но целостностью непосредственного, диффузного, «хаотического» характера, а не подлинной конкретностью; оно по сравнению с понятием бедно, мало содержательно. Второе же (то есть конкретное понятие) более богато, более содержательно, выражает подлинно конкретное.

* * *

Чтобы понять, в чем состоит конкретность понятия, нужно рассмотреть его с разных сторон.

а) Понятие является формой опосредствованного познания действительности, возникающей на основе мысленной переработки того материала, который дается ощущением, восприятием, представлением.

Рационалисты преуменьшали или вовсе отрицали роль чувственности в процессе познания и тем самым не могли показать реальный путь возникновения понятий. Сенсуалисты сводили познание к собиранию, группировке и классификации чувственных данных. Между тем процесс выработки любого понятия не исчерпывается такими актами нашего «сравнивающего сознания», как внимание, разбор, различение, отождествление и наименование. Сенсуалисты в единстве чувственности и понятия не видят качественного различия между ними и сводят понятие к чувственному познанию. Рационалисты, наоборот, признавая различие между понятием и чувственным познанием, забывают об их единстве и объявляют понятие явлением, производящим себя «из самого себя». Рационализм и сенсуализм представляют противоположные направления в гносеологии, однако общим для них является отрицание принципа развития при объяснении взаимоотношений между чувственным познанием и понятием.

Марксизм преодолевает односторонность и ограниченность как рационализма, так и сенсуализма. Чувственное познание и понятие — не чуждые друг другу явления, а лишь различные ступени единого, целостного познания. Понятие есть результат развития чувственного познания. Однако понятие не является простой систематизацией или суммированием чувственного материала. Оно качественно отличается от форм чувственного познания, представляя собой скачок к новой, более высокой ступени познания.

Развитие не есть простой количественный процесс; оно представляет собой переход с одной ступени на другую, возникновение нового, скачок к новому качеству. Развитие, как выше уже было сказано, — это процесс обогащения и конкретизации. «Диалектичен, — пишет В. И. Ленин, — не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли etc.». («Философские тетради», 1947, стр. 264). Понятие есть преобразование чувственного материала и объединение его в высшем синтезе, в процессе чего, конечно, этот материал не «уничтожается» или не просто «отбрасывается», а своеобразно сохраняется, подобно тому, как сохраняется низшая ступень развития в высшей.

Познание есть переход от чувственно-конкретного к конкретному понятию. Конечно, и формы чувственного познания характеризуются конкретностью, но различие между чувственно-конкретным (скажем, конкретностью представления) и конкретным понятием огромно. По мнению метафизиков, в частности сенсуалистов, истинной конкретностью характеризуется именно чувственное познание, поскольку оно якобы более богато, чем понятие, которое выступает как бы его «двойником». Для сенсуализма переход от чувственного познания к понятию является обеднением содержания знания.

В противоположность этому К. Маркс доказывает, что чувственное познание не может дать подлинной репродукции конкретного объекта. Иначе человек вовсе не нуждался бы в понятиях. Чувственное познание отражает в основном внешние и простые признаки предмета, составляющие лишь «поверхность» предмета и никак не исчерпывающие богатства его содержания. Однако понятие никогда не удовлетворяется тем, что дается чувственным познанием; оно более сложно и богато. Понятие возникает путем дальнейшего развития и переработки данных чувственного познания.

Нужно сказать, что при разъяснении взаимоотношений между чувственным познанием и понятием в нашей философской литературе не всегда уделяется должное внимание принципу развития. А это серьезный недостаток. Слов нет, для последовательного проведения принципов материализма в теории познания и логике необходима борьба против идеализма и рационализма. Но этого недостаточно, ибо марксистская философия и марксистская логика как ее составная часть является не просто материалистической, но и диалектической. В теории понятия в

острой форме проявляется не только борьба между материализмом и идеализмом, но и противоположность диалектики и метафизики. Поэтому для марксистской теории понятия существенное значение имеют также последовательная защита и проведение принципов диалектики, принципов развития.

б) Понятие конкретно как «узловой пункт» исторического развития познания. Понятие, так же как и познание вообще, исторически изменяется и развивается на основе общественной практики. Причем это развитие, так же как всякое развитие вообще, не является процессом механического накопления готовых и «с самого начала» законченных понятий, лишь количественным их ростом. Современный высокий уровень научного познания отличается от прежнего уровня знания не только бóльшим количеством понятий, но главным образом тем, что теперешние научные понятия несравненно богаче по своему содержанию своих «предков».

Понятие конкретно как узловой пункт исторической практики. Чем глубже практическая деятельность человечества, тем более всесторонне охватывает понятие сущность и отношения вещей, тем, следовательно, само понятие становится более богатым и конкретным.

Историческое движение познания, его развитие от низшего к высшему и от простого к сложному означает все большее и большее обогащение содержания понятия, его конкретизацию. На сравнительно низкой ступени исторического развития науки понятия являются более простыми, им недостает точности и определенности. Чем отличается, например, современное научное понятие атома от того понятия, которое имели о нем древние греки? Большей глубиной, бóльшим содержанием, большей точностью и определенностью, то есть большей конкретностью.

Предметы и явления объективной действительности развиваются непрерывно. Поэтому нельзя рассматривать понятие как раз навсегда данное. Понятие, которое соответствовало своему объекту в одно время и при одних обстоятельствах, оказывается непригодным в другое время и при других обстоятельствах, так как в результате исторического развития возникают новое содержание, новые соотношения и связи предмета. Простое распространение старых понятий на новые обстоятельства означает забвение необходимого требования конкретности понятия. Все зависит от условий, места и времени, учит марксизм.

Великий русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский писал: «Конкретно понятие о предмете тогда, когда он представляется со всеми качествами и особенностями и в той обстановке, среди которой существует, а не в отвлечении от этой обстановки и живых своих особенностей...» (Избранные философские сочинения, 1938, стр. 454).

Марксизм требует, чтобы мы исходили из конкретно-исторического исследования предмета, а не применяли прямолинейно или формально готовые понятия к любым объектам. Известное положение о том, что «марксизм является не догмой, а руководством к действию», со всей глубиной выражает необходимость конкретности в познании и в понятиях.

Итак, конкретность понятия означает, что в нем предмет рассмотрен и охарактеризован с учетом определенного времени, места и условий, в единстве условий, места и времени.

в) Понятие конкретно как отражение сущности предметов. Огромная научная ценность понятия состоит в том, что оно выражает сущность предметов. Мысль, которая не отражает сущности, нельзя называть понятием. Это признавалось аксиомой на протяжении всей истории логики. Однако предметом острой борьбы и спора является вопрос о том, что такое сама сущность и как она отражается в понятиях. Материалистическая диалектика дает принципиально новое понимание сущности предметов, взаимоотношения общего и отдельного.

А для теории понятия определяющее значение имеет то, что мы понимаем под сущностью предметов и явлений. Поэтому марксизм коренным образом изменяет традиционное понимание природы понятия.

Сущность есть внутренняя связь и единство многообразных определений предмета, различных или противоположных его внутренних моментов. Различные определения предмета создают его структурную целостность, без чего предмет «распался» бы на отдельные стороны. А эта целостность создается именно из различных моментов, которые выражают в конечном счете противоположные тенденции внутри предмета. Сущность определяет все главные стороны и особенности предмета и явления; на ее основе можно понять и объяснить все главные определения предмета. Она выражает внутреннюю связь различных сторон и главных признаков предмета, представляя собой ту основополагающую и объединяющую нить, которая может быть только одна во всяком предмете и явлении.

Таким образом, сущность не противостоит внешне другим определениям предмета, а представляет собой именно то определение предмета, которое объединяет их. Поэтому сущность по всей своей внутренней природе конкретна, так как конкретное — это единство различных определений. Понятие отражает сущность предмета как целостность существенных признаков. Внутренние различные моменты сущности как дифференцированной целостности, взятые отдельно, составляют существенные признаки предмета. Следовательно, понятие (выражающее сущность) конкретно, в нем выражено единство различных определений («существенных признаков»).

Без внутренних различных моментов невозможно не только понятие, но и вообще мышление. Мышление перестает существовать там, где нет связи различных или противоположных сторон. Без различных моментов вместо понятия мы имели бы лишь «чистую пустоту» или плоскую тавтологию: «человек есть человек», «стол есть стол» и т. д. Различные моменты внутри понятия суть те «опорные пункты», посредством которых движется мышление. «Принцип тождества», — писал Ф. Энгельс, — в старометафизическом смысле есть основной принцип старого мировоззрения: $a = a...$ Естествознание опровергло этот принцип в каждом отдельном случае, шаг за шагом; но в области теории он все еще продолжает существовать, и приверженцы старого все еще противопоставляют его новому: «вещь не может быть одновременно сама собой и другой». И тем не менее естествознание в последнее время доказало в подробностях... тот факт, что истинное, конкретное тождество содержит в себе различие, изменение» («Диалектика природы», 1955, стр. 170).

Наука не знает такого понятия, которое не являлось бы конкретным единством, которое существовало бы без внутреннего различия и момента отрицания, в виде «чистого единства». Означает ли признание отрицательного момента или внутреннего противоречия в понятии, что мы этим самым впадаем в какой-то хаос или бессмыслицу, как это утверждал, например, Дюринг? Возьмем для примера понятие товара, которое дано в «Капитале» К. Маркса.

Товар есть потребительная стоимость, которая производится для обмена; товар является также и меновой стоимостью. В понятии товара мыслятся два различных момента. Приводит ли это к неопределенности понятия? Наоборот, именно при их помощи и достигается определение товара. Потребительная стоимость и стоимость не только просто отличаются друг от друга, а являются противоположными моментами. Следовательно, конкретность понятия товара состоит в том, что оно представляет собой единство противоречий и этим отражает объективное противоречие простого товарного отношения.

Каждое понятие содержит в себе момент тождества. Но с таким же правом можно высказать и противоречащее этому положение: каждое

понятие содержит момент различия. Ясно, что ни одно, ни другое положение в отдельности не выражает сущности понятия, его закона. Существенная природа понятия выражается в единстве этих положений. Ничего иного не означает диалектика понятия.

Каждый предмет имеет общие с другими предметами признаки и свойства, которыми он не отличается от них. Но каждый предмет имеет также отличные от других предметов признаки или специфические определения. Наше знание предмета абстрактно, если мы характеризуем его лишь теми признаками, которые общи с другими предметами. Характеристика предмета по его специфическим признакам означает конкретный подход к предмету, его конкретное знание. Сущность и существенные признаки — это именно специфические определенности предмета, которыми данный предмет отличается от всех других. Но сущность представляет внутреннее единство специфических определений предмета, тогда как существенные признаки представляют отдельные моменты целого. Понятие конкретно постольку, поскольку оно выражает суть специфики предмета и его основу в единстве с существенными признаками.

г) Понятие конкретно как результат научного обобщения. Сущность, отражаемая в понятиях, непосредственно не выступает на поверхности явлений. Она постигается путем углубления познания, его продвижения от непосредственных и внешних признаков предмета к его внутренним связям. Это и есть вместе с тем движение вперед от чувственного познания к высшей ступени познания, сложный процесс мыслительной переработки чувственного материала, в результате чего вырабатывается понятие. Этот процесс перехода от внешнего к сущности и от чувственного познания к понятию называется процессом обобщения.

Абстракция есть выделение из многих определений предмета какого-либо отдельного его определения; она необходима в сложном процессе выработки понятия. Однако абстракция еще не дает нам понятия, потому что понятие отражает сущность, то есть представляет собой не только выделение одного какого-либо момента, но и соединение различных определений.

Понятие есть результат научного обобщения. В отличие от абстракции, представляющей собой выделение из целого какого-либо его момента, обобщение есть процесс движения к единству многообразных определений.

Марксистская теория понятия в корне отличается от метафизической тем, что в ее основе лежит диалектический принцип развития; она понимает обобщение как процесс движения мысли от простого к сложному и от абстрактного к конкретному. Этот процесс движения мысли представляет собой логическое развитие, которое подчиняется диалектике развития вообще. Выше уже отмечалось, что марксистское понятие развития подразумевает процесс обогащения и конкретизации. Поэтому познание сущности предмета, процесс перехода от чувственного познания к понятию направлен от низшего к высшему и представляет собой обогащение познания содержанием, а не его обеднение. «...Все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее» (В. И. Ленин «Философские тетради», стр. 146).

Процесс развития составляет внутреннюю природу мышления, и без него ни на одну минуту нельзя представить себе мышление не только в историческом, но и в логическом аспекте. Можно ли представить себе мышление без движения? В этом случае мышление явилось бы повторением одного и того же слова: «стол», «стол», «стол» и т. д. Но это уже не было бы мышлением. Даже и тогда, когда мы высказываем тавтологические суждения: «стол есть стол», «лошадь есть лошадь», — имеется известное движение, ибо между субъектом и предикатом устанавливается

связь. Однако это движение по кругу, и оно не может выразить своеобразие мышления как процесса. Тем более такое движение не выражает сущности или закона мышления, поскольку оно составляет весьма несущественный, внешний для его подлинной природы момент.

Всякое подлинное суждение, тем более любой теоретический анализ вопроса, представляет процесс движения и развития. Например, в суждениях «лошадь есть животное», «Сталинград есть город» и т. д. даны движение и переход от одного понятия (субъект) к другому, отличному от него (предикат).

Метафизики представляют логическое мышление в виде «покоящегося аппарата», на который может «наслаиваться» все новое и новое содержание, но сам он лишен внутренней динамики, движения и развития. Между тем как мышление, будучи функцией высокоорганизованной материи, характеризуется большей динамичностью, чем любое другое явление природы, и без нее так же непредставимо, как, например, немислима демонстрация картины на экране без быстрого чередования непрерывной смены отдельных кадров.

Отказ в теории понятия от принципа развития приводит к софистике и к эклектике. Именно эту проблему специально разъясняет В. И. Ленин, сравнивая формально-логическое и диалектико-логическое понимание понятия. Сущность вопроса выражена в следующем ленинском положении, которое исключительно важно понять и уразуметь: «Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого» (Соч., т. 32, стр. 69. Разрядка моя.— Д. К.). Этому принципа развития и требования конкретности не знает традиционная логика. Поэтому ей непонятна истинная внутренняя природа понятия. Формальная логика удовлетворяется поверхностными, простыми отношениями, говорит Ленин. «Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно (и стеклянный цилиндр и инструмент для питья), то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только» (там же, стр. 72).

Например, капитализм характеризуется многими различными определениями, каковы товар, деньги, капитал, прибавочная стоимость, прибыль и т. д. Характеризуя капитализм, К. Маркс не просто перечисляет эти определения, но выводит, развивает их одно из другого. Начинается этот анализ с товара, затем он развивается в применении ко все более и более сложным формам, определениям, категориям и заканчивается характеристикой основных классов капитализма и их взаимоотношений, борьбы классов, которая приводит к диктатуре пролетариата. Каково здесь отношение между категориями «товар», «деньги», «капитал» и т. д.? Одна категория представляет развитие другой, одна выводится из другой и подразумевает ее в качестве подчиненного момента. Здесь нельзя рассуждать разделительными суждениями: нечто есть или товар, или деньги, или капитал и т. д., так как деньги существуют не рядом с товаром, а подразумевают его в своем собственном определении как подчиненный момент, а сама категория денег более богата и конкретна, чем товар; равным образом капитал — это тоже деньги, только на более высокой ступени развития и т. д. Из товара выводятся деньги, развитие денег на определенной ступени дает капитал, капитал — прибавочную стоимость и т. д.

Это и есть процесс обобщения, то есть процесс все более и более глубокого продвижения к определению сущности капитализма, все большего обогащения, конкретизации содержания понятия «капитализм».

Характеризуя общую природу экономических категорий и их взаимоотношение, К. Маркс указывает, что лишь на основе принципа развития и применения диалектики понятия можно научно объяснить капитализм

как конкретную экономическую систему. Маркс критикует методологию А. Смита и Д. Рикардо именно за то, что они не понимали диалектической связи определенностей капитализма и категорию стоимости метафизически противопоставляли более развитым ступеням стоимости. «Односторонность у Рикардо получается потому,— пишет К. Маркс,— что он вообще хочет доказать, что различные экономические категории или отношения не противоречат теории стоимости, вместо того, чтобы, наоборот, *развить* ее вместе с ее кажущимися противоречиями из этой основы или представить развитие самой этой основы» («Теории прибавочной стоимости», т. 2, ч. I, 1936, стр. 193).

Буржуазная классическая политическая экономия пыталась определить понятие без учета диалектического развития его содержания и непосредственно применить его к сложнейшим определениям капитализма. Однако результатом этого была лишь формально-абстрактная схема, а не объяснение сложного экономического организма капитализма. «Грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон» (К. Маркс «Теории прибавочной стоимости», ч. I, 1954, стр. 57).

Для уяснения принципа конкретности понятия неоценимое значение имеет сравнение таких двух понятий, как понятие капитализма, данное в «Капитале» К. Маркса, и понятие империализма, данное в труде В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Этот вопрос является предметом специального исследования, и здесь мы затрагиваем весьма коротко лишь некоторые моменты этой проблемы.

Прежде всего следует отметить, каков был подход к проблеме формулирования научного понятия империализма у В. И. Ленина. Империализм — это развитый капитализм; он, конечно, представляет собой продолжение домонополистического капитализма, но это не простой его количественный рост и увеличение, а переход к новой, высшей ступени развития.

Понятия, имеющие истинно объективное значение, должны отображать развитие предмета. Объективная связь и взаимоотношение между отмеченными двумя фазами капитализма определяют связь и взаимоотношение соответствующих понятий: капитализма и империализма. Основным и существенным в этом взаимоотношении является принцип развития, принцип конкретности.

Научное понятие империализма формулируется В. И. Лениным на основе изучения огромного фактического материала, путем обобщения богатейшего исторического опыта мировой экономической жизни новой эпохи. При характеристике экономической сущности империализма, писал В. И. Ленин, «надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных об *основах* хозяйственной жизни *всех* воюющих держав и *всего* мира» (В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 178).

В связи с этим В. И. Ленин разоблачает оппортунистов II Интернационала, которые видели лишь некоторые отдельные стороны империализма и выдвигали на первый план частности и второстепенные подробности. Империализм выступает как определенная качественная ступень капитализма, как сложная целостность разнообразных определений, и объяснить его сущность и историческое место можно лишь путем всестороннего его анализа. «Империализм,— пишет Ленин,— есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей тер-

ритории земли крупнейшими капиталистическими странами» (там же, стр. 253).

Эта сокращенная формула понятия империализма объединяет пять существенных его признаков: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» (там же).

В этом конкретном понятии империализма с точки зрения нашей проблемы особо следует подчеркнуть следующие моменты: 1) в нем империализм представлен в его разных определениях, охарактеризован не односторонне, а с разных сторон; 2) империализм здесь представлен как цельный организм, в неразрывной внутренней связи и в единстве его разных определений; речь идет не об отдельных и случайных изменениях, писал Ленин, а о единой цепи изменений, которые в совокупности дают новую, качественно определенную фазу в развитии капитализма; 3) в этом понятии империализм представлен не как «статическая гармония» взаимосвязанных определений, а как динамическая целостность взаимодействующих и развивающихся определений; 4) в нем империализм представлен как развивающаяся система в его отношении к домонополистическому капитализму, с одной стороны, и к социализму — с другой, и в результате всего этого определено его историческое место в развитии общества.

Конкретный характер ленинского понятия империализма становится ясным, как только мы сопоставим его с определением империализма, данным К. Каутским.

Сущность определения Каутского состоит в том, что «империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие *аграрные* (курсив Каутского) области, без отношения к тому, какими нациями они населены» (см. там же, стр. 255). С первого же взгляда можно заметить бедность, односторонность и абстрактность этого определения по сравнению с ленинским пониманием империализма.

«Это определение, — говорит В. И. Ленин, — ровнехонько никуда не годится, ибо оно односторонне, т. е. произвольно, выделяет один только национальный вопрос (хотя и в высшей степени важный как сам по себе, так и в его отношении к империализму), произвольно и *неверно* связывая его *только* с промышленным капиталом в аннектирующих другие нации странах, столь же произвольно и неверно выдвигая аннексию аграрных областей» (там же). «Односторонность и произвольность», «затушевание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма», «Каутский отрывает политику империализма от его экономики», «Каутский как раз издевается своим определением над исторической конкретностью» — вот как характеризует В. И. Ленин определение империализма Каутским.

Здесь уместно поставить вопрос: может ли объяснить традиционная логика отношение вышеприведенных понятий капитализма и империализма? Нет, не может. Между этими понятиями существует не отношение «подчинения», «соподчинения» и т. д., о которых трактует формальная логика, а отношение ступеней развития.

Традиционная логика трактует обобщение понятия по-своему. С ее точки зрения, исключение (вычитание) из одного понятия какого-либо признака или момента дает другое, более общее понятие, из которого тем же путем получается новое, третье, еще более общее понятие и т. д. Фак-

тически же здесь происходит лишь сравнение нескольких представлений. Мы не можем, например, получить понятие «импернализм» путем прибавления к понятию «домонополистический капитализм» каких-либо признаков, или, наоборот, невозможно получить понятие «домонополистический капитализм» путем вычитания какого-либо признака из понятия «импернализм».

Предположение, что понятие есть якобы механическая сумма признаков, путем вычитания и прибавления которых можно получать новые понятия, чуждо духу диалектической логики. Внутренняя, существенная природа понятия заключается именно в том, что вычитание из него или прибавление к нему признака превращает его не в новое понятие, а в абстрактное представление.

Вместе с тем следует сказать, что на конкретность понятия своеобразно указывает и теория определения (дефиниции) самой традиционной логики, утверждающая, что определение с необходимостью требует наличия различных моментов, которые традиционная логика называет «родом» и «отличительным признаком». Правда, понятие по своей природе не вмещается в отдельное определение. Оно богаче, более конкретно, чем то, что выражено в определении (дефиниции). Кроме того, традиционная логика неправильно понимает различные моменты понятия и их взаимоотношение. Однако обязательное требование для определения различных моментов имеет глубокий смысл. Уже здесь обнаруживается, что понятие не может удовлетвориться выделением какого-либо одного момента предмета, что оно стремится к единству, к конкретности, к «всесторонности».

Как известно, определение прямо обратимо. А когда это возможно? Когда признаки субъекта переданы предикатом во всей их конкретности. Для примера можно сравнить следующие две мысли:

Человек есть животное. Человек есть животное, делающее орудия.

В первом случае мы еще не имеем определения человека, потому что человек здесь представлен абстрактно, из него выделен лишь один, абстрактно-всеобщий момент. Во втором случае мы уже имеем дело с определением, так как человек в нем представлен в единстве различных определений.

* * *

Итак, конкретность представляет собой необходимый и существенный момент понятия. Это, конечно, не значит, что понятие не имеет других существенных признаков. Каждое понятие — так или иначе результат абстракции, однако характеристика понятия с этой стороны представляет собой другую, специальную проблему. Здесь же мы должны еще раз подчеркнуть, что основой идеалистических и метафизических теорий понятия является абсолютизирование момента абстрактности понятия.

С точки зрения диалектической логики, абстрактность является только одним из моментов понятия и не исчерпывает его внутренней природы. Для уяснения этого положения достаточно вспомнить борьбу марксизма против релятивизма или абсолютизации в понимании истины. Истина релятивна, говорит марксизм, но, как известно, истина не сводится к этому моменту, она подразумевает и противоположный момент — момент абсолютиности. Поэтому, признавая релятивность истины, марксизм борется с релятивизмом. Аналогичный подход должен быть применен и к проблеме взаимоотношения моментов абстрактности и конкретности в понятии.

Философия неопозитивизма

(Исторический очерк)

В. В. МШВЕНИЕРАДЗЕ

В пестром переплетении различных направлений и школ современной буржуазной философии одним из господствующих является неопозитивизм и его новейшая разновидность — семантическая философия. Неопозитивизм известен также как «логический позитивизм», «логический эмпиризм», «научный эмпиризм». Неопозитивистская философия широко распространена в США, Англии, Западной Европе, в ряде скандинавских и латиноамериканских стран. Научообразная форма неопозитивизма и необычайно широкий круг разрабатываемых им вопросов — философских, логических, лингвистических, математических, психологических, социальных, медицинских и т. д. — привлекают внимание представителей самых различных отраслей науки.

Однако постановка неопозитивистами подчас весьма важных научных проблем совсем не значит, что они успешно их разрешают. Напротив, основная линия развития науки в корне противоречит фундаментальным установкам неопозитивистской философии. Задача настоящей статьи — дать краткий критический анализ процесса возникновения неопозитивизма и семантической философии.

Теоретические источники неопозитивизма. Венский Кружок

Одним из основных теоретических источников неопозитивизма является махизм — «второй» позитивизм, унаследовавший от позитивизма О. Конта главную задачу: упразднение философии как науки.

Всесторонняя критика махизма дана Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». Главные принципы махизма — отрицание мировоззренческой сущности и партийности философии, попытка подняться «выше» борьбы между материализмом и идеализмом, ограничение задач науки изучением «непосредственно данного» в опыте субъекта, понимание «опыта» как суммы, «комплекса ощущений», игнорирование общественной практики, равно как и паразитирование на новейших данных естествознания, в частности физики, — полностью восприняты современным позитивизмом.

Другим теоретическим источником неопозитивизма служили учения различных школ «математического» идеализма, возникшие в конце XIX и начале XX века, — логицизм, конвенционализм, формализм, интуитионизм, эффе́ктивизм — в связи с попытками дать новое логическое обоснование математики, необходимость которого была продиктована крупными достижениями в этой области (создание неевклидовых геометрий, теории множеств и т. п.). Эти философские «учения» во многих вопросах перекликаются с махизмом, но так как они возникли в результате кризиса оснований математики, они внесли в неопозитивизм специфическую логику-математическую струю.

В первую очередь необходимо отметить наиболее влиятельную в буржуазной философии кембриджскую школу английских аналитиков (Мур, Б. Рассел и др.), известную под названием школы «логического анализа».

Логистика как вполне сложившаяся дисциплина была изложена в труде Б. Рассела «Основания математики» (1903), а затем в более развернутой форме в его трехтомном труде, написанном совместно с А. Уайтхедом «Principia Mathematica» (1910—1913). Сущность логицизма заключалась в попытке свести всю математику к логике. В этом логицисты видели выход из кризиса. Но для осуществления такого сведения нужно было развить и саму логику, ибо классическая аристотелевская формальная логика была недостаточной. Заслугой логицистов и прежде всего Рассела является систематизация предшествовавшего знания в области логики. В своих исследованиях Рассел опирался на труды Фреге, Пеано, Шредера и других. Логизацию математики Рассел представлял себе следующим образом. Во-первых, он считал необходимым определить основные понятия арифметики через посредство некоторых основных логических понятий; во-вторых, доказать при помощи логики сформулированные Пеано аксиомы арифметики. А так как арифметика, по Расселу, лежит в основе всей математики, то и вся математика, если ее подвергнуть логическому анализу, может быть сведена к логике. Эта попытка Рассела потерпела, однако, полный крах.

Развитие математической логики позволило строго научно доказать, что даже арифметика натуральных чисел несводима к логике (например, теорема К. Геделя (1931) о том, что не существует логического исчисления, позволяющего по заранее перечисленным правилам выводить все содержательно-истинные предложения арифметики).

Метод логического анализа Рассела оказался несостоятельным в применении к математике. Однако Рассел решил применить его к философии, в особенности к проблемам теории познания. Он заявил: «Это, по-моему, представляет такой же шаг в развитии философии, какой сделал Галилей в физике, шаг, который дает, наконец, возможность увидеть, какие проблемы могут быть решены и какие из них должны быть отброшены как лежащие за пределами человеческих возможностей» (B. Russell «Our knowledge of the External World», Chicago and London, 1926, p. 68—69).

В лекциях, прочитанных в Бостоне еще в 1914 году, Рассел впервые применил свой метод логического анализа к изучению проблем теории познания. В целом ряде последующих его работ отчетливо выражена позитивистская суть этого метода, проявившаяся в философии, как и в математике, прежде всего в ее обеспредмечивании, в сведении к логике. «Логика есть сущность философии», — формулирует свое кредо Рассел. Философия, по мнению Рассела, не должна заниматься изучением объективного мира и общих закономерностей его развития, «она не предлагает и не пытается предлагать решения вопросов человеческой судьбы или судьбы вселенной» (Ibid, p. 28). Задачей философии является лишь логический анализ знания, «фактов», полученных человеком из «текущего опыта» благодаря памяти, свидетельству других лиц и науки. Метод философии — это логический анализ, который должен обнаружить те конечные, несократимые элементы, к которым сводится вся «масса общего знания». Все положения философии можно преобразовать в положения об этих элементах.

Метод логического анализа Рассела был воспринят неопозитивистами как методологическая основа, которая в сочетании с «позитивизмом» («эмпиризмом») Маха явилась основой философии «третьего», современного позитивизма — «логического позитивизма» («логический эмпиризм»). Сами неопозитивисты называют Рассела «отцом» логического позитивизма. Именно у него они «впервые нашли сознательное и широкое применение логического анализа к проблемам эпистемологического эмпиризма, позицию, которая не была достигнута ни Контом, ни Махом, но которая характерна для логического эмпиризма» («International Encyclopedia of Unified Science», v. II, № 9, 1951, p. 11).

Соединение махизма с различными течениями «математического» идеализма и прежде всего с логицизмом было впервые осуществлено в так называемом Венском Кружке, основание которого и принято считать началом неопозитивизма.

Венский Кружок образовался при Венском университете, в котором еще в 1895 году была учреждена кафедра философии индуктивных наук. Первым философом, возглавившим эту кафедру, был Эрнст Мах. В 1922 году кафедра была предложена физику Морицу Шлику, который, защитив в Берлине под руководством Макса Планка докторскую диссертацию, касающуюся одной из проблем теоретической оптики, в то время усиленно занимался философскими вопросами теории относительности. Вскоре в университетских кругах Шлик приобрел славу незаурядного философа, и руководимый им семинар по философии через год перерос в Кружок, посещаемый не только студентами, но и преподавателями университета, интересующимися философией. К 1925 году сложилось твердое ядро этого Кружка.

Кроме Шлика, в Кружок входили: Ганс Ган, Отто Нейрат, Вейсман, В. Крафт, Кауфман, Рейдемейстер, Фейгль, Гедель и другие. Частыми его посетителями были также Ф. Франк, Гемпель, Айер, Поппер. В 1926 году в Кружок приглашается Рудольф Карнап, который сыграл крупную роль в выработке мировоззрения Кружка. Позднее он стал одним из лидеров неопозитивизма и «семантики».

Деятельность Венского Кружка можно разделить на два этапа. На первом этапе — период обсуждений и дискуссий — логический позитивизм складывается как определенное идеологическое течение. Он заканчивается 1930 годом, когда на международном форуме философских экспертов в Оксфорде логический позитивизм возвестил миру о своем существовании. Происходит официальное оформление Кружка и установление на единой мировоззренческой основе тесных идеологических связей с другими школами и группами буржуазной философии, а также с отдельными философами различных стран (Эйно Кайлом — Финляндия; Льюисом Ружиром — Франция; Гонсетом — Швейцария; Й. Йоргенсен — Дания; Хун Цянем — Китай и др.). Из этих школ следует назвать «Берлинское общество эмпирической философии» (организовано в 1928 году Гансом Райхенбахом, Герцбергом и Дубиславом), Львовско-Варшавскую группу, Кембриджских аналитиков, прагматистов, операционалистов, Упсальскую школу (основана в 1910 году Акселем Хагерстрофом и Адольфом Фаленом в Швеции) и Мюнстерскую логистическую школу (создана Генрихом Шольцем).

Второй этап начинается с 1930 года. Это был период выхода Кружка на международную арену, широкой устной и печатной пропаганды философских установок логического позитивизма. В том же году Кружок начинает выпускать специальный печатный орган «*Annalen der Philosophie*» («Анналы философии»), который позже стал выходить под редакцией Карнапа и Райхенбаха под названием «*Erkenntnis*» («Познание»). Члены Кружка устраивают множество конференций, активно участвуют во всех международных философских конгрессах, устанавливая связи с представителями других течений буржуазной философии, намечают ряд общих периодических изданий.

Большой популярности Венского Кружка способствовала высокая оценка его работы такими маститыми и авторитетными в буржуазном мире философами, как Б. Рассел, Д. Дьюи, Мур и другие¹.

¹ Рассел, например, писал о Венском Кружке: «Решительность этой школы философствовать научным образом (читай: путем применения расселовского метода логического анализа.— В. М.), ее непоколебимая любовь к истине и технической работе в логике, синтаксисе и семантике заслуживает восхищения» (см. V. Kraft «The Vienna Circle», New York, 1953, p. 195).

Неопозитивизм, провозглашенный членами Кружка единственно научной философией и методологией, начинает внедряться в сознание буржуазной интеллигенции.

В конце 30-х годов центр неопозитивизма перемещается в США.

Философия Виттгенштейна

Для характеристики теоретической деятельности Кружка необходимо остановиться на философии Виттгенштейна, оказавшей исключительное влияние на неопозитивизм и на весь ход его дальнейшей эволюции. Главным произведением Виттгенштейна, в котором изложены его философские воззрения, является «Логико-философский трактат», напечатанный на немецком языке в 1921 году и вышедший через год на английском языке в Лондоне.

То новое, что внес Виттгенштейн в теорию логического позитивизма, состоит в применении метода «логического анализа» к языку. Задачей философии был провозглашен анализ языка. Раскрывая содержание своего основного произведения, Виттгенштейн писал: «Эта книга («Трактат».— В. М.) рассматривает проблемы философии и показывает, как я полагаю, что метод формулирования этих проблем основывается на неправильном понимании логики нашего языка» (Ludwig Wittgenstein «Tractatus Logico-Philosophicus», London, 1949, p. 27).

Написанный в афористическом стиле «Трактат» долгое время был предметом довольно ожесточенных споров. Многие места в нем и сегодня остаются неясными для самих неопозитивистов. «Трактат» представляет собой собрание комментариев к следующим семи основным положениям:

1. Мир есть все то, что есть факт.
2. То, что есть факт, есть существование атомарного факта.
3. Логическим образом фактов является мысль.
4. Мысль есть значимое предложение.
5. Предложения являются функциями истинности элементарных предложений. (Элементарное предложение есть функция истинности самой себя.)
6. Общая форма функции и истинности есть: $(P, \bar{\xi}, N(\bar{\xi}))$. Это общая форма предложения.
7. О том, о чем ничего нельзя сказать, нужно молчать (Ibid, pp. 31, 43, 61, 103, 153, 189).

Последнее положение не комментируется. Комментарии к первым шести положениям весьма туманны. Среди них имеются и такие, против которых, казалось бы, нельзя возражать. Например, следующее положение: «Чтобы узнать, является ли образ истинным или ложным, мы должны сравнить его с действительностью. Только по образу нельзя судить, истинный он или ложный» (Ibid, p. 43). Но есть комментарии, откровенно проповедующие мистицизм: «Имеется, конечно, невыразимое. Оно показывает себя; это есть мистическое» (Ibid, p. 187).

Интересно замечание одного из старейших неопозитивистов, проф. И. Йоргенсена о том, что, несмотря на эффект, произведенный «Трактатом», «он вызывал раздражение из-за странного смешения прозрачной ясности с темной глубиной. Логiku и мистицизм, разъяснение и затемнение можно было найти здесь рядом друг с другом» («International Encyclopedia...», p. 28).

Даже Б. Рассел, взявший на себя труд написать к «Трактату» Введение, не мог не отметить «курьезного солипсизма» и мистицизма Виттгенштейна. Защищая мистицизм, Виттгенштейн утверждал, что мистическое может быть показано, хотя не может быть высказано. «Может быть, эта защита и достаточна,— говорит Рассел,— однако, что касается меня,

то я должен признать, что она оставляет во мне некоторое чувство интеллектуальной обеспокоенности» (см. «Tractatus», Introduction, p. 22).

Для выяснения философских взглядов Виттгенштейна, изложенных в «Трактате»¹, нельзя, конечно, ограничиться распределением предложений по рубрикам: «ясные», «темные», «прозрачные» и т. п. — и в зависимости от того, какие из них преобладают, квалифицировать позицию автора. Неправильно также выискивать в «Трактате» только заведомо ложные положения. Диалектический материализм требует строго научного подхода к той или иной философской концепции, ее конкретно-исторического анализа, всестороннего учета обстоятельств, особенностей эпохи.

Первая четверть XX века характеризовалась исключительным обострением идеологической и политической борьбы между буржуазией и пролетариатом. Все силы реакционной буржуазии поднялись на борьбу против марксизма-ленинизма — мировоззрения пролетариата. Жизненный опыт, революционная практика пролетарского движения блестяще подтвердили правильность марксистско-ленинских принципов: в результате Великой Октябрьской социалистической революции рабочие в тесном союзе с крестьянством, под руководством Коммунистической партии свергли власть помещиков и капиталистов, навсегда покончили с эксплуатацией человека человеком и установили народную власть Советов. Революция мощным эхом отозвалась во всем мире. Победа Октября означала великую победу марксистско-ленинской философии.

В условиях небывалого подъема международного рабочего движения идеологи буржуазии уже не довольствовались объявлением философии «нейтральной», как это делали махисты. Они повели наступление на научную философию не только по пути прямого отрицания марксизма-ленинизма, ставшего победоносным знаменем миллионов трудящихся, но и по пути исключения из философии мировоззренческих вопросов, ее обеспредмечивания (или подмены подлинного предмета ее исследования), выхолащивания ее политического содержания. Эта общая тенденция реакционной буржуазии, боровшейся против политического господства пролетариата, пожалуй, наиболее ярко выражена в философии Виттгенштейна, которая, по существу, является антиподом диалектического материализма. Виттгенштейн объективно выступил как защитник интересов буржуазии, противник марксизма-ленинизма, когда объявил все философские проблемы лишенными смысла и отверг всякую философию (в том числе и «нейтральную») как катехизис бессмысленных вопросов и ответов.

В качестве нового тезиса Виттгенштейн выдвинул положение: «Вся философия есть «критика языка» («Tractatus», p. 63). Аргументируя необходимость выдвижения этого тезиса, он писал: «Большинство предложений и вопросов, которые были сделаны относительно философии, не ложны, а бессмысленны. Поэтому на такого рода вопросы мы не можем ответить. Мы можем лишь утверждать их бессмысленность. Большинство вопросов и предложений философов являются результатом того, что мы не понимаем логики нашего языка. И поэтому не следует удивляться тому, что глубочайшие проблемы на самом деле вовсе не являются проблемами» (Ibid).

В чем же состоит, по Виттгенштейну, «логика нашего языка»? Символ $[\tilde{P}, \tilde{S}, N(\tilde{S})]$ должен являться описанием процесса получения из элементарных предложений всех остальных предложений. По-видимому, его следует понимать так: «элементарные (или атомарные) предложения *суть*

¹ Позднее, в 30-е годы, Виттгенштейн отказался от многих явно антинаучных положений, имеющих в «Трактате» (см. посмертное издание: L. Wittgenstein «Philosophical Investigations», Oxford, 1953). Это обстоятельство важно учитывать при анализе эволюции философских взглядов самого Виттгенштейна. Но для изучения процесса возникновения неопозитивизма (20-е годы XX века) оно не имеет значения, так как наибольшее влияние на процесс становления неопозитивизма оказали положения, изложенные именно в его «Трактате».

предложения. Если ξ есть предложение (предложения), то $N(\xi)$ есть предложение (предложения)». Символ $[\bar{P}, \bar{\xi}, N(\bar{\xi})]$ Виттгенштейн называет также «общей формой функции истинности».

Функцией истинности обычно принято называть зависимость между сложным, составным предложением и его компонентами, выраженную соответствующей логической связкой. Любое составное предложение называется функцией истинности его компонентов, если истинность или ложность этого предложения во всех случаях определяется истинностью или ложностью его компонентов (см. Willard Quine «Methods of Logic», London, 1952, p. 8). Функцию от одного аргумента τ (p) также можно называть функцией истинности, когда ее аргумент « p » является предложением, а истинность или ложность τ (p) зависит только от истинности или ложности « p » (см. Whitehead and Russell «Principia Mathematica», v. 1, Cambridge, 1925, p. 8). Так, например, если простое предложение (p) ложно, то его отрицание ($\bar{p}$) будет истинным. Отрицание ($-$) является в данном случае одной из логических связок. Другими такими же связками служат конъюнкция, дизъюнкция (альтернация), импликация и т. д. Конъюнкция ($\cdot$) связывает простые предложения союзом «и»; она истинна лишь в том случае, если оба компонента истинны, и ложна, если хотя бы один из компонентов ложен. Дизъюнкция ($\vee$) связывает простые предложения союзом «или»; она истинна, если по крайней мере один из компонентов является истинным, в противном случае она ложна и т. п.

Для того, чтобы установить истинность или ложность отрицания, конъюнкции или дизъюнкции, достаточно знать, истинны или ложны их составные части. «Это положение вещей выражается в том, что мы говорим об отрицании, конъюнкции и альтернации как функциях истинности» (W. Quine «Methods of Logic», p. 8).

Но обращение к функциям истинности отнюдь не может заменить критерия практики. В лучшем случае, то есть тогда, когда «молекулярное» предложение действительно является только функцией истинности составляющих его компонентов, применение функции истинности может лишь свести вопрос об истинности или ложности целого к вопросу об истинности или ложности его частей (компонентов), который в конечном счете решается с помощью критерия практики.

Какова же научная значимость установок Виттгенштейна по вопросам «критики языка»? Для решения некоторых проблем в современной математике применяется метод формализации. Сущность его заключается в том, что формулировки теорем и аксиом определенной аксиоматической теории записываются в виде формул. (С этой целью употребляется особая символика, включающая наряду с обычными математическими знаками также и специальные знаки для обозначения логических связей.) В соответствии с логическими средствами устанавливаются и правила вывода новых формул из уже ранее выведенных. Эти правила должны быть таковыми, чтобы от истинных посылок они могли приводить только к истинным следствиям. Поэтому они сами должны опираться на практику. Без критерия практики никакой «анализ языка» не даст возможности отличить в конечном счете истину от лжи и бессмыслицы. Разумеется, логический анализ должен помогать разбираться в сложных вопросах. Но он может играть только вспомогательную роль. Виттгенштейн же хотел свести к «анализу языка» всю проблематику, связанную с критерием истинности и осмысленности.

Его логическая теория «языка» игнорирует объективную действительность, практику, единственно реальную базу всяких теоретических построений.

Крайний формализм и отрыв от жизни привели Виттгенштейна к идеалистическому отрицанию объективной закономерности, причинности.

«Необходимости, в силу которой одно явление должно произойти по причине другого,— писал он,— не существует. Есть только логическая необходимость» («Tractatus», p. 181).

Логико-лингвистическая форма философии Виттгенштейна не может скрыть ее действительного идеалистического содержания.

Вся теоретическая деятельность Венского Кружка, определившая процесс становления и дальнейшей эволюции неопозитивизма, была направлена на то, чтобы соединить «эмпирическую» философию Маха с логико-аналитическим методом Рассела и Уайтхеда на основании теоретических установок Виттгенштейна о необходимости критики нашего языка и его усовершенствования, изложенных в «Трактате». Обсуждению «Трактата» были посвящены первые работы Венского Кружка. М. Шлик, открыто признавая влияние Виттгенштейна, писал: «Вряд ли я смогу преувеличить чувство обязанности этому философу» (см. V. Kraft «The Vienna Circle», p. 194).

Кружок ставил перед собой следующую основную задачу: сделать философию «научной», очистив ее от всяких «метафизических вопросов», «создать единую, унифицированную науку», «продвигать и распространять научные взгляды на мир» путем публичных лекций и печатных трудов. Наиболее «преуспели» в решении этой задачи лидеры Кружка — М. Шлик и Р. Карнап. При чем первый подчеркивал главным образом необходимость «критической функции философии» и требовал эмпирической проверки научных предложений, тогда как второй занимался преимущественно позитивной разработкой системы научных понятий и установлением формально-логических правил для создания унифицированного символического «языка» науки, который исключал бы возможность появления «псевдопроблем» и двусмысленного толкования выражений, столь обычных в разговорном языке.

Эти две тенденции — крайний эмпиризм и крайний формализм, — представляющие собой, по существу, две стороны одной медали, без особых трений уживались в Венском Кружке. Они привели впоследствии к широкому разветвлению неопозитивистских школ от «операционализма» до так называемой «чистой семантики». Но, как справедливо отмечал один из участников Кружка, ныне профессор философии Венского университета В. Крафт, несмотря на различные мнения относительно ряда обсуждавшихся вопросов, касающихся деталей, у членов кружка «имелось единодушие в фундаментальных вопросах» (Ibid., p. 15).

Две тенденции в неопозитивистской философии

1. «Эмпиризм» и «принцип проверки».

Линия «эмпиризма» была представлена в неопозитивизме Шликом, Поппером и другими. Цель науки Шлик видел в «поисках истины», философия же, по его мнению, должна заниматься «обнаружением значения». «Будущее философии,— писал он,— будет основываться на этом различии между открытием смысла и открытием истины» (цит. по книге L. B e s k «Philosophical Inquiry», New York, 1953, p. 242). Раскрывая содержание традиционных философских проблем, философия должна отбросить бессмысленные вопросы, а те, которые действительно окажутся проблемами, следует передать для решения ученым-специалистам. «Таким образом,— заключал Шлик,— судьба всех философских проблем такова: некоторые из них исчезнут, когда будут показаны ошибки и заблуждения, касающиеся нашего языка, а другие окажутся обычными научными вопросами... Эти замечания, я думаю, определяют все будущее философии» (Ibid., p. 244).

Для выяснения «значения» и «смысла» понятий и предложений, являющегося уделом философа, Шлик сформулировал так называемый «принцип проверки».

Воспринятый Виттгенштейном у прагматистов «принцип проверки» превратился в один из основных принципов неопозитивизма.

В чем же состоит его сущность?

Разбирая вопрос о значении слов и предложений, М. Шлик писал, что значение слова может быть точно выяснено через определение данного слова, то есть через его описание посредством других, уже известных слов. Чтобы этот процесс не продолжался до бесконечности, следует достичь неопределяемых слов, первичных понятий, значение которых должно быть выяснено методом указания на то, что обозначается этими словами. Значение предложения определяется методом его проверки. Любое определение в конечном счете сводится к указанию на обозначаемое, то есть на «данные опыта», на нечто такое, что можно непосредственно ощутить, воспринять. Опыт и представленное в нем содержание не могут подвергаться никакому контролю, они «принадлежат к личной сфере каждого человека и недоступны для другого... Опыт всегда есть мой опыт» (цит. по книге V. K r a f t «The Vienna Circle», p. 43).

Субъективизм подобных рассуждений не подлежит сомнению. Порочность «принципа проверки» состоит не в том, что он требует обращения к опыту, а в том, что сам опыт трактуется субъективистски, а общественная практика, как объективный, единственно научный критерий истинности, игнорируется. Таким образом, все содержание и многообразие сложнейших явлений природы и общества сводится к непосредственно данному в ощущении, и тем самым ликвидируются общие понятия и законы науки, не сводимые к непосредственно наблюдаемому. «Принцип проверки» оказывается совершенно беспомощным перед роковым для идеализма вопросом, поставленным еще Лениным: существовала ли природа до человека?

Подлинная наука постигает сущность явлений, их закономерность методом диалектической абстракции.

Анализируя в «Капитале» стоимость товаров, Маркс едко высмеивает ученых, пытающихся свести глубочайшее содержание общественных процессов к непосредственной чувственной осязаемости. «Стоимость... товаров,— пишет Маркс,— тем отличается от вдовлицы Квикли, что неизвестно, с какой стороны за нее приняться. В прямую противоположность чувственной грубой осязаемости... товарных тел, в стоимость... их не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он, как стоимость... остается неуловимым» (К. М а р к с «Капитал», т. I, 1949, стр. 54). И Маркс делает глубоко научный вывод о том, что стоимость имеет чисто общественный характер и проявляется она в отношении одного товара к другому.

Абсолютизация принципа непосредственной наблюдаемости ведет к отрицанию не только социальных закономерностей, но и законов природы. Закон всемирного тяготения, к которому часто обращаются неопозитивисты, ни в одном конкретном явлении не проявляется в виде закона как такового. Любой эксперимент, проводимый с целью обнаружения данного закона, является его частным проявлением. Мы наблюдаем взаимоотношения конкретных тел. Сам же закон для непосредственного наблюдения остается неуловимым.

Апелляция к «опыту», исходящая из «принципа проверки», ввела в заблуждение некоторых ученых-естествоиспытателей. Американский физик, профессор П. Бриджмен, основоположник так называемого «операционализма», попытался подвести под этот «принцип» естественнонаучную базу и на примере физики показать, как следует объяснять явления природы и научные понятия.

«Вообще под любым понятием мы понимаем только серию операций,— пишет Бриджмен,— понятие является синонимом соответствующей серии операций... Понятия могут быть определены только в сфере дей-

ствительного эксперимента и являются неопределенными и бессмысленными в области, не тронутой экспериментом» (P. W. Bridgman «The Logic of modern Physics», 1954, pp. 5, 7).

Бриджмен — физик-экспериментатор. В книге «Логика современной физики», пользующейся большой популярностью у неопозитивистов, он справедливо критикует махистов, подменявших в физике эксперимент математическими формулами. Он, безусловно, прав, выступая против rastворения физики в математике.

У Бриджмена имеются ценные исследования в области физики высоких давлений. Но его философские рассуждения несостоятельны.

Гносеологическая ошибка Бриджмена заключается в абсолютизации роли единичного эксперимента в науке и в игнорировании роли общественной практики человека. Все неподдающиеся экспериментальной проверке предложения Бриджмен называет бессмысленными. Но утверждение о существовании бессмысленных предложений носит у него несколько иной оттенок, чем у Виттгенштейна или у Шлика, и связано прежде всего с его метафизической попыткой абсолютизировать сформулированный им способ определения научных понятий.

Бриджмен не может решить вопроса о соотношении абсолютной и относительной истины. На том основании, что с течением времени в результате развития наук изменяются представления об окружающем мире, то есть на основании относительности наших знаний в каждый данный момент, он приходит к релятивизму. «...Все наше знание является относительным», — заявляет он (Ibid., p. 25).

Диалектический материализм включает в себя релятивизм, то есть признает относительность наших знаний в каждый данный момент. История науки, и в частности физики, является ярким примером постепенного изменения научной картины мира с древности и до наших дней. Но диалектический материализм не сводится к релятивизму. Это значит, что признается относительность наших знаний, но не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине. «Быть материалистом, — писал Ленин, — значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств. Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину» (Соч., т. 14, стр. 120).

Признание абсолютной истины отнюдь не есть признание неизменности наших знаний. Только признание абсолютной истины, складываемой из суммы относительных истин, дает возможность правильно понять прогрессивный процесс научного познания, историческую преемственность знаний, развитие науки, тогда как релятивизм, положенный в основу теории познания, ведет не просто к признанию относительности наших знаний, но и к отрицанию «какой бы то ни было объективной, независимо от человека существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание» (там же, стр. 124).

История физики свидетельствует не только об относительности наших знаний, но и об их постепенном обогащении на основе знаний прошлого, о бесконечном приближении человека к познанию абсолютной истины. Каждая новая физическая система строения материи, пришедшая на смену старой, не начисто отвергала последнюю, а в известной степени «сохраняла», развивала дальше, углубляла и обогащала ее, обуславливая тем самым поступательное развитие физической теории. В полной мере подтвердилась правильность одного из фундаментальных положений диалектического материализма о том, что мир есть закономерно движущаяся материя и что всякая физическая картина есть относительная ступень в бесконечном движении человеческого познания по пути более полного и глубокого раскрытия объективной истины.

2. «Логический синтаксис языка». «Кризис» неопозитивизма. Возникновение «семантики».

Другая линия развития неопозитивизма отражена в трудах Р. Карнапа, О. Нейрата, А. Тарского и других, которые поставили перед собой задачу изучать и разрабатывать логические основы науки.

С целью «очищения» науки и философии от «бессмысленных» утверждений и «псевдопроблем» Карнап предложил специальную «теорию построения понятий», по существу субъективно-идеалистическую и конвенционалистскую. Согласно этой теории, объективный мир создается самим субъектом, и таких «миров», как и наук, скажем, математик, биологий и т. д., может быть столько, сколько существует познающих субъектов, ибо каждый, следуя «теории построения понятий», может производить «рациональную реконструкцию формирования реальности, совершающуюся в действительном процессе познания интуитивно» (R. Carnap «Der logische Aufbau der Welt», 1928, S. 139).

Философия, по мнению Карнапа, — это теория науки, то есть «логический анализ понятий, предложений, доказательств, теорий науки». Возражая Виттгенштейну, заявившему, что философия есть деятельность, выражающая самое себя в бессмысленных предложениях, Карнап утверждает, что предложения философии не лишены смысла, что они образуют вполне законную область изучения, а именно «логический синтаксис языка науки».

В книге «Логический синтаксис языка» (1934) Карнап игнорирует проблему выяснения значения и содержания понятий.

Он пытается доказать два основных положения: 1) исследование логики науки требует обращать внимание не на значение, а на формальные правила языковых выражений; 2) формальные правила любого языка и следствия, выводимые при помощи таких правил, могут быть построены как логический синтаксис соответствующего языка. При этом сам логический синтаксис языка рассматривается как чисто формальная теория принятых в науке (включая математику) языковых знаков и их сочетаний в предложениях, доказательствах и теориях. Таким образом, Карнап, так же как и Виттгенштейн, отрицает философию. Но в отличие от последнего Карнап не просто отвергает ее, а подменяет действительный предмет исследования — объективный мир и его наиболее общие закономерности — крайне схематизированными «языковыми» формами.

Разумеется, нельзя преуменьшать значения логического исследования понятий, но такое исследование должно быть основано на признании объективного содержания понятий науки. Во многих научных теориях допустима «формализация» — отвлечение в известных пределах от данного конкретного содержания, но не от объективного содержания вообще, единственного, что позволяет правильно определять научные понятия. В. И. Ленин писал, что против символов вообще ничего иметь нельзя. Но «против всякой символики» надо сказать, что она иногда является «удобным» средством обойтись без того, чтобы охватить, указать, оправдать *определения понятий* («Философские тетради», 1947, стр. 93).

Субъективистский произвол, пронизывающий всю теорию неопозитивизма, ярко выражен в «принципе терпимости» Карнапа. «Наша задача заключается не в установлении запрещений, — пишет Карнап, — а в том, чтобы придти к согласию... Каждый свободен строить свою собственную логику, т. е. собственную форму языка, по желанию» (R. Carnap «Logical Syntax of Language», London, 1937, pp. 51—52). Крайний формализм и схоластичность теории «логического синтаксиса языка», представляющего целый этап в эволюции неопозитивизма, встретил отпор в среде самих неопозитивистов, которые столкнулись с явным противоречием между линией развития науки и требованиями неопозитивистской философии. Становилось все яснее, что борьба против «метафизики» (так име-

ную часто неопозитивисты материализм) есть в то же время борьба против науки, против естествознания. «Позитивистский радикализм, — заявил К. Поппер, — уничтожает вместе с метафизикой и естественную науку» (К. Popper «Logik der Forschung», Wien, 1935, S. 9).

Так называемые «протокольные предложения», введенные Нейратом в качестве исходных пунктов для гипотез и теорий в силу их откровенно конвенционалистского характера, также оказались совершенно непригодными. По этому поводу М. Шлик остроумно заметил, что введение «протокольных предложений» не дает никакой возможности отличить подлинное знание реальности от обычной сказки. Таким образом, неопозитивизм переживал своеобразный «кризис». Научная несостоятельность «синтаксического» анализа была очевидной.

Перед неопозитивизмом, пишет Й. Йоргенсен, «возникли огромные трудности», которые можно было преодолеть путем нахождения «нового, более широкого критерия значения» («International Encyclopedia...», v. II, 1951, p. 73).

Действительный выход из «кризиса» заключался в замене субъективно-идеалистической философии неопозитивизма диалектическим материализмом. С гениальной простотой Ленин определил основу научной, материалистической гносеологии: «...вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой» (Соч., т. 14, стр. 97).

Неопозитивисты пошли, однако, по иному пути, по пути так называемой «семантики». Поскольку «кризисное» состояние затронуло основные теоретико-познавательные проблемы, то неопозитивистам пришлось обратиться к вопросам отвергнутой ими гносеологии и прежде всего к вопросу об истине.

На V Гарвардском конгрессе логических эмпиристов (1939 год) наметился переход неопозитивистов к «семантике», которая не просто рассматривает языковые выражения как бессодержательные знаки, но изучает отношения между выражениями данного языка и их десигнатами, то есть тем, что эти знаки обозначают. В сохранившемся оттиске доклада Карнапа, розданного участникам Конгресса, имеется характерное высказывание: «Таким образом, понятие истины становится одним из фундаментальных понятий семантики. Мы можем сказать, что конечная цель семантического анализа предложения заключается в понимании предложения» (см. «International Encyclopedia...», v. II, 1951, p. 85).

Карнап на словах признал, что необходимо уяснить смысл предложений, прежде чем оперировать ими. Однако введенные им «семантические» системы вместо «синтаксических» в принципе не изменили положения. В них также отрицается объективное значение научных понятий.

В эволюции неопозитивизма начался «семантический» этап, продолжающийся до настоящего времени и именуемый «чистой» или «теоретической» семантикой. Возглавили это направление А. Тарский и Р. Карнап. Их учения следует отличать от теорий школы Ричардса-Огдена, разрабатывающей в основном вопросы «литературного критицизма» и «символизма», а также от теории «общей семантики» — философского течения, основанного в начале 30-х годов А. Коржибским, занимающимся преимущественно социологическими вопросами и популяризирующим теорию «чистой» семантики.

Наличие различных школ в самой «семантике» и то обстоятельство, что постановка во главу угла исследования вопроса об истине видоизменила освещение и других философских проблем, придав им «семантический» оттенок, позволяют именовать неопозитивизм «семантического» этапа развития семантической философией. Научно-критический анализ принципов семантической философии является предметом специального исследования.

* * *

Неопозитивизм живуч, но в то же время безжизнен, бесплоден в научно-философском отношении. Живучесть его объясняется тем, что он спекулирует на реальных трудностях развития науки, причина же его теоретической бесплодности — в порочной методологии, игнорирующей необходимость признания объективной закономерности развития природы, общества и мышления, первичности этой закономерности и ее интерпретации с единственно научных, диалектико-материалистических позиций.

Неправильно было бы отрицать важность проблем, которые ставятся неопозитивистами, — выяснение однозначного определения понятий, необходимость строго логического и формально непротиворечивого построения научных систем и т. д. Субъективно-идеалистическая философская основа и метафизический метод неопозитивизма, однако, не позволяют научно решать поставленные неопозитивистами вопросы. Необоснованность философских выводов неопозитивистов и «семантиков» отмечают и сами буржуазные ученые (см., например, статью M. Black «The Semantic Definition of Truth» в книге «Philosophy and Analysis», Oxford, 1954, pp. 245—260).

Осуждается и схоластичность неопозитивистских требований крайней формализации науки. На международном конгрессе философов, состоявшемся в 1953 году в Льеже (Бельгия), буржуазные языковеды справедливо подчеркивали научную несостоятельность неопозитивистского метода. Так, например, де Витте отмечал, что хотя семантические системы «являются скрупулезно продуманными, они, без сомнения, чужды всем существующим языковым системам» («Actes du XI-ème Congrès internationale de philosophie», v. V, Bruxelles, 1953, p. 177).

Одна из причин популярности неопозитивизма — его наукообразность, афиширование «нейтральности», а также то, что в нем уживаются совершенно различные политические мнения. Классовая позиция большинства неопозитивистов — позиция либеральной буржуазной интеллигенции, которая не выражает своего несогласия с отрицательными тенденциями империализма, хотя и не разделяет его агрессивных политических устремлений. Неумолимая логика классовой борьбы свидетельствует, однако, о том, что стремление «уйти из политики в науку» или занять какую-то «среднюю позицию» в философии есть не что иное, как уступка идеологии реакции. Наглядным подтверждением этого являются попытки реакционных буржуазных политиков использовать неопозитивистскую «теорию» создания символического «языка», якобы способного заменить обычный разговорный язык, для «объяснения» присущих капитализму внутренних противоречий и международной напряженности несовершенством языка и неопределенностью политических терминов. Подлинный ученый, которому дорога истина, не может безразлично относиться к тому, какими социальными силами и с какой целью используются разрабатываемые им теоретические взгляды.

Масонская реакция против материализма в России

(70—90-е годы XVIII века)

Е. Г. ПЛИМАК

Г. В. Плеханов в своей «Истории русской общественной мысли» показал несостоятельность взгляда буржуазно-либеральных историков (Незеленова, Себеки, Милюкова), которые изображали масонов носителями просветительских идеалов XVIII века. «Когда Шварца называют ревнителем просвещения,— писал Плеханов,— то забывают, что «просвещение», к которому он стремился, на самом деле являлось мрачной и свирепой реакцией против просвещения XVIII века» (Соч., т. XXII, стр. 263).

Основные выводы Г. В. Плеханова были подтверждены и развиты в работах советских исследователей общественной мысли XVIII века. Вместе с тем ряд существенных моментов, проливающих новый свет на историю борьбы материализма и идеализма в России, не получил еще достаточно полного освещения в этих работах. Попытка осветить хотя бы некоторые из них и делается в настоящей статье.

* * *

Процесс становления материалистической традиции в России во второй половине XVIII века происходил в эпоху «просвещенного абсолютизма». Кризис самодержавной власти и растущее сопротивление народных масс заставили самодержавие впервые встать на путь либеральных заигрываний с оппозиционными слоями русского общества. Лицемерные обещания довести страну до «высшего блаженства» завершаются прекрасно разыгранной комедией — созывом (для спасения страны от «очевидной гибели») «Комиссии по сочинению проекта Уложения». Существенным элементом новой политики становится широкое использование идей западного просвещения для создания видимости радикальных преобразований. По инициативе Екатерины II на русский язык переводятся сочинения Вольтера и Мармонтеля. «Премудрая Законодательница» издает пресловутый «Наказ» — грандиозный плагиат с трудов Монтескье и Беккариа, устанавливает личные связи с Дидро и Даламбером, Вольтером и Гриммом.

Но политика «просвещенного абсолютизма», содействовавшая на определенном этапе укреплению престижа самодержавия, вскоре стала способствовать разложению самодержавно-крепостнической системы. Заигрывания Екатерины II с просветителями открыли широкий доступ в Россию идеям, по своей природе враждебным феодализму. Во много раз ускорился процесс созревания русской антифеодальной мысли. В конце 60-х — начале 70-х годов русское дворянское просвещение впервые поставило вопрос о судьбах крепостничества в стране. В философской мысли этого периода пробивала себе путь материалистическая тенденция. В 1768 году Яков Козельский издает «Философические предложения», где развивает социологические идеи Руссо, Гельвеция и делает первый шаг к преодолению идеализма Вольфа. В 1769 году публикуется атеистическая диссертация Аничкова. В 1770 году Яков Козельский переводит на русский язык философские статьи из французской «Энциклопедии».

Однако не следует думать, что ревнители казенной идеологии смотрели на этот процесс сквозь пальцы. Поход против «развратных» и «безбожных» сочинений начали в своих проповедях представители русского духовенства. Преследования духовной цензуры и профессоров, вроде Шадена, Рейхеля, Барсова, «усмирили» Аничкова, который после 70-х годов уже не осмеливался слишком далеко отступать от канонов «допущенной» в университете вольфианской философии. Аналогичные причины заставили на восемнадцать лет замолчать Якова Козельского. В 70-х годах начинается и декларативное просветительство Екатерины II. В конце 80-х годов «Фелица» с присущей ей энергией уже сама занялась искоренением «французской заразы».

Но для еще не окрепшей материалистической мысли в России не меньшую опасность, чем прямые преследования, представляла реакция тех слоев дворянства, которые ранее разделяли некоторые идеи русского и французского просвещения. «Вольтерьянские» увлечения дворянского «образованного» общества не могли быть сколько-нибудь устойчивыми. По своей классовой природе представители этого общества были чужды принципам освободительной философии. Крестьянская война явилась переломным моментом, определившим их дальнейший путь. Крайне знаменательно, что именно 1775 год определил позицию просветителя Новикова, примкнувшего в этом году к масонству. (До этого он находился на «распутьи» между вольтерьянством и религией.) Происходит массовый уход в мистику и идеализм людей, увлекавшихся ранее идеями Вольтера и Гельвеция. С конца 70-х годов начинается активная борьба с освободительными идеями материалистической философии. Оружие для такой борьбы было найдено в масонской идеологии Западной Европы.

Масонство, как идеологическое течение, возникло в Англии в начале XVIII века, а затем быстро распространилось почти по всей Европе. Масонские ложи — организации преимущественно дворянские, занимались филантропией, проповедью идей нравственного совершенствования. В период расцвета передовой философской мысли в Западной Европе в 60—80-е годы XVIII века идеи реакционных течений масонства (розенкрейцеры в Германии, последователи Сен-Мартена во Франции) становятся орудием идеологической борьбы против атеизма и материализма французских просветителей. В эпоху, когда памфлеты Вольтера, статьи из «Энциклопедии», книги Гельвеция наносили разящие удары по феодальной идеологии, происходит как бы второе рождение средневековья с его мистическими бреднями, кабалистикой, проповедью различных алхимических премудростей. Шарлатаны и обманщики, занимающиеся опровержением «безбожных» систем материалистов, а заодно и политическим интриганством, выходят на общественную арену, наводят аристократические салоны Франции, Германии, Швеции. В 70—80-е годы XVIII века эта реакционная, антипросветительская идеология начинает проникать из Западной Европы в Россию, в дворянское «образованное» общество.

Хотя по своему политическому содержанию взгляды русского масонства были близки идеологии казенно-крепостнического лагеря, полностью отождествлять их нельзя. В масонском движении участвовали многие оппозиционно настроенные дворяне, недовольные потемкинским деспотизмом, лицемерием и двуличием правящей верхушки. В масонстве их привлекало учение о совершенствовании человека, религиозно-этическая теория. Идейный смысл так называемой науки «самопознания» довольно хорошо раскрыт в работе Иоанна Масона «Познание самого себя», ставшей настольной книгой русских масонов.

В самом себе, а не в окружающем обществе, учил И. Масон, должен человек искать внутренней свободы и блаженства. «Не заботься о войнах и распрях штатских и частных людей, — призывал он. — Учися паче познавать оную распрю, которая происходит у твоей плоти и духа... Устройай порядок в малом твоём царстве» (И. М а с о н «Познание самого

себя». 1783, стр. 113—114). Смирение, покорность, отречение от общественной борьбы — вот главные качества, которые масоны воспитывали в «добродетельном» человеке, обещая ему в награду загробное блаженство.

На страницах ряда масонских журналов предпринимались попытки теоретически «обосновать» эту реакционную религиозно-этическую систему взглядов. Доказательства субстанциональности и бессмертия души, бытия бога, — гаранта загробного вознаграждения добродетели — вот главное содержание пропагандировавшихся философских систем. Самой существенной чертой русской масонской идеологии был ее резко выраженный антиматериалистический характер.

1. Борьба с материализмом на страницах масонских журналов в 1777—1781 годы

Уже в первом масонском журнале «Утренний свет» (1777—1780 годы), предназначенном для широкой публики, масоны объявили своим основным врагом идеи французских энциклопедистов, «вкравшиеся» в Россию «правила Вольномыслия» (см. ч. IX, стр. 206). Противоядие этим «гнусным и страшным» правилам было найдено в религиозно-этических системах немецких идеалистов (Мендельсона, Геллерта, Виланда), сочинениях христианских моралистов (Паскаля, Юнга, Цоликоффера), нравственных сочинениях античных авторов (Платона, Плутарха и др.).

В опубликованном на страницах журнала произведении «Федон, или разговоры о бессмертии души» немецкий идеалист XVIII века Мендельсон выступил против современного материализма с аргументацией Лейбница, Вольфа, Баумгартена, Раймаруса.

Все изменения в мире, утверждал Мендельсон, соглашаясь с Платоном, представляют собой переход из одной противоположности в другую: день сменяется ночью, сон — бдением, тепло — холодом. Во всех этих переменах природа находит между крайними состояниями промежуточные звенья, «делает большое малым посредством нечувствительного умаления, а малое большим через приращение» (закон «непрерывности» Лейбница). Применяя понятие о «перемене вообще» к вопросу о жизни и смерти, Мендельсон доказывал, что и после смерти человека душа претерпит незаметные преобразования, но ни в коем случае не исчезнет: она будет мыслить, действовать, страдать. В природе не может быть скачка от бытия к небытию, «природа не может произвести никакого уничтожения» (ч. I, стр. 122—135).

Аналогии такого рода, широко распространенные в идеалистических и масонских системах XVIII века, строились на отождествлении существенно различных явлений. Если первый ряд явлений, используемых для доказательства, — смена ночи днем, сна бодрствованием и т. д. — имел свое обоснование в естественных закономерностях движения планет, физиологических отправлениях организма и т. д., то бессмертие души, выводимое из них по аналогии, не имело никакого естественнонаучного обоснования. Сам Мендельсон прекрасно сознавал, что подтвердить бессмертие души естественными фактами невозможно, а потому объявлял такое требование неправомерным. На вопрос, как будет душа чувствовать без органов чувств, Мендельсон отвечал: «Но по какому праву хотим мы опытность сию распространить и за пределы сея жизни...?» (ч. I, стр. 140).

Те же характерные для немецкого идеализма доказательства «субстанциональности» и бессмертия души, попытки построить на этой основе систему нравственных принципов поведения людей мы найдем и в «Путешествии добродетели» неизвестного автора (см. ч. III, стр. 106—112). Если душа, «или, как то последователи Гельвеция называют, прообраование первоначальных частиц», смертна, рассуждает автор статьи, то ру-

шатся основы нравственного поведения людей и «самый гнуснейший смертный имеет власть освободиться из-под владычества Бога и человека». Но душа есть «существо от тела совсем отличное». Тело делимо и сложно, душа «проста» и «неделима». Поскольку ничто, даже самое сложное, не исчезает в мире физическом, то тем более не может исчезнуть «простая» душа. Поскольку цель жизни человека на земле — «непрерывающееся шествие вперед», то и после смерти его душа будет непрерывно совершенствоваться и т. д.¹

К числу произведений, отражающих общее направление журнала, следует отнести также «Мнения» Паскаля, замечательного ученого, ставшего впоследствии не менее талантливым апологетом христианства.

Человек, учил Паскаль, — это «несчастный предмет прогневанного неба», все действия его бесцельны, он не может укротить свои страсти, заставить сердце любить добро; то, что мы сегодня принимаем за истину, завтра будет уже заблуждением, то, что вчера было грехом, сегодня стало спасением.

Свой скептицизм Паскаль направлял против научного познания: «Ученые, поистине сказать, меньше веры имеют, чем несмысленные. Что больше они видят, тем далее постигнуть желают, чем больше открывают, тем больше сомневаются...» (ч. VI, стр. 114—115). Найти свое спасение, обрести силу люди могут, по его мнению, только в христианской религии, в размышлениях о потустороннем мире, в уходе от бренной жизни.

Духом той же религиозно-аскетической морали проникнуты и напечатанные в «Утреннем свете» мелодраматические «Ноши» Юнга — певца кладбищенской поэзии, внушавшие читателю мысли о суетности и ничтожестве мирского бытия, об «освободительном свете» смерти.

Отметим характерную для масонов черту: боязнь объективного рассмотрения взглядов своего противника. Если Гольбах, Пристли и Радищев в своих сочинениях подвергали детальнейшему критическому разбору все без исключения доводы идеалистов, то масоны предпочитали избегать разбора взглядов своих противников-материалистов. В этой связи отметим такой факт. В 1-й части «Утреннего света» издатели сочли возможным поместить письмо, автор которого, иронически названный редакцией «Иваном Скородумовым», писал: «Далее упоминаете вы о духе, душе и теле в нас, человеках. Есть ли, полно, в вас разум? Я читал едва не все ли сочинения славнейших и великих нашего времени философов... но нигде не находил таких положений. Признаться ли вам по совести. Доселе я был такого мнения и о душе, что не знал, куда ее употребить, а вы прибавляете и третье, менее понятнейшее существо. К чему сии новости, когда и старое еще великому сомнению подвержено?.. Впрочем с Метафизикою и без нее разумею я только то, что мы же человеки, а не духи и не души» (ч. I, стр. 179, 183). Интересно, что, помещая это письмо, редакция «Утреннего света» выбросила имена «славнейших и великих нашего времени философов», заявив, что «наше общество не имеет ни малейшего знакомства с теми писателями», которые называются в письме.

Правда, в журнале публиковались работы, противоречащие общему направлению журнала, например, главы из «Сокращения Баконовой философии», где излагался ряд прогрессивных идей (о достоверности чувственных знаний, о пользе умеренного скептицизма, о зависимости суеверий и фанатизма от силы воображения и т. д.), а также произведение «Закон Псаммита, мудреца некоего селения в благополучной Аравии», в котором кратко пересказывалось этическое учение Эпикура. Услаждайте, следуя природе, ваши чувства, наслаждайтесь жизнью, любуйтесь ее красотой, трудитесь, любите все вокруг себя, — и вы будете счастливы и до-

¹ Влияние школы Лейбница — Вольфа в России не ограничивалось пропагандой религиозных идей немецких идеалистов-просветителей русскими масонами. Некоторые рациональные моменты лейбницянской философии развивали в своих трудах профессора Московского университета Брянцев, Аничков и другие. Эта проблема требует специального исследования.

бродетельны, доказывал безымянный автор. «Всякое добро разрешается во удовольствие, и всякое зло — во скорбь» (ч. IV, стр. 362).

Однако, опубликовав в IV части журнала «Закон Псаммита», издатели напечатали в VII части сочинение диаметрально противоположного содержания — письма Юнга «О утехах», где утверждалось, что «любовь к утехам» есть корень, от которого «рождаются все пороки — грабеж, смертоубийство, клятвопреступление» и пр. Уже в эти годы журнал ставил перед собой задачу пропагандировать учение Мендельсона, Юнга, Паскаля и прочих христианских моралистов. Эти учения подготавливали почву для восприятия мистических идей Беме и его новейших последователей.

Целью журнала «Московское Ежемесячное Издание», появившегося после «Утреннего света» (1781 г.), также была борьба с этикой французских материалистов (см. Предисловие, ч. I, стр. XV), пропаганда различных религиозно-нравственных сочинений. Однако наряду с чисто религиозными сочинениями на страницах журнала были опубликованы статьи противоположного содержания: «Философ» (перевод из «Энциклопедии» Дидро), а также статья «О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук», в которой доказывалось, что наука должна служить народу, а не быть украшением царских дворцов. Наибольшую опасность для наук, утверждал ее автор, представляют гонения на свободную мысль: «Разум римлян вместе с их вольностью погребен был на полях фарсальских», а великие успехи англичан в философии связаны с «гордой вольностью их мыслей и сочинений» (ч. I, стр. 285—286).

2. Пропаганда идей Я. Беме Шварцем и его учениками

Существенные изменения в масонской философской пропаганде 80-х годов, несомненно, связаны с идейным влиянием на русское масонство немецкого ордена розенкрейцеров и проникновением в Россию огромного количества литературы чисто мистического содержания. Идеи немецкого мистика конца XVI — начала XVII века, Якова Беме, и его последователей становятся в эти годы главным оружием масонов в борьбе с материализмом.

О какой-либо системе взглядов Якова Беме можно говорить весьма условно: его произведения представляют собой хаотическое, лишенное внутренней логической связи нагромождение отдельных библейских легенд, натурфилософских догадок средневековых алхимиков, необыкновенно ярких художественных аллегорий. Но сквозь мистический туман рассуждений о воплощениях бога и сотворении им мира в произведениях Беме пробивается замечательная по своей глубине мысль о борении противоположных сил природы, о ее самораскрытии и движении, о неисчерпаемом богатстве ее свойств и качеств.

Бог, по Якову Беме, — это «мятущееся, торжествующее, мучающееся, подвижное существо»; «ничто», рождающее из себя «нечто», вечное желание, стремление, воля к чему-то еще более глубокому, чем он сам, к *Ungrund'u* — бездне.

Движимое вечным желанием самосозерцания, божество раскрывает себя сначала в «вечной природе», саморазделяется, начинает различать в себе светоносную сущность и противостоящую ей тьму. Начинается борение противоположных сил.

«...Божество, — говорил Я. Беме, — не останавливается, а непрерывно действует и восходит как бы в любезном борении, движении или битве, наподобие как бы двух тварей, в великой любви играющих друг с другом, обнимающихся и борющихся между собой: то одна лежит поверх, то другая; и когда одна победила, то уступает и дает другой снова подняться на ноги» («Аугога, или утренняя заря в восхождении», гл. XI, стр. 141. 1914).

Разделяясь, две стороны божественной сущности проявляются во взаимном борении семи различных сил, качеств, эманаций. В «вечной приро-

де», в которой обнаруживаются эти качества, их гармония не нарушается; качества, производящие зло, ад, смерть, вечные муки, смягчаются качествами любви, света, кротости. Но однажды один из ангелов, сотворенный из божественных сил, Люцифер, пожелал подняться выше самого бога, вобрать в себя весь свет небесной природы. Гнев божий низверг Люцифера, а его падение создало два противоположных мира: царство «земли», ада и небесное царство, где находится сам бог.

Соответственно семи качествам «вечной природы» сотворение «земной» природы, телесного мира, длилось семь дней, пока не был создан человек — завершение всей иерархии земных существ. В нем проявляется действие всех трех сфер: самого бога, вечной природы и земного мира. Отсюда три «царства» в человеке: дух, душа и тело. В самом человеке заключены и ад и небо; он может выбирать между добром и злом, идти либо путем Адама, в котором победило телесное, либо путем Христа — к небесному блаженству.

В эпоху, когда религиозная идеология господствовала над теоретическим мышлением, появление в отсталой Германии мистической натурфилософии Беме вполне понятно. Это была нелепая и в то же время гениальная система. «Я имею,— говорил о себе Беме,— только одного учителя — им является вся природа». Но то, чему учил его этот учитель, Беме передавал языком библии, в форме легенд и мифов церковников.

Для XVIII века, когда передовая философская мысль объявила самого бога выдумкой человеческого ума, учение Беме и Парацельса было диким и нелепым бредом. И, несмотря на это, именно мистику Беме возрождали и использовали в борьбе против материализма воинствующие мракобесы XVIII века: Сведенборг в Швеции, Сен-Мартен во Франции, Шварц и его ученики в России.

В центре своих лекций Шварц ставил вопрос о происхождении человека, о его отношении к богу, о его познавательных способностях и нравственном поведении.

Поскольку «разные системы философов», говорил Шварц, не могут ответить на этот вопрос, остается единственный путь — прибегнуть к «наидревнейшему источнику», священному писанию, истинный смысл которого и раскрыт в мистической теософии Якова Беме. Следуя Беме, Шварц рисует картину падения ангела Люцифера и творения богом мира из двух начал: «света и тьмы», определяет сущность человека как некоей божественной квинтэссенции, вобравшей в себя из «ангельского мира» дух, из «небесного» — душу, а из «земного» — тело.

Но в конце XVIII века, когда даже церковники стали приспособливать данные науки для подтверждения правоты своих догматов, Шварц не мог ограничиться одной лишь системой Беме. «Чтобы яснее сделать понятие о том, как свет спускается в натуру и тьма его приемлет и действует в оной», Шварц модернизирует Беме, включая в его легенду о творении мира... гелиоцентрическую систему Коперника; он втискивает в мистическое описание «сущности» человека типично вольфианское объяснение двух ступеней человеческого познания: «скотского» и «разумного». «Наружные чувства», согласно этому объяснению, возникают единственно от внешних причин, «трогающих или осязающих, или приводящих в сотрясение нервы наши». «Чрез сотрясение нервов все видимое и наружное предлагается будто бы на рассмотрение» разума, находящегося в мозгу.

Но, кроме внешних чувств и связанного с ними разума, Шварц находит в человеке «некий внутренний, слабый голос», который и говорит человеку, что есть добро и зло, где правда и где ложь. Этот «внутренний голос» называется им «высочайшим внутренним чувством», совестью, которую вместе с другими внутренними чувствами — волею, умом и происходящим от них разумом — «единственно назвать человеком можно».

В этой части своих лекций Шварц углубляется в дебри мистических рассуждений. Совесть, волю и ум он характеризует уже не как психические качества человека, а как три особых существа, составляющих единство человека с богом. Своеобразное взаимодействие в человеке этой святой троицы: бога-отца (воли), бога-сына (совести) и святого духа (разума) — и определяет, по его мнению, все нравственное поведение человека, направляя его либо к тьме и злу, либо к свету и добру.

Свою религиозно-волюнтаристическую концепцию поведения человека Шварц противопоставляет этической концепции Гельвеция. Он отвергает гельвецианскую трактовку человека как существа только чувствующего. Спекулируя на слабостях его метафизической системы материализма, приписывая Гельвецию отрицание «дейтельных сил в человеке», «уравнение» человека «со скотом», Шварц ополчается против его трактовки «чувственного интереса», себялюбия, основанной на признании взаимодействия организма со средой главной побудительной причиной человеческой деятельности.

«Нынешнего времени философы, как-то Гельвеций и пр., — писал он, — полагают главной причиной в человеке корыстолюбие или интерес во всех отношениях, другие честолюбие, иные гордость или любопытство, что, однако ж, все это относится до своекорыстия; одним словом, каждый из них судит о пружине действий человеческих относительно к своим испорченным чувствам, делает о том ложные заключения и всегда порочную причину действиям нашим приписывает». При этом само «себялюбие», «чувственный интерес» трактуются Шварцем, как, впрочем, и другими врагами материалистической этики из лагеря идеализма, как следование грязно-скотским похотям, порокам, разврату, сребролюбию. Шварц сознательно не хочет видеть того, что этика Гельвеция отнюдь не отрицала нравственных добродетелей человека, что именно «общественное благо» было главной целью и законом этой этики.

В области гносеологии Шварц выступает против опытного научного познания нового времени и главным образом против материалистического сенсуализма. Человеческое познание он делит на три ступени, якобы соответствующие трем «внутренним» существам, находящимся в человеке. «Любопытное познание» — это познание причинной связи вещей и событий нравственного мира разумом, находящимся в мозгу. «Приятное познание» — это познание внешнего мира путем внутреннего «чувства», живущего в человеческой «утробе». Сюда относятся живопись, стихотворство, музыка. Третья форма познания — «полезное» познание. Оно научает человека любви, молитве и всем высшим стремлениям духа. Это познание есть откровение, даваемое человеку непосредственно богом. Поскольку третьей форме познания Шварц подчиняет первые две, то, согласно его теории, род человеческий имеет в конечном счете три откровения: «первое — для чувств, второе — для разума, третье — для сердца».

Опытное, научное познание Шварц рассматривает как сплошное заблуждение. «Люди получают все свои познания через откровение», — утверждает он. «Знание есть воззрительное, истина не может быть доказываема, ее чувствуют».

В системе Шварца все человеческое познание изображается в извращенном виде, как процесс, идущий не от незнания к знанию, не по пути все большего познания человеком сил и процессов окружающей природы, а, наоборот, от света к тьме, от истины, данной пророками, к ее постепенному затемнению. «Смешно, когда люди говорят о новых изобретениях, — пишет он. — Мы, люди, — гнилые, смердящие сосуды, в которых все доброе, все чистое делается кислым и смрадным, как и в нас. Истина редко доходит чиста до наших внутренних, истинных духовных сил души; в орудиях чувствования, которое окипячено, повреждено, в силе воображения, которое полно скверных образов, в смысле, который раб грубой чувственности, она столь преоблачается, что всегда почти есть страшное чудовище пре-

жде нежели проникнет в душу» (Рукописный отдел Библиотеки имени В. И. Ленина, М. 2017, М. 2018, М. 2674, ф. 147 Ланского и Ешевского).

Журнал «Вечерняя заря», издаваемый в Москве «Дружеским обществом» Шварца (1782), стал печатным органом, пропагандирующим эту религиозно-мистическую систему взглядов.

Отметим особенность общей линии журнала: сделав мистику (хотя и в несколько смягченной форме) главным орудием борьбы с материализмом, журнал отнюдь не отбросил систему «рациональных» доказательств религиозно-идеалистических догматов, заимствованную ранее масонами у немецкого идеализма. Как правило, эта система (обоснование «простоты» и «неделимости» души, «двуестественности человека», построение традиционных для немецкого идеализма «восходящих лестниц существ», венчающихся «царством духов» и т. д.) подкреплялась шварцевским учением об откровении, которое и объявлялось главным доказательством выдвигаемых масонами тезисов.

Начиная с этого периода в русском масонстве отчетливо прослеживается мистическое направление. Лопухин, автор ряда оригинальных масонских сочинений, известных и за границей, Гамалея, переводчик на русский язык 22 трудов Я. Беме и сочинений других христианских мистиков, И. Тургенев, переводчик и пропагандист в среде масонов книг Арндта «О истинном христианстве», И. Масона «Познание самого себя», А. М. Кутузов, проповедник философии агностицизма в России, позднее Лабзин — главные представители этого направления. Благодаря деятельности этих обскурантов мутный поток мистики, идеализма и самого отъявленного мракобесия хлынул в Россию.

3. Борьба различных направлений на страницах масонского журнала «Покоящийся Трудолобец»

Анализ другого масонского философского журнала, «Покоящийся Трудолобец», издававшегося уже после смерти Шварца (1784—1785 годы), свидетельствует о заметном изменении методов и форм борьбы масонов с материализмом. Некоторые издатели журнала начинают склоняться в этот период к мысли о необходимости замены крайне мистических теорий, встречающих в это время резкий отпор в русском обществе, более смягченным и умеренным идеализмом. Помимо статей, несомненно продолжавших старую линию Шварца или Сен-Мартена, в «Покоящемся Трудолобце» появляется ряд работ, направленных против крайностей мистицизма, алхимии, кабалистики, суеверий.

Так, статья «Бильфельдово рассуждение о тщетных науках и искусстваах» характеризуется резкими выпадами против астрологии, «гадательной науки», кабалистики, основанной на столь же сумасбродных, «смеха и наказания достойных» домыслах, против «аэро, пиро, гидро, гео и хиромантии», которыми занимались глупцы или шарлатаны, против «физиогномии», магии, алхимии и проч., проповедовавшихся в других статьях, печатавшихся в журнале «Покоящийся Трудолобец». Все эти науки, по мнению автора статьи, подлежат беспощадному истреблению, и для этого не надо гнушаться никакими средствами (ч. II, стр. 75—96).

Но было бы ошибкой подобные выступления рассматривать как критику суеверий с позиций материализма: борьба шла не за очищение науки от мистики и религии, а за очищение религии и философского идеализма от крайностей мистицизма. Выдумкам и всякого рода умствованиям мистиков противопоставлялось отнюдь не опытное естествознание, а евангелие, разгоняющее темноту, «очищенное» христианское богословие. Более того, как показывает содержание других статей, например, статьи «О мнимом усердии к религии», направленной против суеверий, в один ряд с мистиками ставились и атеисты и материалисты, которые якобы также полны «духом лжесвятости или суеверия». «Символы их веры» —

случайное и вечное миробытие, «мысленность вещества» (очевидно, способность материи мыслить), «смертность души», «движимость материи» и т. д. — объявлялись столь же безобразными и нелепыми, как и суеверия (см. ч. II, стр. 54—55).

Религия — источник всех блаженств человека: в религии — свет истины, в религии — оплот общественного спокойствия; атеисты и материалисты — чудовища, погрязшие в плотских похотях, зараженные «блужданием пагубного пустосвятства», — вот те идеи, которые масонские статьи, гимны и оды вдалбливали в голову читателя.

Только две статьи, напечатанные в этом журнале, вносили диссонанс в хор голосов, поющих славу религии.

Первая из них — «Человек, наедине рассуждающий о неудоборешимых пневматологических, психологических и онтологических задачах». В этой статье с позиций крайнего скептицизма, близкого к скептицизму Вольтера, отвергались все древнейшие и новые (от Декарта и Мальбранша до Лейбница) философские представления о душе, ее сущности и бессмертии. Уже много времени, пишет автор, я тружусь над чтением психологии, «желая учинить естественный опыт о душе», но вместо аксиом я приобретаю одни сомнения, вместо ровного пути мне встречаются одни пропасти. «Душа, говорят философы, есть существо; но что есть существо? Незнающие при сем вопросе молчат, а разумные сами себе противоречат, и молчание одних не яснее пустословия других» (ч. II, стр. 66). Рациональные доказательства возможности существования каких-то чистых духов автор объявляет недостоверными. Неправомерным считает он и рассмотрение души и тела, как разорванных и независимых друг от друга субстанций. Особенно непостижимым представляется автору статьи толкование процесса взаимодействия души и тела как двух различных субстанций. «По какому особливому механизму (составу) существо без протяжения может быть соединено с существом, имеющим протяжение? Какое есть свойство действия души над телом? — рассуждает он. — Мы довольно чувствуем, что есть в человеке существо действующее, но как сие действующее действует? Наши высокопарные умозрения не всегда ли занимаются испытанием действ, не постигая причин?» (там же, стр. 70).

Правда, свойства вещества также кажутся автору непостижимыми. Рассуждая «о материи, — пишет он, — имеем ли мы понятие о ее свойствах? Что значит протяжение?» и т. д. (там же, стр. 71).

Несомненно, что целый ряд скептических вопросов, направленных в адрес идеалистов, автор заимствовал у представителей материалистической философии. Он противопоставлял идеалистическим доводам положение о зависимости души от тела, распространял скептицизм и на самый догмат о бессмертии души, отдавал явное предпочтение чувственным данным, как наиболее достоверным:

«Кто может мне истолковать, для чего мои чувства меньше меня обманывают, нежели мой разум? Я розу не принимаю за алмаз; но всякий день малые причины признаю за великие, а посему мне кажется, что больше находится истины в самих предметах, нежели в моем разуме, который их сравнивает» (там же, стр. 72).

Но вопреки ожиданиям статья заканчивается призывом уйти в сферу религии, так как наши представления о душе недостоверны.

Другая статья, «Новая логика», сообщала любителям спорить все известные приемы убеждения противника.

Первый метод словесного состязания — сократический. Противнику задавалась масса вопросов до тех пор, пока он не был вынужден сдаться. Теперь, отмечает автор, способ этот не в моде.

Аристотель переменил способ атаки и изобрел множество маленьких стрел, называемых силлогизмами. Этот способ полемики настолько привился в европейских университетах, и сражались «на силлогизмах» с таким жаром, что «многие столетия прошли в одних вопросах и совопро-

шениях, положениях и возражениях, и весь смысл целых веков погребен был в одних бесчисленных и бесконечных разделах и подразделах» (ч. II, стр. 200).

Затем академии и университеты увидели бесплодность подобных споров и изобрели иной метод убеждения, который несводим ни к одной из аристотелевских фигур. Он назван был, иронически замечает автор памфлета, *Argumentum Baculinum*, то есть палочным доводом, или палочным состязанием. Битвы стали проходить иначе и сделались более содержательными; в авангард посылали кучу разных силлогизмов: *Barbara*, *Celarent*, *Barocco*, *Bocardo* и проч. Середину составляли из отборных коренных ругательств, а уже потом выпускали «арьергардию, или задний detaшемент», то есть принимались за волосы и дубье, и сражение продолжали до тех пор, пока «тем или иным способом не сокрушали противничьих зубов».

Затем и этот способ был более усовершенствован: с каждой стороны начали выставлять по сто тысяч состязателей или убедителей, и «сии дефенденты» доказывали несправедливость оппонентов силою таких громогласных провозвестников истины, как пушки, мортиры, ружья и мечи.

Но, пожалуй, самым эффективным методом убеждения была пытка. В Англии этот метод был столь популярен, что поднялась цена на дрова.

Он особенно пришелся по вкусу святой инквизиции. «Кнуты, петли, виселицы, колья, колеса, огонь и другие костоломные орудия и машины были признаны всеобщим и надежнейшим средством к убеждению, а так как они приведены были с рачением в систему, то и составили христианское дополнение к древней языческой логике, или науке умствовать» (там же, стр. 201—202). Правда, нередко приносил удачу и денежный силлогизм, когда спорящим отсыпалась куча денег. «Удивительно, — констатирует автор, — как сей силлогизм зажимает рот самым сильнейшим крикунам и упорнейшим противоборникам». Человеку, знающему все виды доводов и убеждений, заключает автор, лучше вообще не спорить и поберечь себя от неприятных последствий.

Появление в журнале, пропитанном богословием и мистикой, этих двух произведений было довольно знаменательным: оно свидетельствовало о том, что прогрессивное течение, которое пробивало себе дорогу в масонских журналах первого периода, вновь вышло на поверхность¹.

4. Русские масоны и французская революция

В конце 80-х — начале 90-х годов, когда во Франции стала подниматься волна революции, а в России впервые зарождались революционные идеи, в масонской пропаганде первое место заняли не гносеологические вопросы, а опровержение политических и социологических учений энциклопедистов.

Наиболее типичны в этом отношении сочинения Лопухина («Изображение мечты равенства и буйной свободы с пагубными их плодами», «Благость и преимущество единоначалия» и другие), обосновывавшие теорию «естественности неравенства» и противопоставлявшие ее просветительскому учению о «естественных правах человека».

Аргументация Лопухина весьма примитивна: наибольшее место в его «трудах» отводилось описанию «ужасов» и «злодейств», учиняемых во Франции революционерами — «развратителями рода человеческого». Затем следовали рассуждения о невозможности равенства в природе и обществе.

Интересно, что тот же самый метод «аналогии», заимствованный у немецких идеалистов, с помощью которого масоны в философских писаниях обосновывали бессмертие «невещественной» души, стал основным ме-

¹ Предположение о связи этого течения с именем Н. Новикова, выдвинутое Г. П. Макоговченко, не лишено основания, но его доказательства не всегда убедительны.

тодом и в их социологических построениях. «Все вопиет нам о естественности неравенства», — писал Лопухин. «Все нам возвещает необходимость, пользу подчинения и власти, коих взаимное действие есть душа порядка, связь мира и путь к возможному совершенству. Вся натура живописует нам несущие и невозможность равенства... От первого светила небесного до последняя песчинки во всей неизмеримой цепи тварей нет двух совершенно равных» («Изображение мечты...». М. 1794, стр. 14, 16). Как в природе над всем многообразием явлений и существ царит «единый бог», так и в обществе над иерархией сословных ступеней должен стоять единый монарх.

Заканчивались эти «социологические» упражнения описанием тех «рек милосердия», которые лились на страждущее человечество с престолов монархов-благодетелей.

Масоны прибегали нередко к открытой дискредитации французских энциклопедистов.

Так, например, Лопухин писал, имея в виду Руссо: «Le Sr. Sentimentalplacé, — встретив на улице скованных разбойников, трогается чувствительностью, — кричит: какая жалость, человеки в цепях! — и идет в книжную лавку наведаться, много ли разошлось изданной им недавно книги «Chimère d'Egalité», которая ежели полюбится читателям (чего он с великою жадностью желает), то должна принести тот плод, что многие тысячи невинных погибли от междоусобия, и миллионы в безумии гоняться будут за мечтою».

Знаменитый автор «Системы природы» изображался Лопухиным следующим образом: «Le Sr. Impiétémême реша почти все статьи (то есть проблемы. — Е. П.), принадлежащие до Политики, Морали и проч., собирается писать *Système de la Nature*, только еще не решился в том, чье существо благороднее и разумнее, его ли, или той лошади, на которой он поедет в поле, чтоб открытее видеть натуру...» («Описание нескольких картин...». М. 1795, стр. 8, 15, 23 и др.).

Резкое осуждение со стороны русских масонов вызвало и выступление А. Н. Радищева. Н. Трубецкой, сообщая А. М. Кутузову о том, что в «Путешествии из Петербурга в Москву», имевшем «основанием своим проклятой нынешний дух французов», «изблеваны всякие мерзости», в образной форме, но довольно точно выразил отношение главарей московского кружка розенкрейцеров к революционному произведению писателя. Отметим, что выдвинутое недавно Э. С. Виленской положение о том, что «даже в таком умеренном «либерале», каким был масон Кутузов, Радищев видел единомышленника, а не врага», и что «принципиальное различие между их воззрениями было, таким образом, неясно самому Радищеву» (см. журнал «Вопросы философии» № 5 за 1956 год, стр. 173), вряд ли соответствует истине. Это странное утверждение свидетельствует скорее о полном непонимании автором истинного характера масонской идеологии и отношения к ней Радищева. Опровержение системы взглядов умеренного «либерала» Кутузова составляло одну из главных задач «Путешествия», а что касается отношения А. М. Кутузова к Радищеву, то о нем можно судить по письмам Кутузова, в которых он не раз подчеркивал свое различие с Радищевым в «образе мыслей», называя себя «великим врагом всякого возмущения» (см. Я. Л. Барсков «Переписка московских масонов XVIII века». 1915, стр. 21, 22, 65, 195, 196 и т. д.).

* * *

К середине 80-х годов в России сложился один из наиболее значительных по силе идейного влияния центров распространения мистики и идеализма.

Русские масоны, начав свою борьбу против материализма с пропаганды умеренных религиозно-этических и идеалистических систем, быстро скатились к самым крайним формам обскурантизма (розенкрейцерство,

мартинизм). Существование в масонстве других, хотя и слабо выраженных, течений не меняет общего вывода о реакционном характере масонской идеологии в целом.

Отсюда вполне понятно, почему борьба против философских систем масонства в конце XVIII века стала одной из главных задач формирующейся в России передовой материалистической мысли. Батурин и Радищев — главные представители двух несколько различных направлений русского материализма, возникших в борьбе с масонством. Их различие определяется и выбором противника и степенью овладения ими теоретическим содержанием философских систем XVIII века.

Батурин боролся прежде всего и преимущественно против мистических крайностей масонской идеологии, избрав в качестве главного объекта критики систему взглядов Сен-Мартена, невероятно убогую по своему теоретическому содержанию. Критикуя построения этой системы в той же последовательности, в какой они излагались Сен-Мартеном, Батурин не смог дать цельного изложения своих взглядов. Важнейшие положения материалистических школ XVIII века: учение о вечности и неуничтожимости материи, принципы детерминизма, методы научного познания — он излагал от случая к случаю, часто упуская за мелочами основное.

В этом отношении несравненно выше Батурина стоял Радищев. Выделив главные линии в борьбе материализма и идеализма, он противопоставил идеализму цельную систему материалистических взглядов. Неизмеримо выше был и тот противник, с которым боролся Радищев. Понимая родство всех форм идеализма, Радищев в своем трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» дает прежде всего критический анализ систем немецкого идеализма XVIII века, являвшихся одним из главных теоретических источников масонских философских построений. Он специально воспроизводит в трактате «метафизические» доводы мендельсоновского «Федона», излагает, используя труд Гердера «Идеи к философии истории человечества», типичные для немецкого идеализма XVIII века и масонских учений доказательства «субстанциональности» и «бессмертия» души. Подчеркивая шаткость и умозрительность этих схоластических построений, Радищев противопоставляет им материалистическое решение вопроса о сущности человеческой психики как качества, присущего сложно организованной материи. Опираясь при этом на высшие достижения материалистических школ XVIII века (Гольбах, Дидро, Пристли), он не отбрасывает отдельные рациональные моменты, которые были присущи школе Лейбница — Вольфа, а стремится переосмыслить их с позиций материализма.

Следует отметить, что отказ некоторых исследователей от разработки истории идеализма в России привел к ряду ошибок в трактовке философских воззрений Радищева. В работах последних лет (М. Т. Иовчука, И. Я. Щипанова, М. А. Горбунова) отношение Радищева к школе Лейбница — Вольфа, по существу, не выяснено, цитаты, произвольно взятые из идеалистических построений Мендельсона (3-я книга трактата), нередко служат доказательством материалистического характера воззрений Радищева, свидетельством его оригинальности и связи с Ломоносовым. Та же тенденция проявляется и в «Очерках по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» (т. I, 1955 г.), авторы которых излагают философские взгляды Радищева по методу произвольно вырванных цитат и ни слова не говорят об отношении Радищева к системам Мендельсона и Гердера, хотя критическое рассмотрение этих систем составляет главное содержание трактата Радищева. Нам кажется, что давно пора изъять этот круг вопросов из монопольного ведения буржуазных ученых, вроде В. Зеньковского или К. Биттнера, продолжающих фальсифицировать философию и социологию Радищева, и подвергнуть его воззрения глубокому марксистскому анализу.

Выдающийся арабский мыслитель Абуль-Аля аль-Маарри

(К 900-летию со дня смерти)

С. Г. ШИРОЯН

Передовая общественность стран Арабского Востока и все прогрессивное человечество отмечает в 1957 году 900-летие со дня смерти выдающегося арабского поэта и мыслителя Абуль-Аля аль-Маарри ибн Абдаллах ибн Сулейман ибн Мухаммеда. Абуль-Аля одним из первых в истории арабского народа открыто и бесстрашно выступил против религиозно-идеалистической философии ислама, против пороков современного ему общества и воспел в мрачную эпоху средневековья силу человеческого разума, его безграничные возможности в борьбе со злом, царящим на земле.

Творчество Абуль-Аля аль-Маарри, а также таких видных мыслителей, как Аль-Кинди, Ибн-Туфейль, Ибн-Баджа, Ибн-Рушд (Аверроэс) и других, является несомненным свидетельством наличия глубоких материалистических традиций в истории арабской философской мысли и опровергает утверждения некоторых буржуазных исследователей, пытающихся представить развитие философии арабов как историю религиозной философии, философии ислама. Действительно, глубокое научное изучение культурного наследия арабов начисто опровергает и тезис об извечном застое в их духовном развитии.

Жизнь и деятельность Абуль-Аля аль-Маарри является объектом исследования многих современных буржуазных ученых как в странах Ближнего и Среднего Востока, так и на Западе. Вокруг творческого наследия Абуль-Аля и других передовых арабских мыслителей прошлого идут ожесточенные споры, носящие далеко не академический характер. Эти споры отражают борьбу в корне противоположных мировоззрений. Большого внимания заслуживают труды, посвященные анализу философских взглядов Абуль-Аля, таких крупных арабских ученых, как Таха Хусейн («Возродим память об Абуль-Аля». Каир. 1951; «Вместе с Абуль-Аля в тюрьме». Каир. 1930), Омар Фарух («Мудрец из Маарры». Бейрут. 1948. 2-е издание), Юхана Комейр («Философия арабов». Бейрут. 1947), а также работы видных европейских ученых — Никольсона («The Risalatul — Ghufuran: by Abul-Ala al-Ma'arri». JRAS, p. 328, 1900—1902, «A. Literary History of the Arabs», Cambridge, 1953, p. 315—324) и Фон-Кремера («Philosophische Gedichte des Abu-l-Ala Ma'arri». ZDMG, XXX. 1876; «Ueber die philosophischen Gedichte des Abu-l-Ala Ma'arri», SBWAC XVII. 1888). В противоположность вышеназванным авторам многие исследователи пытаются представить Абуль-Аля вопреки существующим фактам всего лишь талантливым поэтом, истинным сыном ислама, борющимся за чистоту его первоначального состояния (см., например, книги: Халиль Джебран «Abul-Ala Al-Ma'arri» j. «Arab World». New-York. 1944. № 2, vol. 1; Г. Зейдан «Абуль-Аля аль-Маарри — поэт и философ», журнал «Аль-Хияль» № 15 и № 52-а. 1907; З. Махасин «Абуль-Аля аль-Маарри — критик общества», Багдад. 1929). Согласно их точке зрения, Абуль-Аля не был философом, так как он не создал своей стройной философской системы и писал лишь художественные произведения. Но, несмотря на свои столь тенденциоз-

ные выводы, эти исследователи порой вынуждены, противореча собственным утверждениям, говорить о философских воззрениях Абуль-Аля.

Действительно, у Абуль-Аля не было законченной философской системы, если под системой понимать свод предлагаемых к руководству теорем философского мышления. Он не занимался разработкой специальных философских проблем, таких, как проблема познания, учение о материи и другие. Все свои силы он отдавал борьбе против религии и деспотизма. Однако как атеистические, так и космологические взгляды Абуль-Аля, а также его отношение к субъективно-идеалистическим воззрениям мутакаллимов основывались на определенных философских, а именно материалистических принципах. Отсутствие у Абуль-Аля философских трактатов еще не дает основания отрицать его значение как философа и мыслителя. Для Абуль-Аля поэзия была не целью, а средством пропаганды своих взглядов. Как справедливо заметил выдающийся русский востоковед И. Ю. Крачковский, «...в творчестве Абуль-Аля мыслитель часто находит себе больше пищи, чем эстетик или историк поэзии» (журнал «Восток» № 4 за 1924 год, стр. 107).

Абуль-Аля аль-Маарри родился 26 декабря 973 года в небольшом городке на севере Сирии — Маарре, — в семье местного судьи Абдаллаха ибн Сулеймана. В шесть лет Абуль-Аля потерял зрение и остался слепым на всю жизнь. Первоначальное образование он получил в своей семье. Но он недолго прожил в доме родителей. Жажда знаний приводит его в город Алеппо, который в то время был культурным центром халифата. Там он упорно занимался словесными науками, восполняя пробелы своего домашнего образования. Творчество крупнейших арабских поэтов Абу-Таммама, Бухтури, Мутанабби оказало на него сильное влияние. Подражая им, он написал свои первые стихотворения. В 994 году Абуль-Аля возвратился в Маарру, где в течение почти десяти лет самостоятельно изучал различные науки. Затем Абуль-Аля посетил Антиохию. Почти все свое время он проводил в ее знаменитых библиотеках.

В 1007 году Абуль-Аля отправляется в столицу халифата Багдад.

В X веке халифат приходит в упадок, и багдадский халиф, находившийся в зависимости от династии Буидов, правил только в самом Багдаде. «Господство Буидов разлагалось, и мощь халифата пришла в упадок из-за восстания угнетенных и неправых... Правители заботились лишь о себе, и везде господствовала тирания имущих» (Ю х а н а К о м е й р «Философ Абуль-Аля», стр. 13. Бейрут. 1953).

В условиях приближающейся гибели и распада халифата зашаталась и его главная идеологическая основа — ислам. Передовые люди арабского общества приходят к убеждению, что ислам приносит вред уже тем, что под его прикрытием творятся черные дела, направленные против народа. Они понимали, что учение ислама о предопределении и покорности обрекало человека на бездеятельность, отвлекало его от мыслей о действительных пороках существующего строя.

В Багдаде Абуль-Аля ознакомился с догматами христианской церкви, буддизмом и другими религиозными учениями. Он изучал также произведения древнегреческих ученых и мыслителей, собрания которых славились багдадские библиотеки. Но Абуль-Аля не только не разрешил своих сомнений относительно истинности религиозных верований, а, наоборот, впал в еще больший пессимизм. Несоответствие содержания этих учений окружающей действительности вызвало у Абуль-Аля скептическое отношение к ним, и этот скептицизм определил весь процесс становления и эволюции его мировоззрения.

После смерти матери Абуль-Аля возвратился в родной город Мааррат ан-Ну'ман и жил там до конца своих дней. Как сообщает современник Абуль-Аля Насири Хисроу, «в стихотворениях и в разных науках он достиг такой степени совершенства, что, по признанию писателей Сирии,

Магриба и Ирака, в этом веке никто не мог и не может равняться с ним» (Н а с и р и Х и с р о у «Сафарноме», стр. 31. Сталинабад. 1954).

Умер Абуль-Аля в марте 1057 года. Многочисленные жители города собрались на его похороны. Мусульманские священники, против которых Абуль-Аля выступал всю свою жизнь, прочли над его могилой 200 раз полный текст корана, как бы даруя тем самым прощение «заблудившемуся сыну ислама» и беря его имя под свою защиту.

* * *

Процесс формирования мировоззрения Абуль-Аля сложен и противоречив. Это был путь от религиозного скептицизма к атеизму. Уже в своих ранних стихотворениях, известных под названием «Искры Огнива», Абуль-Аля отказывается принять на веру то, что проповедовала религия, и стремится разобраться в ее «премудростях». Апеллируя к человеческому разуму как к единственному судье, способному разрешить все сомнения, Абуль-Аля приходит впоследствии к выводу, что человек может обойтись и без догм религии. В течение долгого времени Абуль-Аля пытался уяснить себе, насколько соответствует ислам человеческому разуму. В связи с этим он стремился решить и проблему возникновения религии. Эти два вопроса и явились предметом тщательного исследования Абуль-Аля. Блестящие ответы на них он дал в своих бессмертных произведениях «Послание об ангелах», «Послание о прощении», «Необходимость того, что не необходимо». В этих произведениях Абуль-Аля изложил свои взгляды, дающие нам полное основание считать его одним из выдающихся мыслителей того времени.

Проблемы происхождения религии, единства души и тела, критика учения о переселении души, о загробном мире — таков круг вопросов, стоявших в центре внимания Абуль-Аля.

Религия, согласно его взглядам, есть результат обмана народа еще в древние времена. В числе проповедников этой лжи упоминаются имена Моисея, Иисуса и Мухаммеда. Обращаясь к угнетенным, Абуль-Аля призывал: «Проснитесь, проснитесь, о верующие! Ваша религия — обман древних» (цит. по книге Ю х а н а К о м е й р а «Абуль-Аля аль-Маарри», стр. 52. Бейрут. 1947). «Вам кликнули клич проповедники лжи... Заглушив совесть, все вы за ними пошли... Но когда вашей веры раскроется суть, вы ко лжи и позору откроете путь!» («Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества», т. XXII, стр. 297—298. Петроград. 1915).

Абуль-Аля считал, что если разум не в состоянии отличить верную религию от неверной, то глупо верить хотя бы в одну из них. По его мнению, разумен тот, кто отбрасывает все религии и опирается на свой разум, ибо нет имама, кроме разума, который указывает путь человеку и утром и вечером (см. Ю х а н а К о м е й р а «Абуль-Аля аль-Маарри», стр. 53. Бейрут. 1947). Наиболее решительно Абуль-Аля выступал против тех, кто превратил религию в «средство для пропитания и делал это для того, чтобы наполнить свои карманы». «Вся суть их действия, — говорил он, — направлена на то, чтобы обмануть и развлечь народ пустыми обещаниями и интригами и ввести его в заблуждение» (А б у л ь - А л я а л ь - М а а р р и «Послание о прощении», стр. 151—152. Каир. 1925). Было время, когда люди жили в мире и согласии, но с появлением религии появились и ненависть и вражда между народами: «Сколько у нас было праведников на земле и сколько пророков, а несчастья все оставались. Да и никакого лекарства они не дали» (цит. по книге О м а р а Ф а р у х а «Мудрец из Маарры», стр. 67. Бейрут. 1948).

Основной вывод, к которому приходит Абуль-Аля, заключается в том, что религиозные догматы о душе и происхождении религии не сверхразумны, как это утверждали мутакаллимы и другие мусульманские теоло-

ги, а противоразумны. Все то, что не поддается разуму, согласно Абуль-Аля,— бессмыслица и пустой вздор.

Взгляды Абуль-Аля на происхождение религии при всей своей ограниченности и наивности, несомненно, были прогрессивными. Уже одно то, что он выступил против утверждения, будто религия является продуктом божественного откровения, и понимал, что религия является средством прикрытия гнусных и нечестных поступков ее служителей, требовавших доходы у эксплуатируемых масс, выдвигает Абуль-Аля в ряды передовых людей той эпохи.

Абуль-Аля резко критиковал платоновское учение о божественном происхождении души, о ее бестелесности и существовании до рождения человека в потустороннем мире. В противоположность мутакаллимам, проповедовавшим вечное странствие души из одного тела в другое, а также переселение души из одного мира в другой, Абуль-Аля, по сути дела, материалистически решал данный вопрос. «Тело и душа,— заявлял он,— суть земного происхождения... с наступлением смерти тело и душа прекращают свое существование» (Таха Хусейн «Возродим память об Абуль-Аля», стр. 93. Каир. 1951). Тело и душа составляют неразрывное целое. Всевозможные легенды мистиков относительно бессмертия души, по мнению Абуль-Аля, являются сплошным вымыслом. Душа не может переноситься в другой мир, подобно тому, как дождь не может падать на облака. «Мое тело,— говорил он,— как свеча, а душа, как огонь. Если наступает время гибели тела, то потухает и огонь» (Юхана Комейр «Абуль-Аля аль-Маарри», стр. 57. Бейрут. 1947).

Подчеркивая единство души и тела, роль разума в жизни человека, Абуль-Аля обстоятельно анализирует вопрос о смерти, бессмертии и воскрешении, который в то время был важнейшим вопросом философии ислама. Абуль-Аля резко выступил против трактовки этого вопроса сторонниками ислама. Он писал: «Говорят, что тело после своей смерти передает свою душу другому — не верьте этому, ибо разум не подтверждает этого». Всевозможные басни мусульманских теологов относительно переселения души, красочные описания рая и ада подверглись суровой и беспощадной критике Абуль-Аля в «Послании об ангелах» и в «Послании о прощении». Но Абуль-Аля не смог избежать богословской и догматической трактовки некоторых проблем, так как был человеком своего времени. Иной раз читателю может показаться, что его произведения представляют собой холодную риторику, не имеющую ничего общего с философией и поэзией, и что отдельные резкие антиклерикальные мысли автора тонут в тумане абстрактных рассуждений. Но к такому заключению приходит лишь тот, кто не проникает в глубину их содержания.

В действительности же Абуль-Аля в своих посланиях изображает быт и нравы той эпохи. В пороках жителей рая и ада, критикуемых Абуль-Аля, нетрудно узнать пороки его современников. Как бы далеко ни витал автор посланий в своих размышлениях относительно райских гурий и испытаний чистилища, везде он близок к земной жизни. Достаточно снять этот аллегорический покров — и перед нами предстанет действительная жизнь общества того времени с процветающими в нем лжецами и взяточниками, неучами, рядящимися в тогу ученых, плагиаторами, лжефилософами и мистиками.

Известный арабский ученый Ади Недим совершенно правильно заметил, что «воображение Абуль-Аля не вмещалось в узкие рамки земной жизни и поэтому он землю перенес на небеса» (Ади Недим «История арабской литературы», ч. I—II, стр. 441. Алеппо. 1954).

Критикуя исламское учение о переселении души в потусторонний мир, о существовании ада и рая, Абуль-Аля пытался вскрыть действительные причины, способствовавшие широкому распространению этого учения. «Беспомощность,— говорил он,— присуща человеку в этом мире горести и печали, и она делает его неспособным, калечит его... Именно халифат

явился причиной появления у набожных людей этой беспомощности, и никакая случайность не могла вывести их из этого состояния; бедствия были созданы вместе с солнцем, и только тот освободился от них, кто спит в могиле» (Абуль-Аля аль-Маарри «Послание о прощении», стр. 152. Каир. 1925).

В «Послании о прощении» — своеобразной хрестоматии по истории ересей в арабском обществе — автор пытается проанализировать причины их появления, дает оценку этим движениям. По форме «Послание...» представляет собой некий грамматический трактат о флексиях или собрание рассуждений видных арабских поэтов и вольнодумцев по различным вопросам грамматики и поэзии. Эта форма, как справедливо заметил выдающийся востоковед И. Ю. Крачковский, позволила Абуль-Аля завуалировать основное содержание и острую иронию своего «Послания...» (см. И. Ю. Крачковский «Рисалат Ал-Малайка», стр. 27. Ленинград. 1932).

Другим произведением Абуль-Аля аль-Маарри, которое поистине можно назвать философской энциклопедией, является «Лузумиат». Отличительная особенность этого произведения состоит в его необычайной структуре. Автор расположил отдельные отрывки из своих поэтических произведений не хронологически, а придерживаясь принципа тождества рифм. Но даже те исследователи, которые пытаются рассматривать это произведение как некую забаву в «рифмоплетстве», не могут отрицать его богатого философского содержания. В нем можно найти и критику религиозных представлений верующих мусульман относительно загробной жизни, и разоблачение реакционного характера исламской этики, и отдельные обоснования материалистических положений о мироздании, и бесстрашную критику сильных мира сего, эксплуатирующих трудовой народ. «Лузумиат» Абуль-Аля является одним из наиболее сложных, но в то же время наиболее интересных и содержательных произведений не только арабской, но и мировой философской литературы.

В высказываниях Абуль-Аля можно подчас обнаружить то печаль, то тревогу, а иногда и призывы отрешиться от действительности, но это ни в коей мере не дает права характеризовать его как глубокого пессимиста и скептика, как это делают многие буржуазные исследователи. Вся жизнь и деятельность Абуль-Аля, все его помыслы и чаяния были направлены на борьбу с пороками, существующими в обществе. Лейтмотивом, пронизывающим все его творчество, является призыв к освобождению человека из-под власти религии. Он ратовал за лучшую жизнь не в загробном, а в действительном мире, призывал людей творить добро и бороться со злом. Настроения же пессимизма и скептицизма, встречающиеся в творчестве Абуль-Аля, объясняются не неверием в лучшую жизнь на земле, а социальным злом и несправедливостью, которые царили в разлагающемся Багдадском халифате в конце X и начале XI века.

Вопросы этики занимают значительное место в творчестве Абуль-Аля. Однако некоторые исследователи умалчивают о его этических воззрениях или фальсифицируют, искажают их. Они изображают Абуль-Аля крупнейшим моралистом всех времен и народов и объявляют его идейным предшественником и учителем Ницше, Шопенгауэра, Бентама, Миля и даже Мальтуса (см. Закий Махасин «Абуль-Аля — критик общества», стр. 69. Багдад. 1929). Эти исследователи оказывают плохую услугу науке, затушевывая всю оригинальность и своеобразие этических воззрений Абуль-Аля, который одним из первых в истории попытался критически подойти к традиционной системе исламской морали и противопоставить ей конструктивную, «разумную» этику.

Главная цель, которую преследовал Абуль-Аля, излагая свои этические воззрения, заключалась в разоблачении несостоятельности религиозно-идеалистической морали ислама, противоречащей здравому смыслу. Абуль-Аля считал, что религиозная мораль культивирует человеконена-

вистничество, корыстолюбие и хищничество, сеет вражду между народами, исповедующими разные религии. «Наши нравы,— писал он,— испорчены, но не по нашей вине... В основе их испорченности лежит обман» (цит. по книге Ю х а н а К о м е й р а «Философия арабов», стр. 39. Бейрут. 1947). Причину разложения нравов современного ему общества он видел в обмане, носителями которого являлись служители религии. «Свет и вера скрылись,— говорил он,— осталось лишь лицемерие! О, злосчастный мир, до сих пор мы думали, что твои молящиеся — благочестивы, что они не обманывают, что они святы» (там же, стр. 41).

Этические взгляды Абуль-Аля в противоположность этическому учению ислама не носили аскетического характера. Абуль-Аля не отвергал человеческого стремления к счастью. В своих высказываниях он пытался дать правильное толкование нравственных целей человека. В центре внимания мыслителя была критика исламского понимания категорий добра и зла. Он считал, что природа людей требует удовлетворения их потребностей и нельзя упрекать кого-либо в этом. Те, кто следует доктрине предопределения, являются творцами зла на земле. Человек же должен творить добро, и не потому, что за этим последует вознаграждение на том свете, а потому, что «делать доброе для добра — благородное дело».

Абуль-Аля полагал, что человеку издревле присущи два начала — добро и зло,— борьба между которыми и обуславливает существование в жизни несправедливости и невзгод. Поэтому он считал, что для достижения всеобщего счастья на земле достаточно разрешить противоречия, присущие самой человеческой природе, то есть противоречия между добром и злом. Только путем самоусовершенствования человека можно достичь справедливости в обществе.

Абуль-Аля верил, что наступит такой день, когда ворота «страны печали» раскроются и наступит вечное блаженство, где каждый труженик будет свободен от всякого рабства и унижения. Придет время, говорил он, когда человечество проснется от религиозного сна и, действуя сообразно разуму, превратит глухую пустыню — Арабию — в цветущий сад. Он утверждал, что только разум способен вывести человека из угнетенного состояния и сделать его свободным и счастливым. Но дальше этих выводов Абуль-Аля не пошел. В этом ограниченность и непоследовательность его этических воззрений.

Абуль-Аля не понимал, да и не мог понять, что сама сила преобразующего действительность человеческого разума объясняется более глубокими причинами. Но, несмотря на это, его этические высказывания имели прогрессивное значение в истории арабской философии и общественно-политической мысли. Уже одно то, что Абуль-Аля противопоставил религиозную мораль морали разума, хотя и идеалистической в своей основе, пытался разоблачить ненаучный характер этических норм, санкционированных исламом и проповедуемых мусульманским духовенством, выдвигает его в ряды передовых, прогрессивных мыслителей, борющихся за торжество разума над верой. Открытое выступление против догм ислама, за торжество разума было необычайно смелым явлением для той эпохи.

* * *

Абуль-Аля соединял критику религии с резкой критикой живущего в роскоши господствующего класса. Тем самым он как бы подчеркивал существующую в действительности связь религии с политикой правящих классов. Критикуя исламскую религию, Абуль-Аля, по существу, выступал против главной идеологической опоры феодального строя. Вопреки своим общественно-политическим взглядам, которые, в конечном счете, оправдывали существующие феодальные отношения, он объективно содействовал подрыву этих отношений, ибо его выступления против продажности и разврата правящей верхушки, против нравов господствующе-

го класса расшатывали основы феодально-теократического государства. Как справедливо замечает Таха Хусейн, «читая его «Лузумиат», становится очевидным, что социальная среда во времена Абуль-Аля была окончательно разложившейся... он выпятил все недостатки общества... и это было не иллюстрацией положения общества, а издевательством над пороками общества» («Возродим память об Абуль-Аля», стр. 72. Каир. 1951).

Главный источник социального зла Абуль-Аля видел в общественном неравенстве. Возникновение неравенства в человеческом обществе Абуль-Аля связывает с появлением религии. «Все люди по своей природе равны, будь то дети арабов или греков», — подчеркивал он (цит. по книге Омара Фаруха «Мудрец из Маарры», стр. 78. Бейрут. 1948).

Говоря об имущественном неравенстве, царящем в обществе, Абуль-Аля писал: вельможа жалуется на боли в животе от обжорства, тогда как его сосед, бедняк, умирает с голоду. Он призывал уничтожить неравенство. Главное препятствие на пути достижения человеческого равенства он видел в различных религиозных верованиях людей...

Касаясь вопроса о причинах имущественного неравенства, Абуль-Аля отмечал, что они кроются в неразумности богатых, в их неспособности отказаться от скопившегося у них богатства и прежде всего в нарушении ими заката (десятина — для бедных мусульман). «Я полагаю, — писал он, — что если бы люди выполняли свой долг — закат, то не было бы жалующихся и неимущих...» (цит. по книге Таха Хусейн «Возродим память...», стр. 75).

Абуль-Аля направлял огонь своей критики не только против сторонников ислама, но и против чиновников — сборщиков податей, судей и даже правителей, притесняющих своих подданных. «Самый несчастный из всех — это тот властелин, которому, дабы удержаться на престоле, приходится пользоваться войсками» (Абуль-Аля аль-Маарри «Лузумиат», стр. 393. Каир. 1891). Гневно звучат слова Абуль-Аля, обращенные к тирану, не заботящемуся о судьбе своих подданных. Властители, по его мнению, думают лишь о пиршествах, а их наместники мечтают о повышении податей. Эмиры не управляют делами, а создают лишь анархию и беспорядки, попирают права людей, тогда как люди сами выдвинули этих правителей для правильного руководства ими.

Абуль-Аля последовательно проводит идею всеобщего равенства людей от природы. Во времена Абуль-Аля в обстановке обострения правового и имущественного неравенства людей любой призыв к равенству, к уничтожению социальных, религиозных и иных различий, в какой бы форме они ни выражались, был прогрессивным. В средневековом феодальном обществе, пропитанном кастовым духом и различными религиозными и шовинистическими предрассудками, уже сама постановка вопроса о естественном равенстве всех людей была крайне смелой.

Абуль-Аля понимал, что общество раздирается противоречиями, но выход из создавшегося положения он видел в самоусовершенствовании человека. Тем не менее воззрения Абуль-Аля были для того времени прогрессивными, они сложились в борьбе против существовавших порядков, будили и усиливали протест против господствующего класса.

* * *

В произведениях Абуль-Аля сильнее критическая сторона, чем позитивное решение тех или иных социальных проблем. Как образно сказал один из современных исследователей, «Абуль-Аля, подобно молодому врачу, сумел установить правильный диагноз болезней современного ему общества, но не смог найти необходимых лекарств для их излечения» (Юхана Комейр «Философия арабов», стр. 23. Бейрут. 1947).

Прогрессивные идеи Абуль-Аля вызывали к нему ненависть со стороны представителей мусульманского духовенства. Как свидетельствует Аль-Хатиб аль-Багдади, современник Абуль-Аля, автор «Истории Багдада», «Абуль-Аля уже при своей жизни был объявлен еретиком и атеистом» (цит. по книге О м а р а Ф а р у х а «Мудрость Маарри», стр. 41. Бейрут. 1948). Другой из современников Абуль-Аля, Абдуррахман Ибн Джузи, специально посвятил ему книгу, назвав ее «Хитросплетения Дьявола», где Абуль-Аля обвиняется в безбожии (цит. по книге З а к и я М а х а с и н а «Абуль-Аля — критик общества», стр. 97. Багдад. 1929). Как сообщает Якут Руми, многие мусульманские теологи требовали изгнания Абуль-Аля из Маарры и даже уничтожения его как безбожника, сеящего яд сомнения в душе верующих мусульман. Средневековые теологи делали все возможное, чтобы уничтожить его произведения.

Один из современных исследователей прогрессивного наследия арабов, Мухаммед аль-Хади Хаким, отмечает, что «реакционеры и тираны в течение веков настойчиво уничтожали все то, что было создано арабской мыслью, несущее свет, науку и освобождение от оков (особенно в области философии и общественных наук). Не случайно многие замечательные работы, создаваемые в течение многих веков арабской мыслью, не дошли до нас, и о них мы узнаем лишь мельком, тогда как реакционные книги прошли через века и дошли до нас, оберегаемые и лелеемые» (М у х а м м е д а л ь - Х а д и Х а к и м «Фрагменты из произведения Ибн-Туфейля «Живой, сын бодрствующего», стр. 5. Бейрут. 1954).

Можно уничтожить произведения Абуль-Аля, но невозможно уничтожить те благородные идеи, во имя которых он жил и трудился и которые нашли своих продолжателей в лице передовых мыслителей последующего поколения. Продолжая атеистические традиции греческих мыслителей, Абуль-Аля оказал значительное влияние на гедонистическое направление в истории общественно-политической и философской мысли народов Востока. Как правильно замечает Омар Фарух, «творчество Абуль-Аля не замкнулось в узкие рамки, а нашло свое дальнейшее развитие в лице Омара Хаяма, автора бессмертных рубайятов, вошедших в сокровищницу мировой поэзии» («Мудрец из Маарры», стр. 126. Бейрут. 1948). Суровая критика коранической теории предопределения, неверие в существование ада и рая, отрицание существования загробной жизни, не просто критика исламской ортодоксии, а атеизм как полное отрицание всякого божества характеризуют творчество этих двух выдающихся мыслителей.

XX век можно считать веком действительного признания Абуль-Аля аль-Маарри. Его творчество стало предметом исследования для ориентологов во многих странах мира. Выдающаяся заслуга в благородном и почетном деле восстановления действительной правды принадлежит нашей русской школе арабистики, возглавлявшейся академиком И. Ю. Крачковским, чье имя пользуется большим уважением в странах Арабского Востока.

Один из выдающихся деятелей арабской культуры, Амин Рейхани, закончил свое письмо к И. Ю. Крачковскому, написанное в связи с выходом в свет на русском языке «Послания об ангелах» Абуль-Аля аль-Маарри, следующими словами: «И вот пишущий эти строки друг аль-Маарри во Фрейке (долина в Ливане.— С. Ш.) приветствует друга аль-Маарри в Ленинграде и желает ему здоровья и счастья, постоянного успеха в изысканиях и исследованиях на службу литературе арабской и русской, для укрепления связей братства и мира среди народов» (см. «Избранные сочинения академика И. Ю. Крачковского», т. III, стр. 262—263).

О роли математики в современной физике

Н. А. КИСЕЛЕВА

Характер математических абстракций и их роль в познании действительности

Математика изучает количественные отношения, одинаково присущие любой форме движения материи. Математические абстракции являются глубоким отвлечением количественной стороны явлений от их качественной стороны.

Предельно отвлеченную (и в этом смысле абстрактную) форму математики, как одну из особенностей ее, многократно использовали различные течения идеализма (и объективного и субъективного) для доказательства того, что будто бы в чистой математике разум имеет дело только с продуктами собственного творчества. Критикуя априоризм Дюринга, Энгельс решительно отверг подобный идеалистический взгляд и раскрыл истинную природу и происхождение математических абстракций.

«Как и все другие науки, математика возникла из практических нужд людей: из измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, из счисления времени и из механики. Но, как и во всех других областях мышления, законы, абстрагированные от реального мира, на известной ступени развития отрываются от реального мира, противопоставляются ему как нечто самостоятельное, как явившиеся извне законы, с которыми мир должен сообразоваться. Так было с обществом и государством, так, а не иначе, чистая математика применяется впоследствии к миру, хотя она заимствована из этого самого мира и только выражает часть присущих ему форм связей, — и собственно только поэтому может вообще применяться» (Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», 1952, стр. 37).

По своему происхождению математические абстракции в конечном счете ничем не отличаются от других научных абстракций. Как понятия «растительный организм» в ботанике, «химический элемент» в химии, «стоимость» в политэкономии, так и понятия «число» и «фигура» в математи-

ке есть результат изучения человеком окружающей действительности, результат длительной абстрагирующей работы человеческого мышления.

Чтобы исследовать пространственные формы и количественные отношения действительного мира в чистом виде, человеческому разуму необходимо было совершенно отделить эти формы и отношения от их содержания и оставить его в стороне как нечто безразличное. Но это умение отделять количественную сторону данных предметов от их качественного содержания пришлось не сразу. Энгельс особо выделяет это обстоятельство: «Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже с п о с о б н о с т ь ю о т в л е к а т ь с я при рассматривании этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития» (там же. Разрядка моя. — Н. К.).

Первобытные люди еще не обладали этой способностью. Первоначальные представления о числе были, вероятно, довольно неопределенными представлениями о единичности и множественности. Именно таковы идеи количества, выражаемые понятиями «горсть», «охапка», «куча». Так, известно, что лесные ведды никогда не говорили «три дерева» или «два быка», а говорили только «деревья», «быки», т. е. этому народу было доступно лишь самое примитивное представление о множественности (см. М. Косвен «Происхождение обмена и меры ценности», 1927, стр. 62).

Первобытный человек рассматривал данную совокупность конкретных предметов, не задумываясь над их количеством; он сравнивал разные совокупности осязательно, зримо, механически располагая рядом с предметами одной совокупности предметы другой. Например, эскимосы устанавливали сохранность своры своих собак не пересчитыванием, а перечислением каждой собаки по ее приметам: черная собака, соба-

ка с пятном и т. д. (см. А. В. Васильев «Целое число», 1919, стр. 4).

Для этого периода развития количественных представлений человека характерно то, что примитивные представления числовой множественности носят всецело конкретный характер, мыслятся совокупно, предметно, а понятие о числе нераздельно слито с представлением числа предметов данного конкретного множества. Здесь еще преобладает чувственное познание, так как представление о числовом количестве возникает путем непосредственного восприятия групп однородных предметов.

Но жизнь идет вперед, развивается производство, а вместе с ним и обмен, появляются потребности точнее сосчитать количество запасов зерна, голов скота и т. п. Из представления о неопределенном множестве выделяются представления о нескольких немногих, вначале небольших, числах. В развитии человеческого мышления в результате этого совершился переход от представлений конкретно-чувственной ступени познания количественных свойств окружающего мира к абстрактно-мысленному отображению количественных соотношений объективной реальности.

С выделением понятия числа развивается и счет, формулируются основные правила действий над числами. Вначале сосчитывание остается еще также конкретным, механическим, визуальным, с непременным откладыванием или перекладыванием сосчитываемых предметов. Затем приходит более высокая ступень развития счета: при помощи пальцев рук и ног, палочек, ракушек, камешков, зарубок и т. п. Для этой ступени характерно дальнейшее развитие процесса абстрагирования, ибо здесь счет уже отвлечен от сосчитываемых предметов, средства счета отделяются от объекта счета и для ведения счетных операций используются другие предметы, которые играют подсобную роль.

Это опять-таки был исключительно важный этап в развитии мышления, позволивший человеку осуществлять моделирование мыслительного процесса, что явилось зародышем всей математической символики. Следы этого периода развития человеческого мышления можно найти в истории языка. Например, отвлеченное понятие «калькуляция» (счет, расчет) происходит от латинского слова *calculus* (камешек), так как древние римляне пользовались камешками как реальной единицей счета.

На этой ступени можно уже наблюдать сравнение объекта счета и используемых средств счета, отвлечение от всех других свойств сравниваемых предметов, кроме их количества, обобщение абстрагированной от

разных по качеству предметов их количественной стороны и завершение всего этого процесса абстрагирования образованием понятия числа.

Понятие числа, следовательно, лишь постепенно освобождалось от своей предметной, конкретной формы, выступая в мышлении человека вначале в виде словесного наименования натурального ряда чисел, а впоследствии в виде абстрактных математических знаков, превращаясь в то «чистейшее количественное определение» (Ф. Энгельс «Диалектика природы», стр. 206), которое совершенно безразлично к природе характеризующих им предметов.

Аналогично происходил процесс образования геометрического понятия «фигура»: от различения разных пространственных форм предметов, встречающихся в процессе труда, и сравнения их — к отвлечению от всех других свойств этих предметов, кроме их пространственной формы, к обобщению однородных форм различных предметов, и в итоге — к закреплению этого процесса абстрагирования путем образования понятий (шар, куб, квадрат и т. д.). И как при отвлечении от специфических свойств каждого числа (2, 3, 5 и т. д.) образуется затем понятие числа вообще, так и при отвлечении от конкретных свойств различных пространственных форм в геометрии образовались понятия «плоскость», «тело», «фигура» и др. Геометрия абстрагируется от конкретных предметов действительности, рассматривает их как тела вообще, вне их вещности и определяет отношения между ними как отношения тел вообще, а не как конкретные отношения реальных, конкретных предметов.

Точно так же (из практики и для потребностей практики человеческого общества) произошло образование основных правил действия над числами и аксиом геометрии, в которых закрепились и тысячекратные повторения одинаковых соотношений определенных количеств различных совокупностей предметов и результаты многовековых наблюдений свойств и взаимодействий фигур.

Как происхождение, так и история развития математических понятий решительно опровергают идеализм. «Понятие натуральных чисел было результатом процесса обобщения, применявшегося на протяжении тысячелетий человеческой практики к опытным данным,— процесса, постоянно подвергавшегося проверке в свете нового опыта»,— пишет американский ученый Дирк Стройк в статье «Математика» (см. сборник «Philosophy for the Future», 1949, New York, p. 127), в которой он выступает против интуитивистов, считающих

образование бесконечного ряда натуральных чисел результатом некоей «первоначальной интуиции», породившей первое число — единицу — из «ничего» (см. Г. Вейль «О философии математики», 1934, стр. 26).

Дальнейшее развитие математического мышления человека также не было плодом «откровения божия» или «свободной игры разума», ибо абстракции, сформулированные в исходном пункте процесса познания и проверенные практикой, становятся затем отправным моментом дальнейшего развития познания мира человеком. Более глубокое проникновение познания в окружающий мир приводит к образованию новых понятий, к развитию их содержания. Например, развитие одного из основных понятий математики — понятия числа — идет в зависимости от развития всех знаний человечества и находит свое выражение в установлении новых видов понятия числа — дробного, отрицательного, комплексного и т. д.

На основе вновь образованных понятий и развития содержания старых понятий возникают новые, более широкие обобщения, создаются новые отрасли науки, что приводит к необходимости отвлечения от того, что уже было абстрагировано, т. е. получают «абстракции абстракций». Это особенно характерно для математики, абстракции которой являются предельно отвлеченными. Если арифметика и геометрия, изучая соотношения действительности, отвлекаются от качества предметов и оперируют с конкретными количествами и геометрическими формами, выраженными в натуральных числах и геометрических фигурах, то алгебра и анализ являются уже второй ступенью абстракции, так как здесь уже происходит отвлечение от конкретного количества арифметики и оперирование с абстрактным количеством, выраженным в символах переменных величин.

Математика современной эпохи характеризуется еще большим удалением от своей первоначальной основы — арифметики и геометрии. Современная математика перешла на следующую, третью ступень абстракции и рассматривает уже абстрактные отношения между количествами, выраженные в символах переменных операций (см. Э. Кольман «Предмет и метод современной математики», М. 1936, стр. 18). Однако и современная математика имеет своей основой количественные соотношения объективного мира, отражаемые ею глубже и точнее, чем раньше; развитие математики по-прежнему диктуется потребностями науки и техники. Так, понятия геометрии Лобачевского на первый взгляд кажутся умозрительными, но и они тесно связаны с практикой, ибо без них не было бы ни тео-

рии относительности, ни успехов современной ядерной физики, ни практического использования атомной энергии. Поэтому, будучи отражением свойств и закономерностей объективной действительности, математические абстракции имеют такой же объективный характер, как и абстракции любой другой науки.

Абстрагируя количественные отношения предметов от их качественной специфики, математика, тем не менее, сама не лишена качественности. Напротив, число полно качественных различий, подчеркивал Энгельс (см. «Диалектика природы», 1949, стр. 206—208). Поскольку в реальной действительности количественная и качественная стороны предметов неразрывны, математика, отражая их количественную сторону, отражает вместе с тем и взаимодействие количества с качеством. Но математика выражает не качество реальных вещей, которое воспринимается непосредственно через ощущения, а качество, имеющееся в понятии, например, качества чисел 2 или 5, из которых одно четное, другое — нет.

Всякое отвлечение и обобщение имеет и свою обратную, негативную сторону, ибо способность человеческого разума к отвлечению сопровождается возможностью отрыва отвлеченного от самой действительности, возможностью отлета от реальности, преувеличения и фетишизации, абсолютизации той или иной стороны познания. Математическая абстракция, как и всякая абстракция, содержит в себе эти возможности, причем в гораздо большей степени, чем в естественных науках, именно в силу ее предельно широкой отвлеченности, большей удаленности от материального содержания реальных предметов мира.

Например, абстракция «шар» имеет несколько ступеней отвлечения и обобщения. Шарообразная форма отдельного тела (мяч, яблоко) — это низшая ступень обобщения, данная нам непосредственным представлением. Более высокой ступенью абстракции является представление о шарообразной форме группы различных тел (мячи, плоды, Земля, Луна и т. д.). И наивысшей формой обобщения является понятие о шарообразности тел вообще, то есть математическая абстракция «шар», полностью отделенная от конкретных предметов и описываемая геометрией как тело, образованное вращением полукруга вокруг своего диаметра, или изображаемая математическим уравнением шаровой поверхности с центром в точке C (координаты которой a, b, c даны) и радиусом r :

$$(x-a)^2 + (y-b)^2 + (z-c)^2 = r^2$$

Всякое уравнение такого вида выражает поверхность некоторого шара.

Здесь нет не только непосредственной связи с реальностью, но не отражена в явном виде и генетическая связь. Зато здесь в общей форме даны свойства, характеризующие любой шар, например, равноудаленность любой точки поверхности шара от его центра. Такое полное отвлечение абстракции от конкретных предметов совершенно необходимо для математических операций.

Однако, если рассматривать понятие «шар» как нечто самостоятельно существующее, игнорируя тот факт, что оно образуется отвлечением от качеств реально существующих шаровидных тел и отражает общие их свойства шарообразности, то возможен отрыв от реальности и переход к представлению об абстракции «шар» как якобы изначально присущей человеческому сознанию и т. д. Процесс отвлечения гносеологически доводится здесь до крайности, до образования противоположности между абстрагированным и абстрагируемым, до противопоставления образа действительности и самой действительности. Но такой отрыв абстракции от реальности, преувеличение и абсолютизация ее содержания есть прямая дорога к идеализму.

На это указывал В. И. Ленин, говоря, что «...философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное... развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, оторванный от материи, от природы, обожествленный... Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота voilà гносеологические корни идеализма» («Философские тетради», 1947, стр. 330).

Идеализм в математике превращает в абсолюте абстрактное мышление, спекулируя прежде всего на возможности более легкого отрыва математических абстракций от реальности, чем абстракций любой естественной науки. Известно, что математика имеет дело не только с законами и правилами, отражающими непосредственные количественные отношения в природе (например, с правилами оперирования числами в арифметике), но и создает новые понятия и правила действий с ними, которые не имеют точных прообразов в реальном мире (например, понятие мнимых чисел и правила оперирования ими) и которые, тем не менее, рассматриваются в математике как действительные, самостоятельные величины. На эту особенность математики обращал внимание Энгельс: «Отрицательные величины алгебры реальны лишь постольку, поскольку они соотносятся с положительными величинами, реальны лишь в рамках своего отношения к последним; взя-

тые вне этого отношения, сами по себе, они носят чисто воображаемый характер» («Диалектика природы», стр. 210).

Преувеличив и извратив эту особенность математики, идеалисты делают ложный вывод о том, что якобы человеческий разум имманентно и произвольно творит математические понятия и создает конструкции, которые затем диктует природе, что поэтому вообще нельзя ожидать от математики выяснения природы числа и других ее абстракций.

Это особенно проявилось по отношению к высшей математике, которую не только многие ученые XVII—XVIII веков, но и ряд современных математиков считают чистым порождением ума, ничем и никак не связанным с элементарной математикой.

Однако еще Маркс в своих «Математических рукописях» показал, что нет непреходимой грани между элементарной и высшей математикой, что «алгебраический метод сам собой превращается в противоположный ему дифференциальный», что высшая математика, как и элементарная математика, выросла из практики, но на более высокой основе практики и используя элементарную математику.

Способность математики абстрагировать количественную сторону явлений и закономерностей объективного мира, выражать эти абстрагированные отношения формулами и давать новые выводы посредством обобщения уравнений и вычислений составляет ту сильнейшую сторону математики, которая помогает глубже изучать окружающий нас мир.

Возрастающая роль математики в современной физике

Любая наука, изучая тот или иной качественно своеобразный вид движения материи, неизбежно должна исследовать не только его качественную специфичность, но и давать ему количественную характеристику, ибо количественные отношения присущи как естественным, так и общественным процессам, хотя и в разной степени. Поэтому почти каждая наука пользуется математическим аппаратом. В этом смысле математика пронизывает собою другие науки, особенно такие, как механика, физика, астрономия, химия. Этим и определяется особое место математики в ряду других наук.

Исключительно важное значение имеет математика в физике.

Для современной физики характерны как новая экспериментальная техника, опирающаяся на мощную индустриальную базу, так и новая роль теоретического ме-

тогда исследований, в котором главенствующее место заняла математика. Обе эти стороны часто кажутся оторванными одна от другой, но на самом деле они тесно взаимосвязаны, дополняют и развивают друг друга. Новые физические теории (теория относительности, квантовая механика, теория элементарных частиц) смогли возникнуть только лишь на основе новой экспериментальной техники, ибо современная физика, как и классическая, развивается прежде всего экспериментально. А математика обеспечивает новые поиски теории и указывает пути экспериментальных исследований. В современной физике в отличие от физики классической математика стала средством моделирования физических закономерностей, что сделало ее инструментом прямого исследования этих закономерностей и построения физической теории. Моделирование применялось в физике еще со времен Декарта, но тогда любое физическое явление сводилось к механическому закону. Теперь создается не наглядная механическая, а абстрактная математическая модель физического явления, и математическими методами ведется исследование уравнений, составляющих эту модель.

С развитием физики не только усложняется и развивается ее экспериментальная база, но и используемый ею математический аппарат расширяется настолько, что в квантовой механике «м а т е м а т и к а играет... совершенно исключительную, не вспомогательную, но главенствующую роль» (О. Д. Х в о л ь с о н «Физика наших дней», 1932, стр. 307). Однако это уже не та знакомая математика, которой умели и прежде пользоваться все физики. «Нет, тут на первом плане оказываются такие отделы математики, о которых огромное большинство физиков никогда ничего не слыхало» (т а м ж е, стр. 307—308), например, абстрактные геометрия и алгебра. Это обстоятельство налагает свой отпечаток на развитие физики, еще более подчеркивая как все возрастающую роль математики в современной физике, так и усиление необходимости физического истолкования выводов математического аппарата.

Все более сильное проникновение математики в физику связано с углублением познания природы, поскольку и развитие математического аппарата позволяет все точнее отражать процессы движения материи средствами математики и развитие физики приводит ко все более глубокому изучению форм строения и движения материи.

Физика изучает такие простейшие виды материи и формы движения, законы которых по большей части могут быть выражены в математической форме, т. е. в форме уравнений, представляющих связи и со-

отношения различных сторон материальных объектов и явлений.

Уже в начале XX века, как указывал В. И. Ленин, в физике проявилась тенденция свести материю к движущимся электронам, что позволяло представить движение материи рядом математических уравнений. Крупный успех естествознания того времени состоял в приближении «...к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку...» (В. И. Л е н и н, Соч., т. 14, стр. 294).

За последующие годы физика сделала новый огромный шаг в изучении строения материи, проникнув в глубь атома и ядра. Оказалось, что материю нельзя свести к электронам, что строение материи сложнее, богаче. Были открыты новые элементарные частицы: протон и антипротон, позитрон, нейтрон и антинейтрон, нейтрино, разные виды мезонов. Процесс углубления физики в тайны строения атомов, в законы взаимодействия элементарных частиц материи открывает все более широкие возможности применения математики. На современном этапе никакая физическая теория не может быть плодотворной без выражения ее основных положений и законов в математической форме.

В наше время физика и математика тесно переплетаются. Исследуя развитие физики от конца XIX века до наших дней, немецкий ученый М. Лауэ особо отмечает эту тесную связь современной физики и математики: «Математика стала интеллектуальным орудием физика; только она дает возможность точного научного выражения познанных законов природы и их применения к сложным процессам... Последующие (после открытия логарифмов в начале XVII века и применения их Кеплером в астрономических вычислениях.— Н. К.) успехи физики, а именно в механике, были теснейшим образом связаны с одновременными успехами в математике... И, наоборот, часто постановка физических вопросов обуславливала прогресс математики» (М. Л а у э «История физики». ГИТТЛ. 1956, стр. 9)

Действительно, потребности физики дают математике побудительный толчок и направление дальнейшего развития. История естествознания показывает, как потребности техники приводят к бурному развитию физики, а она, в свою очередь, к появлению в математике новых отраслей, все более точно и адекватно отражающих процессы, происходящие в действительном мире.

Но и физике не обойтись без математики, которая помогает ей создавать более точную картину мира. Здесь следует прежде всего указать на применение в ней

математической экстраполяции, или математической гипотезы. Этот метод состоит в следующем: если мы знаем зависимость данного явления от ряда переменных и постоянных «классических» величин, связанных между собою приближенно некоторым уравнением, то мы можем видоизменить, обобщить это уравнение, получить из него другие соотношения между переменными и прийти к выражениям, совпадающим или расходящимся с опытом, и соответственно этому применить их дальше или отбросить.

Именно таким образом, чисто математическим путем, было положено начало созданию современной квантовой механики в работах немецкого физика Макса Планка. Исследуя проблему теплового излучения черного тела, Планк в 1900 году эмпирическим (как он сам признает) путем получил формулу распределения энергии в спектре излучения абсолютно черного тела. Отсюда непосредственно выводился закон излучения, включающий ранее установленные законы Вина и Рэлея — Джинса как предельные случаи.

Многочисленные измерения подтверждали правильность этого закона в количественном отношении. Но попытки вывести закон излучения теоретически, исходя из представления о непрерывности испускания электромагнитных волн, не удавались. Тогда Планк выдвинул гипотезу о прерывности процесса испускания и поглощения света и ввел в уравнения величину h , а в физическую теорию — представление о квантовом обмене энергией между излучающими системами и полем излучения. Вычисления этого элементарного кванта действия (от латинского *quantum* — количество) дали величину h , равную $6,62 \cdot 10^{-27}$ эрг. сек.

В результате перед Планком встала проблема: «...или кванта действия была фиктивная величина и тогда весь вывод закона излучения был принципиально иллюзорным и представлял просто лишнюю содержания игру в формулы, или при получении этого закона в основе была положена правильная физическая мысль — тогда кванта действия должна была играть в физике фундаментальную роль, тогда появление ее возмещало нечто совершенно новое, до того неслыханное, что, казалось, требовало преобразования самых основ нашего физического мышления, покоившегося, со времен обоснования анализа бесконечно малых Ньютоном и Лейбницем, на предположении о непрерывности всех причинных связей. Опыт решил в пользу второй альтернативы» (статья М. Планка в журнале «Под знаменем марксизма» № 2—3 за 1923 год, стр. 127—128).

Так математическая гипотеза о квантах

привела Планка к установлению основ теории квантов, которая совершила в физике подлинный переворот, обнаружив двойственную природу света.

Математический аппарат помог глубоко изучить закономерности света, отчетливо выразив равнозначность волнового и корпускулярного представлений и показав, что одна и та же математическая схема может быть интерпретирована или как квантовая теория корпускулярной картины, или как квантовая теория волновой картины (см. В. Гейзенберг «Физические принципы квантовой теории», стр. 110—113). Старый спор о волновой или корпускулярной природе света разрешился в результате как новых экспериментальных исследований, так и математической разработки этой проблемы.

На основе открытия квантов энергии в 1924—1926 гг. работами Луи де Бройля, Шредингера, Гейзенберга, Дирака и других ученых была основана волновая, или квантовая, механика, представляющая собой теорию движения микрочастиц, которые проявляют как корпускулярные, так и волновые свойства. Квантовая механика, отражающая двойственную природу света и вещества, составляет основу современной атомной физики и многочисленных практических ее приложений.

Развитие квантовой механики проходило в прямой зависимости от разработки ее математического аппарата.

Известно, что в разработке квантовой механики оказались эквивалентными два различных пути теоретических исследований, представленные работами Гейзенберга и Шредингера. Гейзенберг посредством специального математического аппарата создал так называемую матричную механику. Шредингер же, взяв за основу идеи де Бройля о волновом движении, чисто математически открыл очень важное уравнение, названное его именем и составившее одну из основ квантовой механики. Это был путь математического рассмотрения аналогий между механикой и оптикой.

Математика позволяет также осуществлять соединение квантовой теории с теорией относительности, что раскрывает новые широкие возможности познания физических закономерностей. Средствами математики проводится так называемое квантование электрических и магнитных полей, позволяющее глубже познать особенности структуры и взаимодействия элементарных частиц.

Метод математической гипотезы сыграл важную роль и в открытии античастиц, имеющем большое значение для развития ядерной физики. К теоретическому представлению об античастицах привело последовательное развитие и сочетание идей

теории квантов и теории относительности. Поль Дирак в 1928—1930 гг. при помощи созданного им особого математического аппарата получил линейное волновое уравнение электронов. Опираясь этим уравнением, Дирак пришел к так называемой «плюс—минус трудности», состоящей в том, что конечное выражение зависит от решения квадратного корня, которое, как известно, дает два результата: плюс и минус,— а поэтому электрон может обладать как положительным, так и отрицательным значением энергии. Отсюда Дирак сделал вывод, что могут существовать частицы и соответствующие им «дырки» с зеркально противоположными свойствами.

Так математический аппарат помог Дираку как бы нащупать свойства античастиц. Но математика не решает вопроса о вещественном содержании описываемых ею отношений. Придав исключительное значение математическому аппарату, Дирак отвлекся от материального содержания изучаемых объектов, рассматривая их как «дырки» в пространстве, заполненном отрицательными энергиями и существующем без материи. Получилась идеалистическая, мистическая картина мира, искажающая его действительные отношения. Естественно, что такой вывод Дирака вызвал в то время скептическое отношение со стороны многих ученых.

Однако, несмотря на идеалистические выводы Дирака, его математическая теория правильно предсказала существование античастиц, которые впоследствии были открыты. В 1932 году К. Андерсон открыл существование «положительного электрона», названного позитроном и являющегося античастицей электрона. В 1955 году американскому физическому профессору Сегре удалось доказать существование антипротонов, а в 1956 году было открыто существование антинейтронов. Открыть антипротон и антинейтрон раньше не удавалось, так как их массы значительно больше массы электрона, и поэтому для выделения их в чистом виде нужно придать им большую энергию (например, для обнаружения антипротонов требуется энергия больше 4 млрд. электроновольт), чего удалось достичь лишь после создания ускорителей большой мощности. Таким образом, математическая гипотеза стала физической теорией античастиц лишь после ее экспериментального подтверждения.

Это еще раз доказывает неразрывную связь и взаимодействие экспериментального и математического методов физического исследования, огромную роль того и другого в процессе научного познания природы.

Это подтверждает также и то, что ма-

тематическое описание законов физики дает правильное и достаточно точное отражение физической картины мира и что математика — это не только удобный прием, не только просто вычислительный аппарат, но и адекватное отражение объективных связей и отношений действительности с их количественной стороны.

Искажение роли математических абстракций, как одна из гносеологических причин «физического» идеализма

Все более широкое применение математического метода является крупным прогрессом физики. Но математические уравнения, как бы ни были они важны для физики, не исчерпывают содержания физической теории, так как выражают лишь количественную сторону материальных связей и соотношений объектов. Для правильного понимания физических явлений необходимы еще представления о природе изучаемого материального объекта, т. е. надо знать не только математическое выражение исследуемых закономерностей, но и их физический смысл.

Очень хорошо раскрыл это положение Л. Инфельд, подчеркнув, что «нужно отличать математическую структуру физического закона от его физического содержания... Математическая структура уравнения ничего не говорит нам об описываемом фрагменте действительности, пока мы не свяжем выступающих в этом уравнении математических символов с действительностью. Символы, фигурирующие в математических примерах, представляют известные величины нашего реального мира. Пока нами не установлено, что они представляют, наша теория абстрактна, имеет определенную математическую структуру, но не имеет никакого физического содержания» (статья в журнале «Вопросы философии» № 4 за 1955 год, стр. 127). Мы получаем физическую теорию только тогда, когда математические уравнения связаны с действительностью. «Таким образом, каждая физическая теория должна быть охарактеризована не только посредством математической структуры, но и посредством показа связи этой математической структуры с фрагментом материального мира, к которому она относится» (там же).

Именно так подходит Инфельд к оценке теории относительности Эйнштейна, о которой ведется так много споров. Рассматривая теорию относительности как голую схему формул, идеалисты исказили творческую, исследовательскую роль математики в физике. Инфельд показывает физическое содержание теории относительности

и делает вывод, что она представляет собой «одно из замечательнейших завоеваний человеческого мысли», что она является «огромным шагом вперед в области нашего познания», что ее физическое содержание, согласное с опытом, должно вполне соответствовать принципам диалектического материализма.

Вопрос о необходимости более четкого различения математической структуры и физического содержания теории чрезвычайно важен для физики, ибо без этого невозможно установить границы применимости данного вычисления, и тогда оно может оказаться пустой абстракцией, лишённой всякого смысла и значения.

Любую физическую закономерность можно выразить посредством математической формулы, в которую входят и физические понятия (понятие заряда электрона e , ускорения земной тяжести g и др.). Однако, оперируя математическими формулами, мы отвлекаемся от материальных объектов (электронов, протонов и других частиц). Более того, в ходе вычислений, как известно из алгебры, мы можем вынести общие множители за скобки, а затем сократить обе части уравнения на одинаковые множители. С точки зрения математики это вполне правомерно. Но это совсем не означает, что соотношения, выражаемые таким уравнением, существуют независимо, сами по себе, без какой-либо материи. Такой взгляд резко критиковал В. И. Ленин: «Понятно, что если какое-нибудь тело взять за единицу, то движение (механическое) всех прочих тел можно выразить простым отношением ускорения. Но ведь «тела» (т. е. материя) от этого вовсе еще не исчезают, не перестают существовать независимо от нашего сознания. Когда весь мир сведут к движению электронов, из всех уравнений можно будет удалить электрон именно потому, что он везде будет подразумеваться, и соотношение групп или агрегатов электронов сведется к взаимному ускорению их...» (Соч., т. 14, стр. 275).

Неправильное понимание роли математики в физике, подмена физики математикой, забвение материи самими физиками открывают путь для любой разновидности идеализма.

Извращение роли математики в физике можно проследить, например, у А. Эддингтона в книге «Философия физической науки», где он утверждает, что все в мире сводится к ряду отношений, структура которых рассматривается математически с помощью теории групп. Причем, с его точки зрения, совершенно неважно, что является субстратом этих отношений. «Мы знаем лишь структуру, а не то, структурой чего она является» (А. E d d i n g t o n

«The philosophy of physical science». Cambridge, 1949, p. 150). Наше наблюдение, по Эддингтону, может лишь раскрыть отношения между сущностями, например, между элементарными частицами, поэтому цель физического знания — структура такого отношения, т. е. рассмотрение отношения частиц, а не того, каковы эти частицы сами по себе. Более того, познание природы частиц, по его мнению, невозможно, так как «...элементарная частица есть продукт анализа этой структуры» (там же, стр. 164). Поскольку, с точки зрения Эддингтона, важно рассмотреть лишь «модель переплетения» отношений, а объективное содержание их не имеет значения, то в физике выдвигается на первый план математика, роль которой состоит в ограничении утверждений физики «структурными знаниями» (там же, стр. 142). Под видом «неоправданного добавления» и «приукрашения чисто структурного описания» (там же, стр. 146) из физики исключается все, кроме математического рассмотрения «структуры» ряда отношений.

В итоге физика не только ограничивается математикой, но и сводится к ней. И сколько бы ни говорил Эддингтон, что надо-де не просто применять уравнения, а понимать, при каких условиях они применимы (там же, стр. 56), как бы ни протестовал он против отождествления физической теории с ее ведущей математической формулой (там же, стр. 55), весь ход его рассуждений приводит к подмене физики математикой.

Цель всех этих рассуждений обнажена в заявлении Эддингтона о том, что, признавая физическое знание структурным, мы тем самым якобы уничтожаем дуализм материи и сознания (см. там же, стр. 151, 152). На самом же деле Эддингтон лишь повторяет претензии махизма подняться выше и материализма и идеализма, что, как показал Ленин, является замаскированной защитой идеализма.

Искажение роли математики в физическом исследовании, попытки подменить физику математикой характерны и для ряда других физиков-теоретиков.

В том же духе высказывается, например, П. Йордан в книге «Физика XX века», где он объявляет атом «системой формул» и «каркасом для классификации экспериментальных данных». Еще откровеннее заявление Дж. Джинса: «Говорят, будто Кронекер как-то сказал, что в арифметике Бог создал целые числа, а человек — все остальное; в таком же духе мы, вероятно, можем добавить, что в физике Бог создал математику, а человек — все остальное» (J. J e a n s «Physics and Philosophy». Cambridge, 1948, p. 16). Поэтому, говорит

Джинс, правильна лишь математическая картина мира.

Так идеалисты изгоняют материю, оставляя лишь безобидную «систему формул», из которой можно вывести что угодно, в том числе и самого господ бога.

Особенно много внимания современные идеалисты уделяют квантовой теории и теории относительности, которые являются результатами мощного прогресса современной физики и вместе с тем дают повод для всяких идеалистических умствований, ибо в них создаются новые, немеханистические понятия тела, пространства, времени, движения и другие. А в тех случаях, когда идет ломка старых понятий и определяются новые взгляды, идеализм всегда пытается найти доводы в свою пользу.

В квантовой механике рассуждения идеалистов ведутся в основном вокруг понятия «частица». Микрообъект квантовой механики не является материальной точкой, локализованной в пустом пространстве; в нем неразрывно переплетены свойства и частицы и волнового поля, которое неотделимо от частицы. Отсюда глава копенгагенской школы физиков Н. Бор делает идеалистический вывод о том, что якобы мы можем получить или описание микрочастицы в пространстве и времени без причинности или наоборот (принцип дополнительности). Проблема изучения объективных свойств микрообъектов сводится, таким образом, лишь к проблеме измерений, к установлению соотношений прибора и микрообъекта. А отсюда делаются и все другие далеко идущие выводы: что частица-волна есть лишь математическая конструкция, лишь «ансамбль возможностей», что движется не микрообъект, а «волнуется вероятность», что никакой причинности в микромире нет, и т. п. В итоге концепция дополнительности приводит к отрицанию возможности более глубокого познания микромира. Кроме того, представители копенгагенской школы считают математический аппарат квантовой механики лишь символическим и связывают его не со свойствами атомных объектов, а с координацией результатов измерений, что является несомненным подтверждением идеалистического характера воззрений этих физиков.

Отказываясь от материализма, не зная диалектики, некоторые современные уче-

ные-физики, таким образом, неизбежно скатываются к идеализму, заявляя, будто задача физики состоит не более чем в разработке математического формализма, призванного помочь вычислять результаты опытов. Так, А. Эддингтон писал, что человеческому разуму остается лишь «извлекать из явлений природы законы, которые он сам в них вложил» («Пространство, время и тяготение», Одесса, 1923, стр. 198); иначе говоря, он воскресил старую кантовскую идею о том, что разум предписывает законы природе. Идеалисты упускают из виду тот факт, что и законы физики и законы математики отражают реальную действительность, но каждый в своей особой форме, так как физика и математика изучают разные стороны действительности.

Идеализм «физический» тесно взаимосвязан и взаимодействует с идеализмом «математическим», питая собою общее течение идеализма в современных естественных науках так же, как разные отростки корней дерева питают и поддерживают жизнедеятельность его в целом.

Однако было бы совершенно неправильным суживать значение математики в исследовании физических явлений на том основании, что идеализм использует эту науку в своих целях. К идеализму приводит не сама по себе математика, а те извращения, которые возникают в связи с неправильным пониманием ее роли в физике. По мере углубления наших знаний и дальнейшего разложения исследуемых объектов природы на все более однородные и простые элементы роль математики для экспериментальных наук будет возрастать, но правильное понимание характера и роли математических абстракций предотвратит распространение идеалистических воззрений.

Современный «физический» идеализм представляет собой продолжение и развитие того «физического» идеализма, который возник в конце XIX века и был разоблачен Лениным. Поэтому поставленные Лениным задачи борьбы против идеализма не являются пройденным этапом, а, наоборот, приобретают все большее значение и в наши дни, ибо огромный прогресс в развитии физики дает все больше фактов, которые могут быть использованы для различных фальсификаций со стороны идеалистов.

О применении математического метода в биологических науках

В. М. ЖДАНОВ

Допустимо ли применение математического метода в биологических науках? Этот вопрос, поднятый в статье А. Верцинского (журнал «Вопросы философии» № 1 за 1956 год) и В. С. Ивлева (там же, № 6), требует дальнейшего обсуждения.

Вряд ли найдется биолог, считающий себя марксистом, который бы ответил отрицательно на этот вопрос, поставленный в такой общей форме. В самом деле, с точки зрения материалистической диалектики, в каждом явлении, в каждой форме движения, в том числе и в биологической, имеются качественная и количественная стороны. А последняя принципиально во всех случаях может быть подвергнута изучению математическими методами.

И, тем не менее, именно в биологии применение математического метода чаще всего встречает возражения. Это происходит, с одной стороны, вследствие сложности биологических явлений по сравнению, скажем, с физическими и химическими, с другой стороны, потому, что применение математических методов исследования к биологическим явлениям нередко приводило к серьезным методологическим ошибкам. Наглядным примером таких ошибок являются многие неправильные выводы математической генетики и «квантовой», «вычислительной» эпидемиологии.

Обжегшись на молоке, многие биологи дуют на воду, возражая против всяких попыток конкретного применения математического метода в биологии, особенно если делается попытка выявить количественные закономерности биологических явлений. Наиболее часто эти возражения облекаются в общую формулу: нельзя, дескать, сводить сложные биологические процессы к математическим уравнениям. Так, например, была в свое время оценена попытка Ш. Д. Мошковского выявить количественные закономерности в эпидемиологии малярии (см. рецензию Е. Н. Павловского и Б. Н. Николаева в «Журнале микробио-

логии, эпидемиологии и иммунобиологии» № 1 за 1952 год). Критики не дали себе труда по существу разобрать математическую интерпретацию эпидемического процесса Ш. Д. Мошковым (а здесь есть о чем поспорить), отделившись вышеупомянутой общей формулой да хлесткими эпитетами в придачу.

Другой пример. Во время дискуссии по вопросам биологии в общем правильно были раскритикованы основные положения формальной генетики.

Дальнейшее развитие генетики после сессии ВАСХНИЛ подтвердило, что прежние представления формальной генетики о генах как о полностью огражденных от влияний внешней среды и изолированных друг от друга «крупинках наследственности» неправильно, как неправильно и сведение всей сложной проблемы формирования признаков организма к чистой комбинаторике этих «крупинок».

Но почему им не были противопоставлены другие, правильно познанные количественные закономерности генетики? Не потому ли, что легче отделаться общей фразой о зависимости наследования признаков от разных условий среды?

Кстати, несколько слов о том, что «нельзя сводить сложные биологические процессы к математическим формулам». Здесь следует сказать, что не только в биологии, но и в физике, где математический метод исследования нашел себе широкий простор, явления не «сводятся» к формулам: математические формулы лишь выражают количественные соотношения в том или ином явлении, процессе, выражают с разной степенью приближения.

Рассмотрим некоторые направления в применении математических методов для изучения биологических явлений.

Наиболее часто в биологических науках применяется вариационная статистика, и как раз применение этого метода не может встретить возражений даже со стороны самых рьяных противников приме-

ния математики в биологических науках. Область применения этого метода весьма широка и охватывает любой раздел биологии и медицины, имеющий дело с массовыми явлениями или многократными наблюдениями.

Несколько реже предпринимаются попытки выразить результаты наблюдений в виде функциональной зависимости, хотя многие биологические процессы легко доступны подобного рода математической обработке. Приведем несколько примеров. Биеение пульса, дыхательные движения, электрические токи, связанные с сокращением сердечной мышцы, и другие подобного рода процессы нередко изображаются с помощью различных приборов в виде периодических (повторяющихся) кривых. Путем математической обработки эти кривые можно выразить в виде более или менее простых функций времени $F(t)$. Полученные таким образом формулы не выражают ничего нового, кроме того, что вместо графического изображения мы имеем соответствующую ему запись в виде математического выражения.

Однако здесь-то чаще всего и «открываются» разного рода «законы» и допускаются весьма произвольные обобщения. Примером тому служат многие «законы» вычислительной эпидемиологии. Любую эпидемию или эпизоотию можно изобразить графически в виде кривой нарастания, а затем падения числа заболеваний по дням. Любую такую кривую можно затем представить в виде функции времени

$$F(t) = Af_1(t) + Bf_2(t) + Cf_3(t) + \dots,$$

причем в зависимости от характера кривых, способа математической обработки и степени точности изображения кривой с помощью функции $F(t)$ отдельные ее составляющие $f_i(t)$ могут быть либо линейными, либо тригонометрическими, либо иного вида функциями, а константы $A, B, C, \dots$ — иметь разное значение. И, конечно, анализ этих функций и констант ни в какой мере не вскрывает движущих сил эпидемического процесса. Между тем многие зарубежные эпидемиологи путем такой нехитрой математической обработки пытались выводить «законы» эпидемического процесса (см., например, Сталлибрайт. «Основы эпидемиологии», 1936; Пикхан (Pickhan) «Deutsche medizinische Wochenschrift», 1943, № 7; Ципльд (Ziezold) «Zeitschrift für Hygiene». Bd. 124, 1942, S. 124). Последний автор, к примеру, пытается предсказывать сроки появления эпидемий холеры во второй половине XX века на основании анализа хода кривых и сроков эпидемий в XIX веке.

Ошибки подобного рода применения ма-

тематического анализа биологических явлений настолько очевидны, что даже язык не поворачивается назвать их методологически неправильными, до того потрясающая наивность этих исследователей.

Поэтому, когда речь идет о применении математического метода для анализа количественных закономерностей в биологии, мы имеем в виду возможность более глубокого проникновения в существо явлений, а это, в свою очередь, требует знания их специфики. И здесь применение математических методов исследования может действительно раскрыть закономерности, которые ускользают при одном только качественном их описании или примитивном измерении.

Поясним сказанное примером.

Известно, что в начальной стадии роста популяции бактерий, когда в питательной среде имеются в избытке питательные вещества, а продукты метаболизма еще не накопились настолько, чтобы оказывать тормозящее действие, размножение бактерий происходит в геометрической прогрессии с постоянной скоростью деления. Закономерность, изложенная только что словами, может быть выражена в виде математической формулы:

$$N = N_0 e^{kt} \quad (1),$$

где N_0 — исходное число бактерий, N — число их через промежуток времени t , e — основание натуральных логарифмов, k — так называемая константа роста, определяющая скорость размножения бактерий.

Приведенная формула — типичный пример функциональной зависимости, не раскрывающая существа процесса роста популяции, а дающая лишь его количественное описание.

Изучение сущности процесса роста бактериальной популяции показывает, что в рассматриваемой фазе прирост массы бактериальных тел (dm) пропорционален количеству потребления питательных веществ (dc), то есть

$$dm = adc \quad (2).$$

Обратим внимание на то, что коэффициент

пропорциональности $a = \frac{dm}{dc}$ имеет впол-

не реальный биологический смысл: это коэффициент ассимиляции, указывающий, какая доля поступивших в тело бактерий питательных веществ идет на прирост их массы.

Бактериальные клетки в отличие от более высокоразвитых организмов всасывают питательные вещества через всю свою поверхность, то есть

$$dc = pSdt \quad (3).$$

Обратим и здесь внимание на то, что коэффициент пропорциональности $p = \frac{dc}{Sdt}$

также имеет вполне реальный биологический смысл: это скорость всасывания питательных веществ, то есть количество их (dc), прошедшее через единицу поверхности (S) за определенный отрезок времени (dt).

Если теперь учесть, что $M = mN$ и $S = sN$, где m — средняя масса одной бактериальной клетки, S — средняя ее поверхность, а N — число бактериальных клеток, и сопоставить выражения (2) и (3), то получим:

$$mdN = apNdt$$

или, интегрируя это дифференциальное уравнение,

$$N = N_0 e^{ap\sigma t} \quad (4),$$

где $\sigma = \frac{s}{m}$ — средняя удельная поверхность бактериальной клетки¹.

Мы получили выражение, сходное с (1), но значительно глубже раскрывающее сущность явлений размножения бактериальной популяции. Константа роста здесь раскрыта

$$k = ap\sigma \quad (5)$$

как произведение коэффициента ассимиляции, скорости всасывания и удельной поверхности. Само по себе познание этих параметров, имеющих реальный биологический смысл, является шагом вперед в изучении роста бактериальных популяций, не говоря уже о том, что дальнейший математический анализ экспериментального материала открывает возможности связать эти параметры с видовыми особенностями биохимии бактериальных клеток, строения их оболочек и т. п.

Может показаться, что в приведенном примере формула (4) «выведена» априорно. На самом деле это не так: все рассужде-

ния являются результатом обобщения экспериментальным путем полученного материала, так как исходные выражения (2) и (3) являются краткой формулировкой фактов, добытых микробиологией на протяжении десятилетий. Не приходится поэтому удивляться, что правильность уравнения размножения бактерий (4) как первого приближения хорошо подтверждается в эксперименте (см. В. М. Жданов «Количественные закономерности размножения бактерий в логарифмической фазе», Доклады Академии наук, 1947, т. 58, стр. 311).

В качестве еще одного примера можно сослаться на работу Д. А. Франк-Каменецкого («Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1935, т. 14, стр. 923), установившего путем анализа данных о размерах колоний *Salmonella* Breslau, что при разных плотностях засева поверхности агара средний размер колонии обратно пропорционален квадратному корню из числа колоний на единицу площади. В данном примере форму-

ла для диаметра колонии была $\alpha = \frac{6,65}{\sqrt{n}}$, где

n — число колоний на 1 см². Этот анализ позволил сделать вывод, что ограничение колоний по мере увеличения плотности посева определяется накоплением продуктов жизнедеятельности бактерий.

Нашей задачей являлось на примерах показать некоторые возможные направления применения математических методов в биологии. Мы также пытались привлечь внимание на некоторые вопросы методологии, связанные с применением математики в биологии, а также на типичные ошибки, нередко при этом допускаемые.

В итоге следует сделать вывод о крайней желательности более широкого внедрения математического метода в изучение биологических процессов. Познание качественной стороны биологических явлений должно неизменно сопровождаться попытками раскрыть количественные закономерности, лежащие в их основе.

¹ В случае, когда в питательной среде находится несколько веществ, это выражение принимает вид: $N = N_0 e^{(a_1 p_1 + a_2 p_2 + \dots) \sigma t}$

Образование и область применимости научных понятий*

Томас А. БРОДИ (Мексика)

I

Развитие науки, и в особенности физики, за последние пятьдесят лет вызвало появление целого ряда философских трудов, имеющих своей целью решение многих проблем, которые возникли в связи с обнаружением того факта, что окружающая нас природа является не только более богатой, чем предполагалось, но и более сложной. Причиной появления множества трудов явились в особенности преобразования эпистемологии, оказавшейся неспособной объяснить новые методы науки.

К сожалению, и сами физики не смогли достаточно ясно определить значение своих новых открытий. Подавляющее большинство их, будь то теоретики или экспериментаторы, предпочитает заниматься теми непосредственными задачами, с которыми они сталкиваются в ходе своей работы, тогда как изложение результатов их труда дается в более общей и понятной форме во многих книгах популяризаторского характера, ценность которых в большинстве случаев спорна. В этих условиях не приходится удивляться тому, что многие философы, по-видимому, несколько заблуждаются. Было бы излишним требовать, чтобы они приобрели глубокие знания всего многообразного аппарата физических и технико-математических идей, без которых невозможно проникнуть в тайники теоретической физики; но удовлетворяться поверхностными обобщениями популяризаторов — это также не выход. Без сомнения, вина ложится и на физиков и на философов. Чтобы найти выход из этого печального положения, необходимо устано-

вить между ними тесное и многостороннее сотрудничество.

Научные идеи проявляются в форме взаимосвязи между понятиями; с другой стороны, они объединяются, чтобы образовать в тесной связи с экспериментальными данными стройную теорию. С целью установления основы эпистемологических споров я бы хотел коснуться вопроса о научных понятиях, вопроса о том, чем они являются и чем не являются, коснуться области их применения, того, как эту область можно ограничить, и способов преодоления ее границ. Если я избрал примеры из области физики, то это объясняется не только тем, что сам я физик-экспериментатор, но и тем, что в физике эпистемологические проблемы проявляются более ясно, я бы сказал, в более чистом виде, чем в биологических или социальных науках.

II

В качестве примера я хотел бы взять для начала одно простое, казалось бы, всем привычное понятие — понятие длины. Если мы, например, хотим измерить длину письменного стола, то метод этого измерения не представляет собой большой проблемы. Берем линейку или метрический шнур и устанавливаем, скольким делениям соответствует протяженность этого стола. Этот метод вполне научен; это значит, что он дает нам возможность получить взаимосвязанные данные, которые нас не обманывают. Если, например, ширина письменного стола равна 1 м 10 см, то мы сможем предсказать, что он не пройдет через дверь, размер которой не превышает 90 см, и пройдет через дверь в 1 м 20 см. Опыт подтвердит наше предсказание.

Однако встречается много случаев, когда этот простой метод неприменим (например, при измерении расстояния между объектами, разделенными широкой рекой). В этом случае мы пользуемся более слож-

* Статья представляет собой перевод доклада, прочитанного автором на семинаре по проблемам науки и философии в Институте физики (г. Мексико) и опубликованного в серии трудов этого семинара (Thomas A. Brody «Formacion y extension de los conceptos scientificos», 1956, México).

ными, геодезическими методами триангуляции: теперь расстояния измеряются уже не путем прямого сопоставления с эталоном, представленным линейкой, а путем измерения углов и последующих расчетов. Однако при сравнении результатов измерений, произведенных этими двумя методами, они оказываются одинаковыми, исключая, конечно, неизбежные ошибки при измерениях. Методом триангуляции была, например, найдена точная длина провода, необходимого для установления телеграфной связи между городом Веракрус и островом Куба. Чтобы провести сравнение с другим методом измерения, скажем, что определенная способом триангуляции высота г. Мексико над уровнем моря соответствует величине, найденной при помощи барометра.

Таким образом, мы имеем три эквивалентных метода определения длины, и каждая отрасль физики могла бы представить нам другие, соответствующие ее частным задачам. Но как бы различны ни были эти методы, все они измеряют одно и то же — длину. Это очень важно и в дальнейшем позволит нам сделать некоторые интересные выводы.

Длина представляет собой не только величину, которую можно измерить; ее значение основано на том факте, что в комбинации с другими величинами она органически входит в механику. Расстояние, которое тело проходит в единицу времени, есть его скорость; из скорости выводим ускорение; ускорение и сила входят в знаменитые уравнения Ньютона. Механика Ньютона полностью подтверждена как в эксперименте, так и практикой; без нее мы не смогли бы построить ни дома, ни автомобиля, ни локомотива.

А теория Эйнштейна? Ньютоновская механика вполне пригодна на земле для малых расстояний и ограниченных скоростей. Но в гигантских, астрономических пространствах, для высоких скоростей, с которыми двигаются атомные частицы, она отказывается. Купленный мною автомобиль на земле имеет длину 2 м 27 см независимо от того, движется он со скоростью 100 км в час или стоит на месте. Но если бы мы смогли увеличить его скорость до 30 тысяч км в секунду, то длина его была бы равна всего 2 м 26 см.

Мы видим здесь, что длина уже не имеет той природы, которой она обладала раньше, так как она, в частности, зависит от скорости. Тело, которое движется со скоростью света, обладает нулевой длиной для неподвижного наблюдателя. Эйнштейн, обнаружив эти противоречия, увидел, что они неразрешимы в рамках старых понятий длины и времени, и создал новые понятия, которые объединяют природу дли-

ны и длительности, это — четырехмерное пространство-время.

Первоначально многие ученые протестовали против забвения традиционной логики; но со временем не только были разработаны логические основы новой теории, но она была подтверждена рядом опытов, так что сегодня нельзя себе представить физику без специальной теории относительности.

Тогда спрашивается: почему инженеры не рассчитывают мосты и локомотивы исходя из теории относительности? Причина очень проста: для таких скоростей и малых расстояний, которыми заняты инженеры, релятивистская механика сводится к ньютоновской с большей точностью, чем точность наших измерений. Работы Эйнштейна, как бы революционны они ни были, не разрушили, не отвергли ньютоновское здание, они лишь определили его пределы, преодолели их, переформулировали ньютоновские понятия таким образом, что они теперь приложимы к более обширной области.

Но идея, которую здравый смысл составил себе о длине, имеет свои границы не только в направлении астрономических величин. Когда точность приближается к атомным величинам или меньшим, понятие длины начинает терять свой смысл. Атомы находятся в вечном движении, и любое их измерение не дает ничего, кроме средней величины; таким образом, атомные величины также не определены с абсолютной точностью, потому что электрон не имеет определенных размеров и положения в том смысле, в каком имеет их, например, письменный стол. Квантовая механика считает даже электрон диффузным, особенно когда речь идет о его объеме, «концентрация» которого постепенно уменьшается по мере удаления от центра атома.

Здесь длину нельзя себе представить таким же образом, как длину макроскопического предмета; фактически количества, которые измеряются долями сантиметра, входят в уравнения квантовой механики совершенно другим способом, чем в ньютоновскую механику, и играют там другую роль.

Из вышесказанного мы уже можем сделать некоторые важные выводы:

1. Физическое понятие характеризуется своими отношениями с другими понятиями; эти отношения, как правило, выражаются математическими уравнениями, которые образуют нечто логически связанное, то есть лишенное внутренних противоречий.

2. Каждое понятие имеет лишь ограниченную область своего приложения, вне этой области его необходимо переформулировать так, чтобы оно могло удовлетворять

другим уравнениям, или даже его можно отбросить, чтобы использовать другую систему понятий.

3. Для использования одного и того же понятия могут существовать различные методы установления численных величин, то есть измерения количества. Эти методы сходны между собой: данные, которые они представляют, обозначают одно и то же и входят одинаковым способом в уравнения, показывающие поведение изучаемой системы. Кроме того, когда применяется несколько методов, все они дают сходные численные величины, конечно, в пределах возможных при опытах ошибок.

4. Один метод измерения не всегда равноценен во всей гамме применения того понятия, которое он измеряет, но вне этой области, которую мы назовем областью применимости (*extension*) понятия, этот метод неизбежно отказывается; если он нам и предоставит кое-какие численные данные, они будут обманчивы.

III

Попытаемся уточнить эти положения, рассматривая другие понятия, как, например, понятие температуры. Последнее есть уточнение ощущений холодного и горячего. На первый взгляд наши представления о температуре могут показаться несводимыми, но работы прошлого века позволили выяснить природу этого понятия.

Температура измеряется термометром. Рассмотрим пока стеклянный ртутный термометр, хотя исторически он не был первым. Общепринятый способ состоит в градуировании термометра; две температуры — тающего льда и кипящей воды при нормальном атмосферном давлении — условно берутся как постоянные точки, соответствующие 0° и 100° . На капиллярной трубке градусника отмечаем уровень ртутного столба при этих температурах и между этими точками наносим 100 одинаковых делений, каждое из которых будет соответствовать одному градусу. Поместив градуированный таким образом термометр в любую среду, находящуюся в термическом равновесии, мы сможем прочесть на шкале температуру.

Этот способ измерения температуры подводит одновременно и к выводу и к вопросу. Вывод заключается в том, что измерение температуры сводится к измерению длины: измеряем ртутный столб. Фактически почти все измерения, которые делает физик, сводятся к линейным измерениям или исчислениям (например, время измеряется углом поворота стрелок часов, но элементарная геометрия учит нас, что мерой угла является длина соответствующей дуги). Ниже мы увидим значение этого вывода.

Вопрос же возникает следующий: что произойдет, если вместо стекла и ртути мы будем использовать другую пару градусных элементов? Например, спирт в стекле или биметаллическую пластинку, которая сгибается или разгибается с изменением температуры, передавая свои движения стрелке. Для каждого градусника, построенного таким образом, устанавливаем две постоянные точки на его шкале (0° и 100°) и этот интервал делим на 100 равных отрезков. Если градусники эквивалентны и одинаково приспособлены для измерения температуры, они должны показать одинаковую температуру при погружении в одну и ту же ванну. Фактически так приблизительно и получается. Показания довольно близки, и среди большинства градусников отмечаются лишь незначительные расхождения, не влияющие, например, на их практическое применение. Но, тем не менее, тщательное изучение раскрывает некоторые систематические различия, обусловленные конкретными свойствами взятых для градусников элементов.

Таким образом, в нашем понятии еще существует некоторая неточность. Если существует термическое равновесие, а наш опыт показывает, что в хорошо изолированной системе оно со временем устанавливается, тогда старые взгляды заставят нас считать, что все тела имеют одинаковую температуру; поэтому мы вынуждены или отбросить эту идею, или уточнить, что такое температура, чтобы получить возможность ее измерить без тех отклонений, которые вытекают из свойств различных материалов.

Если отбросить предположение, что определенному термическому равновесию соответствует одна температура, каковы бы ни были тела в равновесии, мы придем к такому понятию температуры, которое будет свойственно лишь определенным типам материи, каждой субстанции. Но так как эти температуры можно было бы сравнить лишь посредством электрических измерений, мы не смогли бы получить достаточно общую идею, чтобы создать основу для такой важной и широкой науки, как термодинамика.

В связи с огромными успехами термодинамики в объяснении явлений своей области решение физиков XIX века найти более общее понятие температуры кажется вполне обоснованным. В ходе этих поисков они установили, что различие между некоторыми типами термометрического вещества подчиняется довольно любопытному закону: дело касается газов, где чем меньше их давление в градуснике, тем незначительнее разница в шкалах. Исходя из нулевого давления, была получена довольно

общая градусная шкала: шкала идеальных газов, которые подчиняются очень простым законам газов при нулевом давлении.

С этим открытием был сделан значительный шаг вперед: температура уже являлась не частным свойством каждой субстанции, а общим свойством газов, самой простой формы материи. Но в своем развитии термодинамика добилась еще большего — открытия второго закона термодинамики, провозгласившего невозможность перенесения тепла от холодного тела к горячему без помощи энергии, взятой извне. Этот закон может быть так сформулирован, чтобы он помог определить градусную шкалу: термодинамическую шкалу, полностью независимую от природы взятой системы. Пригодность этой шкалы подтверждается как теоретическими, так и экспериментальными доказательствами, показывающими, что она полностью совпадает со шкалой идеальных газов.

Стало возможным уточнить понятие температуры, исключить как один из факторов свойство материи; была также достигнута довольно широкая обобщенность, позволившая этому понятию войти в теорию термодинамики. В этом процессе методы измерения сыграли очень важную роль: они обнаружили неточности и влияние тех посторонних факторов, которые первоначально не учитывались. Но никакой метод измерения не оказался сам по себе способным показать, как решить обнаруженное противоречие. Только теория, руководящаяся экспериментальными данными и подтверждаемая ими на каждом шагу, смогла сделать это.

На примере длины мы видели, что понятия имеют ограниченную область применимости и нуждаются в некотором изменении, чтобы найти приложение вне этой области. То же самое относится и к температуре. Но в этом случае необходимость преобразования понятия ограничена возможными температурными величинами. Она ограничена низшей температурной величиной (абсолютный нуль — 273°C); в этом случае понятие полностью сохраняет свое значение. Что касается границы высших температур, то до сих пор не возникло необходимости изменить взгляды, которые физики имеют на этот счет. Нет никаких других соображений, кроме глубоко теоретических, которые вообще могли бы заставить нас пересмотреть понятие температуры.

С точки зрения систематической предмет термодинамики и теории тепла занимает обособленное место. Термодинамика базируется, как известно, на двух основных законах: первый — закон сохранения энергии, говорящий, что в изолированной системе общее количество энергии, включая и тепловую, постоянно. Второй закон

говорит, что энтропия изолированной системы не может уменьшаться в процессе внутренних преобразований системы. Формулируя более понятно, хотя и в менее общей форме, можно было бы сказать так: тепловая энергия не может перейти от одного тела к другому, более горячему, без затраты внешней энергии. Таким образом, теория, основанная на этих двух законах, объединяется с другими разделами физики лишь через понятие энергии.

Понятия термодинамики, ее методы исследования и математические формулировки независимы и отличны от других отраслей физики. С теоретической точки зрения имеется ряд особенностей, наиболее важной из которых является то, что второй закон термодинамики говорит относительно времени: это единственный научный закон, который придает определенность течению времени. Любой физический процесс, согласно этому закону, должен протекать так, чтобы общая энтропия системы не уменьшилась. Законы механики, электричества и оптики обратимы. Луч света, например, может пройти через оптическую систему; луч, исходящий с другого конца, пройдет в противоположном направлении по той же самой траектории.

Это своеобразное положение термодинамики тесно связано с другим, которое раскрывается при рассмотрении структуры материи. Классическая термодинамика не принимает во внимание корпускулярное строение материи; она исходит из ряда постулатов, не зависящих ни от какой частной идеи о строении тех тел, обмен тепловой энергией между которыми она изучает. Однако другие отрасли физики показывают нам, что материя состоит из частиц — атомов и молекул — и что разница между твердыми, жидкими и газообразными веществами зависит от силовых взаимодействий этих частиц. Если эти силы настолько могущественны, что удерживают каждую частицу на своем месте, то мы имеем твердое тело; в жидкости они могут двигаться, но остаются на определенном расстоянии одна от другой, как в твердых телах. И только в газах движение полностью свободно, за исключением случаев столкновения молекул. Количество частиц, участвующих в этом движении, такое, что если бы даже мы сумели рассмотреть траекторию каждой отдельной частицы, мы никогда не смогли бы закончить простейшее изучение всей совокупности частиц, например, газа в помещении. Необходимо прибегнуть к статистическим методам и забыть об индивидуальности движений отдельных молекул.

Наукой, отвечающей этой необходимости, является статистическая механика; она оказалась очень полезной. Первым

важным результатом ее было уяснение того, что такое температура, которую можно свести к энергии посредством теплового движения. Эта идентификация ведет нас дальше первоначального понятия температуры: когда тело, температура которого измеряется, имеет очень мало молекул, статистическая механика дает не совсем точные данные, так как среднее, извлеченное из небольшого количества величин, не имеет точного и определенного значения; классическая термодинамика не знает никаких исключений. Опыт показал, что эти неточности, имеющие значение даже в повседневной жизни, существуют: ими объясняется голубой цвет нашего неба.

Эта идентификация температуры с энергией посредством теплового движения указывает также и на границы понятия: для одной или двух молекул она не годится, и не потому, что мы не можем ее рассчитать, а потому, что данных совершенно недостаточно: когда мы можем рассчитать и изучить движение детально, нет необходимости в посредничестве. Тут позволительно уже оставить понятие о средней энергии движения, которое соответствует понятию температуры, чтобы заменить его понятием нестатистической механики индивидуальных тел.

Таким образом, мы видим, как можно перейти от неясной и туманной идеи количества к понятию более ясному и определенному с помощью методов определения числовых значений и пространства, границы которого известны.

Кроме того, мы видим, что понятие включает в себя некоторые условия, в особенности содержит возможность пренебрегать некоторыми факторами, которые мы считаем или постоянными или незначительными. По отношению к температуре мы видим, что если число молекул очень велико, то ими можно пренебречь; их значение важно, когда их очень мало. Решение же вопроса о том, надо ли считаться с тем или иным фактором, нельзя принять раз и навсегда. Опыт должен определить решение того, важна или нет допущенная ошибка. Химик, например, никогда не учитывает статистические неточности теплового движения даже для минимальных количеств его реактивов; и, наоборот, инженер, занимающийся электроникой, или всякий, кто изучает полупроводники, часто должен считаться с этими неточностями, даже тогда, когда дело касается макроскопических проводов и полупроводников.

IV

Попытаемся теперь резюмировать и сформулировать более ясно то, что можно вывести из рассмотренных нами частных случаев.

Научное понятие есть в первую очередь построение, основанное на реальности, открытой опытом и измеряемой тем или иным методом, во многих случаях целым рядом методов. Это построение, сначала туманное и плохо определенное, потом при помощи организованного и направленного опыта уточняется. На каждом этапе этого процесса необходимо учитывать то, насколько правильно понятие выражает реальность, которая считается отраженной в нем, и сколькими экспериментальными методами можно получить соответствующие числовые значения.

Во-вторых, научное понятие имеет вполне определенную область применимости, ограниченную возможностью игнорировать или считать постоянными некоторые факторы общей описываемой системы. Эта возможность уже определена тем конкретным частным приложением, которое может быть дано этому понятию; таким образом, область применимости понятия изменяется в зависимости от преследуемой цели. Тем не менее во многих случаях различные области применимости понятий, соответствующие значительному большинству их возможных на сегодня приложений, в некоторой степени совпадают; тогда можно говорить об области применимости понятия безотносительно к его специфическому приложению.

В-третьих, научное понятие является частью одной или нескольких систем понятий, систем логической структуры, имеющих одинаковую область распространения для всех понятий. Эта система есть то, что мы называем научной гипотезой, а в случае, если эта система имеет широкое распространение и твердо установлена, мы называем ее теорией. Если мы подойдем к границе применимости понятия, то в этом случае могут произойти три вещи: 1) может оказаться достаточной переформулировка понятия без изменения существенной основы тех гипотез, в которые оно входит; это происходит прежде всего тогда, когда метод измерения имеет недостаточно общий характер; 2) понятие и вместе с ним вся система понятий могут нуждаться в новом определении, таком, в которое первоначальное определение было бы включено как составная часть или предел: так происходит, например, с понятием длины или со всеми другими понятиями ньютоновской теории в релятивистской интерпретации; 3) может возникнуть необходимость попросту отбросить понятие или заменить его другим или другими совершенно иного характера.

В-четвертых, противоречия, которые возникают таким образом в границах распространения различных понятий, не являются ни постоянными, ни абсолютными.

ми. Мы уже говорили, что положение границы зависит от практической необходимости, которая возникает при употреблении того или другого понятия. Но с точки зрения более основательной мы видим, что «истины», представленные различными понятиями, не являются ни абсолютными, ни взаимоисключающими: они абсолютны только в той части, где они верны и относительны в своих ограничениях. Они взаимно дополняют друг друга.

Я хотел бы остановиться на этом, приводя пример, возникший в результате недавнего интересного спора. Мой собеседник выразил удивление по поводу того факта, что ученые рассматривают, например, этот стол как рой мельчайших частиц, находящихся в быстром и постоянном движении, тогда как по видимости стол неподвижен, холоден, гладок и непроницаем. Какая из этих концепций истинна? Противоречие между ними очевидно и глубоко. И тем не менее обе они представляют истину, но истину частичную и неполную, обе концепции являются частными сторонами более сложной истины.

Рассмотрим эту проблему. Движения молекул, которые образуют поверхность стола, быстры и непостоянны, но имеют свои границы. Фактически каждая молекула колеблется вокруг среднего положения, и амплитуда этих быстрых и беспорядочных движений очень невелика — намного меньше того, что может фиксироваться самым лучшим микроскопом. Кроме того, между молекулами действуют относительно большие силы, которые не только удерживают их в среднем положении, но и препятствуют в огромной степени проникновению посторонних молекул. Теперь предположим, что кто-то положил руку на стол. Молекулы руки имеют более быстрое движение, чем молекулы стола, и в происходящих столкновениях теряют часть энергии. Эта потеря энергии ощущается как потеря тепла, тогда мы говорим, что стол холоднее руки. Вместе с тем, несмотря на столкновение, молекулы руки не могут проникнуть между молекулами стола; мы говорим, что стол имеет твердую поверхность. Таким образом, мы видим, что нашу макроскопическую идею стола мы могли бы вывести из его микроскопических свойств. Между этими двумя концепциями, такими противоречивыми и непримиримыми, существует полная преемственность. Эти концепции верны каждая в своей области: столу, который делает стол, не нужно учитывать его молекулярную структуру, но физик, который изучает взаимодействие тел со столом, должен ее учитывать. Тем не менее между этими двумя концепциями существует значительная разница: из молекулярной мы можем вывести макроско-

пическую, но не наоборот; макроскопическая концепция — это предельный случай, частный случай молекулярной теории, которая имеет поэтому более общий характер.

Область применимости понятия, как мы говорили, представляет собой функцию факторов, которые были использованы при его построении. Очень часто эти факторы неизвестны или плохо известны; тогда границы применимости понятия остаются еще не установленными, и кажется, что понятие имеет очень широкую область применения. Эта видимость не должна обманывать ни физика, ни философа: если мы построим систему, основанную на очень широком обобщении ее основных понятий, будущие успехи науки откроют в нашем здании одну брешь за другой, и от него останутся одни руины. Они могут казаться очень величественными, но, тем не менее, это будут только руины. Думаю, что нет необходимости приводить примеры грандиозных философских конструкций, которые постигла эта участь.

И, наконец, границы применимости понятия можно преодолеть путем новой формулировки или нового построения. Важно подчеркнуть, что скачок на новый уровень не является ни автоматическим, ни легким делом. От физика требуется способность, которую можно было бы назвать «дисциплинированным воображением». На основе твердых знаний фактов и экспериментальных данных воображение физика обязано исследовать все возможные пути со смелостью, способной разорвать границы наших старых идей, поддерживая при этом постоянную связь с природой, с теми частными явлениями, которые он пытается объяснить. Необходимо ясно видеть, в чем состоит то противоречие, которое ограничивает распространение понятия. Надо видеть, из каких факторов возникло это противоречие, и тогда, может быть, удастся преодолеть противоречие в новой структуре, имеющей более широкую область применения и обладающей меньшим числом предполагаемых постоянных или незначительных факторов.

Как только мы нашли более широкую конструкцию, наступает время решающего испытания. Новое понятие должно, кстати, более обоснованно объяснить найденные нами в старом понятии противоречия. Более того, новое понятие должно побудить к новым экспериментам и открыть более обширную область для понимания естественных явлений, чем любая другая концепция. И лишь эксперимент, который подтверждает выводы, сделанные из новой формулировки, показывает ее ценность. Таким образом, замыкается основной типический цикл научного исследования: из экспери-

мента возникает необходимость нового теоретического объяснения, а из теории, в свою очередь, возникает необходимость практического осуществления.

V

Все, что до сих пор сказано, может показаться достаточно очевидным, простой переработкой того, что дает здравый смысл. Хочу, тем не менее, подчеркнуть, что все это основывается не только на рассмотренных двух примерах длины и температуры, но обобщает опыт физиков в построении, разграничении и употреблении своих понятий. Идеи, которые я пытался представить, имеют, таким образом, довольно хорошо обоснованный общий характер. Это позволит нам сделать важные выводы философского характера. Прежде всего тот факт, что построение новых, более соответствующих научным понятиям возможно лишь на основе должным образом направленного и интерпретированного опыта, говорит о взаимодействии, которое существует между изучаемой нами окружающей природой и нашей собственной исследовательской деятельностью. Наши открытия являются результатом взаимодействия между природой и нами: никто не должен удивляться, найдя следы человека в том, что он открывает. Это кажется более понятным, если учесть, что в конце концов человек не посторонний в природе, а является ее составной частью. Тем не менее даже многие физики заблудились, рассматривая этот вопрос. Широко известно, например, описание Эддингтоном ученого как человека, который, потерявшись в пустыне, следует по следам таинственного животного и в результате больших трудов и лишений узнает его: это он сам, оставивший свои следы на песке...

Иногда действительно случается, что объяснение явления, кажущегося таинственным, находится в деятельности экспериментатора; но не менее истинным является и то, что, изучив результаты нашей деятельности, мы всегда сможем их узнать во взаимодействии с другими факторами, зависящими от других причин и являющимися предметом исследования. Другими словами, с человеческим фактором нужно считаться, его устранение позволяет изучать естественные явления свободными от человеческого влияния. Это устранение иногда бывает очень трудным и требует серьезных усилий со стороны физика, но оно осуществимо, и деятельность физика не напоминает движений слепого во мраке, так описываемых Эддингтоном: «Происходит нечто неведомое, мы не знаем что — вот конечный результат нашей теории» (A. Eddington «The

Nature of the Physical World», Cambridge, 1928, p. 291).

Во-вторых, можно увидеть, что основное условие для выработки понятия состоит в том, что физическая природа, несмотря на свое совершенное единство, по крайней мере временно может быть разложена на изолированные части. Если бы это было не так, мы были бы вынуждены, даже в простейших случаях познания, учитывать все факторы вселенной; и любое исследование, любое понимание естественных процессов оказалось бы навсегда невозможным, хотя бы из-за ограниченности нашего мозга. То, что мы в состоянии игнорировать почти всю вселенную и сконцентрировать наше внимание лишь на тех фактах, которые нас интересуют, является настолько естественным, что почти никогда не упоминается. Однако мы не должны забывать, что, по сути дела, это — чрезвычайно удивительное свойство нашей вселенной, кроме того, это свойство не носит абсолютно-го характера. Изолирование, которое помогает нам строить наши понятия, всегда частично и временно, ибо как только мы перейдем некоторые границы, остальная часть вселенной начинает давать себя чувствовать, и понятие достигает предела своего значения. Это основная причина того, что области применимости физических понятий не бывают и никогда не смогут стать бесконечными; это также причина того, что возникает часто забываемая необходимость дополнить анализ синтезом, посредством которого изолированная нами на время система возвращается на свое место во вселенной.

В-третьих, я бы хотел рассмотреть в свете вышеизложенных идей некоторые эпистемологические положения, предложенные науке, например, формулировки, данные членами знаменитого «Венского кружка», особенно Карнапом и Нейратом. Карнап рассматривает проблемы логики наук посредством так называемого логического анализа: «Философия должна быть заменена логикой науки, т. е. логическим анализом научных понятий и высказываний, так как логика науки есть не что иное, как логический синтаксис научного языка» (R. Carnap «Logical Syntax of language», p. XIII).

Этот логический анализ сводится к переводу всех научных высказываний, сделанных в «материальном модусе речи», к «формальному модусу». Согласно «формальному модусу», наука сводится к системе предложений, основу которой составляют так называемые «протокольные предложения». Говоря обычным языком, наука — это система теорий и законов, основанных на свойствах природы, открытых опытом. Но, согласно Карнапу, этот

способ выражения приведет нас только к ошибкам. Теперь посмотрим, что представляют собой «протокольные предложения» «формального модуса»: «Самые простые предложения протокольного языка это протокольные предложения, т. е. те предложения, которые не нуждаются в каком-либо обосновании, и сами служат основой для всех других предложений науки» (Р. Сагпар «The Unity of science»).

Так как, согласно «формальному модусу», нет никакой возможности установить разницу между самими «протокольными предложениями», то единственное, что можно от них потребовать, — это чтобы они логически входили в систему других предложений, но требовать от них, чтобы они соответствовали реальному физическому миру, нельзя. Один из учеников Карнапа объясняет нам это: «Предложения должны сравниваться с другими предложениями, а не с «опытами», не с «миром», не с чем-либо подобным. Все эти ненужные удвоения принадлежат более или менее утонченной метафизике и поэтому должны быть отвергнуты. Каждое новое предложение сравнивается со всей совокупностью предложений, с которыми оно согласовано. И предложение считается правильным, когда оно входит в систему. Все, что нельзя систематизировать, отвергается как неправильное. Вместо того, чтобы отвергать новые предложения, мы можем всегда, когда нам трудно, прийти к определенному решению, менять всю систему предложений до тех пор, пока можно будет включить в нее новые предложения» (цит. по книге Вейнберга «An Examination of Logical Positivism», p. 277).

Очевидно, что все это построение далеко от истинной науки. Предложения, которыми оперируют, не имеют никакого отношения к действительности, открываемой экспериментатором; в их построении господствует крайний произвол; основы системы предложений и вместе с ними все содержание системы, очевидно, могут быть избраны наугад. Нейрат специально подчеркивает произвольный характер выбора основных постулатов. Этот выбор делается иногда путем соглашения между учеными, но ничего общего с философией и логикой не имеет. Наоборот, принципы, на которых основывается этот выбор, образуют предмет новой отрасли социологии, специально созданной для изучения поведения, собственного ученым (O. von Neurath «Soziologie in Physikalismus». «Erkenntnis». Bd. 2). В действительности же очевидно, что нет никакой необходимости подвергать физические понятия какому бы то ни было «логическому анализу», так как сама природа заставляет физиков изменять струе-

туру своих идей до тех пор, пока их внутренняя логика не станет ясной и приспособленной для отображения реального мира.

Операционализм, главным представителем которого является североамериканец Бриджмен, дает более серьезную эпистемологическую формулировку. Из правильного в большинстве случаев наблюдения, что понятие и соответствующий ему метод измерения имеют одну и ту же область применимости, Бриджмен заключает, что понятие можно выразить через его метод измерения. Другими словами, если нет экспериментального способа определения численных значений для какого-либо понятия, то оно лишено смысла. Более того, сама операция измерения есть понятие: «Обычно мы считаем понятие не чем иным, как рядом операций; понятие — это синоним соответствующего ряда операций» (P. W. Bridgman «The Logic of Modern Physics», p. 5).

Справедливо указывая на важное значение измерения, операционализм, сосредоточив свое внимание исключительно на этой стороне понятия, оказался в безвыходном положении. Ясно, что физическое понятие, которое нельзя выразить численно, имеет небольшую ценность, но его точная и адекватная формулировка является в большинстве случаев исходной точкой для дальнейшего исследования, которое впоследствии приведет к установлению соответствующего метода измерения. Кроме того, большая часть физических понятий может быть измерена разными способами, кажущимися иногда сильно отличающимися, как мы видели на примере длины. Почти все измерения по своей сущности являются измерениями длины, как в случае с температурой, но это не значит, что все соответствующие понятия сводятся к длине.

Как мы говорили, критерием для определения значения понятия служит его способность правильно отображать часть природы, отображать ее так, чтобы сделанные выводы могли быть осуществимы. В этот критерий наряду с другими требованиями, конечно, включается возможность нахождения числовых данных. Но если свести научное понятие к соответствующим измерительным действиям, то мы не умножим его возможности, а уменьшим, так как определенное таким числом понятие имеет лишь частное значение и вне своего объема не выдерживает сопоставления с экспериментальными данными и не способно ни адаптироваться, ни преобразовываться, чтобы создать более широкое понятие.

В заключение я хотел бы остановиться на вопросе, возникшем в одной из частных областей физики — в квантовой механике. Развитие квантовой механики про-

извело ряд глубоких изменений в физических понятиях; и несмотря на то, что еще осталось много нерешенных проблем, квантовая механика представляет собой неизмеримый шаг вперед, ей, кроме всего прочего, мы обязаны возможностью использования ядерной энергии. Но ничто лучше не показывает скорости, с которой развивается современная физика, чем факт появления первых противоречий внутри самого здания квантовой механики: мы уже подходим к границам этой науки, и некоторые физики уже направляют свои взгляды за ее пределы. Но — на этом я и хочу остановиться теперь — существует такая эпистемологическая формулировка основ квантовой механики, которая доводит ее до абсолюта, делая невозможным ее преодоление, подобно тому, как ею была преодолена классическая механика. Я имею в виду взгляды Бора и его школы относительно принципа дополнительности.

Как известно, принцип Гейзенберга ставит границы точности, с которой можно определить некоторые меняющиеся физические пары. Такими парами являются: положение и импульс частицы, энергия и время наблюдения или угол и угловой импульс вращающейся системы. Результат перемножения неточностей этих двух измерений не может быть меньше $\hbar$ — постоянной Планка. Если мы измерим с абсолютной точностью величину одной из этих пар, то о другой величине мы ничего не будем знать; и, наоборот, мы можем определить другую величину, потеряв при этом все, что мы узнали о первой.

Копенгагенская школа формулирует эти, подтвержденные теорией и практикой факты посредством своего принципа дополнительности; возможны два рода экспериментальных приспособлений: первый позволяет определить соотношение импульса и энергии, второй — пространственно-временные соотношения, но одновременное использование обоих приспособлений исключено. Квантовое описание явлений разлагается, таким образом, на две друг друга дополняющие операции; в этом смысле их единство позволяет получить полное описание для классической физики.

Эта концепция так тесно ассоциирует квантовые частицы с инструментами исследования, что первые перестают существовать сами по себе. Бор говорит, что «нельзя приписать самостоятельной реальной действительности, в обыкновенном смысле слова, ни частицам, ни инструментам» (N. Bohr «La théorie atomique et la description des phénomènes», Paris, 1932). То же пишет и Филипп Франк: «Строго говоря, сама по себе частица, без описания экспериментального приспособления, не является физической действительностью...

Электрон, проходящий через диафрагму, не должен быть назван наблюдаемым объектом, если мы хотим избежать ошибки. Электрон, это собрание физических величин, которое мы вводим с целью установления системы принципов, исходя из которых мы сможем логически вывести то, что показывает стрелка измеряющего аппарата» (P. Frank «Foundations of Physics» in «Internacional Encyclopedia of Unified Science», I, № 7). Таким образом, мы приходим к позитивистской путанице между физической действительностью, понятием, которое ее отражает, и инструментами, используемыми нами для ее изучения. Многие физики явно не могут удовлетвориться этим, а также смириться с трудностями, которые возникают при изучении того, что представляет собою реальный мир. В частности, Эйнштейн всегда поднимал свой голос в защиту такой концепции, которая предоставила бы более адекватное описание реально существующего мира¹.

Есть еще другая сторона теории дополнительности, на которой имеет смысл остановиться. Бор и его ученики считают принцип дополнительности абсолютной основой нашего познания мира, преспокойно распространяя его на другие предметы: «Эпистемологический урок, который нам преподнесло современное развитие физической науки, где проблема позволяет дать относительно сжатую формулировку принципов, может иметь значение также и для других отраслей знания, где предмет носит менее доступный характер. Один из примеров этого — биология, где механистические и виталистические аргументы используются типично дополнительным способом. В социологии такая диалектика также может быть полезной, в особенности в решении проблем, которые возникают при изучении и сравнении человеческих культур, где мы должны бороться с присутствующими каждой национальной культуре особенностями, выражающимися в форме предрассудков, которые, очевидно, нельзя оценить с точки зрения других наций» (N. Bohr «Dialectica», 1948, 2, № 3—4).

Такое распространение принципа дополнительности на другие науки могло бы быть оправдано лишь в случае его всеобщего и абсолютного значения. Я не намерен рассматривать тут значение этого принципа в биологии и социологии, так как считаю себя некомпетентным в этих

¹ См. Einstein, Podolsky and Rosen «Physical Review», 1935, 47, 777. Einstein «Scientific Papers presented to Max Born», p. 33. Спор между Эйнштейном и Бором изложен и комментирован последним в книге «Albert Einstein, Philosopher Scientist», Evanston, 1949.

областях, но должен признаться, что его значение в физике весьма сомнительно. С одной стороны, этот принцип неприменим ко всем величинам квантовой механики, а лишь к тем парам, которые взаимно незаменимы. С другой стороны, этот принцип не дает нам более глубоких знаний природы. Наоборот, он говорит приблизительно следующее: вот вам непреодолимая граница физического исследования, здесь предел познаваемости вселенной.

Этот случай аналогичен рассмотренному выше случаю со сверхмикроскопической длиной; там понятие также оказывается ложным из-за наличия границы точности, которую можно достигнуть. Более совершенная аналогия имеет место в теории волнового движения: волна точно определенной частоты имеет бесконечную протяженность; хорошо локализованная волна образуется из накладывания бесконечного количества волн различной частоты, поэтому у нее нельзя найти определенной частоты; между этими двумя крайними случаями существуют наблюдаемые волны, имеющие более или менее определенное положение и более или менее определенную частоту. Эта аналогия хороша именно тем, что в квантовой механике поведение частиц интерпретируется как поведение, управляемое определенной волной вероятности. Таким образом, если в акустике, например, не возникает соотношений Гейзенберга или принципа дополнительности, то это происходит потому, что в акустике волновые переменные употребляются как таковые и не истолковываются как изображения механических переменных движения ассоциированных частиц.

Вероятностная ассоциация, или, вернее сказать, статистическое взаимодействие между волной и частицей, в квантовой механике создает ряд проблем интерпретации; но принцип дополнительности лучше отражает свойства самой волны, и противоречие, которое выражается в нем, указывает, что есть предел сведений, которые можно получить в модели волны вероятности.

Надеюсь, я наглядно показал, что если нам представляется такое, кажущееся окончательным противоречие, то на этом не кончается наша возможность понять мир, а лишь исчерпывается полезность применяемой системы понятий. Таким образом, чтобы более полно описать физический мир, оказалось необходимым найти

новый синтез, новую систему более широких понятий.

Мы пришли к этому заключению исходя из уже изложенных нами общих идей о свойствах и области применимости физических понятий. Открытие того, что фактически современная квантовая механика оказалась ложной в ряде важных положений, явилось приятным доказательством, подтверждающим все сказанное выше; если она имела огромный успех в объяснении электронного движения в атоме, то она не смогла добиться столь же удачного объяснения движения внутри атомного ядра; мезонные поля, и в особенности свойства целого ряда частиц, открытых в последнее время, могут быть описаны только посредством все более и более сложной математической техники, все менее и менее определенной в отношении своего физического смысла и иногда изобретенной *ad hoc*; и, наконец, остается большой пробел с тестетической стороны: это — полное отсутствие какой-либо связи между квантовой механикой и общей теорией относительности — двумя самыми крупными обобщениями современной физики.

Сведение теории дополнительности к абсолютному принципу приводит к отрицанию возможности преодоления возникающих трудностей; этот принцип признает лишь существование противоречия, которое превращается в конечный предел науки. К счастью, многие физики начинают признавать, что, наоборот, необходимо сделать усилие, чтобы преодолеть этот предел, и если до сих пор попытки, сделанные в этом отношении, не достигли значительного успеха, то, тем не менее, был предложен ряд возможных путей и спор остался неоконченным¹.

Непригодность принципа дополнительности, по-видимому, покоится на слишком негибком, категорическом толковании значения некоторых физических понятий.

Тем не менее я ожидаю, что мое небольшое изложение послужит делу уяснения этого вопроса: физические понятия, как и все вещи в мире, нельзя построить из мрамора, на вечное существование; они должны развиваться, расти, глубоко преобразовываться в зависимости от требований нашего все расширяющегося познания мира, который они отражают.

¹ Особое значение в этом деле имеет вклад таких ученых, как Бом, Фок, Блохинцев, Яноши, де Бройль и Вигье.

Современные течения философии в Мексике

Эли де ГОРТАРИ (Мексика)

Философия, как известно, является идеологическим отражением, хотя часто и искаженным, тех проблем, с которыми сталкивается человек в своей деятельности, — как насущных, требующих немедленного разрешения, так и более далеких и общих. Сами философы нередко выражают свои мысли весьма туманно, особенно тогда, когда они испытывают страх перед последствиями, вытекающими из их выводов, или пытаются отвлечь внимание человека от проблем, все более настойчиво заставляющих его задумываться о своем общественном бытии. Тем не менее, несомненно, что философия имеет свои корни в экономическом, социальном и политическом развитии общества, что взгляды, выражаемые в каждую историческую эпоху, соответствуют тем социальным битвам, которые происходят в эту эпоху, и что философия, в свою очередь, влияет на ход событий.

В Мексике, как и во всех других зависимых странах в эпоху империализма, жизненные условия подавляющего большинства населения чрезвычайно плохи. Более того, они постоянно ухудшаются в результате двойной эксплуатации, которой подвергается ее народ со стороны местных помещиков и буржуазии и со стороны североамериканских империалистов, расширяющих национальные богатства страны. Это положение отражается в различных формах общественного сознания, в том числе и в философии. В связи с обострением классовой борьбы идеологические битвы становятся все более ожесточенными. Североамериканский империализм проявляет настойчивое стремление к идеологическому господству с целью упрочения своего экономического господства. Но так как в области философии североамериканцы довольно-таки нищи, они поощряют течения, выросшие на почве европейского декадентства, и пропагандируют некую панамериканскую философию. Необходимо отметить, что в Мексике социальная борьба едва лишь начинает принимать форму борьбы

политических партий и что в этой борьбе прибегают в основном к косвенным средствам, одним из которых является философия. Поэтому особый интерес представляет анализ современных философских течений в Мексике. В этом анализе мы постараемся прояснить туманные выражения, употребляемые некоторыми нашими философами по профессиональной привычке или в качестве дымовой завесы, чтобы скрыть убогость идей, которых они придерживаются, а также постараемся показать связь между различными философскими течениями и социальными группами, участвующими в политической борьбе, памятуя, что эта связь далеко не всегда носит прямой характер и очень часто непоследовательна.

Неосхоластический анахронизм

Прибавляя суффикс «нео» к старому слову, современные мексиканские схоласты пытаются придать новизну своему учению и устранить впечатление анахронизма, которое внушают средневековые течения в наше время. Применение частицы «нео» академическими философами обычно обозначало более или менее полный пересмотр старой философской системы, сведение в некоторых случаях первоначальной философской системы к роли предшественницы чего-то нового. Если бы так поступали неосхоласты, можно было бы признать, что они представляют некое обновленное философское течение с какими-то новыми принципами по сравнению с теми, которые были выработаны в средневековых монастырях. Но когда мы анализируем идеи, предлагаемые нам сегодня в качестве неосхоластических, мы в лучшем случае встречаемся с критикой рационалистического толкования схоластических концепций различными философами, имеющей целью показать их заблуждения и несоответствие их взглядов каноническим концепциям.

Для схоластов философия представляет

собой деятельность, не связанную с жизнью и ее проблемами. Миссия человека, по их мнению, состоит в том, чтобы, не касаясь, по возможности, вопросов политики, экономики и других социальных проблем, всецело посвятить себя созерцанию метафизических сущностей и утешению религией. Связь человека с действительностью состоит якобы в интуитивном раскрытии абсолютного и проявляется в непреклонном желании добиться духовного господства над обществом. Из всех своих забот наиболее важной схоласты считают познание божественной сущности вещей, которое они рассматривают как монополию церкви.

Когда политическая власть находится в руках схоластов или им выгодно укрепление существующей власти, они ее защищают. Когда же эта власть пытается перейти границы, которые ей устанавливают схоласты, они оказывают ей неистовое сопротивление. Учение схоластов находится в оппозиции ко всяким социальным сдвигам. Особенно упорно они стараются навязать убеждение в том, что полного своего освобождения человек может добиться, только уничтожив в себе все человеческое, земное. По утверждению схоластов, большие исторические дела рождаются в головах немногих избранных, на которых нисходит божественное вдохновение.

Неосхоласты представляют в основном прошлое Мексики. Их идеи тесно связаны с эпохой колониального господства, с периодом господства Итурбиде, с диктатурой Санта-Аны, Максимилиана и режимом Порфирио Диаса. Как политические движения, так и вооруженные мятежи, направленные на уничтожение демократических завоеваний мексиканского народа, например, государственный переворот Викториано Уэрта, восстание «кристерос» и мятеж Сатурнино Седильо, произошедший перед второй мировой войной, находили в схоластической философии надежное идеологическое оружие. В данный момент томисты являются главным образом идеологами классов, причинивших наибольший вред Мексике: помещиков и крупных торговцев. Эти группы частично отстранены от политической власти революцией 1910 года, но их идеологи претендуют на то, чтобы быть выразителями интересов всех мексиканцев. Свои претензии они обосновывают при помощи чудовищной лжи. Пользуясь тем, что большинство мексиканцев — католики, а схоластика является официальной доктриной католической церкви, схоласты объявляют себя борцами за общее благо всех мексиканцев. Они стремятся вычеркнуть из сознания народа дорого обошедшийся ему исторический опыт, убеждающий его в том, что полити-

ческие, социальные и философские доктрины церкви вовсе не являются чуждыми интересам «мира сего».

Социальные группы, идеологией которых является схоластика, питают надежду на возвращение к власти и действуют в этом направлении весьма решительно. Их позиции укрепляются по мере роста новой группы земельных собственников, владеющих землями с оросительными системами, а также финансовых кругов, оказывающих поддержку торговому кредиту тех компраторских групп, которые непосредственно заинтересованы в инвестициях США. Церковные сановники и идеологи схоластической философии все теснее сближаются с руководителями этих групп и все усерднее защищают империалистические интересы, представляемые североамериканскими заправками католической церкви.

Однако существуют и другие тенденции внутри схоластической философии, отражающие взгляды некоторых слоев народа, особенно отсталого крестьянства. Эти тенденции враждебны идеологическому проникновению североамериканского империализма, которое они рассматривают как «протестантизм» и отвергают как антикатолицизм.

Большинство сторонников неосхоластики составляют чиновники и мелкие торговцы городов, смутно осознающие социальные проблемы. Эта доктрина, как неоднократно подтверждала история Мексики, является палкой о двух концах. Направляемая священниками из народа в пользу действительных интересов народа, она часто оборачивается против его зачинателей. В данный момент мексиканские схоласты в целом стараются сохранить существующий в Мексике режим, сделав его лишь более похожим на режим Порфирио Диаса, то есть отойти от либеральных и демократических принципов, выражающих народные требования, отдать национальные ресурсы иностранному капиталу и поддержать развитие буржуазных групп, действующих в качестве сателлитов североамериканского империализма. Возможность осуществления их намерений зависит от того, насколько настойчиво мексиканский народ будет продолжать борьбу за улучшение своей жизни и насколько правильное направление получит эта борьба.

Критическое положение критического идеализма

Спустя двадцать лет после того, как первая мировая война заглушила в Европе последние отзвуки неокантианства, в Мексике образовался кружок неокантианцев. Он оказал воздействие на взгляды

влиятельного среди мексиканской интеллигенции философа-спиритуалиста Антонио Касо, имевшего обыкновение восторженно и беспорядочно истолковывать все философские течения, которые он считал новыми и причислял к спиритуализму. Кроме того, этот кружок оказал содействие изданию работ немецких авторов, опубликованных в Мадриде в «Западном журнале». Члены кружка стремились поддержать доктрину, которая казалась им весьма новой. Неокантианство привлекало их тем, что оно претендовало на подтверждение своих философских положений данными науки. Поэтому неокантианство в Мексике скоро приобрело многочисленных последователей. Члены кружка «Друзей критической философии» опубликовали шесть переводов и тринадцать книг по аксиологии, логике, этике, педагогике, истории философии и издали семь номеров «Философской газеты мексиканских неокантианцев».

Для неокантианцев предметом философии является культурная деятельность человека, ограниченная ее духовной стороной. Неокантианцы считают, что существует лишь то, что определено мыслью, то есть мысль просто является созерцанием самой себя, а все остальное — пустая иллюзия. Поправляя Канта — а в этом главным образом и состоит их новшество, — неокантианцы целиком отрицают объективную реальность. По их мнению, мир есть «идея», которая непрестанно развивается, являясь одновременно радикальным объяснением смысла человеческой жизни. Критический характер этого идеализма состоит в априоризме его метода, с помощью которого определяется сущность, функция, структура и применение «идеи». Большое значение, по мнению неокантианцев, имеют законы, «объективность» которых заключается в том, что они не имеют под собой ничего реального и независимого от сознания. Солидаризируясь с главными кантовскими школами — Марбургской и Баденской, неокритические философы Мексики, тем не менее, стремятся самостоятельно «переработать» кантианство. Программа мексиканских неокантианцев заключается в попытке решить (причем в полном противоречии с Кантом) три проблемы: 1) возвести математическую концепцию бесконечно малых в ранг основной категории естественных наук; 2) истолковать развитие наук исключительно на основе чистого мышления, минуя всякие данные чувств; 3) отвергнуть независимое от сознания существование какой бы то ни было «вещи в себе».

Согласно неокантианцам, философия состоит из трех частей: логики, этики, эстетики. Логика, или теория познания, является самокритикой мысли, умозри-

тельным выводением законов, которые априори управляют миром мысли, где каждый индивидуум формируется сам по себе и для самого себя. Таким образом, по мнению неокантианцев, логика не зависит от других наук и действительности, а, наоборот, является основой, на которой воздвигается всякое знание. Ее исходной категорией является «первоначальное суждение», которое позволяет мысли создавать «что-то» из ничего путем хождения вокруг да около, то есть путем определения того, что может быть «ничем». Таким образом, «первоначальное суждение» просто представляет собою априорное «синтетическое суждение» Канта, очищенное от всяких признаков материализма.

Этика, или философия права, неокантианцев, со своей стороны, старается найти юридические законы, которые управляют мыслью в идеальном обществе. Так как общество, по их мнению, возникает и существует только благодаря законодательству, то получается, что основной категорией этики является «чистая воля». Право составляет основную структуру жизни общества. Человеческое общество изображается как преимущественно юридически регулируемая жизнь, а социальная борьба превращается, таким образом, в борьбу за право и внутри права, которое якобы стремится к гармонии интересов всех членов общества посредством акта «чистой воли».

Что касается эстетики, или теории художественного творчества, то неокантианцы рассматривают его как продукт свободной фантазии «чистого чувства». Произведением искусства оказывается чистая иллюзия. То, что изображается в художественном произведении, изображается таким, каким оно должно было бы быть в его стремлении достигнуть «идеи» прекрасного. В результате анализа «идей» изящества, возвышенного, элегантности, иронии, комического, юмора неокритики приходят к выводу, что в великом произведении сочетаются все превосходные эстетические качества, и таким образом устанавливают «основное уравнение», гласящее, что «великое произведение равно мастерскому произведению».

И, наконец, мексиканские неокантианцы с подчеркнутым интересом занимаются педагогикой, или философией воспитания, включенной незаконным образом в их оригинальную систему. «Идея» педагогики делится ими на четыре основные темы: педагогическую онтологию, аксиологию воспитания, дидактику обучения и организацию воспитания. Из этого явствует, что неокритики стараются в данном вопросе отойти от «чистой» теории и перейти к практической деятельности. Нео-

кантианцы прилагают большие усилия, чтобы положить свою доктрину в основу официальной теории воспитания в Мексике. Они сделали несколько попыток забрать в свои руки руководство просвещением, и им удалось захватить некоторые бюрократические должности в Секретариате народного образования. На этих постах они развивают лихорадочную активность, организуя дискуссии, конференции, полемизируя в печати, однако всякий раз лишь убеждаются в невозможности добиться контроля над другими направлениями.

В позиции неокритиков наблюдается любопытный парадокс: несмотря на их уверения, что свои выводы они основывают исключительно на науке, никто из них не обнаружил хотя бы посредственного знакомства с какой-либо специальной отраслью знания. Никто из них не поднялся и до общего понимания современной науки. Получается, что «друзья критической философии» находятся в критическом положении. Они не знают, что провозглашают основой своей философской системы. Неокритики заявляют, что мексиканской революции недостает философского выражения, и претендуют на то, чтобы сорок лет спустя после революции неокритический идеализм был признан философией мексиканской революции.

С политической точки зрения мексиканское неокантианство представляет те слои буржуазии, которые скомпрометированы сотрудничеством с североамериканским империализмом. Неокритические философы не оказывают никакого сопротивления проникновению империалистической идеологии. Наоборот, они всячески стимулируют его и, более того, не колеблются в оказании ему помощи, принимая участие в антикоммунистических кампаниях. Поэтому они охотно сотрудничают с неосхоластами и поддерживают их стремление воскресить порядки, существовавшие при Порфирио Диасе. Некоторые из постов, занимавшихся первоначально исключительно членами кружка «Друзей критической философии», были любезно уступлены неокантианцами неотомистам. В результате этого студенты философского факультета слушают с удивлением, как неотомисты и неокантианцы, объявлявшие себя в прежних дискуссиях непримиримыми врагами, демонстрируют сейчас идиллическое согласие. Фома Аквинский превратился теперь в некотором смысле в предшественника неокантианства, а Герман Коген оказался толкователем схоластики.

Американская философия империализма

Взаимосвязь мировых экономических, политических и культурных событий и отражение, которое они находят внутри

каждой страны, стали настолько очевидными, что даже не очень наблюдательные люди это вынуждены признать. Хорошо известно, что результаты, достигнутые наукой в одной стране, благоприятствуют развитию науки в других странах. То же самое можно сказать и относительно философии, художественного творчества и других областей культурной деятельности.

Многие мексиканские философы склонны всячески поддерживать «историцизм» Дильтея и Ортеги-и-Гасета. Последователи Дильтея и Ортеги не только трубят о превосходстве «западной» (американской!) культуры, но и стремятся утвердить ее господство повсеместно.

Подобные философы утверждают, что у Америки нет истории. Дело в том, что для них единственным методом исследования истории служит метод, посредством которого прошедшие события исчезают путем их истолкования в настоящем. Познать прошлое, говорят они, — значит зачеркнуть его полностью, и только после этого можно создать историю идей. Они считают, что после того, как все исторические факты превращены в идеи и рассортированы по большим или малым томам, можно покончить с историей и окончательно сдать ее в архив. Тем самым будет расчищена дорога для того, чтобы история начиналась с мексиканских последователей Ортеги и Дильтея.

Эта группа философов утверждает, что прошлое, которое они намереваются исследовать, было совершенно чуждым мексиканской нации, так как в нем господствовали идеи, заимствованные у европейской культуры. Будущее же должно быть полностью американским, разумеется, если найдутся философы, способные придать ему эту оригинальность. В американизации будущего, по их мысли, состоит единственное спасение, поскольку Европа находится в состоянии непоправимого упадка, а другие народы для этих философов попросту не существуют.

Таким образом, их программа заключается в следующем: найти идеи, которые свойственны мексиканцам как нации; затем исследовать то, что характеризует мексиканцев как испано-американцев; наконец, возможно убедительнее показать, что имеют общего люди из Иберийской Америки с людьми Саксонской Америки, доказать, что существует единая для всех американцев Америка.

В образовании испано-американской культуры последователи Ортеги и Дильтея различают следующие основные этапы: собственно американская (туземная) культура; культура захватчиков, то есть испанская культура; европейская культура, которая с XVIII века использовалась

местной интеллигенцией для обоснования политической независимости американских стран, и, наконец, североамериканская культура, в политических и технических формах которой испано-американец якобы видит для себя образец. Первые три этапа должны быть целиком отвергнуты, говорят эти философы, потому что в том конфликте, в котором находится испано-американец, — конфликте между тем, что он есть и чем он хочет быть, — Соединенные Штаты Америки символически изображают его будущее, которое нужно осуществить. Но это «осуществление», как признают и сами философы, не так просто.

Дело в том, что поведение североамериканцев в Латинской Америке подрывает их репутацию. Североамериканцы интересуются не только рынками, сырьем и финансами латиноамериканских стран, но и духовной стороной их жизни. И этот интерес встречает полную поддержку у так называемых философов истории. Однако вследствие империалистического характера политики североамериканцев сторонники панамериканизма вынуждены подвергать критике употребляемые североамериканцами методы «усовершенствования» культуры. Являясь апологетами проникновения США в Латинскую Америку, они стараются, тем не менее, убедить своих покровителей в необходимости смягчить методы их политических действий, находящиеся в вопиющем противоречии с посулами свободы и демократии. Они отмечают различие, существующее между «чрезвычайно демократической, либеральной, удобной и практичной системой» Соединенных Штатов и употребляемыми ими антидемократическими, антилиберальными, неудобными и «малопрактичными» методами диктата по отношению к другим народам. Иначе говоря, философы истории советуют своим идеологическим шефам проводить более гибкую и дальновидную политику закабаления латиноамериканцев.

Рискованные «поиски мексиканца»

Экзистенциализм появился в Мексике как естественное продолжение деятельности философов истории, пропагандирующих панамериканизм. Сторонники Ж. П. Сартра и Г. Марселя, а также последователи А. Тойнби в Мексике создали так называемую «философскую группу Гипериона», которая и занялась усиленными «поисками мексиканца», поставив своей задачей на основе собственной философской системы объяснить задним числом основные элементы мексиканской истории и психологии и превратить эти элементы в этические характеристики.

Панамериканцы в данном случае прибегли к философскому течению, упадочный характер которого они раньше сами отмечали, а именно к экзистенциализму, то есть философии бегства от жизни. Тем не менее экзистенциализм показался им весьма подходящим для того, чтобы дать, согласно их собственному выражению, «анализ сущности мексиканца». Как это ни парадоксально, но для создания «новой панамериканской культуры» была взята растленная философия западноевропейской буржуазной интеллигенции. Возведя в высший принцип философии страх перед смертью, экзистенциалисты изображают культуру как субъективное развитие индивида, лишенное всякого социального содержания, для того чтобы потом попытаться навязать ее другим народам.

В своих поисках «сущности мексиканца» экзистенциалисты отказались от исследования подлинной истории и реальных условий существования мексиканского народа. Вместо этого они обратились к психологической проверке собственного сознания, обнаружили в нем цинизм, лицемерие, подчиненность и несостоятельность, упадочность и хрупкость, беспокойство и страх. И, гордые своим открытием, они провозгласили эти качества «сущностью мексиканца», уверяя, будто у мексиканцев нет иного выхода, как считать себя такими, какими их считают экзистенциалисты.

История Мексики рассматривается и объясняется экзистенциалистами с помощью этого критерия. Они уже пытались изобразить Идальго, вождя войны за независимость Мексики, циником и лицемером. Подобными же чертами они наделяют и других выдающихся народных деятелей, равно как и весь мексиканский народ в целом.

Созданный экзистенциалистами образ мексиканца по своему содержанию в точности соответствует тем чертам, которые империалисты приписывают жителям колониальных и зависимых стран, пытаясь тем самым оправдать их угнетение. У мексиканца нет якобы чувства собственного достоинства, он робок, скрытен, сентиментален, чувственен, вспыльчив и в то же время апатичен, склонен к нарушению законов, деспотичен, лжив, слаб волен, непредусмотрителен, непостоянен, расточителен, склонен к подражанию, фаталист, суеверен. Вот далеко не полный перечень эпитетов, употребляемых экзистенциалистами для характеристики «мексиканца». Эта характеристика «сущности мексиканца», нарисованная при помощи хитроумной игры слов, призвана отвлечь внимание некоторых групп интеллигенции от

изучения реальных социальных проблем Мексики.

Все усилия экзистенциалистов направлены на то, чтобы представить себя создателями философской мысли Мексики. Но до сих пор они не могут показать того, что же ими создано. Философия для экзистенциалистов сводится к размышлениям о самих себе и в самих себе и завершается разочаровывающим ничто.

Сторонники «философской группы Гипериона» были глубоко потрясены тем, что Жан Поль Сартр принял участие в движении сторонников мира. Некоторые последовали за ним, другие перешли к экзистенциализму Хейдеггера или спешно приняли концепцию Тойнби. Один из членов группы решил стать марксистом. В результате «группа Гипериона» раскололась. Оставшиеся члены группы своими философствованиями с каждым днем все более отталкивают от себя людей, еще проявляющих к ним какой-то интерес. Теории экзистенциалистов, помимо их порочности, еще беспомощны и бедны. То, что утверждает один, подхватывает другой, чтобы передать третьему, но вскоре это сообщение возвращается к своему источнику, чтобы начать все сначала. Таким образом, экзистенциализм превращается в своеобразную «натурфилософию», которая, подобно натуральному хозяйству, производит и потребляет внутри себя все необходимое. А пока экзистенциалистам ничего не остается делать, как утверждать, что все к худшему в этом худшем из миров и нет ни малейшей возможности его изменить.

Другие течения

Наряду с перечисленными философскими направлениями в Мексике существуют и другие, более мелкие школы, концепции которых почти не находят отражения в печати. Сторонники этих школ в своем безразличии к социальным проблемам и желании уйти от активного участия в общественной жизни стремятся найти убежище в тихой философской заводи. К этим маловлиятельным течениям относятся персоналисты, аксиологи, виталисты, феноменологи, логические позитивисты и другие разновидности метафизиков. Наиболее известные работы представителей этих течений посвящены вопросам философии права, которые ими разрешаются в плане восстановления формальной онтологии права, аксиоматизации юриспруденции и математического истолкования так называемой юридической логики.

Сторонники указанных философских течений работают изолированно, потому что догматизм, с каким они отстаивают свои ничтожные различия, мешает им объеди-

ниться. Разногласия между ними сводятся в основном к способам интерпретации тех или иных проблем, тем не менее они их упорно отстаивают. Социальная сущность их писаний отражает идеологическую путаницу, характерную для мелкой буржуазии. В политическом отношении последователи этих философских течений сходятся в поддержке абсентизма. К идеологическому проникновению американского империализма они относятся весьма пассивно и готовы беззаботно его принять.

Марксистская философия

Диалектический материализм стал известен в Мексике благодаря рабочим организациям. Его распространение связано с развитием движения трудящихся, которых перестала удовлетворять непоследовательность старых либеральных течений и официальная философия — позитивизм. Первое появление марксистских идей мы встречаем на страницах «Эль социалиста», еженедельной рабочей газеты, выходившей с 1871 по 1888 год. Ее редакторами и владельцами были типографские рабочие, позднее организовавшие «Кружок рабочих Мексики». На страницах газеты наряду со статьями о достоинстве труда, требованиями рабочего законодательства, проведения аграрной реформы и другими социальными вопросами различного характера постоянно публиковались статьи и материалы о борьбе рабочего класса в Европе и Америке, о деятельности Первого Интернационала. Теоретические статьи, опубликованные в газете, свидетельствуют о знакомстве ее редакторов с «Коммунистическим Манифестом». Программа, которую защищала эта газета, мало чем отличалась от программы Первого Интернационала. Ее редакторы проявили большие симпатии к парижским коммунарам и организовали кампанию за предоставление в Мексике убежища преследуемым французским рабочим. Тираж газеты достигал 3 тысяч экземпляров, причем ей выпала честь быть запрещенной на территории Франции.

В период диктатуры Порфирио Диаса распространение марксизма в Мексике значительно замедлилось. Однако накануне революции рабочие организации стали множиться. Возникли организации текстильщиков и шахтеров. Рабочие приняли активное участие в вооруженном восстании крестьян. В 1912 году выделяется своей деятельностью Дом мирового рабочего. Позднее были сформированы «Красные батальоны», которые участвовали в конституционалистском движении. В результате победы этого движения в 1916 году возникает Мексиканская региональная конфедерация труда, основным принципом про-

граммы которой провозглашается классовая борьба, а в качестве конечной цели — обобществление средств производства. В 1919 году была основана Мексиканская коммунистическая партия.

После периода усиления диктатуры и репрессий с 1933 года начинается новый подъем рабочего движения. Пришедший к власти в 1935 году генерал Ласаро Карденас, опираясь на поддержку рабочих организаций, провел в жизнь некоторые важные социальные и политические реформы. В 1936 году возникла Конфедерация трудящихся Мексики. Это самая мощная рабочая организация из существовавших в Мексике. В период правления Карденаса были осуществлены национализация нефтяной промышленности и массовый раздел помещичьих земель между крестьянами. Однако после спада революционного движения в 40-х годах Конфедерация трудящихся Мексики попала в политическую зависимость от правительства и превратилась в бюрократический аппарат для принуждения рабочих к классовому сотрудничеству.

С конца 20-х годов марксизм получает признание и излагается в журналах и газетах, в частности в газете «Эль мачетэ», которая впоследствии стала органом Мексиканской коммунистической партии и издается ныне под названием «Ла вос де Мехико». Когда Мексиканский Национальный университет добился автономии по отношению к правительству, в нем была организована кафедра марксистской политической экономии. Интерес к экономическим учениям привел к созданию Национальной экономической школы и Фонда экономической культуры. С 1933 по 1945 год в Мексике издавался журнал «Футуро», который служил трибуной марксистской мысли. В 1934 году был создан Университет Габино Барреда, преобразованный два года спустя в Мексиканский рабочий университет, издававший в течение трех лет «Журнал мексиканской культуры Р. У.», который популяризировал диалектический материализм и публиковал работы по социальным проблемам Мексики. В ряде других журналов также публиковались марксистские работы по различным вопросам науки и культуры. В последующие годы статьи и небольшие работы марксистов встречали плохой прием в некоторых газетах, а также в общих и специальных журналах Мексики. Поэтому в настоящее время назрела необходимость в создании периодического органа марксистов.

Среди значительных марксистских философских работ следует отметить статьи Висенте Ломбардо Толедано, собранные в его книге «Философские записки» (1937). Некоторые из этих статей дали повод для полемики, проходившей в 1935 году между

Л. Толедано и А. Касо о спиритуализме и диалектическом материализме. Популяризаторский характер носит брошюра «Марксизм и антимарксизм» (1934), в которой собраны тексты докладов Ломбардо Толедано, Франсиско Самора и Виктора Мануэля Вийасеньора о марксистской философии и политической экономии и возражения, сделанные им оппонентами. Люди, серьезно изучающие марксизм, могли непосредственно познакомиться с произведениями классиков марксизма по переводам, сделанным в Мексике в основном Венеслао Росес, а также по переводам, сделанным в других латиноамериканских странах и в Советском Союзе.

Что касается марксистского освещения мексиканской истории, то большинство опубликованных до сих пор работ не отличается глубиной. Они, как правило, слишком схематично применяют положения исторического материализма к конкретной истории. Среди них выделяется серьезное научное исследование по истории Мексики Луиса Чавеса Ороско (1947), которое охватывает только лишь один, правда, очень важный, период истории мексиканского народа (1808—1836). В области истории Мексики мы имеем огромный еще не исследованный материал, изучение которого необходимо для правильного понимания и решения наших современных проблем.

Философией естествознания занимается Энрике Бельтран, автор книги «Биологические проблемы» (1945), посвященной вопросу материалистического понимания диалектики биологических процессов. Эта книга написана им под большим влиянием работ французских философов-марксистов. Э. Бельтран является также автором нескольких работ о марксистском понимании наиболее важных проблем современной физики.

Внимание автора настоящей статьи привлекают главным образом вопросы логики в естествознании. В книге «Наука логики» (1950) я попытался связать содержание логики с объективными методами, применяемыми в исследованиях естественными и социальными науками. Одновременно я старался показать диалектическую и материалистическую природу логики и раскрыть ограниченность формальной логики. В своей работе «Введение в диалектическую логику» (1956) я попытался дать систематическое изложение логики на основе последовательного рассмотрения диалектических законов и их подтверждение открытиями современной науки.

Из работ по эстетике представляет интерес диссертация Адольфо Санчеса Васкеса «Сознание и действительность в художественном произведении» (1955), в которой рассматривается связь искусства с други-

ми формами общественного сознания, проблемы художественного образа, обобщения, тенденциозности в искусстве, активного отражения действительности в творчестве художника и т. д.

В Экономической школе Мексиканского Национального университета с момента ее основания существует кафедра экономической и социальной теории марксизма. Кроме того, некоторые преподаватели других предметов в своих лекциях излагают марксистскую точку зрения, а с 1953 года читается факультативный курс диалектического материализма для преподавателей и студентов. Одним из требований Национального съезда студентов-экономистов, который состоялся в прошлом году, было введение второго обязательного курса марксистской теории. На факультете философии и гуманитарных наук того же университета В. Росес с 1948 года читает курс истории философии, а с 1955 года он руководит семинаром по диалектическому материализму. Автор данной статьи с 1949 года возглавляет в этом университете кафедры логики и философии естествознания. Паула Гомес Алонсо руководит кафедрами этики и философии истории. В 1955 году на педагогическое поприще вступил Адольфо Санчес Васкес, который читает курс лекций по психологии.

Преподаватели-марксисты работают и в других отделениях Национального университета, в Политехническом институте и других университетах Мексики; продолжает свою деятельность Рабочий университет. Марксизм все больше привлекает внимание студентов. Этот возрастающий интерес к марксизму оказывает влияние и на другие кафедры. Так, например, несколько лет назад многие преподаватели не только игнорировали работы Маркса, но не упоминали в своих лекциях и Гегеля. В настоящее же время организованы специализированные курсы по изучению работ Гегеля. Более того, преподаватели вынуждены обращаться к марксизму хотя бы для того, чтобы ему возражать. Даже наиболее реакционные философы вынуждены считаться с возрастающим влиянием марксистской философии и принимать участие в организуемых марксистами мероприятиях.

Семинары по научным и философским проблемам вызывают постоянную полемику

среди университетских преподавателей и научных сотрудников. На этих дискуссиях все более раскрывается слабость метафизических позиций. Многие ученые начинают сознательно пользоваться в своих исследованиях диалектическим методом и истолковывать результаты своих исследований в соответствии с материалистической теорией. Публикация курсов семинаров пробудила большой интерес к марксизму среди широких кругов интеллигенции. Это позволило не только увеличить тираж издаваемых брошюр и приложений¹, но и подготовить к изданию ряд солидных книг.

Проникновение марксистской философии в мексиканскую культуру является в конечном итоге результатом роста сознательности народа. Национальный университет является самым крупным высшим учебным заведением страны и самым важным центром мексиканской науки и культуры. Он объединяет основную группу людей науки, борющихся за прогресс нашей нации и распространение передовых мыслей, защищающих свободу и добивающихся установления социальной справедливости. Университет объединяет силы, оказывающие влияние на весь ход культурного развития страны.

В работе университета находят отражение все мексиканские проблемы, и зачастую там происходят важные идеологические битвы. В его стенах учатся молодые люди, пришедшие сюда из различных социальных слоев и провинций Мексики. Здесь они знакомятся с основными социальными проблемами Мексики и начинают принимать активное участие в борьбе за их разрешение. После окончания университета эти молодые люди разъезжаются по провинциям Мексики и включаются в экономическую, политическую и культурную деятельность страны. Многие из окончивших университет превращаются в активных борцов за социальные преобразования, в которых нуждается Мексика. Поэтому развитие и распространение марксистской философии являются необходимым условием глубокого изучения и правильного решения социальных и национальных проблем нашей страны.

¹ Обзору этих брошюр посвящена статья в № 1 журнала «Вопросы философии» за 1957 год.— *Ред.*

Критический очерк «психологического направления» в социологии

Ю. А. ЗАМОШКИН

Одним из самых распространенных направлений современной буржуазной социологии является так называемое «психологическое направление».

Для этого направления характерна попытка свести к психологии отдельные индивидуумов центральные узловые процессы и явления общественной жизни: борьбу классов, социальные революции, войны, такие компоненты надстройки, как государство, политика, право, идеология и т. д.

Идеалистически извращая предмет психологии, науки о специфических законах развития и формирования психической жизни человека, психических процессов (ощущение, восприятие, мышление, воображение, память, чувства, воля) и психических свойств личности (склонности, способности, темперамент, характер), психосоциологи отождествляют психологию с социологией, выдают психологию за науку об основных движущих силах развития общества, за методологическую общественную науку, якобы объясняющую процесс истории, взаимоотношения наций, классов, эволюцию государства, развитие культуры и т. д., то есть такие процессы и явления, которые могут быть объяснены лишь специфически социологическими законами, существующими объективно, независимо от воли и сознания людей и не сводимыми к законам психологии.

Подобное извращение предмета социологии как науки мы можем найти в большинстве произведений представителей психологического направления в социологии. Так, англичанин Уилфрид Троттер в книге «Стадные инстинкты во время войны и мира» утверждает, что «социология... является, очевидно, лишь другим наименованием для психологии в широком смысле этого слова» (W. Trotter «Instincts of Herd in Peace and War», N. Y., 1947, p. 11), а американец Соломон Аш в учебнике «Социальная психология» рекламирует психологию как фундамент и основу всех других

общественных наук (см. S. Ash «Social Psychology», N. Y., 1952). Такой же точки зрения придерживается Э. Богардус, один из признанных вождей психологического направления. Он предсказывает, ссылаясь на Фариса, что «социальная психология, вероятно, сможет найти ответы на наиболее важные вопросы современного мира» (E. Bogardus «Fundamentals of Social Psychology», N. Y., 1950, p. 524).

Подмена социологии психологией объективно может означать лишь уничтожение социологии как науки, отрицание объективных экономических закономерностей в развитии общества, проповедь субъективизма в общественных науках.

Для подавляющего большинства психосоциологов характерна в связи с этим крайняя метафизичность в анализе общества, которое рассматривается лишь как некая сумма, некий конгломерат отдельных личностей. Подобные социологи, признает американец С. Сэрджент, «изучают личности как членов общества, как индивидуумов в их многообразных отношениях. Они сосредоточивают свое внимание на поведении индивида, на том, как оно влияет на поведение других и как само подвергается влиянию со стороны поведения других индивидов» (S. Sargent «Social Psychology», N. Y., 1950, p. 3). Причем все эти «многообразные отношения» практически сводятся к самым поверхностным, внешним, эмоциональным столкновениям разрозненных индивидов между собой.

С этой точки зрения общественное развитие представляет собой лишь свободную игру потребностей и желаний отдельных личностей, их действий, удовольствий и раздражений. Тем самым уничтожается социология как наука, поскольку остаются нераскрытыми глубинные, определяющие отношения людей в обществе, их производственные отношения. Из социологии таким путем изгоняется объективная закономерность, повторяемость явлений и протаскивается давно опровергнутый наукой

взгляд на общество, его экономическую и политическую жизнь как на хаос случайностей, как на произвол отдельных личностей, их воли и чувств.

Сводя важнейшие явления общественной жизни к психологии индивидов и запутывая и фальсифицируя их существо при помощи «психологических» теорий и терминов, американско-английские психосоциологи заимствуют эти теории и термины у буржуазных психологов и психиатров конца XIX — начала XX века, главным образом у фрейдистов и неопрейдистов и у так называемых бихевиористов. Именно по этим двум основным линиям в буржуазной психологии можно, пожалуй, разделить представителей психологического направления в социологии. К первой линии, опирающейся на фрейдизм, примыкают Е. Джонс, Д. Хардинг, Р. Монеи-Кирль, В. Троттер и другие. Ко второй линии, пытающейся объяснить общественное развитие главным образом при помощи бихевиористских схем, принадлежат Э. Росс, Е. Богардус, С. Бритт, Е. Боннер, М. Шериф и другие.

По сути дела, такое деление условно и относительно, несмотря на весьма оживленную полемику и споры между представителями обоих направлений, так как обе вышеназванные линии близки по основным взглядам как в области социологии, так, хотя в меньшей степени, и в специальных областях психологии.

Во-первых, и это самое главное, и те и другие отрицают тот факт, что способ производства материальных благ определяет в конечном счете все развитие общества, и объявляют первичной психологию человека. Психосоциологи, выделяя и исследуя одну сторону жизни общества, а именно различные психологические представления и переживания людей в связи с явлениями и процессами общественной жизни, абсолютизируют эту сторону, превращают ее в господствующую, определяющую и поглощающую все остальные. Подобная идеалистическая точка зрения неоднократно подвергалась сокрушающей критике в трудах основоположников марксизма-ленинизма. К. Маркс и Ф. Энгельс писали в «Немецкой идеологии», что «действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений» (Соч., т. IV, стр. 27). Маркс и Энгельс подчеркивали, что это духовное и политическое богатство человека можно понять, только исходя из совокупности его общественной и прежде всего производственной деятельности. Маркс указывал, что психология, оторванная и изолированная от изучения объективных законов развития производства, «не может стать дей-

ствительно содержательной и реальной наукой» (Соч., т. III, стр. 629).

В. И. Ленин, подвергая в работе «Материализм и эмпириокритицизм» сокрушительной критике «психологические выверты» в социологии махиста Богданова, утверждавшего, что жизнь социальная якобы целиком сводится к психической жизни членов общества, называл подобные рассуждения «буржуазно-реакционной ложью». Эта ленинская характеристика полностью относится и к современным «психосоциологам».

Марксизм-ленинизм исходит из того, что психология людей в обществе вторична: это совокупность представлений, чувств, настроений, переживаний, иллюзий, привычек и черт характера людей того или иного общества, того или иного класса или прослойки общества, возникающих в их сознании в связи с конкретно-историческими условиями их материальной жизни. Психология того или иного индивида, группы, класса в классовом обществе формируется под влиянием повседневных условий жизни, в конечном счете определяемых их местом в производственных отношениях данного общества.

Во-вторых, для психологического направления в социологии характерны полная неспособность разобраться в многообразии исторически сложившихся форм общественного сознания, и особенно игнорирование идеологии как важнейшей составной части общественного сознания, непонимание природы и роли передовых и прогрессивных идей в историческом развитии, роли сознательных действий классов, партий и индивидов.

Прямое или косвенное отрицание разума типично для психосоциологов. Недаром в их среде в настоящее время раздаются призывы положить «конец социологии, основанной на разуме», и ведется проповедь иррационализма. Из всего комплекса проявлений психической жизни, из всей совокупности сложнейших психических явлений выдвигаются на первый план, абсолютизируются лишь простейшие, элементарные склонности, чувства и представления.

Фрейдисты и бихевиористы из среды психосоциологов тесно сближаются в рассмотрении самого человека, который берется преимущественно как биологическое существо, определяемое в своем поведении и чувствах некими врожденными инстинктами, подсознательными импульсами или примитивными механическими реакциями на окружающую среду. Разница лишь в том, что бихевиористы отводят несколько большую роль приобретенным в процессе жизни реакциям человека на окружающую

среду¹. Однако и эти реакции рассматриваются ими, во-первых, как осуществляемые бессознательно и автоматически и, во-вторых, как простое дополнение к подсознательным врожденным импульсам и мотивам, в конечном счете якобы все же главенствующим в поведении людей в обществе. Все разногласия здесь сводятся, как правило, к формулировкам и частностям. Фрейдисты открыто провозглашают господство в истории социологических врожденных инстинктов и опирающихся на них чувств. Со своей стороны, бихевиористы в работах по «социальной психологии» и «человеческим отношениям», отмежевываясь на словах от откровенных заявлений фрейдистов, протаскивают те же положения в иной форме.

Для всего психологического направления в социологии характерно стремление свести всю сложность и многообразие человеческих поступков, мыслей и чувств к нескольким вечным подсознательным и простейшим мотивам и чувствам и выдать эти мотивы и чувства за основные двигатели развития общества. Вполне естественно, что по вопросу о том, какие именно мотивы и чувства следует считать важнейшими, в трудах психосоциологов нет полного единства. Например, Фрейд выдвигал на первый план половой инстинкт, А. Адлер — «инстинкт ценности»², крупнейший американский авторитет в области «социальной психологии» Макдаугал (глава так называемой «гормической психологии») называет целых двенадцать «основных» инстинктов (родительский, драчливости, любопытства, добывания пищи, или охотничий, отвращения, самосохранения, стадный, уверенности в себе, подчинения сильнейшему, половой, стяжательства, строительный). Этим инстинктам соответствуют двенадцать «вечных» и элементар-

ных чувств: нежности, страха, любопытства, аппетита, одиночества, вожделения, собственности и др.

Опровергая антинаучный взгляд фрейдистов на человека как на существо, движимое в своем поведении бессознательными, вечными инстинктами, материалистическая наука выдвигает в качестве основного требования изучать неравные процессы как материальный субстрат психических явлений. Выдающиеся ученые-материалисты И. М. Сеченов и И. П. Павлов и их школа доказали, что психика человека не есть некая мистическая область, не зависящая от мозга, от центральной нервной системы. Павлову принадлежит честь создания стройного учения о физиологии высшей нервной деятельности — естественнонаучного фундамента психологии. Развенчивая доводы Фрейда и его последователей о мнимом господстве бессознательных инстинктов над сознанием, он доказал, что у человека проявление инстинктивных, врожденных, бессознательных рефлексов менее характерно и, играя сугубо дополнительную роль, целиком подчинено огромному количеству высших условно-рефлекторных реакций, возникающих в мозгу человека в результате его взаимодействия с окружающей средой.

Вместе с тем материалистическая наука понимает психический процесс не как область чисто механических реакций на внешние стимулы, а как процесс субъективного отражения объективного мира в мозгу человека в виде чувств, ощущений, восприятий, представлений и, наконец, мышления во всей его сложности.

В этой связи работы Сеченова и Павлова показали, что поведение человека невозможно свести к простой совокупности условно-рефлекторных реакций, поскольку оно включает систему более или менее сознательных поступков. Сознательные действия отличаются от реакций иным отношением к объекту: для реакции предмет — лишь внешняя причина, раздражитель, а сознательная деятельность представляет собой сложный акт, направленный на предмет.

В отличие от животного поведение человека, его психические процессы выявляются не только в двигательной деятельности, но и во взаимоотношениях людей при помощи языка. Созданное Павловым учение о второй сигнальной системе послужило прочным естественнонаучным фундаментом разработки подлинной психологии, по существу, противоположной учению бихевиористов. Тот факт, что психосоциологи выдают драчливость, стяжательство, подчинение сильнейшему за «вечные», «основные» инстинкты, якобы определяющие жизнь общества, свидетель-

¹ Необходимо подчеркнуть идеализм и механистичность в толковании психосоциологами самого понятия «среда», поскольку из него исключается полностью экономический строй данного общества. Среда понимается психосоциологами не в диалектическом, социально-экономическом смысле, а в виде простой суммы непосредственно окружающих человека отдельных индивидов с их чувствами и представлениями (берутся здесь чисто поверхностные характеристики), отдельных географических и экономических явлений и, наконец, техники и технических условий труда (вне связи с экономическим строем).

² «Инстинкт ценности у Адлера — «это безумное желание преодолеть или компенсировать себя чем-то за то неизбежное ощущение собственной неполноценности, с которым каждый индивид начинает свою жизнь» (Цит. по R. Faris «Social Psychology», N. Y., 1953, p. 385).

ствуется о стремлении идеологов буржуазии увековечить реакционные, антигуманистические черты, воспитываемые в человеке эксплуататорским строем.

Целый ряд буржуазных социологов, сторонников психологического направления, видит основу существования человеческого общества, основу его развития не в общественном производстве материальных благ, а во врожденном «стадном» инстинкте, который, как заявляет, например, Троттер, «делает социальную жизнь вообще возможной» (Op. cit., p. 43).

Психосоциологи не жалеют черной краски при изображении истории человеческого общества в виде извечной безуспешной борьбы против «дикой, зоологической природы» человека, например, в виде борьбы между «стадной наклонностью», с одной стороны, и различными индивидуальными инстинктами (самосохранения, пола, добывания пищи и т. д.) — с другой. При этом для большей части психосоциологов история человечества представляет собой замкнутый круг, вечный возврат к дикости и варварству. Они отвергают идею о поступательном развитии общества, проповедают пессимизм, столь характерный для идеологии современной буржуазии. «Мы, как мне кажется, — заявляет тот же Троттер, — почти вынуждены принять ужасающую гипотезу, что в самой основе, в самой сущности созидательных социальных усилий человечества воплощается принцип смерти, что не существует такого прогрессивного импульса, который бы не истощился, что разум не может представить постоянной защиты против мощного варварства...» (Op. cit., p. 252).

Психологическое направление в буржуазной социологии объективно служит разоружению трудящихся капиталистических стран в их борьбе за демократию, мир и социализм. Именно эту цель преследуют психосоциологи, активно распространяя идею, будто политика определяется вечными подсознательными мотивами и элементарными чувствами в психике индивида, а потому якобы и не может быть понята и целенаправленно изменена. «Политические стремления, столь волнующие наш мир, — пишет психосоциолог Моне-Кирль в опубликованной в 1952 году книге «Психоанализ и политика», — находятся под влиянием подсознательных мотивов» (R. E. M o n e y - K y r l e «Psychoanalysis and Politics», London, 1952, p. 149).

Подобные взгляды на политику затупевают и отрицают ее классовую природу, классовую природу государства. Объективно, независимо от субъективных намерений их авторов, они служат орудием утонченной апологии внутренней и внешней политики современных империалисти-

ческих правительств, определяемой интересами монополий и являющейся в конечном счете выражением экономических законов, свойственных капитализму.

Однако при общей объективной реакционной направленности основных положений и концепций необходимо учитывать известное разнообразие в политических воззрениях буржуазных психосоциологов. В их числе можно встретить и откровенных реакционеров (вроде Боннера), пропагандирующих антинародную внутреннюю и агрессивную внешнюю политику монополий, и либералов, реформистов и даже левых лейбористов, выступающих сплошь и рядом с критическими замечаниями в адрес реакционных кругов и с проектами исправления отдельных пороков капитализма. К психосоциологам зачастую примыкают также многие ученые — психологи и историки, не обладающие правильным научным мировоззрением и сбивые с толку модными идеалистическими доктринами в социологии.

* * *

Известно, что творческая роль народных масс особенно возрастает в эпоху империализма и пролетарских революций, в эпоху крушения буржуазного строя и торжества социализма, когда во главе народных масс стоит самый передовой класс в истории — пролетариат, руководимый марксистской партией. В этих условиях вопрос о роли народных масс в общественной жизни начинает привлекать к себе все более пристальное внимание и со стороны буржуазной социологии, которая выдвигает различные теории, призванные доказать тезис о «творческой и политической неполноценности» широких слоев трудящихся. Значительную активность проявляют в этом направлении и психосоциологи.

Надо отметить, что в отличие от откровенно фашистских концепций для психологического направления в целом характерны попытки как-то замаскировать традиционные реакционные домыслы, согласно которым народные массы могут якобы выступать в политической жизни лишь как некая «слепая и аморфная» сила, лишенная разума и движимая бессознательными чувствами и инстинктами. С этой целью обычно пускается в ход нехитрый прием противопоставления индивида, причем не лидера, а «простого» индивида, массе, презрительно именуемой «толпой». Смысл такого противопоставления заключается в том, чтобы, признавая за обособленным индивидом, хотя и с более чем существенными оговорками, способность поступать осознанно и мыслить разумно, отнести все массовые выступления трудящихся, и прежде всего политические, к

области иррационального, психологически аномального и в конечном счете антиобщественного поведения.

Что касается оговорок, относящихся к этому отдельному индивиду, то суть их сводится к тому, чтобы ограничить сферу его «рационального поведения» узким домашним мирком, объявив любое его «вторжение» на политическую арену неправомерным и патологичным. «...Обычный индивид,— пишет, например, Монеи-Кирль,— реалистичный и достаточно уравновешенный в его домашнем кругу конкретных явлений, очень склонен мыслить иррационально, как только он переходит в политический мир» (Op. cit., p. 98).

Не понимая и замазывая тот факт, что рост общественной и политической активности трудящихся отражает необходимость общественного развития, а в странах капитала, в частности, порождается усилением их борьбы за свои права против эксплуатации и политического гнета монополий, психосоциологи, играя психологическими терминами, выводят всякое движение масс из «подсознательных глубин» психики и объявляют его результатом случайной игры иррациональных чувств. Богардус, например, говоря о народных массах, употребляет эпитеты «деспотичные», «аморфные», «примитивные» и т. д. «Толпа человеческих существ находится в тесном родстве со стадом животных, стаяй птиц и косяком рыбы,— заявляет он.— Из поведения стай животных человек много узнает о человеческих толпах» (Op. cit., p. 387).

Богардус рассматривает народные массы как силу, которая может лишь затруднить разумное решение вопросов общественного благосостояния и мирного сотрудничества. Тем самым протаскивается мысль о необходимости всемерного ограничения возможностей трудящихся участвовать в политической жизни.

С особой очевидностью реакционная сущность домыслов психосоциологов о народных массах проявляется всякий раз, когда речь заходит о революционных битвах трудящихся. Так, Х. Боннер в книге «Социальная психология» пытается свести народные движения к формам «массовой истерии» (см. Н. В о н н е р «Social Psychology», 1953, p. 382). Ему вторит президент международной психоаналитической ассоциации Эрнест Джонс, объясняющий все революционные выступления масс «инстинктами», «некоей постоянной возможностью агрессивности», якобы заложенной в каждом человеке («World Tension», N. Y., 1951, p. 55).

Давая чисто «патологическую» трактовку революций, психосоциологи не только клеветают на народные массы, но

и выступают поборниками общественного застоя и регресса. Подобные теории, призванные доказать неправомерность революционной замены отжившего общественного и политического строя новым, направлены не только против исторического материализма, но и против демократических идей молодой буржуазии, выдвинутых в эпоху ее борьбы с феодально-абсолютистской реакцией.

Разоблачая контрреволюционные заявления буржуазных идеологов о том, что в моменты широких народных движений «разум отступает на задний план», В. И. Ленин показал, что «именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей плановностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского... «прогресса», что «обратное мнение... есть буржуазно-чиновничье искажение истории» (Соч., т. 10, стр. 227 и 233).

Революционная и национально-освободительная борьба народов, в первую очередь трудящихся Советского Союза, ныне победоносно идущих к коммунизму, а также широкое движение народных масс всех стран к миру и социализму неопровержимо подтверждают великую правоту марксистско-ленинской науки.

Отрицание и извращение роли народных масс в общественной жизни в работах психосоциологов неразрывно связано с идеалистическим пониманием проблемы отношений выдающихся личностей и массы, так называемой «проблемы лидерства» в современном обществе. Представители психологического направления сознательно затушевывают классовую сущность буржуазного политического и экономического руководства, перенося суть проблемы в сугубо психологическую плоскость. Так, Богардус объявляет отношение вождя, лидера к обществу чисто психологическим отношением, сравнивая его с отношением гипнотизера к гипнотизируемому. Тем самым господство современной буржуазии в политике и экономике в капиталистических странах изображается как якобы вечное установление, вытекающее из психических особенностей и биологической природы правящей «элиты».

Слабость современной буржуазии, ее неспособность в обстановке усиления классовой борьбы и роста национально-освободительного движения удержать свое господство старыми методами объективно порождают тенденцию к отказу от демократии, к постепенной фашизации политического режима в странах капитала. Стремление монополистической буржуазии заменить демократические методы господства

фашистскими объясняется также желанием укрепить империалистические тылы для новой мировой войны. Эти тенденции находят свое отражение (хотя зачастую и косвенное) в работах некоторых представителей психологического направления в социологии. Для подавляющего большинства психосоциологов типично неправильное, искаженное понимание природы фашизма, попытки изобразить его как явление, не имеющее никакой социально-экономической, классовой основы, как чисто психологический феномен, вызываемый к жизни теми или иными особенностями или аномальностями национальной психологии.

Такая точка зрения объединяет представителей психологического направления с носителями самых различных политических воззрений, включая целый ряд социологов, выступающих по тем или иным вопросам с прогрессивными, демократическими заявлениями. Например, крупный американский ученый, психолог и социолог Отто Клайнберг в статье, помещенной в сборнике «Личность и политический кризис», выступает за «психологический и психиатрический подход», вносящий якобы «действительный вклад» в выяснение вопроса о причинах, порождающих фашизм. На то, что при этом имеется в виду, проливает свет попытка Клайнберга опереться на авторитет другого социолога, Бертрана Шефнера, объясняющего истоки германского фашизма «привычкой к подчинению власти отца в немецкой семье» («Personality and Political Crisis», Glencol, 1951, p. 232).

Подобные положения объективно, независимо от того, хотят этого их защитники или нет, ведут к маскировке социальной сущности фашизма, являющегося диктатурой наиболее реакционных монополистических кругов, а следовательно, к дезориентации демократических сил в их борьбе против тенденции маккартизма.

С попытками моральной реабилитации германского империализма, с которого снимается таким путем всякая ответственность за ужасы фашизма, смыкаются попытки некоторых психосоциологов оправдать политику постепенной фашизации внутрисоциальной жизни самих Соединенных Штатов. В качестве примера можно привести того же Боннера, старающегося найти психологические аргументы, обосновывающие усиление «политического контроля ради военных целей». С этой целью он обрушивается на идею равенства людей, объявляя ее несчастием и причиной «психологических конфликтов и противоречий» (Op. cit., p. 410).

Здесь Боннер пользуется типичным для психосоциологов софизмом: рассуждениями

о различии человеческих характеров, темпераментов и склонностей он подменяет вопрос о равенстве в общественном смысле этого слова, вопрос о равенстве людей в политическом и экономическом отношении. Это необходимо Боннеру для того, чтобы отбросить буржуазно-демократический лозунг равенства граждан перед законом, выдвинутый идеологами поднимающейся буржуазии, попытаться опровергнуть требования научного социализма о равенстве людей в смысле уничтожения эксплуататорских классов.

Выступления против «традиций» индивидуальной свободы как якобы психически нездоровых и порождающих излишние претензии и надежды у простых людей Америки и мешающих милитаризации страны очень распространены в психосоциологической литературе США. Примером может служить хотя бы статья Байера в сборнике «Психология в эпоху мирового напряжения» («Psychology in World Emergency», N. Y., 1952).

Подобные выступления, надо сказать, неизбежно вытекают из всего «учения» о психической неполноценности народных масс, в какие бы либеральные покровы оно ни облекалось. Если рассматривать массы как иррациональную, разрушительную силу, угрожающую обществу, то вполне логично будет поставить вопрос и о методах ее обуздания.

* * *

Наиболее полное выражение реакционная сущность психологического направления в социологии находит в трактовке проблемы «межгрупповых отношений и конфликтов».

Эта проблема обнимает два круга вопросов. К первому кругу относятся вопросы классов и классовой борьбы, ко второму — взаимоотношения между нациями, расами, государствами и войны.

Если коротко охарактеризовать позиции психосоциологов по первому кругу вопросов, то надо отметить, что, воюя против марксизма, они отрицают экономическую, материальную основу самого деления на классы, пытаясь доказать, что в основе деления на классы лежат чисто психологические факторы. Например, американский социолог Сентерс в книге «Психология социальных классов» утверждает, что класс является «психологическим феноменом в полном смысле этого слова». «Классы есть психосоциальные группировки, — пишет он, — нечто совершенно субъективное по своему характеру, опирающееся на классовое сознание, т. е. чувство группового членства» (R. Centers «The Psychology of social classes», 1949, p. 27).

Для социологов типа Сентерса характе-

рен, таким образом, с одной стороны, идеалистический отрыв классового сознания от материальных условий жизни данного класса, а с другой стороны, рассмотрение сознания класса как некоей совокупности слепых, механически возникающих примитивных чувств, выражающих лишь внешние, непосредственные связи отдельных членов данного класса. Психосоциологи совершенно исключают из сферы классового сознания идеологию класса. Подобные субъективистские построения психосоциологи пытаются противопоставить марксизму-ленинизму, который, не отрицая огромной роли сознания того или иного класса в общественной жизни, материалистически выводит его, во-первых, из экономического положения, а во-вторых, рассматривает прежде всего как осознание членами данного класса своих коренных общих интересов и необходимых путей общественного переустройства.

Исходя из субъективистского понимания класса, психосоциологи точно так же сводят к психологическим факторам и причины классовой борьбы. Например, социолог-фрейдист Троттер видит причины классовой борьбы в том, что некий «инстинкт стада» и связанные с ним чувства не находят себе достаточного выхода в больших государствах, что-де и приводит к группированию людей во враждующие между собой группы и к борьбе между ними (см. W. Trotter, *op. cit.*, p. 256—257).

Другой характерный пример — книга английского социолога Тредголда «Человеческие отношения в современной промышленности», в которой все противоречия между рабочими и капиталистами сводятся к «недостатку взаимопонимания» и психологическим конфликтам. Тредголд заявляет, что забастовки имеют лишь психологические причины. Он рекомендует различные мероприятия, якобы могущие примирить эксплуатируемых с эксплуататорами, вроде «курсов взаимоотношений» или «объединенных совещаний» рабочих, хозяев, профсоюзных лидеров и специалистов-психологов.

«Социальная психология» используется современной буржуазией для обоснования теорий «промышленной демократии», насаждаемых с целью отвлечения рабочих от борьбы против капиталистов, усиления потопной системы и подрыва рабочего движения. Благодаря этому в последние годы выделилась даже специальная отрасль «социальной психологии» — так называемая «индустриальная психология»¹.

Что касается второго круга вопросов, относящихся к проблеме «межгрупповых» конфликтов, то здесь мы прежде всего встречаемся с различными вариантами старого, идеалистического положения о том, что «войны начинаются и рождаются в умах людей», то есть с попытками искажения подлинных причин войн. При этом многие психосоциологи вообще отрицают или молчаливо обходят тот факт, что война — общественное явление, предпочитая изображать ее неким психологическим феноменом, результатом инстинктивных влечений либо болезненных состояний нервной системы индивидов.

Ярчайшим примером подобного непонимания либо даже извращения природы и сущности войн может служить опубликованный в 1951 году в США сборник под характерным названием «Мировое напряжение. Психопатология международных отношений». В этой книге, изданной под редакцией профессора Кискера, собраны в основном статьи буржуазных психологов и социологов из различных капиталистических стран. Задача всего сборника сформулирована следующим образом: «Применение знаний в области индивидуальной психопатологии к социальным проблемам» («World Tension. The Psychopatlogy of International Relations», N. Y., 1951, p. 299).

Выполняя эту задачу, психосоциолог Вильям Менингер объявляет войну психозом. Н. Перотти пишет, что «поведение мировых групп, участвующих в настоящее время в конфликте, разительно напоминает ему психологию невротика» (*ibid.*, p. 299). А. М. Меерлу, присоединяясь к своим коллегам, утверждает, что симптомы душевных болезней дают ключ к пониманию современных международных отношений и т. д.

Если от отдельных сторонников подобных «теорий» можно услышать признание ненормальности войн и международных конфликтов, их патологического характера, то другие буржуазные психосоциологи идут по пути апологетики войн, утверждая, что потребность в войнах коренится в самой природе человека, в его инстинктах, что якобы и определяет неизбежность войн. Для подобных спекуляций реакционные теории Фрейда и других психологов-идеалистов дают, надо сказать, весьма благодарную почву. «Мы исходим, — писал Фрейд, — от бесконечной линии предков-убийц, у которых жажда убийства была в крови так

под рубрикой «Индустриальная психология» выходят также исследования, посвященные анализу конкретных психологических проблем, связанных с современным крупным машинным производством.

¹ В данном случае имеются в виду идеалистические взгляды буржуазных социологов, извращающих понятие классов и классовой борьбы. Необходимо учитывать, что

же, как она, возможно, в крови у нас сегодня» (*ibid.*, p. 308). Этим заявлениям вторили Макдаугал, признававший «военственность» вечным подсознательным инстинктом, и многочисленные современные идеологи империализма. Причем разговоры об «инстинктах» на практике означают лишь неуклюжие попытки снять с империалистической буржуазии вину за развязывание современных войн, скрыть тот факт, что к войнам ведут объективные экономические законы империалистического строя.

Весьма откровенно высказывает эту мысль Э. Джонс, утверждая, что при объяснении причин войн мы должны считаться не только со «злым умыслом фабрикантов вооружений, с несправедливостью тайной дипломатии, с пороками, присущими капиталистической системе, но со значительно более древними, более глубокими и более общими тенденциями человеческих групп к развязыванию вражды между собой» (*ibid.*, p. 6). Э. Джонс, клеветая на человека, провозглашает «каннибальские импульсы» одной из основных черт «бессознательного фактора людей». «В человеке, — вещает он, — существует постоянная способность к вражде, жестокости и агрессии по отношению к себе подобным» (*ibid.*).

Помимо мистических «диких инстинктов», видное место в арсенале современных апологетов войны из числа психосоциологов занимает так называемая «теория раздражения» (или фрустрации). Проповедники этой «теории», как известно, также отрицают социально-экономические причины войн и пытаются объяснить их происхождение бессознательными раздражениями, накапливаемыми индивидами в результате невозможности удовлетворить свои инстинкты в раннем детском возрасте. «Представители психоаналитической школы считают, что конечные причины агрессивности, находящей свое выражение в войнах и других социальных конфликтах, могут быть обнаружены в переживаниях индивида в раннем детстве», — так формулируется эта точка зрения в сборнике «Психологические факторы войны и мира» («Psychological Factors of Peace and War», p. 50).

Реакционный смысл подобных «теорий» очевиден. Как «теория раздражения», так и «теория инстинктов» призваны прежде всего отвлечь внимание трудящихся масс и всех прогрессивных кругов от действительных причин агрессивных войн, коренящихся в самих экономических законах современного капитализма, замаскировать и оправдать антинародную политику монополий, вынашивающих захватнические планы.

В среде представителей психологического направления в социологии существует определенная группа теоретиков, чьи приемы фальсификации причин современных войн являются более замаскированными и утонченными. К их числу принадлежит, например, Э. Богардус, выдвигающий тезис о множественности факторов войны, среди которых фигурируют и такие, как «экономическое соревнование» или «экономическая агрессивность», в качестве факторов, «в известной мере» и «в известных условиях» влияющих на возникновение войн. Однако и в этом случае на первый план выдвигается все же некое мистическое наследственное чувство человека, именуемое Богардусом «стихийным страхом перед всем чужим и незнакомым», а также чувство национальной гордости, причисляемое, таким образом, к факторам, обуславливающим войны (см. E. Bogardus «Fundamentals of Social Psychology», p. 332, 336).

Что же касается «экономического фактора», то степень его влияния на возникновение войн не только не объясняется, но фактически игнорируется при конкретном анализе причин войн. Введение этого фактора служит, следовательно, приемом, выполняющим задачи маскировки идеализма.

А факты, надо сказать, камня на камне не оставляют от аргументации психосоциологов. Почему, спрашивается, например, если война вызывается врожденной или приобретенной в раннем детстве агрессивностью, государствам, пытающимся развязать агрессивную войну, приходится прибегать к принудительному набору личного состава армии, к систематической идеологической обработке населения, фашизации внутрисоциальной жизни? Зачем все это, если народным массам органически присуща агрессивность, если войны являются стихийным порождением инстинктов и чувств миллионов индивидов?

На эти вопросы психосоциологи не дают и не могут дать вразумительного ответа. Да и понятно, ибо в свете фактов им не удастся опровергнуть организованного характера империалистических войн, порождаемых экономическими интересами монополистической буржуазии и подготовляемых и развязываемых ею с помощью подчиненного монополиям государственного аппарата. Этой задаче — подготовке новой войны — объективно служат и теоретические потуги психосоциологов, домыслы которых имеют целью разоружить народные массы в их борьбе против агрессивной политики империалистов. И дело не изменяется от того, что некоторые из этих теоретиков на словах выступают за мир и даже предлагают свои рецепты врачевания тех «психологических ненормаль-

ностей», которые, по их словам, ведут к войнам.

Но поскольку эти рецепты, во-первых, крайне неопределенны, а во-вторых, обращены исключительно к «психопатологии» отдельного индивида, они означают на деле лишь призыв подождать, когда «социальные психологи» разберутся в этих проблемах и укажут человечеству путь к «вечному миру», а пока что отказаться от тех реальных и вполне конкретных форм борьбы за мир, которые выработаны и успешно применяются на практике народами.

* * *

Разоблачение психологического направления в социологии является сегодня одной из важнейших задач в деле борьбы с реакционной идеологией современной буржуазии. Эта задача особенно важна, так как психологическое направление ныне все более входит в моду в странах капитала, предоставляя немалые возможности для маскировки обветшалых догм идеализма с помощью новой (еще не успевшей до конца скомпрометировать себя) псевдонаучной аргументации. Спекулируя на связи с конкретной, специальной наукой психологией, это направление старается отыскать новые средства для защиты идеализма в вопросах общественного развития.

В этой статье мы пытались подвергнуть критическому разбору антинаучность, идеализм и метафизичность буржуазной психологизированной социологии. Однако

необходимо учитывать, что социальные психологи нередко покидают почву социологии и обращаются к чисто психологическим проблемам и в своих исследованиях на идеалистической основе разрабатывают специальные вопросы, мимо которых нельзя пройти нашим психологам, а в известной мере и нашим философам и историкам. Большое внимание социальная психология уделяет, в частности, изучению психологических условий эффективной организации современного производственного процесса, связанного с большими скоростями и автоматизацией. И хотя эти вопросы ставятся применительно к условиям капиталистического производства и их изучение, как правило, преследует классовые цели организации потогонной системы и воспитания рабочих в духе морали штрейкбрехерства, конкретная методика психологических исследований, постановка научно-психологической работы в условиях производства, а также отдельные специальные психологические закономерности не могут не заинтересовать нашу психологическую науку. То же самое можно сказать и о некоторых других проблемах, поднимаемых психосоциологами. Поэтому очень важно подвергнуть тщательному разбору и критическому анализу не только общефилософские и общесоциологические положения и концепции социальных психологов, но и их специальные работы в области психологии. Марксистско-ленинская философия и материалистическая наука, в частности психология, имеют все необходимые средства для такой работы.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

О некоторых общих вопросах теории антропогенеза

В своих наиболее общих выводах в области теории происхождения человека антропология приходит в непосредственное соприкосновение с философией. Углубленное изучение проблемы антропогенеза невозможно без использования философских категорий («предпосылки», «скачок в развитии», «нарастание противоречий» и др.). В то же время данные антропологии могут быть полезны для обогащения содержания этих категорий.

Многие проблемы антропологии, касающиеся роли труда в формировании человека, взаимодействия социальных и биологических закономерностей, происхождения общества и возникновения древнейших социальных институтов, тесно связаны с соответствующими проблемами социологии.

Теория антропогенеза, однако, не может быть построена без уяснения многих конкретных вопросов и прежде всего следующих: о роли руки в формировании человека, о времени появления первых орудий труда, об особенностях непосредственных предшественников людей современного вида и о выделении основных этапов человеческой эволюции. Краткому рассмотрению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

I

Вопрос о значении руки для человека обсуждался еще в античной философии, и уже тогда обозначались совершенно различные его толкования. По мнению Анаксагора, именно наличие руки человек был обязан превосходством над животными. Наоборот, Аристотель, а вслед за ним вековая традиция более поздних эпох выдвигали положение о том, что природа потому и снабдила человека рукой, что только он обладает разумом и может в отличие от животных с пользой употребить этот «инструмент инструментов».

Само по себе признание важности для человека руки и ее совершенства, таким образом, вовсе не предполагало ни призна-

ния эволюционного принципа, ни тем более материалистического его понимания. Один из активных противников теории Дарвина, Луи Агассиц, в своих лекциях о «Структуре животной жизни»¹, которые имели задачей показать, что природа была создана высшей силой по разумному плану, утверждал, что рука дана человеку для дружеских, сердечных рукопожатий. Известно также, что физиолог Чарлз Белл развивал идею о высоком совершенстве строения человеческой руки в специальной работе, которая входила в серию так называемых Бриджватерских трактатов, предпринятую с целью доказать мудрость и благость божества в сотворении мира; эти трактаты, изданные в 1833 году на средства графа Бриджватера по его завещанию, считались в середине прошлого столетия в Западной Европе и в России символом официальной благонамеренности. Иначе освещал значение руки Дарвин, показавший, что освобождение руки от функции локомоции было важнейшим следствием перехода предка человека к выпрямленному двуногому хождению, благодаря чему открывалась широкая дорога развитию специфически человеческих особенностей руки. Подчеркивая, что человек не мог бы достигнуть господствующего положения на нашей планете без употребления рук, Дарвин показывает тот естественный путь, которым шло их развитие у наших предков. Развитие это протекало согласно с принципом разделения функций и дифференциации органов: в то время как руки совершенствовались в схватывании и других операциях, ноги должны были совершенствоваться в поддержке тела и его передвижении.

Ф. Энгельс, отмечая решающую роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, обосновал положение о том, что трудовая деятельность была важнейшей движущей силой в развитии мозга. Тем

¹ Agassiz L. «The structure of animal life». Six lectures. London. 1866.

самым устанавливалась тесная связь эволюции головного мозга человека с освобождением и дифференциацией его рук. Последующие антропологические исследования дали разнообразные подтверждения этой идеи.

Начиная с конца прошлого столетия морфологи стали разрабатывать приемы сопоставления по величине головного мозга разных видов животных, сильно отличающихся по массе тела. Из числа многих предложенных способов расчета веса мозга наиболее разносторонне был использован весовой указатель, в который величина веса мозга, возведенная в квадрат, входит в качестве числителя, а цифра, показывающая массу тела (взятая в первой степени и вычисленная в тех же единицах измерения), — в качестве знаменателя. С помощью этого указателя, основанного на теоретических предпосылках, разработанных Е. Дюбуа и др., удалось выяснить некоторые закономерности распределения величины церебрализации по разным группам млекопитающих. Оказалось, что названный указатель не обнаруживает сколько-нибудь заметной связи с ростом животного, то есть что одинаковой величины церебрализации могут обладать маленькие, средние и крупные животные. Выяснилось далее, что в общем животные, характеризующиеся более высокой организацией, обладают большими значениями весового указателя мозга: так, млекопитающие превосходят рептилий; плацентные млекопитающие имеют больший весовой указатель мозга, чем сумчатые; копытные и хищные — больший указатель, нежели насекомоядные, и т. п. Человек весьма резко выделяется из всего класса млекопитающих по огромной величине весового указателя. Очень большая степень церебрализации была достигнута независимо в разных, генетически далеких друг другу, ветвях эволюционного древа млекопитающих — у высших приматов, у ластоногих, у дельфинов и др. Таким образом, было показано, что сходство в степени разрастания массы мозга не есть свидетельство филогенетической близости животных.

Очень высокими показателями церебрализации обладают те формы млекопитающих, которые освоили новые и сложные для этого класса способы передвижения по всем трем координатам трехмерного пространства (таковы «акробаты моря» среди млекопитающих — дельфины, тюлени и «акробаты леса» — приматы). Однако наибольшими весовыми указателями мозга, как оказалось, обладают не те формы, которые способны только быстро и ловко перемещать свое тело по всем направлениям окружающей их среды, но те, которые выработали способность, сохраняя от-

носительную неподвижность своего тела в целом, перемещать вокруг него объекты внешнего мира с помощью подвижного анализатора (хобот слона, осязательный хвост американской обезьяны — коаты, пятипалая кисть обезьяны). Если эти бледные «аналоги» руки сочетаются у животных с высокой степенью церебрализации, то понятно, что развитие подлинной руки человека не могло не повести к огромному разрастанию головного мозга¹.

Известно, что антропоморфные обезьяны превосходят низших узконосых обезьян (марышек, макак, павианов) по своей способности решать различные задачи с употреблением предметов в условиях эксперимента, в частности, по умению использовать палки для того, чтобы доставать приманки. Бойтендейк высказал предположение, что более удачное решение высшими обезьянами задачи доставания плода с помощью палки объясняется большей массой их тела: в естественных условиях, лазая по деревьям, они не могут добираться до концов тонких ветвей, как делают более легкие низшие обезьяны, и будто бы принуждены для добывания плода отламывать всю ветку. В свете изложенных выше фактов, может быть, законно будет рассматривать указанные Бойтендейком различия как частные проявления общих закономерностей, учитывая, что высшие обезьяны обладают несколько большей способностью к полувыпрямленному хождению и что это свойство в соединении с весьма крупным весом приводит к более разнообразному и сложному использованию в качестве подвижного анализатора их руки.

Вполне понятно, что прием оценки степени церебрализации, основанный на простом взвешивании мозга и тела, нуждается в дополнении и проверке путем применения более тонких методов анализа.

Появившиеся в течение последних двадцати лет исследования такого рода позволяют подтвердить правильность общей идеи о теснейшей связи развития мозга и руки. В результате исследований Фултона, Дюссе де Баренна, Пенфилда и других специалистов по морфо-физиологии мозга выяснилось, что в четвертом поле прецентральной области, то есть в основной так называемой двигательной области (где двигательные центры распределяются примерно в обратной последовательности по отношению к тем участкам тела, движениями которых они «заведуют»), дистальные² части ко-

¹ По этому вопросу см. работу автора настоящей статьи в «Антропологическом журнале» № 1—2 за 1933 год.

² Дистальный — термин, принятый в анатомии при описании расположения органов и означающий «расположенный дальше от центра».

нечностей всегда занимают большие области, чем проксимальные¹, причем кисти рук представлены более широко, чем стопы. Замечательно, что такая картина обнаружилась у всех изученных приматов, начиная с низших и кончая человеком. Огромное место в коре мозга, занимаемое участком, представляющим кисть и в особенности первый палец, по сравнению с участками, представляющими туловище, бедро и плечо, хорошо видно на известной схеме Пенфилда и Расмуссена², изображающей соотношение областей в передней центральной извилине в виде «человечка» с гигантской кистью руки и ртом.

Подтверждение связи, существующей между совершенством подвижного анализатора и развитием коры мозга, можно найти также и в специальных работах по цитоархитектонике мозга обезьян, где показано, что у капуцинов, верхние конечности которых могут выполнять тонкие и сложные движения, представительство этих конечностей в коре мозга более дифференцировано, чем у низших узконосых обезьян³. Весовой указатель мозга (о котором шла речь выше) несколько больше у медведей, чем у хищников других семейств, что можно поставить в связь с известной способностью некоторых видов медведей передвигаться на задних конечностях и широко использовать передние для разнообразных функций. Оказалось, что у медведей лобные доли и по целому ряду показателей сложности их цитоархитектоники превосходят лобные доли других хищников⁴.

Наконец наблюдения и экспериментальные данные по изучению поведения животных показали, что высшая нервная деятельность достигает наиболее высоких уровней как раз у тех животных, в строении которых сочетается большая степень церебрализации с наличием хорошо развитых подвижных анализаторов (антропоморфные обезьяны, коаты, капуцины, слоны)⁵.

¹ Проксимальный — расположенный ближе к центру.

² Penfield W., Rasmussen T. «The cerebral cortex of man. A clinical study of localization of function». 1950.

³ См. работу Т. И. Беловой «Архитектоника двигательной области коры головного мозга низших обезьян в связи с проблемами антропогенеза». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М. 1954.

⁴ См. работу В. М. Светухиной «Цитоархитектоника коры прекоронарной и лобной областей мозга в отряде хищных». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М. 1956.

⁵ Интересно, что связь интеллекта с рукой получила своеобразное отражение в корневом составе различных языков, именно в

Все эти факты, как нам кажется, ярко иллюстрируют правильность материалистической теории антропогенеза, устанавливая глубокую связь между истоками человеческого интеллекта и рукой.

II

Другой вопрос, очевидно, близко касающийся первого — на каком этапе морфологической эволюции человека начинается изготовление орудий труда?

Антропологи выделяют в качестве древнейшей стадии развития человеческого рода «стадию питекантропа», представленную находками яванских питекантропов, синантропов (Восточная Азия), гейдельбергского человека (Западная Европа), атлантропов (Северная Африка), телантропов (Южная Африка). Как известно, вполне точно датированные палеолитические орудия найдены (имея в виду названные остатки) лишь с синантропами и с атлантропами. О том, что гейдельбергский человек обладал орудиями, заключают косвенно, на основании большого сходства окружающей его фауны с животным миром шельских людей в долине реки Соммы. Полагают, что и яванские питекантропы выделяли орудия, так как их потомок синантроп уже владел такой техникой обработки камня, которой должна была предшествовать еще более архаичная.

Внимание археологов и антропологов привлекли в самое недавнее время сообщения о том, что в конце 1954 года на юге Африки, в каменоломне Макапансгата, непосредственно над слоем, где находили костные остатки одного из видов так называемых австралопитековых (ископаемых) обезьян, были обнаружены, по-видимому, подвергшиеся обработке 129 камней, которые могут быть отнесены по своему типу

сходстве или общности корней некоторых слов, означающих «понимать», с одной стороны, и «брать», «хватать рукою» — с другой. См., например, русское *п о н и м а т ь* и *в з и м а т ь*; чешское *chápati* — понимать и *uchopiti* — брать рукою; немецкое *Begriff* — понятие и *greifen* — хватать; французское *comprendre* — понимать и латинское *comprehendo* — обхватывать; латинское *conceptio* — сочинение и *capio, capi, capere* — взять, брать, поймать; древнегреческое *lambano* — беру и понимаю; в языке хинди: *agrah karna* — устремлять внимание и *grah* — хватать, брать; венгерское *felfogni* — понимать и *fogni* — брать; тибетское *tan ne dzin* — хорошо усваивать и *dzin ba* — хватать, брать и др.

Эта общность корней имеет, без сомнения, в разных языках различную древность. Родство слов, означающих «понимание» и «хватание рукою», представляет интерес независимо от того, как давно оно возникло.

в примитивнейшим формам палеолитической индустрии, получившей у африканских археологов название «кафуанской» (более ранней) и «олдовайской» (более поздней). Профессор Р. Лове, осмотрев эти камни, пришел к заключению, что только 17 из них можно считать орудиями, изготовленными чьей-то рукой. В апреле 1955 года в Макапансгате был найден фрагмент верхней челюсти австралопитека в том же слое, что и орудия кафуанского типа¹.

Независимо от того, насколько убедительны окажутся выводы, которые будут сделаны при исследовании «орудий» из Макапансгата, неизбежно допущение, что в истории формирования человека был период, когда использовались (для разделки трупов животных) не только естественные, найденные в природе камни, но и камни, подвергшиеся наиболее элементарной обработке — расколу для получения острого края. По вопросу о том, какие существа начали проделывать подобные операции, наиболее ли развитые из австралопитековых обезьян или предшественники тринильского питекантропа, то есть формы, известные нам по остаткам так называемого *Pithecantropus robustus* (более древнего и более архаичного по типу, чем *Pithecantropus erectus*), мы не можем пока сказать ничего определенного.

Так как вопрос о начале выделяния орудий непосредственно входит в проблему определения той границы, которая отделяет человека от животных, то его обсуждение требует общего обзора основных стадий эволюции человека, начиная с его предшественников и кончая человеком современного типа.

III

Многие антропологи выделяют в процессе человеческой эволюции четыре основные стадии: стадию предшественника (представление о ней дают находки австралопитековых обезьян), стадию питекантропа (о ней речь шла выше), неандертальскую стадию, или стадию палеоантропа, и, наконец, заключительную стадию неантропа, то есть человека современного типа, или *Homo sapiens*. Наибольшие споры в науке вызывает третья, т. е. неандертальская, стадия.

Мысль о том, что на территории Западной Европы неандертальцы были прямыми предками людей современного типа, не вызвала сомнений в прошлом столетии у большинства сторонников дарвиновской теории происхождения человека. Однако

работы Г. Швальбе², показавшие резкие отличия в строении между черепами неандертальцев и людей позднего палеолита, и в особенности монография М. Буля о неандертальском скелете из Ла Шапель-о-Сэн³ привели многих антропологов и археологов к убеждению, что верхнепалеолитические люди в Европе (иногда условно обозначаемые термином «кроманьонцы») не являются потомками западноевропейских неандертальцев, но произошли от иных предков где-то за пределами Европы. Мнения ученых разошлись, и были предложены разные гипотезы. Одни исследователи сохраняли приверженность старой, «классической» точке зрения — о прямой родословной линии, ведущей от яванских питекантропов через западноевропейских неандертальцев к кроманьонцам. Другие возражали, указывая на разнообразные факты, действительно не позволяющие вести родословную современного человека от западных неандертальцев.

Эти соображения были использованы для построения ложной гипотезы о глубочайшей древности *Homo sapiens*, остатки которого якобы найдены в шельских и апельских слоях и ничем не отличаются от современных людей. В руках некоторых авторов эта гипотеза превратилась в орудие борьбы против учения о происхождении человека от более низко организованных форм, так как ее основное положение обязывало признать, что человек появился сразу в готовом виде и что причины его появления так же неизвестны, как и его предки. Понятно, что подобный взгляд открывал дорогу к креационизму. Третьи авторы, соблюдая верность эволюционному принципу, предлагали искать ближайших предков человека современного типа не среди западноевропейских неандертальцев, но среди иных, отчасти сходных с неандертальцами форм, однако отличных от последних в некоторых отношениях. Предками современных людей, с этой точки зрения, были существа, сочетавшие в себе некоторые новые черты с признаками весьма архаичными. Среди гипотез, основанных на этой идее, можно, однако, отметить некоторые довольно существенные различия. Одни авторы сосредоточивают свое внимание главным образом на сходстве этого предка с *Homo sapiens*, то есть на его прогрессивных особенностях, и приходят к выводу, что он должен получить особое наименование,

² Schwalbe G. «Über die spezifischen Merkmale des Neanderthalschädels». «Verh. Anat. Gesellschaft». Erg. — H. zum 19 B., 1901. «Anatomischer Anzeiger».

³ Boule M. «L'homme fossile de la Chapelle-aux-Saints». Annales de Paléontologie. T. 6, 7, 8, Paris, 1911—1913.

¹ Boné E. «L'Afrique, berceau du groupe humain et premier foyer de culture». Encyclopédie mensuelle d'outre-mer, № 59, 1955.

«*prae-sapiens*», подчеркивающее его глубокое отличие от предка неандертальцев, то есть от «пренеандертальца». Согласно этой точке зрения, линии развития «пресapiенса» и «пренеандертальца» расходятся в самом начале четвертичного периода.

Другая гипотеза, которой придерживается и автор этой статьи, основывается на том, что все без исключения остатки человека, предшествующие неандертальцам мустьерского времени, по общей совокупности признаков гораздо более примитивны, чем кроманьонцы, и значительно ближе к палеоантропам, чем к неантропам. Невозможно провести в морфологическом отношении сколько-нибудь определенную границу между европейскими «пресapiенсами» и «пренеандертальцами». И те и другие обладают и чертами, напоминающими современных людей, и в еще большей мере — признаками весьма низкой организации. Кроме того, следует учитывать, что территория, на которой обитали люди, определяемые как «пресapiенсы», почти совпадала с ареалом так называемых «пренеандертальцев». Гипотеза, резко различающая «пресapiенсов» и «пренеандертальцев», опирается в своей характеристике «пресapiенса» на две находки — фрагмент черепа ашельского времени на юге Англии, в Сванскомбе, и два фрагмента черепа раннемустьерского времени в пещере Фонтешевад в центральной Франции. Однако и эти две находки, как и другие остатки человека в раннем мустье и в ашеле Западной Европы, чрезвычайно архаичны по некоторым признакам. Достаточно указать, что по сочетанию крайне низкого свода с очень широким затылком череп Фонтешевад II даже чуть ближе к синантропу, чем к неандертальцу.

Таким образом, нет оснований отказываться от представлений о «неандертальской фазе» в развитии человечества, но термин «неандертальская» надо понимать в более широком смысле и не связывать область возникновения *Homo sapiens* с Западной Европой.

IV

Как бы ни разрешились в будущем разногласия по деталям вопроса о предшественнике *Homo sapiens*, твердо установлено, что для древнейших людей (синантроп, атлантроп и др.) была характерна шельско-ашельская индустрия, для древних людей (неандертальцы и родственные им формы) — ашельско-мустьерская. Не подлежит сомнению и то, что вполне сложившийся человек современного типа появляется в начале позднего палеолита.

Среди советских ученых, признающих изложенную схему в целом, имеются, однако, расхождения в оценке древнейших

и древних гоминид, в понимании того места, которое надлежит отвести им в процессе антропогенеза. Наиболее отчетливо были сформулированы три гипотезы. Первая, в очень сжатой форме изложенная А. Я. Брюсовым, заключается в том, что с философской точки зрения уже древнейшие люди, несмотря на их примитивную физическую организацию, должны считаться готовыми, вполне сложившимися людьми, в качественном отношении несколько не отличающимися от современных людей, поскольку они выделяли орудия труда и жили в производственных коллективах¹.

Вторая, во многих отношениях противоположная точка зрения была высказана Б. Ф. Поршневым², который привел разнообразные соображения в пользу того взгляда, что древнейшие и древние люди, несмотря на довольно большую близость их морфологического типа к человеку, должны быть по характеру своей высшей нервной деятельности отнесены к животным. Выделка шельских, ашельских и в значительной степени мустьерских орудий (до середины мустье), по мнению Б. Ф. Поршнева, по существу, имеет больше общего с инстинктивной деятельностью пчелы, паука, дятла, бобра (хотя далеко превосходит ее по своей сложности), чем с производством позднепалеолитических орудий. Древнейшим человеком поэтому следует считать древнейшего *Homo sapiens*, всех же его предшественников, кроме поздних мустьерцев, нужно включать по их психике в животный мир. Более того, согласно Б. Ф. Поршневу, еще долгие тысячелетия позднего палеолита понадобились для того, чтобы завершился переход от инстинкта к сознанию и чтобы вновь возникшие социальные закономерности диалектически сняли биологические закономерности в эволюции человечества.

Третья точка зрения, которой придерживается большинство советских антропологов, видит в древнейших и древних гоминидах формирующихся людей, глубоко отличных как от тех животных, из среды которых они возникли, так и от людей современного типа. Понятно, что такое истолкование синантропов и неандертальцев не позволяет антропологам присоединиться ни к точке зрения А. Я. Брюсова, который усматривает в них вполне сложившихся людей, ни к позиции Б. Ф. Поршнева, который считает синантропов и ранних неандертальцев животными.

Связывая эволюцию физического типа человека с его высшей нервной деятель-

¹ См. «Вестник древней истории» № 2 за 1953 год.

² См. журнал «Вопросы философии» № 5 за 1955 год.

ностью, антропологи не могут ставить знака равенства ни между древними гоминидами и животными, ни между древними гоминидами и человеком современного типа, так как придерживаются того принципа биологии, который не допускает возможности эволюции морфологической структуры без эволюции функций.

Обязывает ли, однако, признание этого принципа считать, что рубежи, отделяющие древних гоминид от австралопитеков и кроманьонцев от неандертальцев, заслуживают внимания философов? Иначе говоря, свидетельствуют ли эти рубежи о глубоких, качественных отличиях между теми формами, которые они разделяют?

Если обратиться к таким ранним формам, как синантропы, то огромное разрастание массы мозга по сравнению с австралопитеками, в частности, заметное развитие задней височной области, соответствующей 37-му цитоархитектоническому полю Бродмана, позволяет предполагать у синантропа зачатки речевой функции, а тем самым и зачатки сознательной деятельности. Напомним, что у современного человека это поле весьма дифференцировано по сравнению с высшими обезьянами и занимает большую поверхность в процентах к площади всей височной доли. Его положение между корковыми центрами слуховых и зрительных анализаторов, а равно и данные клиники дают все основания связывать его с речью¹.

Данные археологии позволяют некоторым исследователям проводить аналогию между изделиями рук синантропа и раннеашельскими памятниками Европы². Нет надобности, как мы полагаем, объяснять появление этих орудий с помощью двойной гипотезы — о возникновении особого инстинкта (в смысле цепи безусловных рефлексов) у древнейших гоминид в начале палеолита и об его исчезновении на пороге позднего палеолита. Роль таких врожденных стереотипов мала уже у антропоморфных обезьян по сравнению с гибкими, индивидуально пластичными, приобретаемыми в опыте стереотипами, которые оказывают тормозное влияние на инстинктивные реакции³.

Проще и естественнее вести линию развития поведения древнейших гоминид от «орудийных» действий австралопитековых обезьян с их высокоразвитым мозгом, чем

вставлять в интервал между австралопитеком и кроманьонцем неожиданную вспышку безусловно-рефлекторной деятельности, напоминающей иные линии эволюции, например, насекомых, птиц, грызунов.

Если же принять, что в основе изготовления орудий шелльского и ашельского типа лежали механизмы высшей нервной деятельности, характерные для высокоорганизованных приматов, то законно сделать и следующий шаг и предположить, что на этом этапе могли появиться зачатки второй сигнальной системы, так как всего легче представить себе возможность изготовления, например, ашельского рубила, если допустить наличие у его изготовителя хотя бы смутного понятия о назначении и свойствах этого орудия. Ведь изготовление рубила требовало очень большого числа строго рассчитанных разнообразных движений, менее связанных друг с другом, чем с их общим конечным результатом. Лишь в итоге тонкой и направленной их координации мог появиться предмет, сочетавший определенную систему свойств, необходимых для его дальнейшего употребления. Только хотя бы элементарное знание цели могло «разгрузить» мозг ашельца от гигантской цепи первых сигналов действительности, цепи, которая была бы необходимой, но вряд ли посиленной для мозга в его работе над созданием ручного рубила при отсутствии зачатков мышления. Эта гипотеза подкрепляется и вышеприведенными данными о строении мозга ранних гоминид и тем, что мышление и речь уже достигли своего полного развития в позднем палеолите. Если допустить, что момент их появления относится только к концу мустье, то трудно представить себе, как в такой короткий срок могла осуществиться столь сложная перестройка мозга и высшей нервной деятельности. Если же перенести зачатки речи и мышления в начало мустье и протянуть этот процесс через весь мустьерский период или большую его часть, тогда всех мустьерцев пришлось бы считать формирующимися людьми, а шелльцев и ашельцев — животными. Но пока не имеется никаких антропологических и археологических материалов, которые помогли бы оправдать проведение такого рубежа и доказать, что позднеашельскую индустрию создавали животные, а мустьерскую — формировавшиеся люди.

Конечно, предшественники древнейшего человека обладали в своем поведении «биологическими предпосылками», которые позволили зародиться подлинно человеческой трудовой деятельности. Важнейшей из этих предпосылок было использование предметов в качестве орудий, мо-

¹ См. Блинков С. М. «Особенности строения большого мозга человека. Височная доля человека и обезьяны». 1955.

² См. Ефименко П. П. «Первобытное общество». Изд. третье, Киев, 1953.

³ См. Майоров Ф. П. и Фирсов Л. А. «О динамической стереотипии у человекообразных обезьян (шимпанзе)». «Журнал высшей нервной деятельности». Т. VI, вып. 1 за 1956 год.

жет быть, раскалывание камней и другие формы «мышления действиями», «практического мышления», употребляя термины, предложенные рядом психологов и физиологов около тридцати лет назад.

Эти доречевые формы обращения с предметами продолжали бытовать и имели еще очень большое значение и для древних гоминид, уже обладавших, как мы полагаем, зачатками речи и сознания.

Характеризуя древнейших и древних гоминид как формирующихся людей, мы тем самым отделяем их и от животных и от «готовых» людей, то есть людей современного типа. Эта точка зрения получила у нас в литературе название «теории двух скачков». Мы предпочитаем несколько иное ее толкование. Эволюция человека была весьма постепенным процессом накопления нового и отмирания старого качества. В этом смысле весь период становления человека был одним диалектическим скачком. Но в этом длительном процессе резко отличаются друг от друга начальный и завершающий периоды. Новое качество, достигнув своей полной мощи в завершающем периоде, породило тем самым множество таких явлений, которые

полностью отсутствовали в начальной стадии процесса антропогенеза, когда только что появились зачатки этого нового качества. Снятие отбора как видообразующей силы наступило лишь с возникновением человека современного типа. Только начиная с позднего палеолита, рост производительных сил и развитие общества стали протекать без всякого эволюционного преобразования основных морфологических видовых признаков человека. Социальные закономерности только на этом завершающем этапе достигают своего безраздельного господства в общественной жизни.

Не усматривать глубоких качественных различий между синантропом и современным человеком на том основании, что и у того и у другого были орудия труда, аналогично примерно тому, чтобы не видеть разницы между ранней весной и ее концом. Хотя все то же движение Земли по той же ее орбите удлиняет день и в начале марта и на пороге лета, но жизнь природы в эти периоды бесконечно различна: в одном случае мы имеем дело с концом зимы, в другом — с началом лета.

Я. Я. РОГИНСКИЙ

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О значении микробиологических данных для разработки теории видообразования

Известно, что с начала XX века ряд острых вопросов биологии был отодвинут на задний план в связи с признанием многими биологами догмата о независимости наследственности от адекватных влияний внешней среды. Только после сессии ВАСХНИЛ в 1948 году, когда в докладе академика Т. Д. Лысенко было критически оценено с материалистических позиций положение в современной биологии, закончился многолетний период застоя в обсуждении и разработке таких коренных проблем биологии, как вопрос о соотношении организма и среды, вопрос о стадийности развития, о виде и видообразовании.

После этой сессии вновь развернулись дискуссии в среде биологов почти всех стран мира. Затем дискуссия перешла из аудиторий в лаборатории, что вызвало к жизни огромное количество исследований в новом плане. Это, несомненно, приведет в конечном счете к новому «прорыву в следующий этаж» биологической науки.

В области микробиологии после сессии ВАСХНИЛ также получено много нового экспериментального материала, особенно по проблеме видообразования, и по-новому оценены ранее полученные факты.

В этой статье мы приведем ряд микробиологических данных и на этой основе выскажем некоторые соображения, относящиеся к философскому аспекту проблемы видообразования.

Примеры видообразования у бактерий путем коренных изменений наследственности

В ряде монографий и обзорных статей, вышедших после 1948 года¹, приводится много новых фактов, демонстрирующих

различные формы изменчивости микробов. Отсылая читателя к этим изданиям, мы остановимся лишь на нескольких примерах.

К экспериментальному исследованию видообразования у бактерий наш коллектив приступил более 20 лет назад, когда не только отрицалась возможность видообразующей изменчивости бактерий, но многими микробиологами, особенно за рубежом, не признавались и другие формы изменчивости микробов.

На основании исследования изменчивости кишечно-тифозной группы бактерий и чумного микроба в 1932—1936 годах мы пришли к выводу, что должны существовать две тесно взаимосвязанные формы изменчивости: внутривидовая и видообразующая.

К первой форме мы относили тогда явления так называемой диссоциации бактерий. Это явление оценивалось как внутривидовая изменчивость, так как было установлено, что при возврате измененной формы к исходной (процесс диссоциации обратим) может прибавляться тот или иной новый признак, хотя видовое качество оста-

шенецкий «О задачах селекции микроорганизмов», там же; Н. А. Красильников «Биологическое значение антибактериальных веществ», там же; Е. Н. Мишустин «Почвенная микробиология и ее очередные задачи», там же; В. М. Туманский «Псевдотуберкулез». Медгиз, 1952; С. Н. Муромцев «Изменчивость микроорганизмов и проблемы иммунитета». Сельхозгиз, 1953; В. М. Жданов «Заразные болезни человека». Медгиз, 1953; В. Л. Елин «Изменчивость микробов». Медгиз, 1954; И. Н. Майский «Иммунология туляремии». Медгиз, 1953; Д. Г. Кудлай «Изменчивость микробов кишечной группы». Медгиз, 1954; «Изменчивость микроорганизмов». Сб. статей под ред. В. Д. Тимакова. Медгиз, 1956; Е. И. Коробкова «Живая противочумная вакцина». Медгиз, 1956.

¹ См. В. М. Туманский «Микробиология чумы». Медгиз, 1948; Г. П. Калина «Изменчивость патогенных микроорганизмов». Госмедиздат УССР, 1949; В. И. Кудрявцев «К проблеме вида у микроорганизмов». Труды Института микробиологии АН СССР, т. I, 1951; А. А. Им-

ся прежним. Это положение высказывалось до нас и другими авторами и представлялось нам правильным.

Далее предполагалось, что при таких внутривидовых переходах постепенно накапливаются количественные изменения, которые в известный момент дают качественное преобразование, и наступает видообразующая изменчивость, приводящая к образованию нового вида. При экспериментальной разработке указанных выше положений в период до 1934 года в Институте «Микроб» (Саратов) были получены варианты кишечной палочки и варианты чумного микроба с глубокими изменениями. Однако ни один из этих вариантов не подходит под характеристику «нового вида».

Не могли получить достоверных фактов, свидетельствующих о переходах одного вида бактерий в другой, и другие специалисты по изучению изменчивости микробов. Однако в другой лаборатории того же института в 1929—1936 годах произошло событие, которое имеет исключительное значение для развития учения о виде не только в области микробиологии, но и биологии вообще. Руководители этой лаборатории А. А. Бессонова и Г. Н. Ленская при изучении диссоциации чумного микроба обнаружили на агаровых пластинках, куда были сделаны посевы из старых чумных культур, необыкновенные колонии, не похожие на колонии исходной культуры. Тщательное изучение этой культуры показало, что она по своим признакам относится к виду псевдотуберкулезного микроба. Как известно, этот вид является соседним по отношению к чумному микробу и вместе с ним входит в род *Pasteurella*¹, объединяющий бактерии, вызывающие различные геморрагические септицемии. Вместе с тем эти виды хорошо разграничены, и каждый из них вызывает разные болезни.

Впоследствии Е. И. Коробкова показала, что псевдотуберкулезные микробы обладают антагонистическими свойствами по отношению к чумным. Это было последним звеном в цепи доказательств того, что чумной и псевдотуберкулезный микробы принадлежат к разным видам².

Таким образом, А. А. Бессоновой и Г. Н. Ленской удалось впервые установить факт превращения одного вида микробов в другой в эксперименте.

Нам с М. М. Хворостухиной в 1934 году удалось подтвердить этот факт. При изучении действия чумного бактериофага на чумных бактерий методом серийных разведений было установлено, что в рядах пробирок с бульоном, содержащих одинаковое количество микробов и уменьшающееся количество бактериофагов, отмечается, кроме двух обычных зон (зона лизиса бактерий, где наблюдаются высокие концентрации фага, и зона типичного роста в конце ряда, где концентрации фага самые низкие), еще и промежуточная зона нетипичного роста (в тех пробирках, где концентрации фага средние).

При высеве из этих пробирок отмечался рост несколько измененных чумных колоний. Однако при дополнительном воздействии бактериофагом на эти культуры появились уже более глубокие изменения. В одном из пересевов выросли колонии, состоящие из клеток, обладавших, правда, в разной степени выраженными, морфолого-биологическими свойствами псевдотуберкулезного микроба.

Быстро появились и другие характерные для псевдотуберкулезной культуры признаки.

На протяжении последующих 20 лет из различных штаммов чумного микроба многократно и в разных лабораториях были получены такие же формы.

При дальнейших исследованиях было показано, что исходные культуры, из которых получен новообразованный штамм с признаками псевдотуберкулезного микроба, относятся именно к той разновидности чумного микроба, которая содержит отдельные признаки псевдотуберкулезного. У других разновидностей, у которых эти признаки отсутствуют, до сих пор не удалось вызвать такого рода изменчивость.

Стало ясно, что новый вид может образоваться не из каждой разновидности, но именно из той, которая уже содержит «частишки живого вещества» (антигены) будущего нового вида. Речь идет, конечно, об общности отдельных элементов биохимических процессов у исходного и нового видов. Было показано, в частности, что видообразование наступает только у тех штаммов чумного микроба, которые способны расщеплять глицерин. Эта же особенность характерна и для псевдотуберкулезного микроба. Однако другие ферментативные системы этих бактерий резко отличаются друг от друга. Коренная же реконструкция обмена, свойственного чумному микробу, по типу обмена псевдотуберкулезного микроба происходит лишь в момент видообразования как такового. Как будет указано ниже, мы придаем большое значение тому, что видообразование наступает только у тех штаммов чумного микроба,

¹ В некоторых американских классификациях псевдотуберкулезный микроб ошибочно относится к роду *Corynebacterium*.

² Мы не касаемся здесь других примеров, показывающих значение межвидовой несовместимости при разграничении видов. Напомним только, что большой и важный материал в этой области применительно к микроскопическим грибкам получил Н. А. Красильников (цит. выше).

которые способны ферментировать глицерин.

Не менее интересные результаты принесло иммунологическое исследование новообразованных культур, проведенное Т. Д. Фаддеевой. Оказалось, что при образовании этих культур основными антигенами становятся псевдотуберкулезные, но чумной антиген сохраняется в качестве «добавочного».

Следовательно, живое вещество старого вида представлено в новом, что свидетельствует о преемственности при видообразовании.

В дальнейшем развернулись еще более широкие исследования по изучению видообразующей изменчивости чумного микроба.

В конечном счете большим коллективом специалистов¹ за последние 20 лет были установлены следующие факты:

1. Чумной и псевдотуберкулезный микробы являются двумя близкими, но хорошо разграниченными видами, входящими в род *Pasteurella*.

2. При изменении условий внешней среды чумной микроб вначале претерпевает процесс внутривидовой изменчивости и приобретает единичные новые признаки, а затем превращается в новый вид, морфолого-биологическая характеристика которого совпадает по многим признакам с характеристикой соседнего псевдотуберкулезного микроба.

3. Превращаются в этот вид только те разновидности чумного микроба, в теле которых содержится добавочный антиген, общий с одним из антигенов псевдотуберкулезного микроба. Этому соответствует наличие у исходных штаммов чумного микроба способности ферментировать глицерин.

4. Новообразованный вид от исходного отличается: а) новым типом обмена веществ и наличием ряда морфолого-биологических особенностей;

б) новыми типами связи с условиями жизни, что реализуется в изменении характера патологического процесса у экспериментальных животных;

в) появлением у новообразованного вида территориальной несовместимости со старым видом.

5. Новообразованный вид приобретает

все антигены, характерные для псевдотуберкулезного микроба. Кроме того, сохраняется один из антигенов исходного вида в качестве добавочного. Это расценивается нами как свидетельство сохранения способности нового вида синтезировать живое вещество, характерное для старого вида.

6. На протяжении двадцати с лишним лет новообразованные штаммы, полученные из культур чумного микроба А. А. Бессоновой, Г. Н. Ленской и затем Н. Н. Жуковым-Вережниковым и М. М. Хворостухиной, несмотря на многочисленные попытки вызвать у них обратное развитие (пассажи через животных, тысячи пересевов в различных условиях и т. д.), не претерпели реверсии и не только не возвратились в исходное состояние, но все больше и больше отходили от характеристик, присущих чумному микробу.

За последние годы произошли новые события в области развития отечественной микробиологии. В частности, появились новые работы, где на иных методических основах, но с такой же степенью достоверности получены данные о видообразовании у других микробов в условиях эксперимента. Мы имеем в виду работы Н. Ф. Гамалея и Н. Грачевой и особенно работы В. Д. Тимакова и Д. Г. Кудлай.

Методом, схожим с «вегетативной гибридизацией», авторам удалось из штаммов кишечной палочки получить формы, совпадающие по всем признакам с близкими паратифозными микробами.

Особенно здесь важно то, что при выращивании кишечной палочки на убитых телах паратифозного микроба В. Д. Тимак и Д. Г. Кудлай получили не только паратифозноподобные формы, но и микробы, по своим свойствам совпадающие с так называемыми «щелочеобразователями», то есть с видом, систематически более далеким.

Данные этой работы указывают, что передача наследуемых признаков путем так называемой трансформации² может служить началом более глубоких изменений, приводящих к коренной реконструкции типа обмена бактериальной клетки.

² Под трансформацией разумеется способность перехода пневмококков из одного типа в другой под влиянием гетерогенной дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК). Здесь, кстати, заметим, что факт превращения II типа пневмококка в III тип под влиянием ДНК, полученной из III типа (Avery и др. См. «Journ. exp. med.», 79, 1944), в настоящее время широко использован для создания «химического варианта» автогенетической теории (см. статью Н. П. Дубинина в журнале «Биофизика» № 8 за 1956 год). Фактический материал, на котором основывается этот вариант, будет разобран нами в другой статье.

¹ В работе принимали участие специалисты из различных лабораторий Института «Микроб»: проф. А. А. Бессонова, канд. мед. наук Г. Н. Ленская, проф. В. М. Туманский, проф. Е. И. Коробкова, канд. мед. наук Т. Д. Фаддеева, проф. Н. Н. Ивановский, проф. А. М. Антонов, канд. мед. наук А. П. Яшук и другие. Фактический материал суммирован в монографии Н. Н. Жукова-Вережникова «Иммунология чумы» (Медгиз, 1940), а также в упомянутых выше монографиях В. М. Туманского и Е. И. Коробковой.

Эти данные являются примером того, как многообразна видообразующая изменчивость и как мало мы знаем о ее механизмах.

Мы привели только два примера видообразующей изменчивости у бактерий. Многочисленные описания случаев видообразования можно найти в упомянутых выше монографиях.

За последнее время в капиталистических странах получено много фактов изменчивости у микробов. Одни трактуют эти явления с позиций формальной генетики (Bгаun W. «Bacterial genetics». Philadelphia — London. 1953), другие же — с точки зрения приспособительной изменчивости, как это делает, например, Хиншельвуд (Hinshelwood C. N. в книге «Адаптация у микроорганизмов». ИЛ. М. 1956).

Как бы то ни было, в бактериологии факт экспериментального превращения видов путем коренных преобразований обмена установлен прочно.

Биологам, не допускающим такой возможности, остается лишь заявить, что микробы — это исключение, что эти явления могут быть только у примитивных живых существ. Но за последнее время сами же сторонники теории Вейсмана — Моргана получили интересные данные, демонстрирующие сложность устройства даже таких «простых» бактерий, как кишечная палочка (например, *Escher. coli* K-12). Все больше накапливается данных о наличии у них ядра (некоторые говорят даже о хромосомах), о наличии сложных структур, характерных для клеточной организации. Эти данные указывают также на то, что твердо установленные у нас и за рубежом факты регенерации бактерий из неклеточного живого вещества (так называемых фильтрующихся форм) являются примером превращения этого вещества именно в клетки, поскольку уже никто не считает бактерии «бесструктурными комочками протоплазмы».

Определение понятия вида у бактерий

Прежде чем перейти к освещению значения данных микробиологии для теории видообразования, необходимо кратко остановиться на понятии вида у бактерий.

В полном согласии с К. А. Тимирязевым, В. Л. Комаровым, Т. Д. Лысенко мы считаем, что виды животных, растений и микроорганизмов представляют собою качественно особые этапы развития живой природы. Однако к этому следует добавить, что, являясь этапами развития живой материи во времени, они являются основными качественно особыми элементами биосферы в пространстве. Но это слишком общая формулировка, и она нуждается в дальнейшей конкретизации.

Нет сомнений в том, что вид как элемент, входящий в систему биосферы, в систему жизни на Земле, прямо и косвенно связан с другими видами и со всей суммой условий, имеющих место в биосфере в каждый исторический период ее развития. Подобно тому, как химические элементы входят в единую систему химических взаимодействий, виды животных, растений и микроорганизмов входят в совокупность необходимых взаимоотношений внутри целостного органического мира. Уровень развития биосферы в целом зависит главным образом от процессов появления, развития и уничтожения видов живых существ и от их взаимоотношений друг с другом и с окружающей средой.

В понятие среды, таким образом, входят не только физические факторы и химические вещества неживой материи, но преимущественно то, что создано живой материей: тела организмов, белок и продукты его распада, витамины, сложные углеводородные соединения и т. п. Из сказанного следует, что специфические особенности вида определяются не только его происхождением (то есть этапом развития), но и местом его в биосфере. Близкий к этому принцип был успешно использован еще В. И. Кудрявцевым (цит. выше) в процессе работы над систематикой дрожжевых микроорганизмов.

При исследовании микроорганизмов, место которых в биосфере легко определимо, становится ясным, что главной чертой вида является то существенно новое, что обеспечивает ему самостоятельную линию развития и особое положение в биосфере относительно других видов. В соответствии с этим мы считаем возможным дать следующее определение вида:

Вид есть совокупность поколений живых существ, являющаяся этапом развития живой материи во времени и качественно определенным элементом ее в пространстве. Эти поколения унаследовали приобретенные признаки, обеспечивающие самостоятельную, отличную от других видов линию развития за счет наличия: а) специфического уровня сложности физиологических функций, то есть качественно определенного типа обмена веществ и, соответственно, специфических морфолого-биологических признаков, б) особого типа единства организма и условий жизни, в частности, особого места в

системе обращения органических веществ на Земле, в потенциальной способности не смешиваться с соседними видами и тормозить развитие исходного вида.

Это определение, в основу которого положены известные формулировки Т. Д. Лысенко и В. Л. Комарова, разработано, как сказано, с использованием микробиологических данных. Однако мы рассматриваем его и как материал для разработки общепроизводственного определения понятия вида.

Определение вида, данное выше, достаточно отражает наше понимание того, что такое вид, и позволяет перейти к освещению вопроса о теории видообразования путем коренных изменений наследственности в свете фактического материала, приведенного в первой части этого сообщения в форме отдельных примеров.

Теория видообразования путем коренных изменений наследственности

Мы не касаемся здесь всех проблем, связанных с теорией эволюции в целом. Видообразование путем коренных изменений установлено пока лишь для узкого круга видов. Считая возможным, что этот круг будет постепенно расширяться, мы не вправе, однако, универсализировать этот способ видообразования. В задачу этой статьи входят лишь те теоретические вопросы, которые возникают в связи с установлением самого факта видообразования путем коренного изменения наследственности.

Главнейшей особенностью этого типа видообразования, требующей объяснения, прежде всего является то, что новый вид рождается как бы заранее приспособленным к тому новому в условиях жизни, что вызвало видообразование. Когда источником видообразования признавались только мелкие изменения, приспособленность эта объяснялась лишь действием отбора. Как писал Дарвин, «это было достигнуто главным образом при посредстве естественного отбора многочисленных последовательных, незначительных, благоприятных изменений» («Происхождение видов». Биомедгиз, 1937, стр. 714).

Разрывы, коренные различия между видами Дарвин объясняет не следствием коренных преобразований, а только тем, что «...родоначальные формы и все промежуточные разновидности должны вообще оказаться истребленными самим процессом образования новой формы» (там же, стр. 244).

Дарвин, таким образом, исходил из постепенности и непрерывности развития видов через промежуточные разновидности и

считал, что «если бы многочисленные виды, принадлежащие одним и тем же родам или семействам, действительно сразу начинали свое существование, этот факт был бы роковым для теории эволюции путем естественного отбора» (там же, стр. 490).

Нельзя не считаться с тем, что, признавая возможность появления новых видов путем коренных преобразований, мы обязаны пересмотреть ряд положений Дарвина и попытаться материалистически объяснить целесообразность этих коренных преобразований подобно тому, как Дарвин, привлекая идею отбора, материалистически объяснил целесообразность мелких постепенных изменений, значение которых еще рано отрицать.

Другими словами, нужно объяснить, в силу каких причин может возникнуть новый вид сразу приспособленным хотя и не ко всей совокупности факторов внешней среды (как мы увидим ниже, это вообще невозможно), но главным образом к тому новому фактору, который вызвал видообразование.

Мичуринское учение сделало громадный шаг вперед, указав на то, что видовые изменения не случайны в том отношении, что они сами определяются воздействием внешней среды, поскольку организм состоит из преобразованных в его теле элементов внешней среды, а история его развития является историей ассимиляции этих внешних условий. Уже это общее положение является большим достижением. Это действительно материалистическое положение, по-новому ставящее весь вопрос. Характеризуя особенности видообразования у растений путем коренных видоизменений, Т. Д. Лысенко писал: «Под воздействием изменившихся условий, ставших неблагоприятными для природы (наследственности) организмов... этих видов зарождаются, формируются зачатки тела других видов, более соответствующих изменившимся условиям внешней среды». И далее: «Когда растения данного вида тем или иным путем попадают в условия, относительно неблагоприятные для нормального развития их видовой специфики, происходит вынужденное изменение, зарождение в организме растений данного вида зачатков другого вида, формированию специфики которого более соответствуют новые условия внешней среды» (Т. Д. Лысенко. Статья «Вид». БСЭ, второе издание, т. 8, стр. 18. Разрядка моя.— Н. Ж.).

Как видно из приведенного текста, Т. Д. Лысенко говорит о том, что происходит при видообразовании путем коренных изменений, но не отвечает на вопрос

о том, как и почему появляются «зачатки тела» других видов, именно «более соответствующих изменившимся условиям внешней среды», то есть оказавшихся как бы заранее приспособленными к новой среде.

Поэтому необходимо высказать предположение о причинах соответствия коренных преобразований направляющим изменениям во внешней среде, которое сложилось у нас при анализе микробиологического фактического материала.

При этом мы будем иметь в виду те области, для которых такой способ видообразования доказан.

Видообразование в рассматриваемых случаях прежде всего характеризуется появлением тех ведущих признаков, которые обеспечивают новый тип обмена и специфическое единство организма и условий жизни, следовательно, самостоятельную линию развития вида¹.

Может ли этот процесс и особенно его результат определяться абсолютно случайными моментами, случайными изменениями, которые потом лишь статистически регулируются отбором? Признание этого означало бы фактическое возрождение теории Вейсмана — Моргана. Может ли этот процесс быть результатом существования какой-то предшествующей направленности в появлении таких признаков? Признание этого означало бы фактическое возрождение телеологических теорий.

Итак, появление ведущего признака не является абсолютно случайным, и в то же время его соответствие изменениям во внешней среде, естественно, не может трактоваться телеологически.

Какой же вывод нужно сделать из этого положения? Остается предположить, что в основе появления признака, обеспечивающего новому виду самостоятельную линию развития во внешней среде, отвечающую новым особенностям этой среды, лежит какой-то биологический механизм, обеспечивающий прямое действие нового фактора внешней среды на организм, прямое «вмешательство» этого фактора в его физиологию и биохимию, во внутренние закономерности его развития. Если говорить о микробах, то такое адекватное воздействие внешнего фактора (например, витаминов, аминокислот, нуклеиновых кислот) может осуществляться по типу ферментативной адаптации, конкуренции метаболитов или трансформации.

Современные данные по биохимии микробов заставляют предположить, что био-

химические процессы, обеспечивающие способность к изменчивости, относятся к любым физиологическим системам микробной клетки. Иначе и быть не может, потому что первичные изменения окружающей среды могут затронуть любую физиологическую систему, начиная с питания, дыхания и размножения и кончая сложнейшими формами реактивности.

Таким образом, каждая физиологическая система организма в процессе эволюции приобретает и совершенствуется не только способность осуществлять данную форму связи с внешней средой, но также приобретает и совершенствуется способность изменяться при изменениях, которые происходят в данный момент в биосфере.

Вряд ли можно сомневаться в том, что любая физиологическая система микроорганизма построена так, что она закономерно обладает способностью к тем или другим изменениям. Но тогда, исходя из павловских идей о целостности организма, мы должны признать, что организм, в котором изменилась одна система, обладает закономерной способностью к выработке новых типов и уровней целостной слаженности за счет коррелятивного изменения других систем.

Здесь следует заметить, что до сих пор явно недооценены выдающиеся труды А. Н. Северцова, посвященные доказательству значения при изменчивости коррелятивных связей внутри организма. Из-за ошибки, допущенной Северцовым по вопросу о различиях в изменчивости так называемых эндо- и экзосоматических органов, было выброшено за борт его глубокое учение о внутренних корреляциях — вопрос, над которым работали Уоллес, Дарвин и Мичурин и решение которого, с нашей точки зрения, является ключом к познанию многих сторон механизма развития видов. Между тем этот аспект в теории эволюции основательно забыт, и не случайно, что он почти не дебатировался в процессе нынешней дискуссии по видообразованию.

Возможность осуществления способности к коррелятивным перестройкам, несомненно, обеспечивается особым характером самих биохимических процессов в организме. В основе этой способности лежат внутренние закономерности развития организма. К этим закономерностям относится прежде всего характер перестройки типов и уровней целостной слаженности в работе органов и физиологических систем.

Уже есть хорошо прослеженные факты зависимых изменений биосинтетических процессов у микробов. Так, известно, что включение в обмен гетерогенных дезокси-

¹ В материале, приведенном выше, например, таким признаком является способность некоторых разновидностей чумного микроба ферментировать глицерин и наличие у них особого антигена.

рибонуклеиновых кислот влечет за собой специфическое изменение биосинтеза полисахаридов и, по-видимому, белков у пневмококков. Изменение некоторых антигенных свойств у микробов связано с изменением формы колоний и чувствительности к бактериофагу. В настоящее время уже есть примеры строго коррелятивных изменений биосинтетических процессов у микробов. Это относится, например, к расшифрованным биохимически изменениям цепного механизма синтеза триптофана некоторыми микроскопическими грибами и некоторыми разновидностями кишечной палочки.

Учитывая эти данные и те, которые приведены выше, мы высказали следующую гипотезу (см. Н. Н. Жуков-Вержников, И. Н. Майский, Л. А. Калининченко «Еще к вопросу о виде и видообразовании в микробиологии». «Успехи современной биологии», т. XXXIX, вып. 2 за 1955 год).

Вначале в ответ на поступление из внешней среды какого-то нового материала или влияния какого-либо фактора среды адекватно перестраивается какая-то одна биохимико-физиологическая система. Так как изменение в работе этой системы требует уже нового уровня слаженности, то есть коррелятивной перестройки и других, связанных с первой системой, то зарождающийся новый уровень слаженности как бы приходит в противоречие со старым уровнем, на основе которого он возникает. При этом отмечаются явления «расшатанной наследственности», возникающие в процессе замещения старых физиолого-биохимических процессов новыми. Принимая эту гипотезу, необходимо допустить также возможность и даже необходимость периодов, когда эти старые и новые процессы существуют параллельно вплоть до того времени, когда новый уровень слаженности не сформируется окончательно, не произойдет видообразование в форме коренного преобразования. Известно, что еще Уоллес допускал нечто подобное для других случаев.

Как представляется нам с этой точки зрения характер процессов изменчивости?

Рассмотрим, опираясь на материалы микробиологии, первый случай, когда изменения во внешней среде не существенны и организм может к ним приспособиться без коренной ломки данного типа обмена.

Наиболее ярким примером этого являются некоторые формы так называемого привывкания микроорганизмов к сложным лекарственным веществам типа антибиотиков. Когда окружающая среда наводняется антибиотиками (например, стрептомицином), то некоторые микроорганизмы используют соответствующую биохимическую

систему таким образом, что антибиотики становятся не только безвредными для них, но иногда даже используются как пластическое вещество¹, «полуфабрикат», служащий для построения тела. В аналогичных случаях на место одного пластического вещества становится другое, сходное вещество, использование которого не затрагивает типа системы, осуществляющей такую ассимиляцию, и поэтому обмен в целом остается в существе своем старым, так как отпадает необходимость коррелятивной перестройки других систем, связанных с данной.

Совершенно иначе обстоит дело, когда при перестройке какой-то частной системы под влиянием нового фактора из внешней среды старый уровень слаженности других функций становится неустойчивым и может существовать лишь временно, пока не произойдет резкого изменения условий жизни. Следует допустить, что такое изменение повлечет за собой необходимость создания в этой «расшатанной», неустойчивой целостности новых типов биосинтеза, новых способов энергетического обеспечения этих синтезов, перестройки и других, зависимых систем. Такая коренная перестройка, вероятно, в ряде случаев вообще не может осуществляться постепенно, поскольку в нее вовлекаются зависимые друг от друга системы, каждая из которых необходима для поддержания жизни. В видообразующей изменчивости чумного микроба мы видим пример того, как быстро начинают изменяться многие биосинтетические системы у разновидностей чумного микроба, отличающихся от других разновидностей способностью ферментировать глицерин.

В этом случае физиологические возможности для какой-то одной системы осуществлять новую частную обменную операцию уже реализовались, однако старый способ обмена в целом продолжает существовать. То новое, что обеспечивает в будущем самостоятельное развитие нового вида, уже существует внутри старого организма и, так сказать, борется за свои права, «пытаясь» приспособить к себе и перестроить другие физиологические механизмы. Однако оно, это новое, еще не «делает погоды» и существует параллельно со старым. Так может продолжаться очень долго.

Известны факты, когда штаммы чумных

¹ Этим термином, употребляемым Т. Д. Лысенко, следует обозначать любое вещество, способное включаться в структурные вещества клеток или в ферментные системы. В таких случаях речь идет о включении так называемых конкурирующих антиметаболитов, то есть гетерогенных веществ, сходных по строению с нормальными метаболитами и способных их замещать.

микробов, ферментирующих глицерин, годами существуют во многих генерациях, не меняя, однако, старого типа обмена в целом.

При этом старые физиологические системы во многих генерациях, несомненно, уже испытывают на себе воздействие этих первичных изменений. Таким образом, новый фактор внешней среды завоевывает себе как бы частный плацдарм в организме старого вида. Поэтому понятно, что будущий «ведущий признак» нового вида будет соответствовать новому фактору во внешней среде, так как этот фактор и вызвал появление такого признака.

Наконец, организм попадает в резко измененные, большей частью неблагоприятные условия, при которых деятельность старого неустойчивого типа обмена становится невозможной, и в этот момент наступают коренные изменения всей совокупности коррелятивных зависимостей, подготовленные длительным воздействием первично измененной биохимической системы.

Нам представляется, что высказанные выше соображения позволяют дать более развернутый ответ на вопрос о движущих противоречиях при видообразовании путем коренных изменений. Можно принять, что движущим началом при таком видообразовании является противоречие между старой наследственностью и новыми условиями жизни.

Однако к этому следует сделать существенное добавление: новые условия жизни только тогда становятся одним из движущих противоречий, когда они ассимилировались и стали в число внутренних условий. Иначе это можно сформулировать следующим образом: движущим началом при видообразовании путем коренных изменений является противоречие между старым уровнем слаженности биохимических функций (совокупностью коррелятивных зависимостей) и новой функцией, непосредственно вызванной адекватным воздействием нового фактора внешней среды¹.

Таким образом, источник самодвижения переносится во внутренние отношения организма, и вместе с тем выясняется место в процессе видообразования факторов внешней среды в рамках общей формулы, определяющей единство организма и условий его жизни. С другой стороны, приведенные соображения отвечают на вопрос о том, почему при видообразовании организм

сразу приспособлен к среде по ведущему измененному признаку. Это объясняется, как сказано, тем, что ведущий признак непосредственно вызван действием именно того фактора внешней среды, к которому организм по завершении процесса видообразования оказывается приспособленным.

Приведенная здесь гипотеза влечет за собой необходимость рассмотрения некоторых более частных проблем. Среди них наиболее важными являются: а) вопрос о причинах усложнения и необратимости при видообразовании; б) вопрос о роли отбора и в) вопрос о повторности видообразования.

Некоторые соображения по вопросу о причинах биологического прогресса и о необратимости процесса видообразования

Если видообразование путем коренных изменений является своего рода «выходом из положения» при изменении условий существования, то почему нельзя допустить другой «выход», а именно: возврат к филогенетически старым типам обмена, к старым типам биосинтеза. Почему, в самом деле, видообразование ведет в конечном счете не к упрощению, а к усложнению, не к регрессу, а к прогрессу органической материи?

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что с момента появления на поверхности земли биосферы сама среда все больше усложнялась. Организмы для того, чтобы выжить, должны были непрерывно прогрессировать. Нельзя, конечно, отрицать и возможности регресса, как формы одностороннего развития какого-либо приспособительного признака, при появлении которого в дальнейшем отпадает необходимость в существовании целого комплекса других признаков. Но, несмотря на это, в конечном счете видообразование приводит к более сложным и более дифференцированным уровням слаженности и, соответственно, к усложнению отдельных органов и систем, составляющих целостный организм.

Наиболее полно затронутый здесь вопрос исследован А. Н. Северцовым. В рамках же нашего материала имеют значение лишь следующие возможности. В ответ на появление в среде нового фактора соответствующий ему ведущий признак может появиться: а) за счет создания новой физиолого-биохимической функции и, соответственно, органа в пределах, которые допускает наследственная исходная основа, б) за счет прогрессивной переделки старой функции и, соответственно, органа, в) за счет регрессивной переделки старой функции (в том случае, если в окружающей среде возобновляются ранее существовавшие условия). Следует принять, что в процессе внутривидовой изменчивости эта

¹ Речь идет именно об адекватных изменениях. А. А. Имшенецкий (цит. выше) справедливо указывает, что при длительном воздействии определенных условий «микробные организмы изменяются адекватно этим условиям».

последняя возможность реализуется нередко. Иное дело — видообразующая изменчивость. Когда создается новый уровень слаженности, то при этом идет своего рода борьба со старым уровнем слаженности.

У высших животных одним из средств этой борьбы, вероятно, является система иммунологических приспособлений, оказывающая давление на старые типы биосинтеза, на что указывают опыты по иммунобиологическому анализу эмбрионального развития курицы¹. У микробов, конечно, нет сформировавшихся иммунологических приспособлений. Мы предполагаем, однако, что там, где нет таких приспособлений, любой новый белок обладает средствами давления на исходный. Эта закономерность была названа первичной иммунологической реактивностью.

Это не значит, что борьба всегда кончается победой и старые функции, старые типы биосинтеза не влияют на новые уровни слаженности, но иммунологические приспособления или их гипотетические аналоги помогают упрочению нового уровня слаженности в целом. Все сказанное выше относится и к коррелятивным признакам.

Несколько отвлекаясь от нашей темы, подчеркнем, что закономерно появляющийся антагонизм нового вида по отношению к старому мы относим к категории явлений, единых с системой «средств давления нового на старое» (вроде упомянутых выше иммунологических факторов). «Отталкивание» нового от старого, таким образом, есть общебиологический закон. Этот закон выражается: а) во взаимовлиянии нового и старого в процессе смены уровней слаженности в эмбриогенезе, б) в ограничении новыми уровнями слаженности старых типов биосинтеза при видообразовании, в) в затрудненном скрещивании соседних видов или в бесплодии их потомства, г) в прямом антагонизме старых и новых видов (выделение вредных для старого вида веществ и т. д.), д) в преимуществах нового вида, приспособленного к новому фактору среды, вызвавшему видообразование (территориальная несовместимость).

Таким образом, следует предположить, что в философском смысле новое в живой природе всегда рождается как бы вооруженным против старого. Конкретные механизмы давления нового на старое включают в себя, вероятно, иммунологические реакции, роль которых в эволюции только недавно стала оцениваться.

¹ Эта работа выполнена в 1952—1953 гг. в нашей лаборатории О. Е. Вязовым. В противоположность Н. В. Турбину, который считал, что организмы иммунизируются природой против нового, мы считаем, что они как бы «иммунизированы» против старого, причем не только в эмбриогенезе, но и в филогенезе.

О месте отбора при видообразовании путем коренных изменений наследственности

Во всех случаях, когда произошло видообразование через коренные изменения, организм, вероятно, может оказаться приспособленным «заранее» лишь по ведущему признаку, поскольку он адекватен изменению в среде, по остальным же признакам, измененным коррелятивно по отношению к первому, он может оказаться и неприспособленным. Это оставляет поле деятельности для отбора в дарвиновском смысле и окончательно исключает всякую возможность трактовать эти явления телеологически. Но роль отбора будет представляться уже несколько в другом свете.

Следует задать себе вопрос: какими могут быть результаты действия отбора, если допустить появление видов путем коренных преобразований и особенно описанный выше гипотетический механизм этих преобразований. Для этого случая мыслимы следующие результаты действия отбора:

а) коррелятивные признаки оказались несоответствующими внешней среде. В этом случае новый вид погибает;

б) коррелятивные признаки оказались достаточно приспособленными к внешней среде, тогда новый вид укореняется и развивается;

в) коррелятивные признаки оказались недостаточно приспособленными к внешней среде, но вид обладает способностью сам в той или иной степени изменять, приспособлять к себе внешнюю среду. Такой вид также выживает и укореняется.

Даже отвлекаясь от теории видообразования путем коренных изменений, трудно отрицать, что коррелятивные признаки, которые возникают в силу внутренней перестройки уровня слаженности и которые не связаны непосредственно с действием изменений во внешней среде, больше подлежат действию отбора. Считать все такие признаки индифферентными уже невозможно. Таким образом, при всех условиях за отбором остается его значение, указанное еще Дарвином.

В связи с этим необходимо пересмотреть наши взгляды и на природу так называемых разновидностей. Как известно, Дарвин не видел качественной разницы между видом и разновидностью. Он считал разновидности зарождающимися видами, полагая при этом, что грани между видами и разновидностями не существует.

Т. Д. Лысенко признает качественное различие между видом и разновидностью и считает разновидность реализацией известной пластичности вида, порождающей многообразие в пределах старого вида, с чем мы полностью согласны. Он утверждает, однако, далее, что появление разновидности не предопределяет пути образо-

вания нового вида и что новый вид может возникнуть из любой разновидности старого. Между тем, как показано выше на примере группы микробов, входящих в группу геморрагической септицемии, установлено, что в этом случае новый вид образуется только из определенной разновидности старого, а именно той, которая способна синтезировать вещества, характерные для нового вида.

Можно считать доказанным, что по крайней мере один тип образования разновидностей связан с внутривидовой подготовкой к видообразованию. Отбор укрепляет такие разновидности, но только до тех пор, пока не произошло изменение среды в неблагоприятную сторону. В этом случае наступает видообразование путем коренных изменений, и отбор продолжает работать по коррелятивно измененным признакам.

Поэтому мы согласны с В. Н. Столетовым в том, что «дарвиновский отбор нужно рассматривать и как исходную стадию процесса создания новой формы» («Философские вопросы современной биологии». 1951, стр. 31). Это положение правомерно и для рассматриваемых здесь примеров.

О повторности видообразования

Нередко говорят: о каком образовании нового вида идет речь, когда один старый вид превратился в другой, существующий в природе, то есть якобы опять-таки старый вид? Ведь это, говорят нам, не новообразование, а повторение пройденного. Однако, например, в превращении чумного микроба в псевдотуберкулезный нужно видеть пример именно новообразования.

Завершая описание этого превращения, мы отмечали: «Так в противоречии между наследственностью, сохраняющей ареал биологических изменений, и изменчивостью, бесконечно расширяющей его, складываются новые виды микробов». И далее было добавлено: «Описанный здесь путь изменчивости... конечно, далеко не единственный; уже сейчас есть основания говорить о появлении иных, новых путей видообразующей изменчивости этого микроба» («Иммунология чумы». Медгиз, 1940, стр. 229).

Какой вывод следует сделать из того, что в природе уже существует псевдотуберкулезный микроб? В свете указанных выше экспериментальных данных это заставляет лишь предполагать, что природные штаммы этого микроба когда-то произошли из чумного микроба. Есть много данных, подтверждающих это прямо и косвенно. Если когда-то в природе один вид произошел от другого, то было ли это только один раз и утерел ли этот исход-

ный вид через год, десять лет, сто лет после этого способность к изменчивости именно в этом направлении? Если продолжали оставаться особи этого исходного вида с той же наследственной основой и если вновь появились сходные условия, то почему этот тип видообразования не мог повториться? А если он мог повториться, то почему это следует трактовать как возврат к старому, а не как повторное появление нового вида (по отношению к исходному)? Если бы новый вид превратился снова в исходный, то это был бы возврат к старому, превращение нового вида в старый. Но в нашем случае этого никогда не было.

В требованиях, чтобы каждый раз во всех без исключения случаях при видообразовании появлялся какой-то необыкновенный, ранее не существовавший на земле вид, мы усматриваем отрицание того, что в основе видообразования лежит естественный закон. Этот закон состоит в том, что для одного и того же вида:

а) при той же наследственной основе и при том же типе изменения условий существования результат видообразования будет одним и тем же и может повторяться, то есть будут повторно появляться одни и те же виды, которые от этого не перестанут быть новыми по отношению к старым;

б) при той же наследственной основе, но при изменении условий в другом направлении, которое ранее не имело места в характерной среде обитания, будут образовываться другие новые виды, которых прежде не бывало в природе;

в) при изменении с течением времени наследственной основы и встрече с условиями, которые были в первом случае, также должны образовываться формы с особенностями, не имевшими места в прошлом.

Нужно ли подчеркивать, что во всех трех случаях будет иметь место именно новообразование, появление новых (по отношению к исходному) видов. Закон видообразования перестанет быть законом, если допустить, что при сочетании одних и тех же элементов в системе «организм — среда» стали бы получаться разные результаты.

Открытие современной биологией именно повторного видообразования дает нам в руки мощный рычаг для использования этого сложнейшего процесса в интересах человека. Это было бы невозможно, если бы видообразование порождало только случайные, неповторимые формы. Видообразование проходит на основе внутренних законов развития и под закономерным влиянием изменений во внешней среде. Новый тип слаженности (обмена) имеет шансы оказаться приспособленным

к сдвигу, происшедшему во внешней среде, потому, что именно этот сдвиг и вызвал в организме первоначальное, «затравочное» изменение, создал ведущий признак. Следует считаться и с тем, что самый характер таких сдвигов претерпевает изменения.

Если в древние геологические эпохи влияли больше изменения неживой природы (изменялась температура, отступал мировой океан, изменялся ледяной покров и т. д.), то в современную нам геологическую эпоху в земной коре выступают на первый план другие изменения. Характер этих изменений определяется тем, что поверхность Земли превратилась в биосферу (в смысле Вернадского). Те химические реакции, которые протекают на поверхности Земли, в значительной степени определяются, как уже сказано, деятельностью совокупностей видов живых существ. На создание самостоятельной линии нового вида, определяющей его место во внешней среде, влияют прежде всего изменения, созданные жизнью других видов. Поэтому у организмов сложились физиологические механизмы видообразования, которые способны реагировать главным образом не на геологические явления, а на изменения в биосфере.

Таким образом, развитие биосферы должно представляться как целостный процесс, где виды в рамках биотопов занимают место основных элементов, в целом составляющих слаженную органическую систему, в которую фактически превратилась поверхность Земли. Кроме того, нельзя не учитывать вмешательства человека в развитие биосферы. Это влияние сказывается не только в культивировании почвы, в приручении и одомашнивании животных. Это влияние гораздо шире. Многие элементы биосферы испытывают на себе влияния человеческой деятельности. Поэтому в настоящее время можно говорить уже не только о биосфере, но и о гомосфере. Эти общие соображения о характере влияний среды подчеркивают, что повторность новообразования видов связана со специфиче-

скими особенностями форм единства организма и условий жизни.

* * *

В заключение необходимо подчеркнуть, что трактовка приведенных в начале статьи микробиологических данных по видообразованию, разумеется, может быть различной. Для этих, твердо установленных фактов, естественно, могут быть предложены и другие объяснения, за исключением тех, которые даются в теории автогенеза.

Мутационная теория не предусматривает случая передачи по наследству комплекса многих изменений, происходящих одновременно и уже сложившихся полностью в скоординированную систему. Мутации считаются случайными по отношению к соматическим изменениям и, соответственно, к изменениям во внешней среде. Зависимые изменения в нескольких генах (возможность чего признается) объявлены не соответствующими зависимым изменениям признаков в организме. Эти два допущения делают автогенетическую теорию беспомощной при изучении форм изменчивости более сложных, чем мелкие случайные изменения отдельных признаков.

При изучении таких изменений (особенно с помощью лучевых воздействий) сторонниками автогенетической теории получено много ценных фактов, которые полезны для медицины и некоторых отраслей биологии.

Дискуссия не должна сводиться к отрицанию такого рода фактов. Факты есть факты. Суть дела заключается, однако, в том, что эти частные факты привлекаются для объяснения эволюции в целом и используются в целях обоснования реакционных философских взглядов в биологии, которые должны встречать энергичное противодействие с нашей стороны. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что стремление некоторых биологов перекладывать борьбу против этих взглядов только на наших специалистов-философов следует считать в корне неверным.

Н. Н. ЖУКОВ-ВЕРЕЖНИКОВ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Об историографии индийской философии

В мировой науке, занимающейся историей индийской философии, нами выделяются три главные школы, различающиеся между собой в трактовке важнейших вопросов индийской философии,— школа стран Западной Европы и Америки, школы России и Индии. Следует оговориться, что философия Индии изучалась и изучается и во многих других странах, например, в Польше, Чехословакии, Китае, Японии, Турции, Сирии и т. д., которые дали в этой области таких выдающихся исследователей, как О. Фриш (Чехословакия), Такакуцу и Сузуки (Япония) и ряд других. В рамках данной статьи рассматриваются лишь наиболее общие направления в оценке индийской философии.

1. История изучения индийской философии в Западной Европе и Америке

Более или менее систематическое изучение индийской философии европейцами началось с конца XVIII века, когда значительная часть Индии оказалась под властью английской Ост-индской компании. Перед англичанами встала необходимость всестороннего ознакомления с историей, экономикой, материальной и духовной культурой этой страны, что диктовалось в первую очередь интересами колониального порабощения Индии. Начало углубленного изучения индийской культуры связывается с деятельностью чиновника английской колониальной администрации профессора права Оксфордского университета В. Джонса и основанного по его инициативе в 1784 году «Азиатского общества Бенгала» («Asiatic Society of Bengal»), которое осуществляло публикацию древнеиндийских памятников духовной культуры и проделало немалую работу по их исследованию. Наибольшую активность в этом проявили сам В. Джонс, Г. Кольбрук, Ч. Вилкинс, Г. Вильсон и другие. Среди них особого внимания заслуживает деятельность Г. Кольбука, который наряду с многочисленными переводами написал несколько оригинальных работ, в том числе опубликованные в 1824—1832 годах в «Сообщениях Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии» («Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland») ¹ «Очерки религии и философии

индусов» («Essays on the Religion and Philosophy of the Hindus», 1824—1832), на долгое время ставшие чуть ли не единственным систематическим источником ознакомления европейской публики с индийской философией. В 1837 году Г. Вильсоном был издан переведенный Кольбруком основной источник философии санхьи — «Санхья-карика» Ишвара Кришны вместе со своим переводом комментариев к нему Гаудапады. В этот же период в Европе появился и ряд других работ об индийской философии (например, перевод Упанишад на латинский язык Анкетиль Дюперрона, очерк истории индийской философии Х. Лассена), но по сравнению с трудами В. Джонса, Г. Вильсона, Г. Кольбука они имели второстепенное значение.

Концом 30-х годов прошлого века можно, пожалуй, датировать завершение первого периода изучения индийской философии европейской, главным образом английской, индологией. В это время индийская философия еще интересовала англичан не в качестве самостоятельной области исследования, а как составная часть верований и обычаев индийского народа. К чести первых европейских исследователей индийской философии нужно сказать, что они излагали ее в общем и целом в благожелательных и зачастую в более объективных по сравнению с работами последующих периодов тонах. Они отмечали, что народ, к которому у завоевателей сложилось пренебрежительное и высокомерное отношение как к низшей расе, имел весьма богатую культуру в прошлом. Ученые этого периода в своих работах старались освещать по преимуществу рациональные зерна в философии Индии и не спекулировали на ее религиозно-мистических и явно реакционных моментах, поднятых на щит позже. Ценность этих трудов состоит и в том, что они основывались на непосредственном знакомстве с источниками, изученными с помощью индийских ученых-пандитов.

Однако и в ранних работах уже обнаруживаются те методологические пороки и ограниченность, которые в дальнейшем составляют характерную черту исследований индийской философии буржуазными учеными. Это прежде всего рассмотрение философии в отрыве от породивших ее социально-

¹ Это общество было основано Г. Кольбруком в 1823 году в Лондоне после воз-

вращения его из Индии в Англию по образцу «Азиатского общества Бенгала».

экономических условий; игнорирование борьбы материализма и идеализма в индийской философии; сведение ее материалистической традиции к одной только школе чарваков, изображавшейся к тому же в виде чужеродного элемента в индийской философии, и т. п.

Ознакомление с этими работами в Европе породило две полярные точки зрения на индийскую философию, нашедшие отражение во всех последующих исследованиях ее буржуазной наукой.

Выразители первой точки зрения приходили в умиление перед мистико-идеалистической струей индийской философии, видя в ней чуть ли не всю мудрость, накопленную человеческой цивилизацией за свою историю. Сторонники другой точки зрения, наоборот, отрицали за индийской философией право называться научной именно за эти ее мистические моменты. Наиболее типичными представителями первого направления в рассматриваемый период являются Фридрих Шлегель (см. «Über die Sprache und Weisheit der Indier», Heidelberg, 1808; «Geschichte der alten und neuen Literatur», Wien, 1813) и Виктор Кузен (V. Cousin «Cours de Philosophie. Introduction à l'Histoire de la Philosophie», Paris, 1828, pp. 15—16), второго — Гегель (см. Гегель, Соч., т. IX, стр. 108).

С 1848 года «Азиатское общество Бенгала» предпринимает систематическое издание источников индийской духовной культуры, по преимуществу религиозно-философского характера, в серии «Bibliotheca Indica». Среди изданных в этой серии работ находятся основные Упанишады, «Сарвадаршана-самграха», главные источники философских систем Индии и т. п. С 1879 года Оксфордский университет начинает публиковать серию важнейших идеологических памятников народов Востока «Sacred Books of the East», издание которой возглавлялось М. Мюллером; значительное число выпусков этой серии было посвящено индийской философии. Об индийской философии появляется ряд монографических исследований, например, А. Гей (Gough A. E. «The Philosophy of the Upanishads and ancient Indian metaphysics». London, 1882), Дж. Дэвиса (Davis J. «Hindu Philosophy». London, 1882), М. Мюллера (Müller M. «The six Systems of Indian Philosophy». London, 1899) и др.

В это время видную роль в изучении индийской философии начинают играть немецкие ученые. Среди них наиболее крупными фигурами, несомненно, являются П. Дейссен и Р. Гарбе. П. Дейссен опубликовал свои переводы 60 Упанишад, сутр веданты и написал исследования о философии Упанишад и веданты (главное из которых «Das System des Vedanta». Leipzig, 1883). Он впервые на Западе выпустил историю всемирной философии, начинающуюся с обстоятельного разбора индийской философии (Deussen P. «Allgemeine Geschichte der Philosophie». Bd. I—II. Leipzig, 1894—1917). Р. Гарбе известен главным образом своим исследованием философской системы санхьи (Garbe R. «Die Sanckhya-Philosophie». Leipzig, 1894. 2 Aufl. 1917), перево-

дом и публикацией ее основных источников. Высоко ценились исследования индийской философии немецких ученых В. Фрейтага, Г. Якоби, Г. Ольденберга и др.

Французская индология второй половины XIX века выдвинула таких ученых, как Сент-Илер, Ольтрамор, Барт и др.

Из американских ученых, занимавшихся индийской философией, наиболее видными считаются В. Уитни, М. Блумфильд.

Изучение буддизма в этот период как-то выделяется в особую отрасль ориенталистики. Его начало датируется обычно концом 20-х годов XIX века. Здесь следует упомянуть венгерского врача Шома де Керес, сыгравшего большую роль при расшифровке тибетских источников буддизма. Но широкого развития изучение буддизма, особенно его южной ветви, достигло во второй половине XIX века с образованием в 1881 году «Общества палийских текстов» («Pali Text Society»), одним из инициаторов которого были Томас Рис-Дэвидс и его жена Каролина Рис-Дэвидс, создавшие обильную литературу по раннему периоду буддизма.

Таков далеко не полный перечень основных трудов об индийской философии, появившихся во второй половине XIX века.

Что же касается оценки индийской философии в этих работах, то на ней сказалось общее состояние буржуазной философии, где господствующими тенденциями все отчетливее становились идеализм и мистицизм. Большое влияние на трактовку индийской философии оказало учение А. Шопенгауэра, который для придания вящей убедительности своим иррационалистическим теориям указывал на индийскую философию как на один из их источников. В ней он усматривал подтверждение своего основного принципа: «мир есть мое представление».

П. Дейссен, считавшийся ведущей фигурой в индологии XIX века, был последователем Шопенгауэра. В его оценке индийское мышление служило образцом синтеза религии и философии (см. Deussen P. «Allgemeine Geschichte der Philosophie». Bd. I, abt. 3, S. 116), нашедшего наиболее совершенное воплощение в идеализме веданты. Эта система особо импонировала Дейссену тем, что она объявляла весь реальный мир иллюзорным проявлением духовной субстанции — брахмана. Положение об иллюзорности мира, разработанное лишь в VIII—IX веках Шанкарой, он искусственно приписывал уже ранним Упанишадам, относящимся к IX—VIII векам до н. э. Другие системы индийской философии рассматривались Дейссеном как ухудшенные варианты веданты. Материализм же чарваков, по словам Дейссена, «вряд ли превзойден своими собратьями на Востоке по своей фривольности и распушенному цинизму».

Не ограничиваясь исследованием философских проблем, Дейссен пытался выступать в роли наставника индийского народа, советуя ему поменьше заботиться о практической жизни и утешаться созерцанием вечных духовных истин веданты, хранящихся, по его убеждению, в уме и сердце каждого правоверного индуиста (см. Deussen P. «Allgemeine Geschichte der Philosophie».

sen P. «*Outlines of Indian Philosophy*». Berlin, 1907, pp. 45—46).

По существу, на аналогичных позициях в истолковании индийской философии стоял и М. Мюллер, автор «Шести систем индийской философии». П. Дейссен и М. Мюллер являются крупнейшими фигурами в буржуазной западной индологии XIX века. Они оказали на нее значительное влияние, продолжив и развив ту линию в оценке индийской философии, которая была основана Шлегелем и Кузенном.

Противоположная ей оценка, высказанная еще Гегелем, наиболее яркое воплощение нашла во многих работах англичанина А. Гау и особенно в главной из них — «Философии Упанишад». Гау исходил из того, что «индийское мышление — тропическая философия инерции» и что она создана «мыслителями низшей расы, народом застойной культуры, интеллектуальное развитие которого происходит совершенно в стороне от общего движения человеческого разума» (Gough A. E. «*The Philosophy of the Upanishads and ancient Indian metaphysics*», pp. 6, 2).

В этом же духе писал и крупный немецкий исследователь индийской философии Г. Ольденберг: «Не было философии (в Индии. — Н. А.), исследующей действительность ясно и точно, беззаветно и успешно, а были только скудные зачатки естествознания, истории. Спекулятивное мышление не было воспитано в строгой школе науки» (В. Вундт, Г. Ольденберг и др. «Общая история философии», т. 1, Спб. 1910, гл. «Индийская философия», стр. 38).

Таковы две главные, на первый взгляд, противоположные точки зрения, ставшие господствующими среди буржуазных исследователей. Однако противоположность вышеуказанных точек зрения только кажущаяся. В действительности же при более внимательном анализе они обнаруживают свою однородность, ибо обе ведут к умалению индийской философии, только одна делает это открыто, а другая — завуалированно. В самом деле, оба эти направления в определении ценности индийской философии исходят из ее мистико-идеалистической стороны, имеющейся, к слову сказать, в философии каждого народа. Именно отсюда выводится «принципиальное отличие» индийской и вообще восточной философии от западной, заключающееся якобы в том, что первая служит, «философией жизни», в ней преобладает этическая мотивация, тогда как вторая мало интересуется духовной стороной бытия человека, а занимается больше чисто научными проблемами.

Но некоторые исследователи стояли в оценке индийской философии на более объективных позициях. Например, В. Фрейтаг в содержательной статье «О теории познания индусов» свое главное внимание обращает на рациональную сторону индийской философии. Он одним из первых в буржуазной индологии указал на то, что материалистические учения являются неотъемлемой частью индийской философии и имеют подлинно научное значение.

Сравнивая индийскую философию с философией Запада, В. Фрейтаг в отличие от П. Дейссена и М. Мюллера видит причины своеобразия философии Индии не в том, что ей якобы присущи мистические идеи, а пытается объяснить их общими всем народам закономерностями познающего мышления (см. Freitag W. «*Über die Erkenntnistheorie der Inder*» «*Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Soziologie*», B. XXIX. 2, S. 181).

К этой же группе ученых можно отнести и Р. Гарбе, который очень высоко оценивал индийскую философию и указывал на ее приоритет во многих вопросах перед греческой. В отличие от Шопенгауэра, Дейссена, Мюллера и др. Гарбе оценил индийскую философию не за мистицизм и идеализм веданты, а за позитивные, рациональные моменты, наиболее яркое воплощение которых он видел в системе сэнкхьи. Он справедливо отметил факт последующей теологизации некоторых школ индийской философии первоначально носивших атеистический характер (см. Garbe R. «*The Philosophy of ancient India*», Chicago, 1899, p. 23).

Стремление к объективному освещению индийской философии характерно и для такого крупного исследователя индийской философии, как Г. Якоби, и ряда других.

Интерес к индийской философии на Западе не ослабевает и в XX веке. Продолжают публиковаться исследования Г. Ольденберга. Обширную работу «*The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads*» издает в 1925 году А. Кейс. Б. Хейман выпускает в 1937 году небольшую, но содержащую ряд интересных наблюдений книгу «*Indian and Western Philosophy*». Профессор Тюбингенского университета Х. фон Глазенап, написавший в 20—30-х годах ряд работ по многим вопросам индийской философии, подводит своеобразный итог своим исследованиям в опубликованной им в 1949 году «Философии индийцев». В 1953 году венес Э. Фрауваальнер издает свой первый том «Истории индийской философии» (Frauwallner E. «*Geschichte der indischen Philosophie*», Salzburg, 1953).

Ценное исследование о философии Упанишад написал немецкий ученый В. Рубен (Ruben W. «*Die Philosophen der Upanishaden*», Bern, 1947). Он же опубликовал книгу об индийской философии, в которой делается первая на Западе попытка дать ее освещение с позиции диалектического материализма (Ruben W. «*Geschichte der indischen Philosophie*», Berlin, 1954).

Ряд работ появляется во Франции. Наиболее известны из них книга Массон-Урселя «Очерки истории и индийской философии» (Masson-Oursel P. «*Esquisse d'une histoire de la philosophie indienne*», Paris, 1923) и «Философия индийцев» Груззета (Grousset R. «*Le philosophies indiennes*», Paris, 1931). Из современных французских исследователей индийской философии наиболее плодотворным автором является Рено.

В США известен своими работами об индийской философии Э. Гопкинс, исследую-

щий главным образом ее этические учения. Крупнейшей работой последнего времени считается «Философия Индии» Г. Циммера.

Многие исследования и работы посвящены отдельным системам индийской философии. При этом основное внимание буржуазных ученых по-прежнему привлекают мистико-идеалистические школы веданты, йоги, мистические учения буддистских школ и т. д., литература о которых столь же обширна, сколь и тенденциозна. Что касается исследования других школ, то здесь заслуживают упоминания книги: голландца Б. Фаддегона — о вайшешике, В. Рубена — о теории познания ньяи-вайшешики, Г. Рандла — об индийской логике в ранних школах, А. Кейса — о системах ньяя, вайшешик, санкхья и др. В буддологии к этому периоду сложилось несколько самостоятельных школ, различающихся как предметом исследования (различные учения и периоды буддизма), так и методом интерпретации. Менее всего написано о материалистическом учении чарваков-локаятиков — несколько небольших статей в различных журналах.

Изучение индийской философии в этот период проходит в основном в тех же двух направлениях, что и в XIX веке, только буржуазная индология заметно мельчает и становится эпигонствующей. В большинстве курсов общей истории философии, например, в работах Целлера, Эрдмана, Тилли, Рассела и других, проводится мысль о неполноценности индийской, да и вообще всей восточной философии по сравнению с западной, поскольку она якобы «состоит в основном из мифологических и этических учений, которые не могут быть названы разработанными системами мышления» (Thilli Fr. «History of Philosophy». New York, 1914, p. 3).

Однако в наши дни все реже встречаются в научной литературе примеры прямого третирования индийской философии, зато все большее распространение получает взгляд, отрицающий ценность разработки индийской философией проблем познания объективного мира, поскольку якобы «в Индии никогда не было того тесного контакта между естествознанием и философией, который способствовал бы их взаимообогащению», а истинным объектом мышления и конечной целью познания для всех школ индийской философии всегда будто бы был потусторонний мир (см. Zimmer H. «Philosophies of India». New York, 1951, pp. 31, 24).

Единственной заслугой индийской философии объявляется мистико-идеалистическая интерпретация этических вопросов, которую должна, мол, принять и западная философия. Х. фон Глазенап пишет в своей последней книге: «С момента своего возникновения и до настоящего времени индийская философия никогда не оставалась чисто теоретическим мировоззрением, но всегда была практической философией жизни. Благодаря тому, что большинство ее крупнейших представителей прокладывало дорогу к глубинам человеческого духа и уделяло преимущественное внимание мистериям своей души, индийцы раньше всех

приступили к познанию области психологии, которое Запад смог утилизировать впервые только в сравнительно недавнее время в форме «психоанализа», «автогенной тренировки» и т. п... Не подлежит сомнению, что Запад еще многому может научиться у индийцев в этом отношении. И прежде всего... той всеохватывающей тихой радости, которая отражается в облике великих просветителей человечества и людей, преодолевших все мирское...» (Glazenaп H. «Die Philosophie der Inder». «Eine Einführung in ihre Geschichte und ihre Lehren». Stuttgart, 1949, S. 454—455).

Ярким образчиком поисков «синтеза» восточного и западного мышления могут служить и многочисленные писания небыизвестного американского философа С. К. Нортропа.

Но нельзя игнорировать в буржуазной индологии стремления к более объективному истолкованию индийской философии. В качестве представителей этой тенденции можно назвать голландского индолога Б. Фаддегона, английских ученых А. Кейса, Б. Хеймана и др. Так, Фаддегон, выступая против установившегося с легкой руки М. Мюллера третирования атомистического учения ньяи-вайшешики как «делаческого и сухого» за его отрыв от религии и восхваление веданты, как лишенной этого «недостатка», заявляет: «Выражение «делаческое рассмотрение» (по отношению к методу ньяи-вайшешики.— Н. А.) здесь выглядит крайне неуместным. Конечно, ньяя и вайшешика не пронизаны никаким «религиозным» или «поэтическим» духом, но это отнюдь не лишает эти системы права называться научными... Мы обнаруживаем в них много интересных идей, являющихся вкладом в развитие человеческой мысли или в духовные способности индийской расы» (Faddegon B. «The Vaiçesika System described with the help of the oldest texts». Amsterdam, 1918, p. 7).

Стремление объективно понять индийскую философию характерно и для А. Кейса. Заслуживает особого внимания та отповедь, которую А. Кейс дал Дейссену за его извращение фактов и приписывание идей иллюзорности мира Упанишадам, в которых она еще не встречается (см. Keith A. B. «The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads», 2 half. Cambridge, 1925, p. 590).

И тем не менее, несмотря на ряд весьма ценных научных положений и глубокую критику откровенно субъективистских искажений индийской философии, даже эти лучшие представители западной науки в общих вопросах методологии остаются на позициях, закрывающих путь к плодотворному изучению философского наследия Индии. Их идеалистическая аберрация не позволяет им увидеть тот принципиально важный факт, что история индийской философии представляет собой борьбу материализма против идеализма, являющуюся отражением, в конечном счете, социально-экономической борьбы классов индийского общества. Хейман, например, считает принципиально невозможным проследить эти

направления в философии Индии, так как в ней якобы совершенно иная основа (см. Heiman B. «Indian and Western Philosophy. A study in contrasts». London, 1937, p. 61). Фаддегон убежден, что различие между греческой и индийской наукой объясняется «различными способностями этих двух наций: способностью к наблюдению, с одной стороны, и тенденцией к самоуглублению — с другой» (Faddegon B. «The Vaiçesika System», p. 194). Поэтому даже эти ученые иногда приходят к тем же выводам, за которые они справедливо критикуют Шопенгауэра, Дейссена, Мюллера и др.

Очевидно, не случайно, что в наши дни наиболее прогрессивные и последовательно мыслящие ученые и Запада и Индии переходят на позиции подлинно научной методологии марксизма, дающей возможность выйти из того тупика, в котором оказывается буржуазное востоковедение. Наиболее значительной работой в этом плане является «Geschichte der Indischen Philosophie» В. Рубена. Автор здесь исходит из того положения, что научное описание истории индийской философии есть описание истории возникновения и развития в Индии материалистического мировоззрения в его борьбе с религией и идеализмом. Эту борьбу Рубен прослеживает на всех этапах развития индийской философии.

В заключение надо отметить большую, как правило, замалчиваемую роль индийских ученых в успехах западной ориенталистики, особенно на первых этапах ее развития, их помощь в переводе, интерпретации и расшифровке первоисточников.

2. Изучение индийской философии в России и СССР

Начало оригинальной индологии в России было положено деятельностью замечательных наших санскритологов Р. Х. Ленца, П. Я. Петрова, К. А. Коссовича, О. Н. Бетлингера и др., заложивших солидную лингвистическую и филологическую базу, опираясь на которую выдающиеся русские ученые второй половины XIX века и начала XX века — В. П. Васильев, И. П. Минаев, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, О. О. Розенберг и др. — своими исследованиями проблем индийской философии на века прославили отечественную науку.

Но еще до появления работ этих ученых русская публика имела, в общем, неплохое представление об индийской философии по переводам, рецензиям и отдельным статьям, довольно регулярно помещавшимся в русских периодических изданиях. Кроме того, в конце XVIII — начале XIX века в России был опубликован ряд оригинальных трудов Я. П. Козельского, П. М. Захарьина и других, посвященных индийской идеологии.

Одной из первых и наиболее удачных в нашей стране попыток систематического изложения индийской философии была серия «Очерков индийской философии» профессора Киевского университета О. Новицкого, напечатанная в «Журнале Мини-

стерства народного просвещения» за 1844 и 1846 годы. «Очерки» Новицкого содержат ряд интересных и оригинальных наблюдений, не утративших своего значения и в наши дни.

Со второй половины XIX века изучение индийской философии в России достигло больших успехов, хотя число опубликованных трудов в этой области не так уж велико. Здесь прежде всего должна быть названа фундаментальная работа крупнейшего знатока китайского, тибетского, японского, корейского и санскритского языков Василия Павловича Васильева (1816—1900) «Буддизм, его догматы, история и литература» (чч. I и III. Спб. 1857—1869), написанная с использованием источников на всех этих языках. В 1887 году последователь Васильева и ученик Коссовича Иван Павлович Минаев (1840—1890) публикует свой труд «Буддизм. Исследование и материалы» (т. 1, вып. 1 и 2. Спб. 1887), посвященный раннему буддизму и представляющий, как и работа Васильева, лишь часть широко задуманного исследования, которое он не успел осуществить.

Изучение буддизма было продолжено в многочисленных публикациях ученика Минаева Сергея Федоровича Ольденбурга, интересовавшегося главным образом вопросами буддийского искусства и фольклора, а также в работах ученика Минаева и Ольденбурга Федора Ипполитовича Щербатского (1866—1942). В 1903—1909 годах он выпускает свою знаменитую «Теорию познания и логику по учению позднейших буддистов» (чч. I—II. Спб. 1903—1909); в 1923 году — «The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word Dharma»; в 1927 году — «The Conception of Buddhist Nirvana»; в 1930—1932 годах появляется его фундаментальный труд в двух томах «Buddhist Logic», представляющий значительно расширенный вариант его ранней работы на эту же тему. Заслуживает упоминания ряд статей Щербатского, помещенных в различных отечественных и зарубежных журналах. Среди них «К истории материализма в Индии» в «Восточных записках» (ч. 1, Ленинград, 1927). Кроме того, Щербатской публикует в «Bibliotheca Buddhica» свои многочисленные переводы источников буддийской философии.

Значительным вкладом в изучение буддизма явилась книга Оттона Оттоновича Розенберга «Проблемы буддийской философии» (Петроград, 1918). Интересна также работа В. А. Кожевникова «Индуизм в добуддийский период» (Сергиев-Посад, 1914).

Серьезным свидетельством мирового признания заслуг русских ученых явился тот факт, что один из съездов ориенталистов поручил им осуществление международного предприятия по систематизации и изданию литературы северного буддизма (махаяна), которое получило название «Собрания оригинальных и переводных буддийских текстов» («Bibliotheca Buddhica»). Это собрание начало издаваться в 1897 году и продолжалось до 1937 года (всего вышел 31 том). Организатором и инициатором серии был С. Ф. Ольденбург, самое деятель-

ное участие в ее издании принимал Ф. И. Щербатской. Кроме того, ряд содержательных трудов об идеологии древней Индии выпустил в конце XIX века Д. Н. Овсянко-Куликовский.

Глубокие замечания об индийской философии содержатся в некоторых работах по общей истории философии, например, в «Очерках по истории философии» профессора А. А. Козлова (Киев, 1887). Большой интерес представляет незаслуженно забытая книга М. Е. Ващенко-Захарченко «Исторический очерк математической литературы индусов» (Киев, 1882)¹.

Здесь необходимо сделать одно предварительное замечание. Если судить только по названиям работ, то может сложиться впечатление, что русские ученые разрабатывали исключительно вопросы буддийской философии. Но они рассматривали буддийскую философию не изолированно от остальных философских учений, как это было свойственно большинству западноевропейских буддологов, а в их тесной взаимосвязи и взаимовлиянии, что придавало особую ценность исследованиям русских ученых.

Все эти обстоятельства, а также явно прослеживаемая преемственность в работах русских индологов дают основание говорить о существовании самостоятельной школы российских исследователей индийской философии.

Следует, конечно, помнить, что русские ученые, как и западные, освещали индийскую философию с идеалистических позиций, и было бы большой натяжкой искать именно здесь принципиальное различие между ними. Но все же в ряде существенных вопросов наши ученые опередили своих западных коллег.

На исследование русскими востоковедами индийской философии оказало воздействие мировоззрение русских революционных демократов. Влияние прогрессивных идей во многом определило и разработку русскими

ми востоковедами специально философских проблем. Не случайно, например, постоянное требование И. П. Минаева, чтобы индийское мышление изучалось не как извечное, неизменное состояние восточного духа, а чтобы учитывалась его динамика (см. статью С. Ф. Ольденбурга «Памяти И. П. Минаева» в «Записках восточного отделения императорского археологического общества», т. X, Спб. 1896). Эта историчность проходит и через все работы Ф. И. Щербатского. Именно подход с исторических позиций к предмету своего исследования позволил русским ученым дать глубоко оригинальную трактовку буддийской философии, которая заставила европейскую ориенталистику отказаться от многих укоренившихся в ней ошибочных положений.

Во второй половине XIX — начале XX века во взглядах на буддизм господствовала точка зрения школы знаменитого английского буддолога Рис-Дэвидса, поддерживаемая многими столпами европейской индологии: Г. Ольденбергом, Уорреном, Чилдерсом и др. Эта точка зрения заключалась в том, что буддизм рассматривался так, как он изложен в книгах палийского или южного канона, а сочинения северного буддизма, написанные на санскрите, тибетском, японском и китайском языках, во внимание не принимались.

Такая постановка вопроса вела к тому, что большая часть буддийской литературы совершенно не подвергалась исследованию, а между тем без обращения к более позднему учению северного буддизма не могли быть правильно поняты и трактаты его южной ветви, особенно «Абхидхармакоша» Васубандхи, который как бы соединяет обе эти ветви.

В отличие от исследователей, придававших исключительное значение палийскому канону, русские ученые обратились к литературе северного буддизма, возникшей намного позднее южного, но содержащей значительную часть идей раннего буддизма, сохранившихся в китайских, тибетских, японских, корейских переводах тех источников, очень многие из которых в силу целого ряда причин на юге были безвозвратно утеряны или погибли.

Таким образом, русские ученые имели возможность устанавливать подлинность источников путем сравнения их версий на разных языках. Через изучение литературы северного буддизма они как бы восходили к индийским первоисточникам, лежащим в его основе, и прослеживали тем самым все развитие буддизма в целом.

Особенно выдающихся результатов в исследовании индийской философии добился Ф. И. Щербатской. Его главная заслуга состоит в том, что он, употребляя выражение Уоррена, из хаоса представлений о буддийской философии, считавшейся на Западе учением, о котором будто бы ничего нельзя утверждать такого, чего нельзя было бы также и отрицать, создал стройную, обоснованную картину ее развития в лоне индийской философии. Прежде всего Щербатской вслед за Васильевым выделил в истории буддийской философии три этапа,

¹ Упомянем еще о той довольно обширной литературе, которая была порождена интересом к индийской религии, мистицизму и йогизму. Интерес этот особенно усилился среди определенной части русского общества в период реакции, наступившей после подавления революции 1905 года. Нельзя также обойти молчанием весьма утилитарный подход к мистическим моментам древнеиндийской идеологии Л. Н. Толстого и его приверженцев, пытавшихся найти здесь элементы, якобы превосходящие толстовскую философию и этику, и тем самым подчеркнуть универсальность толстовства. Пропагандой мистических и идеалистических сторон индийской философии занимались и такие столпы русского идеализма, как Вл. Соловьев, В. В. Лесевич и другие. Но весь мутный поток подобного рода писаний не оказал сколько-нибудь заметного влияния на научное исследование индийской философии в России, тогда как фундаментальные труды Васильева, Минаева, Щербатского и других, фактически противостоявшие этому потоку, до сих пор сохраняют свою научную ценность.

охватывающие примерно по 500 лет каждый.

Первый этап — от времени возникновения буддизма (VI век до н. э.) до начала нашей эры — характерен преобладанием здесь идей хинаяны, существовавшей в виде своих двух главных течений — теравады и сарвастивады. Квинтэссенция этого учения дана Щербатским в небольшой книге «The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word Dharma», где он показывает, что «дхарма» для сарвастивадинов имеет такое же значение, как, скажем, «атом» для вайшешиков или «гуна» для санкхйистов, то есть является элементом бытия в их теории. Важность этого положения станет ясной, если припомнить, что палийская школа видела в «дхарме» буддистов лишь носителя морально-этических принципов.

Второй этап — появление махаяны в начале нашей эры и до IV—V ее веков — период распространения учения школы Нагарджуны.

В работе «The Conception of Buddhist Nirvana» главное внимание Щербатской уделяет анализу понятия «нирвана». В отличие от Л. де ля В. Пуссена, считающего «нирвану» простой верой в бессмертие души, состоянием ее блаженства, достигаемого через практику йогизма, Щербатской показывает, что «нирвана» означает не просто состояние, *summit* вопит души, к которому она стремится, а равнозначна абсолютной реальности, аналогичной абсолютному духу Гегеля.

Третий этап — с IV—V веков по VIII—IX века нашей эры — включает в себя идеалистическую школу йогачаров в изложении Асанги и Васубандху и теорию познания Дигнаги, Дхармакирти, Дхармоттары и др., разбираемую в двух томах «Buddhist Logic». Буддийская логика излагается на широком фоне всех важнейших школ индийской философии. Фундаментальность и широта этой работы Щербатского поразительны. Индийский профессор Д. Н. Шастри писал о ней: «Buddhist Logic» — шедевр Щербатского и может считаться наиболее важным вкладом в индийскую философию в последнее время...» «Можно даже утверждать, что она является, по-видимому, самой выдающейся работой об индийской философии за последние 250 лет» (см. статью Д. Н. Шастри в журнале «The Modern Review». Vol. 93, № 2, Febr., 1953, pp. 119, 118).

Но, пожалуй, главная заслуга русских ученых состоит в том, что они рассматривали индийскую философию как науку и не смешивали ее с мифологическими, религиозными и мистическими напластованиями в ней. Еще О. Новицкий в «Очерках» отмечал, что «в философских учениях древней Индии мы бесспорно можем научиться многому. Из них можем, например, уразуметь, как зародилась в древних философиях, мало-помалу отделяясь от религиозных верований и поэтических образов» («Журнал Министерства народного просвещения» за 1844 год, т. 41, стр. 153).

В. П. Васильев, приступая к изложению философских школ буддизма, указы-

вал на необходимость отдельного рассмотрения религии и философии.

Ф. И. Щербатской в своих исследованиях, по существу, придерживался тех же взглядов, неоднократно заявляя, что «в брахманизме... замечается борьба направления чисто религиозного с направлением философским» (см. его «Теорию познания и логику по учению позднейших буддистов», ч. I. Спб. 1903, стр. IX).

В отличие от большинства европейских индологов, рассматривавших индийскую философию как спонтанный плод так называемого «азиатского духа», не зависящего ни от каких общественных условий развития, русские ученые указывали на роль социальных факторов в выработке философских теорий. Так, Ф. И. Щербатской обращал внимание на то, что «за кулисами борьбы философской шла, несомненно, жизненная борьба людей, носителей этих идей» («Теория познания и логика по учению позднейших буддистов», ч. II. Спб. 1909, стр. V).

Большинство русских ученых резко выступало против распространенного в европейской науке взгляда, согласно которому древние индийцы объявлялись неспособными к точному мышлению и ясному изложению, а эти достоинства приписывались исключительно древнегреческой и современной науке.

Ф. И. Щербатской посвятил специальную статью научным достижениям древней Индии, в которой говорилось, что «некоторые из научных достижений уже древнейшей эпохи их (индийцев — Н. А.) образованности так совершенны, что перед ними с изумлением и восторгом останавливается взор исследователя» («Научные достижения древней Индии». Л. 1924, стр. 4). «По моему мнению, — говорит Щербатской в другом месте, — индийская философия достигла очень высокого уровня развития, и принципиальные линии этого развития проходят параллельно с теми, которые знакомы изучающим европейскую философию» (предисловие к «Madhyānta-vibhanga». «Bibliotheca Buddhica». XXX. М. 1936, p. IV).

Хотя практически в своих работах выше-названные ученые и отграничивали философию от религии, они все же не поняли истинного отношения между ними, считая подчас религию высшим проявлением человеческого духа или же, по меньшей мере, не противоречащей науке. Даже Щербатской, расцвет творчества которого приходится на годы Советской власти, не понял марксистской философии. Некоторая одно-сторонность проявляется у Щербатского в известном преувеличении им роли буддийской философии, особенно ее логики. Буддийская логика рассматривалась Щербатским с позиций, близких к неокантианским, а Дигнага, Дхармакирти и их последователи объявлялись им предшественниками Канта в эпистемологии. Материалистическая традиция в индийской философии сводилась, как правило, к одной только школе чарваков.

Таким образом, в этих вопросах наши соотечественники разделяли слабости и не-

достатки своих западных коллег. Но лучшие традиции русской школы индологии восприняты и продолжены в советской индологии, главное внимание которой привлекают проблемы, более близкие к современности. Из работ советских авторов следует назвать содержательный, хотя во многом и спорный, анализ общественно-политической и философской мысли Индии эпохи Тулси Даса, данный в предисловии А. П. Баранникова к своему переводу «Рамаяны»; солидный труд И. М. Рейснера «Очерки классовой борьбы в Индии» об общественно-политической мысли позднесредневековой и новой истории Индии; книги А. М. Дьякова и К. А. Антоновой, вскрывающие социальные корни бхакти — религиозно-реформаторского движения в средневековой Индии.

В Советском Союзе имеются богатейшие коллекции рукописных источников индийской философии, собиравшиеся еще в прошлом веке и которые ныне хранятся в библиотеках Академии наук СССР, а также в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве, в библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в крупнейших библиотеках Средней Азии и Закавказья. Безвременно скончавшийся молодой индолог В. С. Воробьев-Десятовский опубликовал интересные сообщения о ряде индийских рукописей, имеющих в ленинградских книгохранилищах. В описании индийских рукописей активное участие принимают по приглашению Академии наук и индийские ученые (например, проф. Р. Санкритьяна).

Обширные коллекции индийских философских источников составляют солидную базу для ведущейся во многих научных учреждениях Советского Союза углубленной разработки проблем индийской философии, а также подготовки к публикации соответствующих источников, изданию монографий и статей, знакомящих советского читателя с философской мыслью народов Индии. Особо следует отметить перевод с санскритского языка на русский первой книги «Махабхараты», осуществленный в тяжелые годы войны В. И. Кальяковым и опубликованный в 1950 году. Большим событием надо считать появление критического перевода с санскрита на русский язык важнейшего философского и религиозного памятника древней Индии — «Бхагавад Гиты», вышедшего в Туркменистане в 1956 году. Перевод этот сделан действительным членом Академии наук Туркменской ССР Б. Л. Смирновым, который написал к нему весьма ценные введение и примечания.

Немалое значение в ознакомлении советских читателей с индийской идеологией имеют переведенные в СССР на русский язык книги индийских авторов, например, М. Ганди «Моя жизнь» (1934), Д. Неру «Открытие Индии» и «Автобиография» (1955), С. Радхакришнан «Индийская философия» (1956), С. Чаттерджи и Д. Датта «Введение в индийскую философию» (1955) и другие.

3. Изучение индийской философии в Индии

В конце XIX века в связи с усилением национально-освободительной борьбы в Индии усиливается интерес к прошлому своей страны, в том числе к ее философии. Большая часть появившихся на эту тему работ посвящена одностороннему возвеличению идеалистической линии индийской философии, высшим достижением которой объявлялось учение веданты. Типичным образчиком книг подобного рода может служить выдержавший несколько изданий «Очерк философии веданты» Трипатхи (Tripathi M. S. «A Sketch of the Vedanta Philosophy». Bombay, 1901).

Вместе с тем в Индии появляется стремление к объективному изучению всего философского наследия. На этом поприще выдвигается ряд крупных ученых. Наиболее выдающимися из них были Васаванта Васудев Атхали, Махадев Раджарам Бодас, Рамакришна Гопал Бхандаркар и некоторые другие.

Главной заслугой В. В. Атхали и М. Р. Бодаса является издание и комментирование ценнейшего источника индийской логики «Таркасамграха» Аннамбхатты.

В написанном Бодасом введении к этой публикации привлекает прежде всего постановка вопроса о связи философии с жизнью. «Следует признать, — пишет он, — что индийские философские системы постепенно развивались под влиянием конкретных условий. Пора раз и навсегда отказаться от порочной идеи, будто философские спекуляции Индии являются спонтанным плодом размышлений отдельных мистиков-браминов, уединившихся в лесах и предававшихся там созерцанию высоких материй, на которых события окружающей их жизни якобы совершенно не оказывали влияния. Нет никаких оснований считать, что философия в Индии развивалась в ином направлении, чем, скажем, в Греции и в других цивилизованных странах» («The Tarka-Samgraha of Annambhatta». Bombay. 1897, pp. 2—3).

Бодас, пожалуй, впервые обратил внимание исследователей на то, что подлинное достоинство многих философских учений древней Индии, в особенности ньяи и вайшешики, «погребены под сбилюющей кучей схоластических наслоений» (ibid., p. 5).

Одно из ведущих мест в индологии принадлежит крупнейшему специалисту в области теории познания индийской философии Сатису Чандру Видьябхушане.

Крупным вкладом в изучение религиозно-философских идей древней и средневековой Индии было исследование Р. Г. Бхандаркара «Vaisnavism, Saivism and Minor Religious Systems» (Strassburg. 1913). В этой книге автор выдвигает и доказывает, между прочим, важное положение о том, что Упанишады «содержат зародыши не только одной какой-либо системы религиозной философии, но большого их разнообразия, в том числе даже буддизма» (стр. 158). Бхандаркар выступает здесь также против приписывания Упанишадом идеи иллюзорности мира (там же, стр. 160), одним из

самых ярких приверженцев которой был П. Дейссен.

Но подлинно всестороннее изучение истории индийской философии на ее родине развернулось лишь с 20-х годов нашего века, что определяется, в конечном счете, новым мощным подъемом национально-освободительного движения в Индии, происшедшим в значительной степени под влиянием Октябрьской революции.

Появляется ряд капитальнейших трудов как по общей истории индийской философии, так и монографических исследований отдельных ее проблем. Среди них наиболее видное место занимают пятитомная «История индийской философии» С. Н. Дасгупты (начала выходить с 1922 года), двухтомная «Индийская философия» С. Радхакришнана (первый том появился в 1923 году, второй — в 1927 году), «Очерки индийской философии» М. Хирьянны (1933 год). В 1927 и 1933 годах вышли в свет два тома из широко задуманной по инициативе Р. Г. Бхандарка восьмитомной «Истории индийской философии», написанные видными историками индийской философии Бельвалкар и Ранаде (Belvalkar S. K. and Ranade R. D. «History of Indian Philosophy», vol. 2. Poona, 1927; vol. 7. Poona, 1933). Том 2-й посвящен философии Упанишад, том 7-й — средневековому мистицизму в Махаращтре. В 1939 году была выпущена книга С. Чаттерджи и Д. Датта «An Introduction to Indian Philosophy» (Calcutta). В отличие от названных выше трудов эта книга рассматривает основные философские системы вне их исторического развития.

Из работ, посвященных отдельным проблемам индийской философии, могут быть названы следующие: фундаментальная «История индийской логики» (древний, средневековый и новый период) С. Ч. Видьябхушаны, где автор подводит итог своим исследованиям (Vidyabhushana S. C. «A History of Indian Logic», Calcutta, 1921); несколько работ Д. Р. Шастри по индийскому материализму школы чарваков-локаятиков, наиболее значительная из которых «A Short History of Indian Materialism. Sensationalism and Hedonism» (Calcutta, 1930); книга профессора философии Кришна Бала «Hindu Philosophers on Evolution» (Bombay, 1934); серьезное исследование теории познания школы ньяя С. Ч. Чаттерджи «The Nyaya Theory of Knowledge» (Calcutta, 1939).

Из появившихся в последнее время работ наиболее значительным следует признать коллективный труд более 60 авторов «History of Philosophy Eastern and Western» (vol. I, London, 1952; vol. II, London, 1953), изданный по инициативе индийского правительства (под редакцией С. Радхакришнана, А. Вадиа, Д. Датта, Х. Кабира и др.).

Представляет интерес книга профессора Андхраского университета К. С. Сатчидананда Мурти «Evolution of Philosophy in India», Andhra University, 1952).

Попыткой представить всю историю индийской философии как развитие одной только идеалистической тенденции является

книга П. Т. Раджу «Idealistic Thought of India» (London, 1953).

Большая работа проделана индийскими учеными по открытию, изданию и переводу новых философских источников, а также переизданию и комментированию уже известных. Особенно значительные заслуги на этом поприще имеют Ганганатх Джха, Кавирадж, Рахул Санкритьяяна, С. Радхакришнан, С. Сурьянараяна Шастри и др.

В работах индийских авторов отмечается огромная важность изучения истории отечественной философии. Индия является страной, стремящейся стать нацией, поэтому ей необходимо знать, как складывалось ее мышление, говорит П. Т. Раджу. При этом доминирующим мотивом в работах индийских ученых является стремление доказать, что философия Индии ни в чем не уступает философии Запада, если только не превосходит ее.

Подавляющая часть буржуазных ученых представляет индийскую философию в таком свете, будто бы в ней на всем протяжении ее развития преобладала религиозно-идеалистическая традиция, вершиной которой оказывается веданта. Так, С. Радхакришнан писал: «Через всю историю индийского мышления индийскую расу преследовал идеал мира, находящегося за обычным миром человеческих стремлений, мира более реального и в то же время более неуловимого, который-то и является подлинным пристанищем духа» (Radhakrishnan S. «Indian Philosophy», vol. II, London, 1927, p. 766). Выявлению этой тенденции были посвящены «Индийская философия» Радхакришнана и его последующие сочинения, а также работы П. Т. Раджу. Последний писал: «Индийская философия возникла преимущественно на религиозной основе, но не в смысле господства в ней веры и догм, а в смысле понимания мира с точки зрения внутренней сущности человека, духовной по своей природе... С момента своего возникновения и по сей день индийская философская мысль не порвала с этой традицией» (Raju P. T. «The Development of Indian Thought» в «Journal of the History of Ideas», vol. XIII, № 4, Oct., 1952, p. 528—529).

Несколько особняком в этой группе историков индийской философии стоит М. Хирьянна. Ценность его книги «Outlines of Indian Philosophy» (London, 1951) заключается в том, что он на каждом этапе истории индийской философии, начиная с Вед, выделяет две тенденции — ортодоксальную, теистическую, брахманскую и противостоящую ей атеистическую, — которые ведут между собой ожесточенную борьбу. Хирьянна старается излагать позитивное содержание философских учений. Он отмечает процесс позднейшей теологизации первоначально атеистических взглядов ньяи-вайшешики (см. стр. 242). Более объективно, чем другие буржуазные исследователи, описывает он и школу чарваков, отмечая, что «те сведения, которые мы имеем о ней, являются скорее карикатурой на ее взгляды» (там же, стр. 188). По нашему мнению, изложение истории индийской философии в трудах М. Хирьянны является наиболее

содержательным в буржуазной мировой литературе.

Резко противоположного взгляда на историю философии придерживается другая, правда, не столь многочисленная группа буржуазных ученых, которая объявляет индийскую философию не имеющей никакой научной ценности и стоящей поэтому несравненно ниже западной. Наиболее ярким выразителем взглядов этой группы является профессор Андхрского университета К. С. Мурти. Он полагает, что «индийской философии всегда был чужд научный дух. Самые великие ее мыслители были в плену религиозных и мифологических предрассудков...» (Murti K. C. S. «Evolution of Philosophy in India», p. 216). Единственным исключением из иррационалистической в целом, по мнению Мурти, философии Индии он считает учения локаятиков и ранней санкхьи, основанные на требованиях разума (см. там же, стр. 46, 50, 51).

Совершенно очевидно, что Мурти стоит в этом вопросе на неправильных позициях. Но в его неудовлетворенности господствующим методом освещения индийской философии имеется ряд обоснованных и здравых мотивов. Так, он выступает против субъективистского преувеличения подчас мнимых достижений древнеиндийской мысли и неоправданной ее модернизации.

К. С. Мурти не одинок в своем протесте против неумеренного восхваления религиозно-мистических «достоинств» индийской философии. Известный историк С. К. Дас в статье «Кризис философской науки в Индии» пишет, что столь превозносимая этическая или религиозная мотивация индийской философии «оказывается, в конечном счете, в противоречии с делом прогресса философии и приводит рано или поздно к стерилизации ее побудительных сил» («Modern Review», vol. 97, № 1. January, 1955, p. 62).

Качественно новым моментом в историко-философской литературе Индии послевоенного периода является выход ряда работ, освещающих индийскую философию с марксистских позиций и подвергающих обстоятельной критике изложение ее буржуазными учеными. Примером такого рода труда может служить книга Монороведжана Роя, вышедшая на языке бенгали «История индийской философии» (Калькутта, 1954). Ценность этой книги состоит в том, что она не ограничивает материалистическую традицию в индийской философии одной только школой чарваков-локаятиков, а включает сюда также ранние учения ньяи, вайшешики, санкхьи и др. Заслуживают внимания статьи видного деятеля Коммунистической партии Индии Бхавани Сена, опубликованные в прогрессивной и коммунистической индийской печати. Основная мысль его статьи «Материалистическая философия

Индии», с которой он выступил на страницах журнала «Ная патх» в феврале 1955 года, такова: «Подобно древним грекам наши предки также развивали материалистическую философию, которая, несмотря на свои недостатки и непоследовательность, оказывала сильное влияние на индийскую мысль еще в V веке до нашей эры. Поэтому материализм не есть какое-то случайное явление в истории Индии, а составляет неотъемлемую часть нашей культуры». Интересные сведения об идеологии древней Индии содержатся также в работе Шрипат Амрит Данге «India from primitive communism to slavery» (Bombay. 1949), переведенной в 1950 году у нас на русский язык.

Индийскими учеными проделана большая работа по изучению философского наследия своей страны и выявлению его места в развитии философской мысли человечества. Эта работа была бы еще более плодотворной, если бы она не тормозилась колониальным положением страны в недалеком прошлом.

Поэтому, несмотря на то, что индийскими учеными проделана большая работа, им предстоит разрешить еще более колоссальные задачи. М. Рой в значительной степени прав, отмечая в предисловии к цитированной нами книге К. С. Мурти, что «философское наследство Индии еще ожидает своего открытия и соответствующего истолкования» (Murti K. C. S. «Evolution of Philosophy in India», p. II).

ВЫВОДЫ

Буржуазная наука имеет значительные заслуги в изучении истории индийской философии. Но ограниченная узкоклассовыми интересами позиция буржуазных исследователей не позволила им, как справедливо отмечает В. Рубен, создать научную историю индийской философии. Решающее слово здесь должно принадлежать ученым-марксистам. Лишь применение марксистской методологии позволит объяснить индийскую философию и ее специфику как продукт конкретно-исторических условий общественного бытия индийского общества, позволит проследить в ней борьбу двух основных направлений — материалистического и идеалистического, — прикрытую подчас религиозно-мистическими облачениями, и показать, что индийская философия имеет богатую материалистическую традицию, не сводимую к одной школе чарваков-локаятиков. Только с позиций высшего достижения философской науки — диалектического материализма — можно определить историческое место индийской философии и ее подлинный вклад в философскую мысль человечества.

Н. П. АНИКЕЕВ

О некоторых проблемах исторического материализма

J. KUCZYNSKI. *Über einige Probleme des historischen Materialismus. Dargestellt vornehmlich an Beispielen aus der deutschen Geschichte.* Berlin. 1956. 173 S.

В 1956 году в Берлине вышел сборник статей известного советскому читателю по целому ряду работ немецкого экономиста Юргена Кучинского, посвященный проблемам исторического материализма. Статьи, включенные в сборник, по большей части уже были опубликованы в различных периодических изданиях. «Опубликование этих работ в едином сборнике,— пишет в предисловии Ю. Кучинский,— представляется обоснованным как тем интересом и борьбой мнений, которую они вызвали в нашей республике и частично также за границей, так и отсутствием работ, посвященных проблемам исторического материализма».

Статьи, вошедшие в сборник, охватывают различные вопросы исторического материализма, рассмотренные на материалах, взятых преимущественно из истории Германии.

В данной рецензии мы остановимся лишь на некоторых теоретических проблемах исторического материализма, затрагиваемых автором и представляющих особый интерес для советского читателя.

Как известно, исторический материализм является составной частью марксистско-ленинской философии, и в этом смысле он неразрывно связан с диалектическим материализмом. Законы и категории диалектического материализма, поскольку они характеризуют и отражают отдельные стороны материального мира в их единстве и взаимосвязи, могут быть применимы и к общественно-историческому процессу как форме движения материи. Но законы и категории диалектического материализма не характеризуют специфику исторического процесса и в этом смысле должны быть конкретизированы применительно к истории общества путем изучения конкретно-исторической действительности.

Вот почему достойна внимания попытка автора определить «существенное различие между закономерностью в природе и в обществе» (стр. 12). Эти различия Кучинский усматривает прежде всего в том, что общественные законы имеют более короткий срок действия, нежели законы природы. Вторых, в том, что общественная жизнь в своем развитии направляется творящими историю людьми, в то время как в природе действуют слепые силы.

«Наконец, решающее различие в широте и силе действия, содержании и характере законов природы и общества состоит в том, что в обществе они определяются «в конечном счете» двумя моментами: во-первых, в них... подобно законам природы, действуют основные законы диалектического развития природы, общества и мышления».

Но затем в отличие от законов природы в них доминирует закономерность одной «сферы», находящейся внутри всей области, закономерность базиса, экономических законов. Никакая область природы, в конечном

итоге, не доминирует внутри естественных наук, а внутри общества доминирует экономик» (стр. 13).

Указывая на преобладание экономического фактора, автор в то же время подчеркивает, что поскольку «производительные силы, базис и надстройка находятся в постоянном многостороннем взаимодействии, эти «три сферы» нельзя полностью объяснить из их собственных закономерностей. Тем более, что имеются даже законы этого взаимодействия» (стр. 14).

Кучинский правильно отмечает слабую разработку закономерностей этих «трех сфер» в марксистской литературе, в особенности «социологических законов, связывающих сферы друг с другом» (стр. 14).

По его мнению, особенно плохо обстоит дело с изучением закономерностей надстройки в целом и таких ее важных компонентов, как литература, живопись и др.

К сожалению, автор ограничился только лишь постановкой такого рода вопросов, а этого теперь уже явно недостаточно. Для того, чтобы сделать шаг вперед, необходимо привлечь внимание ученых, занимающихся общественными науками (в том числе и историческим материализмом), к практике, к конкретным социальным исследованиям. Видимо, только в рамках последних могут быть решены проблемы закономерностей, указанных выше «трех сфер» и многие вопросы, лежащие на стыке исторического материализма и других общественных наук.

В соответствии с марксистско-ленинской философской концепцией автор сборника справедливо указывает на то, что природа и общество подчинены единому процессу развития, который протекает хотя и непрерывно, но не всегда по прямой линии. В этом процессе развития количественные изменения приводят к изменениям качественным. В истории процесса общественного развития решающими качественными изменениями являются изменения в способе производства, которые проистекают из изменения производительных сил и приводят к политической революции. В этих революциях новый класс (речь идет об антагонистических формациях) берет в свои руки господство и содействует победе производственных отношений, сложившихся еще в рамках старого общества, но соответствующих новым производительным силам. А это означает, что история общества делится на большие периоды, соответствующие различным способам производства, различным типам производственных отношений. Но «революции, которые ставят конец старым производственным отношениям и устанавливают господство новых производственных отношений, редко являются так называемыми классическими революциями, которые в известной мере единым ударом за короткое время изменя-

ют отношения» (стр. 83). Чаше же всего такие революции представляют собой медленный процесс (для Германии это особенно характерно), поэтому большой интерес приобретает попытка автора теоретически подойти к вопросу периодизации истории, опираясь на основные положения исторического материализма.

Кучинский рассматривает роль изучения производительных сил, производственных отношений и надстройки в определении периодизации общественного развития. Отмечая факт революционности производительных сил, их способность обгонять развитие общества в целом (и тем самым вступать в конфликт с производственными отношениями, быть скованными производственными отношениями), он указывает на способность производительных сил служить двум обществам: «старому в скованном и новому в свободном состояниях» (стр. 45).

И вот это «революционное забегание вперед в развитии производительных сил,— пишет он далее,— в сочетании с безразличием средств производства по отношению к классам делает невозможной всякую попытку определить путем измерения и анализа состояние их развития, когда имел место, например, переход феодализма к капитализму» (стр. 45).

В разделе «Базис и периодизация», рассматривая роль производственных отношений в установлении периодизации истории, Кучинский пишет: «Если мы констатируем, что история знает пять основных типов производственных отношений — производственные отношения первобытного общества, рабства, феодализма, капитализма и социализма,— то тем самым мы говорим, что в отличие от производительных сил производственные отношения в известной степени определяют характер общественного порядка, теснейшим образом с ним прямо связаны, без него не мыслимы, накладывают на него свой отпечаток» (стр. 45 — 46). Но, по мнению Кучинского, к самой периодизации, к определению критического момента переворота, водораздела в общественном развитии, с помощью изучения производственных отношений можно подойти лишь очень приблизительно. Утверждать, что наступил новый этап развития общества, можно лишь в том случае, если в последующем периоде сохраняются лишь небольшие пережитки базиса предыдущего периода. В этом случае анализ базиса, который является однородным, всеобъемлющим, поддерживающим все общество, не содержащим в себе «чуждых» элементов в большом объеме, позволит сделать определенный вывод о ступени развития общества. «Но если,— пишет далее автор,— в базисе можно найти сильные пережитки предыдущего периода, тогда нам невозможно определить данный этап общественного развития, тогда мы не сможем на основании изучения одного лишь базиса решить, находимся ли мы в начале господства нового или в конце господства старого общественного порядка.

Но что это значит? Это значит, что, несмотря на тесную связь между базисом и обществом в целом, посредством анализа

одного базиса мы не в состоянии приняться за периодизацию перехода от одного общественного порядка к другому» (стр. 47).

Большую роль в деле периодизации истории играет изучение явлений надстройки. Отмечая, что надстройка является элементом общественного развития, управляемым базисом, обязанным ему своим происхождением, автор подчеркивает, что это не должно вести к умалению ее роли. Без надстройки невозможно представить себе общественное развитие, а следовательно, и периодизацию истории. Однако, по мнению Кучинского, определяющую роль для периодизации истории играют не все элементы надстройки, а лишь деятельность ее «в смысле политических мероприятий» (стр. 50).

Он отмечает, например, что в Германии во второй половине XVIII века (частично под английским и французским влиянием) произошел расцвет буржуазной философской мысли, однако период этот характеризуется господством феодальных отношений. Государство оставалось феодально-абсолютистским, законодательство имело феодальное содержание. Вместе с тем буржуазия не вела политической борьбы за завоевание государственных и политических учреждений. И только к 1871 году, когда прусское государство и Германская империя превратились в «инструмент власти» юнкерства и буржуазии (крупных капиталистов в промышленности, транспорте и торговле), можно с полным правом говорить о капиталистическом обществе в Германии.

Суммируя сказанное выше, Кучинский пишет: «Вывод, который мы можем сделать из предыдущего, гласит: признавая активную роль надстройки и безразличие к классам средств производства, равно как и роль базиса, мы придем к заключению, что во всех случаях, когда открытая, однократная, победоносная социальная революция не указывает нам с определенностью на конец старого и начало нового общества, только изучение и точный анализ политических мероприятий надстройки содействует в относительно точном познании периодизации истории развития общества, моментов перехода от одного порядка к другому» (стр. 53).

Большой заслугой автора является тот факт, что он не ограничивается теоретической постановкой вопроса, а пытается набросать широкую, аргументированную картину этапов исторического развития Германии. Этому посвящена значительная часть сборника.

В разделе сборника, озаглавленном «Базис и надстройка», сделана особенно интересная попытка исследовать внутреннюю структуру базиса и надстройки в переходные периоды истории человеческого общества. Как известно, в эти эпохи (речь идет об антагонистических формациях.—М. Т.) производственные отношения уходящей и идущей ей на смену формаций являются взаимопроницаемыми, что серьезно затрудняет их анализ.

Кучинский на нескольких исторических примерах: средневекового ремесла, французской угольной шахты конца XVIII века, немецкого рудника XVI века и, наконец, на

примере развития американского капитализма, тесно связанного с рабовладельческими производственными отношениями,— показывает всю трудность подобного анализа. Характеризуя такие взаимопроникающие производственные отношения, составляющие базис в переходную эпоху, автор определяет их как антагонистические, враждебные друг другу. При этом сам базис, хотя и представляет единство, но именно единство противоположностей, причем непримиримых противоположностей, которые и качественно отличаются друг от друга. Один тип производственных отношений обречен на уничтожение, другой, наоборот, развивается и укрепляется, со временем он становится единственным господствующим типом.

Такому разнородному базису соответствует и надстройка, которая в переходный период содержит в себе элементы старой надстройки. Эти элементы продолжают сохраняться еще некоторое время после того, как базис уже стал однородным. «Еще долгое время,— пишет Кучинский, имея в виду переходный период от феодализма к капитализму,— невозможно было сказать, было ли в государственном аппарате сильнее влияние капиталистических или феодальных сил, и уже тогда, когда капиталистические производственные отношения пронизывали базис в качестве господствующих отношений, в надстройке, особенно в государстве, имелись еще сильные феодальные элементы, которые были устранены только буржуазной революцией» (стр. 137).

На этом основании Ю. Кучинский приходит к выводу, что в переходный период (от одной эксплуататорской формации к другой) возможно одновременное сосуществование двух основных экономических законов, один из которых с течением времени теряет свою силу, а другой становится господствующим. В этот период, по его мнению, господствующим законом становится социологический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. «...В такое переходное от одного общественного порядка к другому время,— пишет он,— господствует закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. В такое переходное время, когда не господствует основной экономический закон, когда мы сталкиваемся с двойным господством основных экономиче-

ских законов, господствует, таким образом, социологический закон» (стр. 138).

Едва ли можно согласиться с этим утверждением. Социологический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил действует во всех общественно-экономических формациях и является законом движения этих формаций, законом замены одного типа производственных отношений другим. Основные экономические законы являются внутренними законами для каждой экономической формации и поэтому никак не могут быть заменены законом обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Однако вывод автора сборника о том, «что в переходный период от одного эксплуататорского общественного порядка к другому нельзя говорить ни о «чистом» базисе, ни о «чистой» надстройке» (стр. 144), правилен и может стимулировать историческую науку к более серьезному изучению указанных периодов.

В заключительной статье сборника Ю. Кучинский, оценивая значение решений XX съезда Коммунистической партии Советского Союза для ученых Германской Демократической Республики, еще раз подчеркивает необходимость более тесной связи науки с жизнью. «Наука возникла из практических потребностей жизни, и действительность всегда является и остается постоянным авторитетом для ученых» (стр. 168). Кучинский призывает полное использование богатого наследия, оставленное классиками марксизма-ленинизма, смелее браться за разработку актуальных вопросов современности, обобщать опыт строительства социализма в странах народной демократии. Он обращает особое внимание на необходимость положить конец вульгаризации науки, выхватыванию отдельных фактов «в целях агитации», а перейти к более глубокому изучению фактов и цифр, необходимому для всесторонней оценки явлений, происходивших и происходящих в жизни различных стран.

Опубликованный сборник, содержащий ряд дискуссионных положений, вызывает значительный интерес своевременной и острой постановкой важных проблем исторического материализма. Обсуждение затронутых проблем будет способствовать творческому развитию этой науки.

М. Р. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Отповедь фальсификаторам марксизма

Раскрывая причины все учащающихся нападков буржуазных идеологов на марксизм, прогрессивные зарубежные философы указывают, что в основе их лежит боязнь растущего влияния на общество переломной марксистской теории, сознание обреченности старого мира. «Буржуазный мир одержим страхом перед марксизмом,— пишет, например, английский марксист Джон

Льюис,— философы, историки, литераторы, теологи — все говорят о нем. Вы не найдете ни одного литературного или научного журнала, вы не услышите ни одной церковной проповеди или выступления по радио на темы текущей политики без каких-либо ссылок на марксизм, обычно сопровождающихся нападками на него и часто истерикой» (John Lewis «Marxism and its

critics», p. 203, «The marxist Quarterly». Vol. 2, № 4, 1955).

Льюис отмечает, что в настоящее время авторы антимарксистских произведений пытаются придать им «научный» вид. Псевдонаучные «труды» широко рекламируются реакционной буржуазной прессой, которая старается представить их авторов как крупных специалистов, а их «труды» — как выдающийся вклад в науку.

К произведениям, претендующим на «научный» разбор марксистской теории, Льюис относит книги члена Совета королевского колледжа Лондонского университета Кэри Ханта «Теория и практика коммунизма» (1951 г.), «Марксизм, прошлое и настоящее» (1955 г.), а также книгу профессора Оксфордского университета Дж. Пламенца «Немецкий марксизм и русский коммунизм» (1954 г.).

В статье Льюиса, посвященной критическому разбору этих книг, разоблачается один из излюбленных приемов современных «критиков» марксизма — противопоставление марксизма ленинизму, по необходимости основывающееся на извращениях и фальсификации. Так, Дж. Пламонец прямо заявляет, что он «не пытался проверить, соответствуют ли гипотезы Маркса историческим фактам», а интересовался лишь «чисто теоретической стороной». Указывая на несостоятельность такого подхода, Льюис совершенно справедливо называет абсурдной попытку Пламенца подменить реальные противоречия, в которых Маркс усматривал движущую силу исторического процесса, логическими противоречиями. Теория Маркса, подчеркивает Льюис, приобретает огромное значение, когда мы обращаемся к самой жизни и находим противоречия в природе, в сознании, в экономике, в обществе — подлинные жизненные противоречия.

Формальный, догматический подход современных критиков марксизма к марксистской теории имеет вполне определенную цель — «доказать», будто Ленин и его ученики «отошли» от марксизма.

«Например, Маркс ясно предвидел, что революция произойдет в высоко индустриальной стране. Но Ленин совершил революцию в столь отсталой стране, как Россия. Это неправильно. Это плохой марксизм, — иронизирует Льюис по поводу этих горьких критиков. — Итак, быть хорошим марксистом, с их точки зрения, — значит держаться за первоначальную формулировку Маркса, соответствующую условиям доимпериалистического капитализма, даже в том случае, когда эта формулировка не может быть приемлемой для современных условий» (там же, стр. 206—207).

Подчеркивая творческий характер марксизма, Льюис пишет: «Старая формулировка устарела, и надо было найти новую, а не превращать в догму старую. Это было сделано Лениным. Он был истинным марксистом, смело развивавшим марксистскую теорию на основе глубокого изучения действительности. Если бы марксистская теория революции не была развита дальше, то рабочие не смогли бы завоевать победу и оставались бы до наших дней по-

всюду в рабстве у буржуазии» (там же, стр. 207).

Стремясь убедить своих читателей в том, что практика социалистического строительства в Советском Союзе «расходится» с учением Маркса, Кэри Хант и Пламонец не останавливаются перед прямой фальсификацией исторических фактов. Льюис указывает на полнейшую безответственность, с которой Кэри Хант обращается с документальными источниками, на произвольное толкование им фактов, вызванное желанием «доказать», будто Ленин отказался от демократических принципов Маркса. Подобными методами пользуется и Пламонец.

Извращая марксизм, идеологи буржуазии стремятся представить его как своего рода фатализм, как объяснение исторического развития действием слепых сил, которые неумолимо влекут человечество по пути к бесклассовому обществу, как отрицание роли и значения идей и практической деятельности человека в историческом процессе. Если это так, пишет Льюис, то «нам остается лишь пассивно ждать завершения работы истории, которое наступит неизбежно и без каких-либо усилий с нашей стороны. Совершенно ясно, что ни один марксист не может поверить подобной чепухе. Существуют только два объяснения: либо все коммунисты занимаются именно тем, что Маркс считал невозможным и что является для марксистов самым странным, — либо Маркс никогда не утверждал ничего подобного и вся доктрина экономического детерминизма, в том виде, как ее излагают Кэри Хант и другие, является чистейшей басней» (там же, стр. 211).

Подобные приемы фальсификации марксизма использует и профессор католического института в Париже Анри Шамбр, автор книги «Марксизм в Советском Союзе» (1955 г.), разбираемой французским марксистом Ф. Коеном (Francis Cohen «Le marxisme en Union Sovietique». «La nouvelle critique» № 70, 1955).

Шамбр так же, как и Кэри Хант, утверждает, что Маркс сводит все политические и социальные явления к экономике, отождествляя общественные явления с явлениями экономическими. При этом он попросту игнорирует все, что писал Маркс по вопросам диалектики общественного развития, по вопросам взаимосвязи базиса и надстройки.

Фальсифицируя коренные положения исторического материализма, Шамбр преследует, как подчеркивает Коен, ту же цель — противопоставить Маркса Ленину. «Если верить Шамбру, то Маркс, отождествляя социальные явления с экономикой, превращает идеологию в философское понятие, не имеющее отношения к социальной реальности, сведенной к производственным отношениям, тогда как Ленин видел в идеологии силу, способную привести в движение народные массы, оправдывая их действия...» (там же, стр. 84).

Шамбр пытается «доказать», будто «истинный» марксизм только описывал явления, тогда как ленинизм претендует на управление явлениями общественной жизни.

Он утверждает, что в Советском Союзе переиначивают марксизм. Так, например, он

заявляет, что Маркс только констатировал соответствие производственных отношений характеру производительных сил, в Советском же Союзе ввели понятие «необходимости» этого соответствия для оправдания революции. «Итак, по мнению Шамбра,— пишет Коен,— социальный закон существует для того, чтобы его признавали, а не для того, чтобы его применяли. Человеку, таким образом, остается только пассивно наблюдать за изменениями своей судьбы. Это все равно, как если бы ученый открывал законы природы не для их использования, а лишь для того, чтобы получить удовольствие» (там же, стр. 84). В частности, если следовать логике Шамбра, то, создав первый электрический двигатель, люди вступили на опасный путь «переделки» открытия электромагнетизма, а коммунисты совершают великое преступление против марксизма, применяя его на практике. Разумеется, это противоречие между марксизмом и ленинизмом, между дореволюционными и послереволюционными марксистами существует только в воображении г-на Шамбра. Именно Маркс провозгласил, что необходимо не только объяснять мир, но и изменять его. «Целью всех его теоретических изысканий было действие... Нельзя представить себе ничего более чуждого его учению, чем своего рода «автоматизм», посредством которого экономические явления творили бы историю без какого-либо вмешательства со стороны людей» (там же, стр. 84—85).

Другим весьма распространенным приемом фальсификации марксизма в современной буржуазной литературе являются попытки объявить коммунизм реакционной утопической теорией, рассматривающей человека только как производителя материальных ценностей и отрицающей значение внутреннего, духовного мира людей. Марксизм объявляется несовместимым с гуманизмом, а советский строй обвиняется в подавлении человеческой личности.

Такого рода попытку извратить марксизм представляет собой книга французского иезуита Пьера Биго «Марксизм и гуманизм» (см. George Cogniot «Une filouterie intellectuelle à peine rajeunie». «Cahiers du communisme», № 6—7, 1953).

Пьер Биго утверждает, что марксисты отвергают существование «внутреннего мира человека».

Показывая несостоятельность этих обвинений, Коень приводит известные положения марксизма об отношении сознания к материи, о первичности материи и производном характере сознания, духа и идей, об ошибочности отождествления сознания и материи. «Совершенно очевидно,— пишет он,— что диалектический материализм далек от того, чтобы отрицать роль сознания, «внутренний мир человека». Утверждая, что мир по природе своей материален, марксизм указывает, на какой основе развивается сознание, решает вопрос о происхождении сознания, отличный от вопроса о роли и значении сознания (см. там же, стр. 767—768). Все это сотни раз разъяснялось классиками марксизма-ленинизма, пишет Коень, и все это полностью игнорирует-

ся Биго, который, основываясь на мнимом отрицании материализмом роли и значения идей и сознания в общественном развитии, заявляет: «Отсюда и проистекает угроза, которую он (марксизм. — Е. М.) представляет для человечества. В конечном счете возникает вопрос, не очутился ли сам марксизм в плену основного заблуждения капитализма, «человек должен покориться требованиям производства». Да и могло ли быть иначе? Разве коммунизм сам по себе не развивается в направлении такого рода капитализма наизнанку?.. Материализм не предлагает никакого другого идеала для бесклассового общества, кроме идеала материального общественного производства. Коммунизм направляет все свои силы на индустриализацию страны — свою единственную цель, свой единственный закон...» (там же, стр. 769).

Приведя эту выдержку из книги П. Биго, Жорж Коень подчеркивает, что автор извращает самую сущность социализма — его глубоко гуманистический характер, утверждая, что «единственный закон» социализма — это индустриализация ради индустриализации.

В действительности целью социалистического производства является удовлетворение материальных и духовных потребностей человека. Об этом свидетельствуют уже те конкретные меры, которые принимаются в социалистических странах для культурного роста общества и всестороннего развития физических и умственных способностей его членов. Именно в этих странах впервые в истории поставлена задача ликвидации существенного различия между умственным и физическим трудом.

Легенда о несовместимости марксизма с гуманизмом имеет весьма широкое распространение среди современных «критиков» марксизма. С этих позиций недавно выступил научный сотрудник Института политических исследований в Париже Жан Маршаль в книге «Два очерка марксизма» (Jean Marchal «Deux essais sur le marxisme», Paris, 1955).

О порабощении человеческой личности в СССР и о якобы одностороннем, вульгарно-материалистическом характере марксизма твердит и упоминавшийся выше А. Шамбр.

Через всю его книгу красной нитью проходит мысль, что человек в Советском Союзе — это «инструмент» в руках всемогущего «тоталитарного» государства.

Показывая несостоятельность подобных утверждений, Коень пишет, что Шамбр подробно распространяется в своей книге по поводу «всемогущества» Советского государства, но почему-то совершенно не касается вопроса о том, в чьих руках находится это государство, чьим интересам оно служит. Шамбр постоянно говорит о «человеке», находящемся под угрозой быть раздавленным государством, но его совершенно не занимает судьба конкретных, живых людей, которые обрели чувство собственного достоинства, получили доступ к вершинам культуры; его не трогает, не интересует судьба простых людей, жизненный уро-

вень и духовные богатства которых растут изо дня в день, людей, которые не являются больше объектом эксплуатации.

Все это Шамбр замалчивает не случайно. Коен пишет, что пугало «тоталитарного государства», порабащивающего человеческую личность, нужно ему для того, чтобы скрыть от своих читателей важнейшую черту нашей эпохи — появление в мире совершенно новых людей: рабочих, труд которых не увеличивает прибыли эксплуататоров; крестьян, которые не обогащают помещиков и их посредников; интеллигенции, обладающей средствами для творческой деятельности, а не борющейся за эти средства с мракобесами и милитаристами, то есть новых людей, считающих культуру высшим благом на земле и вступающих в жизнь с таким запасом знаний, которым ранее могли обладать только представители привилегированной «элиты», прислужники капитала. И все это является следствием того, что именно эти люди стали хозяевами своего государства» («La nouvelle critique», № 70, 1950, p. 89).

Таким образом, мы видим, продолжает далее Коен, что «главная цель Шамбра состоит в том, чтобы оттолкнуть от коммунизма всех тех людей — вне зависимости от того, являются ли они религиозными или не являются, — которым дороги интересы

человеческой личности, свободы и прогресса, людей, которых все больше привлекает идеология и практическая деятельность рабочего класса, пример социализма, построенного в Советском Союзе. Он пытается «любими средствами убедить, что советский человек — это просто инструмент в руках Советской власти» (там же, стр. 90).

Гуманизм — причем не декларативный, а реальный, действительный гуманизм — вытекает из самого существа марксистско-ленинской теории общественного развития, поскольку она вооружает человечество на борьбу за подлинное счастье. Взвзв свою судьбу в собственные руки, народы стран социалистического лагеря уверенно продвигаются вперед по пути улучшения своего материального благосостояния и более полного удовлетворения своих духовных потребностей. Практика социалистического строительства в Советском Союзе и в других странах социалистического лагеря — лучший аргумент против измышлений фальсификаторов марксизма.

Все попытки помешать распространению марксизма обречены на неудачу. «Вот уже 100 лет, как «уничтожают» марксизм, — пишет Жорж Коньо, — а он все продвигается вперед гигантскими шагами».

Е. Д. МОДРЖИНСКАЯ

Разум и наука непобедимы

Д. ЛЬЮИС. Марксизм и иррационалисты. Лондон. 1955. 141 стр.

J. LEWIS. Marxism and the Irrationalists. London. Lawrence and Wishart. 1955.

История философии и социологии свидетельствует об одной весьма знаменательной тенденции в развитии буржуазной философской и общественно-политической мысли: начав с безграничной веры в разум, в науку, в рациональный порядок в природе и обществе, она постепенно утрачивала эту веру, в ней усиливались элементы иррационализма, неверия в силы разума и познавательную ценность науки. Такого рода тенденция была вообще в большей или меньшей степени характерна — по вполне понятным причинам — для мировоззрения всех общественных классов, уходящих с исторической арены. Самое ее возникновение в идеологии того или иного класса служит своего рода косвенным признаком того, что этот класс, утратив веру в будущее и боясь его, становится тормозом социального прогресса. Формы, которые принимает иррационализм в буржуазной философии, разнообразны. Появившись первоначально в волюнтаристской философии А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и др., он получил развитие в «философии жизни» В. Дильтея, бергсонизме и в той или иной мере затронул большинство новейших течений буржуазной философии.

Исследование социально-политической и

теоретической сущности современного иррационализма, его социальных и гносеологических корней, его эволюции и перспектив имеет большое значение. Этому вопросу был посвящен в последнее время ряд интересных работ зарубежных марксистов. Среди них следует отметить книгу английского философа-марксиста Д. Льюиса «Марксизм и иррационалисты». Д. Льюис стремится противопоставить диалектический и исторический материализм с его оптимизмом и непоколебимой верой в безграничные возможности разума и науки формалистическим, иррационалистическим и мистическим теориям современной буржуазной, преимущественно английской, философии. Анализируя ряд позитивистских и других буржуазных философских систем, он показывает, как прямо или косвенно они ведут к отказу от разума и науки.

Современный идеализм, в частности неопозитивизм, отмечает автор, ставит перед собой, в сущности, те же цели и в значительной мере использует те же методы, что и направления, которые критиковал В. И. Ленин. Д. Льюис показывает, как идеалисты безнадежно путаются в сложной диалектике сущности и явления, причинности, необходимости, абсолютной и

относительной истины и т. д. Он показывает несостоятельность современного физического идеализма, который снова и снова повторяет утверждение, будто материя не может считаться материальной после открытия специфической природы ее атомной структуры. Достижения физики наших дней, утверждает Д. Льюис, не могут служить обоснованием идеализма и иррационализма. «То, что материю на ультрамикроскопическом уровне нельзя себе более представлять по-старому, вовсе не означает, что она не существует или что она иррациональна» (стр. 25—26). Какой бы разреженной и неплотной ни оказалась ультрамикроскопическая структура материи, материя не лишается из-за этого реальной плотности на механическом уровне, и — самое основное — она не перестает объективно существовать вне сознания. Приведя известное ленинское определение материи, Д. Льюис пишет: «То, что вещь существует независимо от нас, является неизменным фактом; какова она в точности, мы знаем лишь частично, в аспектах, лишь с приблизительной степенью истинности... Однако релятивность не уменьшает объективности» (стр. 42).

Идеалистические теории, отмечает Д. Льюис, а также механистический материализм, смыкающийся в своих конечных выводах с идеализмом, крайне обедняют мир, либо отождествляя его с отдельными элементами сознания, либо рассматривая как простую сумму молекул, атомов, физических импульсов и пр., либо, наконец, отрицая реальность духовной сферы и целиком сводя высшие формы организации материи к низшим. Отвергая субъективный идеализм и механицизм, Льюис критикует также наивный реализм, который полагает, что мы полностью знаем объекты, что они всецело даны нам в восприятии, и тем самым отождествляет явление с сущностью. Единственной теорией, указывающей правильный путь познания объективного мира, является, говорит Льюис, диалектический материализм. Согласно этой философии, объективная реальность отражается, хотя, естественно, лишь частично, в сознании человека, а наука вскрывает сущность явлений и процессов, происходящих в природе и обществе.

Отрицание этих двух положений — одна из характерных черт современного идеализма, в частности, его наиболее влиятельного направления — неопозитивизма. Против этого отрицания, за утверждение прав человеческого разума и науки и выступает в своей книге Д. Льюис. Современные позитивисты аналогично тому, как это делали в свое время махисты, рассматривают науку как произвольный комплекс полезных фикций. Одним из оснований такой точки зрения является взгляд на мир как на разобщенную последовательность фактов, относительно которой якобы невозможно утверждать, что в ней существует необходимость и причинность. Этот взгляд, выдвинутый в свое время Юмом, действительно несовместим с подлинным научным познанием, поскольку существо последнего состоит не в простом описании фактов, а в раскрытии закономерностей, существующих

в объективной реальности. Если нет объективной необходимости, то не может быть и подлинной науки, так как она никогда не может удовлетвориться одной лишь последовательностью фактов и является не простым каталогом наблюдений и экспериментов, но прежде всего интерпретацией фактов, исследованием сущности вещей и процессов. Д. Льюис подчеркивает, что последовательное проведение позитивистской точки зрения на науку неизбежно приводит к абсурдному отрицанию объективного значения самых несомненных и давно доказанных теорий. В самом деле, придерживаясь этой точки зрения, необходимо было бы признать, что теория кровообращения и физиологических функций организма, эволюционная теория, система Коперника, атомная, молекулярная и клеточная теория и т. д. не отражают объективной реальности, а являются лишь представляющими для нас известные удобства логическими конструкциями, к которым подгоняются определенные данные. Д. Льюис приводит яркие примеры того, как практика и наука опровергали и опровергают подобного рода представления. Известно, например, что Мах отрицал объективное существование атома, рассматривал его как чисто инструментальную гипотезу, позволяющую нам экономно оперировать фактами. Человечество, вступающее ныне в атомный век, может лишь с улыбкой вспомнить об этом. «Атом и теория атома, — пишет Д. Льюис, — которую Мах хотел ликвидировать, оказались поворотным пунктом всей современной физики» (стр. 48).

Прагматистский критерий удобства, полезности, экономности лежит в основе неопозитивистской концепции науки. Если научная гипотеза полезна или удобна, значит, она истинна. Если две взаимоисключающие гипотезы одинаково полезны, значит, они одинаково истинны и можно выбирать любую из них. Основываясь на известной ленинской критике подобной точки зрения, Д. Льюис показывает, что все здесь поставлено на голову. Не потому научные теории истинны, что они удобны или полезны; из того, что всякая истинная теория полезна, вовсе не следует, что всякая полезная теория истинна. Говоря о вреде прагматистского подхода к науке, Д. Льюис пишет: «Одним из губительных последствий убеждения, что полезность есть критерий или эквивалент истины и что мы не можем и не нуждаемся в сопоставлении того или иного положения с действительностью для проверки его истинности, состоит в распространении этой теории на религию, предрассудки и политику» (стр. 114). В самом деле, если критерием истинности становится субъективный критерий полезности, то любые политические концепции, в частности, фашистские, а также вера могут претендовать на равноправное положение с наукой, поскольку существуют люди, признающие их полезными. Как раз в том, чтобы сдерживать наступление науки на религию, очистить место для веры, и состоит одна из основных задач (безразлично, осознаваемая или нет в каждом конкретном случае) позитивизма и прагматизма, прямо или косвенно смы-

кающихся в своих выводах с другими идеалистическими теориями вплоть до откровенно религиозной и мистической философии. «Несостоятельность разума во всех областях,— пишет Д. Льюис,— оправдывает обращение к вере» (стр. 54). На ряде примеров Д. Льюис показывает, как сами неопозитивисты обращаются к религии и мистике. Так, например, английский неопозитивист Броуд открыто признает телепатию, существование сверхъестественного и загробной жизни. Профессор Поляни полагает, что наука — это система недоказуемых верований, подобная религии и поэтому равноправная с ней; пользуясь прагматическим подходом к науке, вере, убеждениям и т. п., он следующим образом раскрывает его социально-политический смысл: «Основные верования и убеждения происходят из политической воли, воли принять, сохранить и поддержать тот тип общества, который, как мы чувствуем, находится в опасности» (стр. 74).

По существу, неопозитивисты, хотя и того или нет, солидаризируются с рядом других современных идеалистических учений, воскрешающих средневековую теорию двойственности истины, согласно которой наука и религия автономны. От признания равноправности науки и религии один шаг до утверждения преимущества веры над знанием. Некоторые из буржуазных философов (например, критикуемые Льюисом Хьюльм и Ардли) делают вполне логичный вывод из позитивистских концепций: если наука — только коллекция полезных фикций, не дающая нам истины, то истину следует искать в другом месте, вне науки, в религии. Наука, утверждают они,— это произвольное творение человеческого ума и имеет отношение лишь к кажимости, к явлениям, тогда как реальный, то есть духовный, мир, сущность вещей постигаются только теологией. Точка зрения Ардли, говорит Д. Льюис, совпадает с точкой зрения Ж. Маритена. Таким образом, от неопозитивизма, именующего себя «философией науки», прямая дорога к неотомизму, официальной церковной идеологии.

Д. Льюис анализирует и критикует значительное количество позитивистских и других идеалистических концепций, пытающихся подорвать веру в возможности разума и науки. Он критикует Мура, начинающего с мнимой критики идеализма, с кажущегося согласия с материализмом и окольным путем возвращающегося к берклианско-юмистским позициям; критикует антинаучную теорию Броуда, согласно которой мозг не является органом мышления, которое якобы осуществляется посредством особого, нематериального, психического фактора. Он критикует также Айера, Рассела и многих других философов и ученых-идеалистов.

Подводя итоги своей критике, Д. Льюис констатирует, что характерная для неопозитивизма концентрация внимания на формальных логико-грамматических моментах неразрывно связана с отказом от исследования того, чем в действительности является реальный мир. Отброшенным оказывается

всякое представление о связи с действительностью вследствие того, что связь между данными, которые анализируются, представляется основанной не на рациональном порядке объективного мира, а на логическом упорядочивании абстрактных символов. Сосредоточивая внимание на формальных моментах или на анализе значения предложений, трактующих о том, что уже известно, неопозитивисты отказываются от анализа и критики реальной действительности, и потому люди, следующие за ними, неизбежно попадают во власть традиционных суждений и оценок господствующей идеологии. «Мышление для этих философов,— пишет Д. Льюис,— не является более великим орудием, при помощи которого человек может освободиться от рабского подчинения природе и социального угнетения, а просто техникой, призванной запутать в словесных противоречиях и обратит в бегство каждого, кто попытается это сделать» (стр. 80).

Большое внимание в книге Д. Льюиса уделено анализу социально-политической сущности иррационалистских тенденций в современной буржуазной философии. «Отношение современного мира к науке изменилось,— пишет он,— когда его цивилизация начала проявлять признаки старения и разложения... Буржуазная цивилизация не может больше справиться со своими проблемами, поэтому человек и природа, человеческое общество и экономика должны представляться не поддающимися пониманию. Если господствует разум, то буржуазная цивилизация должна признать свое собственное бессилие и банкротство; поэтому разум должен быть свергнут с престола» (стр. 59—60). В этом одна из главных задач современной буржуазной философии, различные направления которой стремятся убедить людей в невозможности осуществления контроля над действительностью в интересах человечества. К подобным выводам ведет, в частности, и неопозитивизм. Подлинная наука, говорит Д. Льюис, является ключом к свободе, поскольку она есть средство познания естественных и социальных закономерностей; позитивизм же, отрицающий их наличие или возможность их познания и не идущий дальше изолированных фактов, данных нам в опыте, означает принятие этих фактов как они есть, и следовательно, пассивное подчинение существующей действительности. Иррационалистский эмпиризм, пишет Д. Льюис, «является реакционным, он защищает статус-кво, препятствует прогрессу в науке и философии и поощряет предрассудки и реакцию» (стр. 109). Ключ к культу неразумия, господствующему в буржуазной философии, нужно искать в том, говорит Д. Льюис, что власть имущие не хотят допустить открытия и распространения истин, противоречащих их классовым интересам.

Возможности разума и науки, говорит Д. Льюис, безграничны, однако нужно четко представлять себе, что занятие наукой — это не произвольная игра абстрактными символами. «Только ясное понимание того, что наука способна открывать природу

действительности — физической, психологической, экономической, социальной и политической, — может дать нам уверенность, что для понимания и контроля над природой и обществом необходимо все более широкое использование научных методов, а не иррациональных верований» (стр. 123). Философский обскурантизм не сможет остановить победоносное шествие разума и науки, подорвать их авторитет в глазах человечества — таков общий вывод, вытекающий из книги Д. Льюиса. Теорией, отстаивающей права науки и разума, дающей им

единственно правильную ориентацию, является марксистско-ленинская теория. Свободная от релятивизма и скептицизма, борющаяся против догматизма и мистики, она показывает, как происходит процесс активного познания мира, проверяемый и корректируемый человеческой практикой, процесс, в котором частные открытия и относительные истины являются ступеньками в бесконечном приближении человечества к абсолютной истине.

С. А. ЭФИРОВ, Н. С. ЮЛИНА

Книга по истории науки

Б. Г. КУЗНЕЦОВ. Развитие научной картины мира в физике XVII—XVIII вв.

Изд. АН СССР. М. 1955. 344 стр.

Рецензируемая книга относится к числу тех, которые с интересом будут встречены большим кругом читателей. До сих пор у нас выходит недопустимо мало книг, посвященных разработке общих проблем истории науки. В большинстве случаев публиковались лишь отдельные статьи на узкие темы. Многие из этих статей помещены в сборниках, выпускаемых Институтом истории естествознания и техники.

Разработка специальных тем необходима, так как она является основой для создания более общих работ, однако для широких кругов читателей необходимы работы более общего профиля. При этом важно также добиваться, чтобы изложение частных и специальных вопросов являлось средством для раскрытия общих закономерностей развития научного познания. В книге Б. Г. Кузнецова излагается много специальных вопросов, относящихся к истории физики XVII—XVIII веков, но вместе с тем автор стремился показать и общую картину развития научного познания. Сама тема исследования очень важна, так как классическая физика является важнейшим этапом развития науки и служит одним из краеугольных камней современной физики и техники.

В книге содержится 4 главы: 1. Гелиоцентризм и создание механической картины мира. 2. Картезианская физика. 3. Учение Ньютона о материи, движении и силе. 4. Атомистика. Изложение начинается с системы Коперника и заканчивается работами Ломоносова и космогонической теорией Канта, то есть доведено примерно до 1760 года. Поэтому название книги не совсем точно отражает ее содержание, так как в ней не рассмотрен ряд важных работ второй половины XVIII века, имеющих непосредственное отношение к развитию физической картины мира.

В отличие от многих работ по истории науки, в которых изложение материала переплетается с биографическими сведениями об ученых, в книге Б. Г. Кузнецова биографические данные почти совсем отсутствуют и рассматривается в основном лишь содержание научных теорий и гипотез. Сте-

пень трудности литературного изложения материала различна. Некоторые разделы написаны весьма популярно, однако большая часть книги рассчитана на читателя, уже знакомого с основными этапами развития физики и ее идеями, и поэтому несколько трудна для впервые знакомящегося с историей физики.

Первая глава начинается с обзора исторических предпосылок создания гелиоцентрической системы Коперника, краткого изложения ее сущности и истории ее последующего развития в трудах Кеплера и Галилея. Основная часть главы посвящена характеристике взглядов Галилея и краткому разбору его работ «Диалог о двух системах мира» и «Беседы и математические доказательства». В ходе изложения автор освещает также упорную борьбу церкви против утверждения новых, материалистических идей. Глава написана живым, образным языком. Особый интерес представляет подробный разбор мировоззрения Галилея, показывающий огромное историческое значение трудов этого основоположника точных наук Нового времени.

Но наряду с этим данная глава не свободна и от некоторых недостатков. Прежде всего серьезным упущением автора, на наш взгляд, является то, что он не показывает теоретических предпосылок науки эпохи Возрождения и Нового времени. В книге дается беглая характеристика технических и экономических достижений в XVI—XVII веках, однако почти ничего не говорится о связи точных наук Нового времени с передовыми достижениями античной науки и философии. Последняя представлена в книге лишь в негативном плане, в основном при обзоре истории опровержения геоцентрической системы Птолемея и некоторых ошибочных высказываний Аристотеля, канонизированных схоластикой.

В результате этого при чтении первой главы может создаться впечатление, будто великие деятели эпохи Возрождения и Нового времени создавали науку на совершенно пустом месте и рассматривали все, что сохранилось от античной философии, только

как систему взглядов, требующих опровержения. Между тем известно, что в трудах Коперника, Галилея, Ньютона и других ученых содержится развитие многих идей прогрессивных античных мыслителей, произведения которых были известны выдающимся ученым Нового времени. Достаточно сказать об исторической связи гелиоцентрической системы Коперника с воззрениями Аристарха Самосского, который совсем не упоминается в первой главе. Правда, в последующих главах, при изложении атомистики, говорится об атомистических теориях Демокрита, Эпикура и Лукреция, однако уже в другой связи.

Было бы целесообразно для улучшения первой главы включить в нее некоторый дополнительный материал, показывающий связь рассматриваемых теорий с античной наукой.

Во второй главе рассмотрены основные идеи физики Декарта и его последователей. Б. Г. Кузнецов показывает большое историческое значение физики Декарта в утверждении материалистических взглядов на мир и вместе с тем вскрывает теологическую непоследовательность Декарта в понимании проблемы материи и движения. В главе дается также разбор «Трактата о свете» и космогонических взглядов Декарта, вкратце рассматриваются его механические воззрения на процессы в живых организмах. Подчеркивая исторические заслуги Декарта, Б. Г. Кузнецов подробно останавливается на недостатках его метода исследования и физической теории мира, ее противоречиях и фантастичности некоторых положений о строении материи и законах движения небесных тел.

Центральное место в главе занимает изложение взглядов Декарта на материю. Автор дает содержательный анализ трудов французского мыслителя и использует многие его работы. Однако в трактовке понимания Декартом материи автор, как нам представляется, допустил некоторую неточность. Во второй главе и всюду в книге Б. Г. Кузнецов постоянно подчеркивает, что Декарт отождествлял материю с пространством, что он считал тела и объемы в пространстве совершенно одним и тем же. И автор опровергает подобный взгляд на материю, противопоставляя ему воззрения Ньютона, Ломоносова и других ученых.

У Декарта в «Началах философии» и некоторых других работах действительно встречаются отдельные высказывания, из которых можно сделать вывод, что он отождествлял материю и пространство. Декарт постоянно подчеркивал, что сущность материи заключается не в цвете, весе или в каких-либо других частных свойствах, а в протяженности. Он писал: «...Природа материи, то-есть тела, рассматриваемого вообще, состоит не в том, что оно вещь твердая, весомая, окрашенная или каким-либо иным образом возбуждающая наши чувства, но лишь в том, что оно — субстанция, протяженная в длину, ширину и глубину» (Ренэ Декарт. Избранные произведения, стр. 466. Госполитиздат. 1950).

Подобные взгляды на материю Декарт противопоставляет различным теориям о существовании пустого пространства. Отрицая наличие абсолютной пустоты, он доказывал непрерывность распределения материи в пространстве. Декарт подробно разработал гипотезу эфира — непрерывной среды, сплошь заполняющей мировое пространство и переносящей взаимодействия между частицами и телами. Эта гипотеза, несмотря на ее противоречия и механическую ограниченность, содержит в себе очень ценные рациональные моменты, а именно отрицание пустоты и признание нераздельности материи и пространства.

Если рассматривать существо воззрений Декарта, то из подавляющего большинства его положений можно совершенно определенно видеть, что он не отождествлял материю с пространством, а рассматривал материю как субстанцию, существующую в пространстве. «...Имеется некоторая субстанция, — пишет Декарт, — протяженная в длину, ширину и глубину, существующая в настоящее время в мире и обладающая всеми свойствами, о которых нам явно известно, что они присущи протяженной вещи. Эта-то протяженная субстанция и есть то, что называется собственно телом, или субстанцией материальных вещей» (там же, стр. 465). О том, что материя — это субстанция, движущаяся в пространстве, Декарт говорит много раз. Да и сам Б. Г. Кузнецов приводит на стр. 92, 94, 95 и других своей книги много высказываний Декарта, отчетливо показывающих, что он понимал под материей субстанцию, существующую в пространстве. И, тем не менее, Б. Г. Кузнецов всюду подчеркивает, что Декарт отождествлял тела и пространство, и противопоставляет этим взглядам Декарта воззрения на материю Ньютона.

Однако Ньютон и его последователи выступали против Декарта не потому, что он якобы отождествлял материю и пространство, а прежде всего в связи с тем, что они считали неверным сведение сущности материи к протяженности. По мнению Ньютона, сущность материи состоит не в протяженности, а в инерции, которая является свойством материи, неотделимым от нее. Что же касается протяженности, то она не считалась неотделимой от материи, ибо предполагалась возможность существования абсолютной пустоты, которая обладает протяженностью, но не содержит в себе материи. В этом пункте взгляды Ньютона и его последователей были, по существу, шагом назад по сравнению с воззрениями Декарта, признававшего неразрывное единство материи и пространства.

Далее, возвращаясь к содержанию второй главы книги Б. Г. Кузнецова, необходимо подчеркнуть, что весьма ценным в ней является подробное рассмотрение гипотезы эфира в физике XVII—XVIII веков. В настоящее время, когда получили развитие теория относительности и квантовая теория поля, гипотеза эфира иногда расценивается как некоторое отрицательное явление в истории науки, как временное заблуждение, затормозившее ее развитие, но такую оцен-

ку нельзя признать правильной. Гипотеза эфира сыграла прогрессивную роль в истории физики, и показ этого является несомненным достоинством книги Б. Г. Кузнецова.

Однако содержание этих разделов книги значительно выиграло бы, если бы автор вскрыл внутреннюю логику развития гипотезы эфира и необходимость ее появления. Как известно, эта гипотеза была выдвинута для того, чтобы устранить противоречия в атомистической теории материи, предполагавшей, что в мире существуют лишь атомы и пустота. Допущение реальности пустоты, разъединявшей материальные частицы, делало невозможным объяснение взаимосвязи между собой частиц, не находящихся в непосредственном контакте. Для того, чтобы решить эту трудность, необходимо было предположить возможность дальнего действия, действия на расстоянии. Однако это предположение содержало в себе нечто мистическое, так как в основе его лежало признание того, что электрические, магнитные и гравитационные силы перебрасываются от одного тела к другому через абсолютную пустоту в силу каких-то таинственных, необъяснимых причин.

Для ученых, придерживавшихся стихийно-материалистического взгляда на мир, гораздо более естественной казалась гипотеза эфира, признававшая перенос сил через посредство непрерывной материальной среды, заполнявшей все пространство между дискретными частицами и телами. Поэтому эта гипотеза легла, например, в основу целого научного направления в теории световых явлений. Конечно, гипотеза эфира также не была свободна от противоречий. Она, например, не могла объяснить, почему небесные тела движутся через эфир без какого-либо замедления. Неясно было также строение эфира. Если считать эфир материальным, то в рамках представлений XVII—XIX веков необходимо было предположить, что он имеет некоторую дискретную структуру: состоит из каких-то атомов. Однако допущение существования атомов эфира вновь ставило бы в прежней форме проблему взаимодействия между этими атомами. Эти противоречия нашли свое частичное разрешение лишь в современной квантовой теории поля.

Однако, несмотря на всю свою историческую ограниченность, гипотеза эфира сыграла положительную роль в истории познания строения материи. Основная идея о единстве прерывности и непрерывности в строении материи, о существовании непрерывной среды, переносящей взаимодействия между дискретными частицами, сохраняет свое значение и в современной физике.

Значительный интерес представляет содержательное изложение учения Ньютона о материи, движении и силе, которому Б. Г. Кузнецов посвящает третью главу своей книги. В начале главы автор рассматривает отличие метода изучения природы Ньютона от метода Декарта. Исторической заслугой Декарта было освобождение науки от перипатетических понятий и схоластических представлений о приро-

де. Однако в натурфилософской концепции Декарта недостающие факты часто заменялись вымыслами и, таким образом, пробелы в знании восполнялись лишь в воображении. Наряду с правильными идеями Декартом и его последователями было высказано много ошибочных взглядов.

Ньютон поставил перед собой задачу освободить науку от произвольных допущений, заменявших одно неизвестное другим. Для этого надо было прежде всего поставить преграду для безудержной и безответственной фантазии тех ученых, которые стремились втиснуть природу в рамки умозрительных конструкций. Именно в связи с этим Ньютоном было выдвинуто его знаменитое положение «гипотез я не выдумываю». «Ведь самым лучшим и надежным методом в исследовании природы,— писал Ньютон,— служит прежде всего открытие и установление опытами свойств этих явлений, а гипотезы относительно их возникновения можно отложить на второй план. Эти гипотезы должны подчиняться природе явлений, а не пытаться подчинять их себе, минуя опытные доказательства. И если кто создает гипотезу только потому, что она возможна, я не вижу, как можно в любой науке установить что-либо с точностью: ведь можно придумывать все новые и новые гипотезы, порождающие новые затруднения» (цитировано по книге С. И. Вавилов «Исаак Ньютон», стр. 73. М.-Л. 1945).

Эта тенденция Ньютона освободить науку от произвола имела большое прогрессивное значение, хотя следует отметить, что сам Ньютон отнюдь не избегал гипотез. В его основных работах содержится много предположений о строении и законах движения материи, часто поражающих своей глубиной и прозорливостью. В книге Б. Г. Кузнецова рассматриваются некоторые из этих гипотез.

Однако в последующее время здоровая тенденция метода Ньютона была гипертрофирована некоторыми его последователями и положение о гипотезах было истолковано в духе запрета теоретического мышления вообще. Методом метафизически мысливших ученых стал сугубый эмпиризм, сбор фактов без их теоретического истолкования.

В третьей главе своей книги Б. Г. Кузнецов освещает глубокие по тому времени воззрения Ньютона на природу света и вещества, многие из которых обычно не излагаются в печатных работах и остаются неизвестными широким кругам читателей.

Часто считается, что Ньютон признавал только корпускулярную теорию света и выступал против волновой теории, что он отвергал представление о существовании эфира и всегда настаивал на существовании абсолютной пустоты. Такая точка зрения распространена, по-видимому, потому, что обычно обращают наибольшее внимание на определенную группу высказываний Ньютона, возможно, точнее характеризующих его взгляды, тогда как другие его высказывания не учитываются. Но если обратиться к «Оптике» и другим работам

70—80-х годов XVIII века, то можно видеть, что Ньютон часто высказывался в пользу гипотезы эфира, считая невозможным перенос электрических, магнитных и гравитационных сил через абсолютную пустоту. Вместе с тем он разрабатывал гипотезу о свете, как о колебаниях эфира, и высказал много идей в пользу соединения корпускулярных и волновых представлений о свете. С позиций гипотезы эфира Ньютон пытался объяснить множество физических и химических процессов.

Но впоследствии, под влиянием теологических воззрений, он высказывал и прямо противоположные идеи, отрицавшие гипотезу эфира и все, что было связано с ней. В книге Б. Г. Кузнецова очень хорошо показаны эти противоречия во взглядах Ньютона, связанные с его общими религиозными представлениями о мире.

Подробно рассматривается в книге ньютоновское учение о механическом движении, причем Б. Г. Кузнецов обращает внимание на неразрывную связь многих положений этого учения с современными физическими воззрениями. Автор уделяет также значительное внимание изложению ньютоновского учения о пространстве и времени. Особый параграф посвящен анализу представлений о пространстве и времени в механике Эйлера, взгляды которого до сих пор еще не получили достаточного освещения в литературе. Однако следует отметить, что параграф об Эйлере, в целом весьма содержательный, нуждается в сокращении некоторых повторений и длиннот.

Значительное внимание в книге уделяется истории открытия закона всемирного тяготения. Критикуя утверждения идеалистов, представляющих открытие Ньютоном закона тяготения и других принципов механики как следствие сверхъестественного наития, Б. Г. Кузнецов подчеркивает закономерность этих открытий, подготовленных всем предшествующим развитием естествознания.

В заключении третьей главы рассматриваются некоторые гипотезы о дискретной структуре гравитационного поля, выдвигавшиеся в физике XVIII века, а также отмечается значение ньютоновской механики как теоретической основы материализма XVIII века.

Последняя, четвертая глава посвящена обзору атомистических учений XVII—XVIII веков. Автор рассматривает некоторые моменты в атомистике Гассенди, Бойля, Лейбница и Босковича. Но основное содержание главы составляет изложение атомистики Ломоносова. Б. Г. Кузнецов подробно останавливается на использовании Ломоносовым атомистической теории для объяснения тепловых и химических явлений, показывает большое значение для науки принципа сохранения материи и движения, в конкретном обосновании которого работы Ломоносова сыграли выдающуюся роль.

Однако в данной главе имеются и некоторые недостатки. Прежде всего в ней не показана внутренняя логика развития ато-

мистики в XVII—XVIII веках. Правда, в начале главы автор указывает на исторические условия развития атомистического учения, но этот краткий исторический экскурс никак не вскрывает закономерностей развития атомистики. В книге говорится о количестве мануфактур в XVII веке, развитии торговли, судостроения, победе буржуазной революции и т. п. Однако все эти факты никак не объясняют, почему же возникли именно эти представления о строении материи, а не какие-либо другие.

Следует отметить, что не только в данной книге, но и в других работах по истории философии и естествознания установилась странная традиция сводить анализ научных и исторических условий и причин развития философских и естественно-научных теорий в основном к перечислению количества мельниц, мануфактурных производств того периода, объема торговли и т. п. Зависимость науки от развития производства подчас понимается упрощенно.

Между тем совершенно очевидно, что не всегда и не все научные и философские теории связаны с производством непосредственно. Во многих случаях они связаны с ним косвенно, через посредство других теорий и различных общественных явлений. Вместе с тем наука в своем развитии обладает относительной самостоятельностью и внутренней логикой. Именно этим и объясняется, по-видимому, трудность выявления истинных корней и причин, двигавших развитие атомистической теории материи в XVII—XVIII веках, которые следовало бы в данной книге показать более глубоко.

Вторым недостатком данной главы являются отступления от исторической последовательности в изложении и недооценка положительного содержания в ряде распространенных в XVII—XVIII веках учений о строении материи. Автор начинает изложение атомистики с Ломоносова, потом кратко говорит о Гассенди, Бойле, Лейбнице, Босковиче и затем уже окончательно переходит к рассмотрению взглядов Ломоносова. При этом в главе чувствуется некоторая тенденция свести все положительное развитие атомистики в XVII—XVIII веках лишь к тому, что содержится в трудах Ломоносова. Работы же других представителей атомистики рассматриваются автором мимоходом и в основном лишь в плане подчеркивания их недостатков по сравнению со взглядами Ломоносова. Так, монадология Лейбница и взгляды Босковича излагаются лишь в отрицательном духе, как идеалистические и не содержащие ничего ценного для атомистики. Между тем в действительности их теории, пользовавшиеся значительной известностью, содержали много элементов диалектики. Автор не использовал замечаний В. И. Ленина в «Философских тетрадах», где, как известно, наряду с критикой идеализма в монадологии Лейбница, содержится также высокая оценка элементов диалектики в его воззрениях.

Недостаточно показано автором в данной главе историческое значение атомистических взглядов Ньютона, в «Оптике»

и других работах которого высказано много гениальных идей о строении материи, получивших, как неоднократно подчеркивал С. И. Вавилов, подтверждение в современной физике. Освещение всех этих моментов не только не умалило бы огромной исторической роли воззрений Ломоносова, но показало бы их в новом свете — как закономерное развитие предшествующих учений.

Что же касается изложения собственно атомистической теории Ломоносова, то следует заметить, что эти разделы относятся к числу лучших мест в книге Б. Г. Кузнецова и читаются с большим интересом.

Четвертая глава заканчивается параграфом «Атомистика и идея развития», в котором рассматриваются взгляды Ломоносова на развитие в неорганической природе и космогоническая теория Канта. По своему содержанию глава не вытекает логически из предыдущего изложения, но, тем не менее, представляет интерес. Вызывает только недоумение отрицательная оценка современного значения космогонической теории Канта, которая, по выражению автора, «сейчас арханчна» (стр. 343). В действительности же многие важные моменты теории Канта получили подтверждение и развитие в современной космогонии, о чем неоднократно говорилось в работах советских и зарубежных ученых.

Касаясь книги в целом, следует указать также и на тот ее недостаток, что автор на протяжении всей книги нигде не разъясняет подробно, что он понимает под научной картиной мира, развитие которой в физике он стремился осветить. На первый взгляд понятие научной картины мира кажется совершенно ясным и не требую-

щим никакого определения. Однако это впечатление исчезает по мере чтения книги. Дело в том, что, помимо тех положительных достижений в физике XVII—XVIII веков, которые вошли затем в золотой фонд современной науки, в книге излагается много спорных и ошибочных воззрений, которые затем были оставлены. Последним зачастую уделяется непропорционально много места. При изложении многих спорных концепций автор далеко не всегда говорит о том, какие же из них действительно являются развитием научной картины мира, и предоставляет решение этого вопроса на усмотрение читателя. При таком способе изложения книгу точнее было бы назвать просто очерками по истории физики соответствующего периода.

Недостатком книги является также отсутствие какого-либо заключения или выводов в конце книги, которые придавали бы ей определенную законченность. В данном же виде изложение прерывается довольно неожиданно, и непонятно, почему именно на данном вопросе, а не каком-либо другом, не раньше и не позже.

Однако, несмотря на все это, книга Б. Г. Кузнецова представляет собой серьезное исследование по истории физики, существенно дополняющее имеющуюся литературу. Необходимо издавать больше подобных книг, ибо только в этом случае можно будет создать полноценное пособие по всем разделам истории науки. Читатель будет с интересом ожидать выхода других книг Института истории естествознания и техники, посвященных последующим этапам развития физики.

С. Т. МЕЛЮХИН (Ленинград)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Повысить уровень преподавания марксистско-ленинской философии в вузах

Коммунистическая партия Советского Союза всегда уделяла и уделяет большое внимание делу идейной закалки кадров. XX съезд КПСС направил силы партии на дальнейший подъем и значительное улучшение всей системы идейно-воспитательной работы.

В идейно-политическом воспитании кадров важнейшее место принадлежит марксистско-ленинской философии, являющейся научным мировоззрением, теоретической основой познания и практической деятельностью. В системе высшего образования СССР изучение марксистско-ленинской философии призвано обеспечить методологическую подготовку высококвалифицированных специалистов всех отраслей науки и активно способствовать идеологическому, коммунистическому воспитанию молодежи, беззаветно преданной своей социалистической Родине. В силу этого особое значение приобретает дело коренного улучшения преподавания курса диалектического и исторического материализма в вузах.

Центральный Комитет нашей партии, исходя из решений XX съезда КПСС, в целях коренного улучшения преподавания общественных наук в вузах принял в июне 1956 года постановление о введении во всех высших учебных заведениях страны трех самостоятельных курсов: «Истории КПСС», «Политической экономии», «Диалектического и исторического материализма».

Введение преподавания во всех высших учебных заведениях страны самостоятельного курса марксистско-ленинской философии призвано сыграть огромную положительную роль в деле дальнейшего улучшения качества всей учебной, научной и идейно-воспитательной работы в вузах.

Отсутствие курса диалектического и исторического материализма в большинстве высших учебных заведений отрицательно сказывалось как на качестве подготовки будущих инженеров, агрономов, врачей, так и, в известной мере, на общем уровне научно-исследовательской и учебной работы специальных кафедр. Отсутствие глубокого и систематического изучения марксистско-ленинской философии в технических и других специальных вузах приводило к ослаблению идейной вооруженности кадров знаниями, необходимыми для успешной борьбы против буржуазной идеологии. Лишенные

философского образования будущие инженеры, агрономы, врачи не могли с полным знанием дела бороться против модных идеалистических, агностических, а порой и прямых религиозных выводов, которые делаются рядом буржуазных ученых из достижений современной науки.

Незнание или плохое знание диалектического метода отрицательно сказывается также на изложении курса специальных дисциплин как в учебниках, так и в преподавании.

К сожалению, до сих пор некоторые наши учебники и учебные пособия по специальным наукам обходят острые философские проблемы современного естествознания.

В тех случаях, когда те или иные естественники, сознавая недостаточность своей подготовки в области философии, стремятся к восполнению пробелов в своем философском образовании, они не всегда получают должную помощь у философов и зачастую допускают немало ошибок.

Так, в Таллинском политехническом институте была опубликована брошюра доцента А. В. Никольского на тему «Относительно партийности в развитии и преподавании науки о резании металлов». В указанной брошюре, одно название которой уже свидетельствует о вульгарном понимании вопроса о партийности науки, автор считает основными моментами партийности в разработке и преподавании данного курса... изыскание наиболее эффективных режущих сплавов, нахождение выгодной геометрии режущего инструмента и т. д. Этот пример является не единственным курьезом.

В Московском авиационно-технологическом институте имели место подобные же ошибки. На научной конференции профессорско-преподавательского состава один из профессоров института выступил с докладом на тему «О партийности преподавания технологии механической обработки». Говоря о том, что нельзя отождествлять процесс резания металла с процессом образования стружки, докладчик для пушей убедительности счел нужным облечь свои рассуждения в философские одежды.

Главному управлению университетов, экономических и юридических вузов Министерства высшего образования СССР была представлена программа по истории механики, автор которой настойчиво проводил мысль, что механика, по существу, является

одним из элементов идеологической надстройки.

Острую необходимость в философской помощи чувствуют также преподаватели сельскохозяйственных и медицинских вузов.

Студенты, которые подчас не получают правильных, отчетливо выраженных философских установок, а с другой стороны, лишены возможности изучать курс диалектического и исторического материализма, нередко в трактовке важнейших проблем своих наук сползают на идеалистические или вульгаризаторские позиции. При изучении естественнонаучных дисциплин они не умеют философски осмысливать материал, не владеют диалектическим методом в научно-исследовательской работе по специальности. Необходимо отметить, что аспиранты любой специальности обязаны сдавать кандидатские экзамены по философии, между тем до сих пор они приходили в аспирантуру, не прослушав в вузах общего курса марксистско-ленинской философии. В аспирантуре же подготовка и сдача кандидатских экзаменов по диалектическому и историческому материализму настолько упрощены, что эти экзамены зачастую, в нарушение установленных правил, принимают преподаватели, сами не сдавшие кандидатских экзаменов по философии. До последнего времени в качестве кандидатского минимума даже засчитывали экзамены, сданные по философии в вечерних университетах марксизма-ленинизма.

Недавно Министерство высшего образования отменило эту неправильную практику, но в ряде вузов до сих пор ухищряются принимать кандидатские экзамены облегченным путем, незаконно комплектуя комиссии без участия философов.

Введение курса диалектического и исторического материализма в технических, сельскохозяйственных и медицинских вузах создает благоприятные предпосылки для устранения отмеченных выше недостатков. Можно смело сказать, что введение преподавания марксистской философии в сельскохозяйственных, медицинских и технических вузах позволит основательнее вооружить всех специалистов, как гуманитарных, так и естественных наук, марксистско-ленинской методологией, повысит политическую и идеологическую закалку наших кадров, будет способствовать успешному решению многих задач, стоящих перед высшей школой.

Наличие кафедр философии (или преподавателей философии в составе кафедр марксизма-ленинизма) призвано значительно улучшить методологическую помощь профессорско-преподавательскому составу других кафедр, благотворно повлиять на постановку курсов специальных дисциплин и научно-исследовательскую работу.

Укрепление связи кафедр философии с кафедрами естественных наук послужит делу дальнейшего развития как естественных наук, так и самой марксистско-ленинской философии.

Интересы развития как марксистско-ленинской философии, так и конкретных наук, задачи решительного наступления на буржуазную идеологию требуют не ослаб-

ления, а всемерного укрепления связи конкретных наук и философии.

Решение вопроса о введении преподавания философии во всех вузах должно привести к усилению мировоззренческой подготовки, улучшению воспитательной работы среди студенческой молодежи, способствовать активному усвоению студентами философских основ научного коммунизма.

Важным мероприятием, направленным на обеспечение коренного перелома в преподавании марксистско-ленинской философии в вузах, явилось создание программ по диалектическому и историческому материализму.

Составители новых проектов программ стремились ориентировать преподавателей на раскрытие научных основ диалектического и исторического материализма в их логической последовательности, на раскрытие с позиций этих основ ведущих закономерностей и тенденций общественного развития, особенно закономерностей строительства коммунистического общества.

В программах выражено стремление реализовать прямые указания В. И. Ленина относительно задач и направления дальнейшей разработки и освещения материалистической диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления; обеспечить единство метода и теории, обратить должное внимание на изучение теории познания, на изучение законов и категорий философской науки.

Однако в новых проектах программ сделан лишь известный шаг вперед, в них все еще недостаточно раскрывается единство диалектики, теории познания и логики и теоретико-познавательное значение основных принципов диалектики. Для осуществления этих задач нужно приложить еще большие усилия.

Над улучшением программы курса диалектического и исторического материализма ведется систематическая работа. Эту работу необходимо продолжить и усилить с широким привлечением к ней как преподавателей вузов, так и всей нашей философской общественности.

Однако ни введение курса диалектического и исторического материализма, ни создание даже самых совершенных программ не решают еще задачи искоренения из практики работы наших кафедр духа догматизма и нечетности. Действительно творческое преподавание марксистско-ленинской философии может и должен обеспечить правильно подобранный состав преподавателей.

«Во всякой школе самое важное,— писал В. И. Ленин,— идейно-политическое направление лекций. Чем определяется это направление? Всецело и исключительно *составом лекторов*» (курсив В. И. Ленина). (Соч., т. 15, стр. 435).

К сожалению, ход реализации постановления ЦК КПСС и приказа министра высшего образования СССР о введении курса диалектического и исторического материализма в технических, медицинских и сельскохозяйственных вузах страны показывает, что на пути коренной перестройки

преподавания марксистско-ленинской философии в духе исторических решений XX съезда КПСС имеются серьезные препятствия.

Не все вузы обеспечены в 1956/57 учебном году квалифицированными преподавателями философии.

Обратимся к фактам.

В Московском энергетическом институте курс диалектического и исторического материализма преподают юристы и историки, не имеющие специального философского образования. В крупнейшем вузе — Московском институте стали — даже аспирантам курс философии читает преподаватель без специального философского образования, без ученой степени и звания.

Такого рода факты неправильного подбора кадров преподавателей имеются и в других московских вузах, да и не только в московских.

В Технологическом институте имени Ленсовета для преподавания курса диалектического и исторического материализма был выделен преподаватель истории КПСС без ученой степени и звания, не имеющий ни философского образования, ни опыта преподавания философского курса.

В ленинградских институтах: Механическом, Горном и Киноинженеров — занятия по диалектическому и историческому материализму даже с аспирантами вели и ведут лица, не имеющие специального философского образования. Более того, в нарушение положения об аспирантуре, утвержденного СНК СССР 31 марта 1939 года, кандидатские экзамены по философии принимали некомпетентные комиссии. В них не только отсутствовали профессора по философии (хотя участие в комиссии одного философа-профессора является обязательным по положению об аспирантуре), но не было даже и кандидатов философских наук.

Подобное же положение наблюдается во многих вузах Средней Азии, Украины, Закавказья и других республик и областей страны.

В некоторых вузах, где преподаватели философии не являются специалистами в этой области и испытывают большие трудности при разъяснении сложных философских проблем, становятся на путь приспособления курса к уровню подготовки преподавателей.

В Среднеазиатском политехническом институте, где на преподавание философии переводятся четыре историка, решили проходить за 36 часов весь курс диалектического и исторического материализма, иначе говоря, решили вести новый курс по-старому, в объеме и на уровне философского раздела «Краткого курса истории КПСС».

Введение курса диалектического и исторического материализма без его обеспечения специалистами-философами, безусловно, даст и уже дает отрицательные результаты. Дело в том, что раньше курс философии был настолько схематизирован и научно обескровлен, что немало людей, не будучи специалистами в этой области, отваживалось браться за преподавание философии.

Сейчас, когда требования к преподаванию диалектического и исторического материализма неизмеримо возросли, механическое переключение на этот курс людей неподготовленных ведет к дискредитации марксистско-ленинской философии. Лекции таких преподавателей представляют собой зачистую монтаж текстов, заимствованных из популярной философской литературы; они в состоянии лишь подавить у молодежи интерес к изучению марксистско-ленинской теории.

Кое-где бытует неправильное мнение, что руководство семинарскими занятиями по философии без ущерба может быть поручено людям менее квалифицированным. В действительности же, как показывает опыт, ведение семинаров по философии требует глубоких знаний предмета и большого педагогического мастерства. Об этом, видимо, забыли в Московском инженерно-строительном институте, как и во многих других вузах, и поручили руководство семинарскими занятиями по диалектическому материализму преподавателю без философской подготовки.

Не имея необходимых знаний в области философии, этот преподаватель на семинаре чувствует себя неуверенно, испытывает затруднения не только при ответах на вопросы, но и при их формулировании. Отсюда его стремление обойти трудности, использовать семинары для обсуждения вопросов, не имеющих прямого отношения к теме. Естественно, что такой преподаватель не может пробудить у молодежи живой интерес к марксистско-ленинской философии, а потому студенты смотрят на посещение этих семинаров как на скучную, обременительную обязанность.

Отсутствие у преподавателя серьезных знаний по философии и естествознанию является источником догматизма и начетничества. Не случайно, например, в Московском нефтяном институте на занятии по диалектическому материализму у преподавателя, который вел до этого года курс истории партии, закон перехода количественных изменений в качественные разбирался схоластически. Естественнонаучный материал совершенно не привлекался.

Постановление ЦК КПСС о введении самостоятельного курса диалектического и исторического материализма предполагает значительное повышение идейно-теоретического уровня преподавания философии, сближение философии с конкретными науками. Предоставление права преподавания курса диалектического и исторического материализма дилетантам в области философии в корне противоречит духу постановления ЦК КПСС. Сложившаяся практика укомплектования кадров преподавателей философии историками приносит большой вред преподаванию как философии, так и истории КПСС. На преподавание диалектического и исторического материализма, естественно, вынуждены переводить не слабых, а сильных историков, и в результате получается ослабление обоих участков. В современных условиях, когда перед кафедрами вузов стоит ответственная задача пере-

стройки преподавания общественных наук, творческой разработки новых курсов, получается довольно странная картина: перестройка преподавания философии поручается историкам, а на решение такой же задачи в области преподавания истории КПСС нередко оставляются преподаватели, не являющиеся специалистами в области истории КПСС. Среди этих преподавателей встречаются даже лица, провалившиеся ранее на другой работе. Получается не реализация постановления ЦК КПСС, а его извращение.

Во избежание принципиальных ошибок в постановке творческого преподавания марксистско-ленинской теории необходимо кадры преподавателей общественных наук подбирать так, чтобы курсы философии, политической экономии и истории КПСС преподавались соответствующими специалистами. Недопустимо, чтобы вследствие низкого уровня преподавания диалектического материализма мы превратили его из науки, являющейся методологической основой всякого знания и важнейшим рычагом коммунистического воспитания, в бездумный пересказ популярной философской литературы.

* * *

Имеются недостатки и в работе кафедр вузов, в которых курс марксистско-ленинской философии преподается уже давно.

Хотя подавляющее большинство преподавателей философии и включилось активно в борьбу против догматизма, за тесную связь марксистской теории с практикой коммунистического строительства, однако в целом на многих этих кафедрах перестройка преподавания философских наук в духе решений XX съезда КПСС происходит все еще медленно, порой самотеком и поверхностно.

К сожалению, есть еще такие заведующие кафедрами, которые не только не сумели перестроить в свете новых задач работу руководимых коллективов, но и своей преподавательской работой не подают хорошего примера.

Зав. кафедрой марксизма-ленинизма Казанского финансово-экономического института кандидат философских наук И. Я. Гумеров прочитал для студентов IV курса лекцию на тему «Общественно-экономические формации и закономерности их развития», представившую собой перечисление большого числа категорий исторического материализма, не связанных единой логикой изложения. Лектор не утруждал себя доказательством выдвигаемых положений: они были преподнесены студентам в декларативной форме.

Преподаватель Белорусского университета кандидат философских наук тов. Левко, читая лекцию об искусстве как форме общественного сознания, фактически обошел все коренные вопросы темы. В лекции отсутствовал анализ произведений искусства, не была раскрыта сущность метода социалистического реализма, не дано разъяснения принципа партийности советского искусства. Студентам так и осталась неясной

специфика искусства как формы эстетического освоения действительности.

Медленная перестройка работы многих кафедр объясняется не только тем, что в их составе имеются слабые преподаватели. Следует указать и на другую причину. Она заключается в том, что в большой и сложной работе по перестройке преподавания философских наук преподаватели не получают достаточной помощи со стороны отдела философии Управления преподавания общественных наук Министерства высшего образования СССР, Института философии АН СССР, журнала «Вопросы философии».

После XX съезда КПСС возросла требовательность студентов и аспирантов к преподаваемым курсам. Студенты и аспиранты стали критически воспринимать лекции, читаемые по старым образцам. Стало ясно, что общие рассуждения и декларативные установки не заменят глубокого анализа рассматриваемых проблем. В этих условиях преподавателям философии вузов требуется большая помощь.

Управление преподавания общественных наук практикует издание примерных лекций по курсу диалектического и исторического материализма. Однако для некоторых неподготовленных и недобросовестных преподавателей они служат средством избежать самостоятельной работы над курсом. Поэтому было бы целесообразно наряду с изданием примерных лекций издавать работы по наиболее сложным проблемам курсов философских наук, а также материалы к лекциям.

Имеется большая необходимость в том, чтобы журнал «Вопросы философии» освещал спорные проблемы, публиковал на своих страницах материалы, помогающие повысить теоретический уровень преподавания философии.

* * *

Тот факт, что многие вузы не обеспечены квалифицированными преподавателями философии, объясняется не отсутствием кадров преподавателей философии, а нежеланием ряда руководителей вузов по-настоящему заниматься трудным, но необходимым делом подбора и расстановки преподавательских кадров. Большое число выпускников философских факультетов и аспирантур в настоящее время работает не по специальности.

Необходимо правильно использовать эти кадры. Все сказанное не означает, что можно довольствоваться тем уровнем подготовки специалистов, которую дают наши философские учебные заведения. В подготовке философских кадров также имеются серьезные недостатки, над преодолением которых ведется сейчас работа. Важное значение приобретает задача систематического повышения квалификации имеющихся кадров философов и подготовки новых квалифицированных преподавателей философии.

В связи с введением курса диалектического и исторического материализма в технических, медицинских и сельскохозяйственных вузах необходимо думать об обеспече-

нии курсов философии не просто специалистами по философии вообще, а философами, владеющими теоретическими основами тех важнейших отраслей науки, которые являются профилирующими в той или иной группе вузов, философами, способными формировать коммунистическое мировоззрение студентов.

В этих целях предполагается сейчас произвести перестройку системы подготовки научно-педагогических кадров через философские факультеты и аспирантуру.

Философские факультеты, функционирующие в ряде вузов СССР, играют положительную роль в подготовке научно-педагогических кадров философов. Однако с развитием наук и с выдвижением новых задач в преподавании марксистско-ленинской философии в вузах все яснее становится, что современная система подготовки специалистов по философии на философских факультетах резко отстает от возросших требований жизни.

Задача преподавания и дальнейшего творческого развития философских наук неразрывно связана с необходимостью изучения и обобщения достижений наук и многосторонней общественной практики. Между тем действующие в настоящее время на философских факультетах учебные планы не обеспечивают успешного решения этой задачи. Они построены таким образом, чтобы дать обучающемуся сведения из всех областей знания понемногу. В результате выпускники философских факультетов не получают глубоких познаний ни по одной из наук о природе или обществе.

Учебные планы философских факультетов вследствие необходимости сочетать изучение философии с изучением большого количества других наук (в пределах пятилетнего обучения) весьма перегружены лекциями и семинарскими занятиями, ввиду чего студенты почти не имеют времени для самостоятельной работы над специальной философской литературой, что, в свою очередь, ведет к догматическому, начетническому усвоению марксистско-ленинской философии. Неправильно и то, что на философские факультеты принимаются лица непосредственно из средней школы, не имеющие, как правило, опыта практической работы.

За последнее время вопрос о профиле философских факультетов привлекает самое пристальное внимание философской общественности и органов, руководящих высшим образованием в стране. Этот вопрос неоднократно обсуждался на ученых советах философских факультетов, на различных совещаниях философов с участием представителей конкретных наук. В связи с задачей перестройки философского образования выдвигаются различные проекты улучшения системы подготовки философских кадров. При различии подхода к решению этой задачи авторы проектов сходятся в одном, что необходимо коренным образом улучшить систему подготовки научно-педагогических кадров по философии. В связи с этим перед философскими факультетами выдвигается задача: готовить для страны квалифицированные кадры марксистов-ленинцев, способных вести ис-

следовательскую работу, преподавать на высоком уровне философию, быть достойными пропагандистами мировоззрения Коммунистической партии.

Итоги многостороннего изучения и обсуждения данного вопроса привели к необходимости выдвинуть ряд серьезных изменений в работе философских факультетов. В настоящее время разрабатываются новые правила приема на эти факультеты, пересматриваются ныне действующие там учебные планы, в которых будет учтена необходимость установления органической связи философии с другими науками, и особенно с естествознанием.

Подготовку специалистов-философов на философских факультетах намечается вести на базе изучения ряда научных циклов (например, по математике, физике, химии, биологии, политической экономии, истории, теории и истории искусства, правоведению и т. д.). Для изучения конкретных наук по каждому из этих циклов предполагается выделить от 1500 до 1800 часов, что соответствует объему времени, отводимому теоретическим дисциплинам, изучаемым на первых трех курсах специальных факультетов университетов.

Одновременно будет усилено изучение философских наук, которые по-прежнему должны занимать центральное место в философском образовании.

Философия является самостоятельной и сложной наукой. Она имеет свою историю, свой предмет, свое определенное место в системе знаний, в человеческой культуре. Марксистско-ленинская философия, как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, как мировоззрение, опирается на специальные знания, обобщает все достижения наук. Усиление изучения на философских факультетах конкретных наук не самоцель; оно необходимо для глубокого овладения марксистско-ленинской философией, что не может быть достигнуто легко, само по себе, или в качестве дополнения к изучению конкретных наук. Следовательно, речь идет о всемерном развитии марксистско-ленинской философии, о повышении философской культуры. Соответственно с возросшими задачами признано необходимым увеличить срок обучения на философских факультетах до 6 лет.

Поскольку основной кузницей философских кадров остаются философские факультеты, целесообразно, чтобы они же были главными поставщиками кадров для философских аспирантур.

Опыт показывает, что лица, поступающие в философскую аспирантуру без специального философского образования, встречаются с большими трудностями. Они вынуждены лишь в аспирантуре приступать к изучению своей новой специальности, в области которой призваны быть исследователями.

Поступающие в философскую аспирантуру лица, не имеющие специального философского образования, должны получить дополнительный год для восполнения пробелов в области своей новой специализации. Подготовку философских кадров целесообразно разрешить вузам, имеющим фи-

лософские факультеты, а при необходимости и другим вузам, в которых работают крупные специалисты в области философии. Это должно положить предел вредной практике распыления подготовки специалистов философов во многих вузах, в том числе и в таких, где нет квалифицированного философского руководства. Достаточно сказать, что аспирантов по философии готовили, например, Ульяновский педагогический институт, Московский автодорожный институт и Педагогический институт в Чарджоу. Аспиранты по философии, принятые в Московском автодорожном институте, к концу срока пребывания в аспирантуре даже не имели определенной темы диссертации.

Нельзя рассчитывать также на какие-то скороспелые методы подготовки философских кадров. Неправильно, например, что в настоящее время ряд директоров вузов направляет преподавателей нефилософских специальностей на кафедры философии институтов повышения квалификации преподавателей общественных наук для их «переквалификации» в специалистов по философии.

Вряд ли требуется доказывать несостоятельность мнения, что можно подготовить квалифицированных преподавателей диалектического и исторического материализма за пять месяцев. Указанные институты созданы для повышения имеющейся квалификации наших преподавателей общественных наук, а не для их переквалификации. Это не означает, что преподаватели других общественных наук в вузах при желании получить новую квалификацию лишаются этой возможности. Необходимо оказать помощь тем преподавателям, которые, ранее не получив специального философского образования, обладают опытом преподавания курса философии или же имеют серьезное намерение приобрести квалификацию в области этой науки. Было бы целесообразно на философских факультетах страны организовать прием у таких преподавателей кандидатских экзаменов в объеме философской аспирантуры.

* * *

Правильная подготовка и расстановка философских кадров являются первейшими условиями успешного решения задач, стоящих перед кафедрами философии. Однако кадры не готовятся раз и навсегда. Постоянное повышение квалификации кадров должно быть предметом постоянной заботы. Улучшение научно-исследовательской работы преподавателей философии вузов является одной из важнейших задач, без решения которой невозможно серьезно улучшить учебную и идейно-воспитательную деятельность кафедр философии и других общественных наук. Новые серьезные требования, предъявляемые наукой и жизнью к преподаванию марксистско-ленинской философии в вузах, порождают необходимость того, чтобы каждый преподаватель был исследователем, способным творчески подойти к обобщению новых явлений из практики социалистического строительства, к осмыслению новых исторических закономер-

ностей, к освещению последних достижений науки. Всемерное развитие научно-исследовательской работы является необходимой предпосылкой искоренения догматизма и начетничества из практики преподавания философских наук в вузах.

Проведение в жизнь исторических решений XX съезда КПСС привело к определенному оживлению научно-исследовательской работы на кафедрах философии.

Научная активизация философских кафедр в первую очередь проявляется в увеличении теоретически зрелой печатной продукции. В 1955—1956 году только в Московском государственном университете вышел ряд серьезных монографий по философии.

Планомерно, с вовлечением всех преподавателей ведется научно-исследовательская работа на кафедре диалектического и исторического материализма естественных факультетов МГУ. На этой кафедре за 1955 и 1956 годы выполнено более 45 различного рода научных работ, начиная от монографий и кончая примерными лекциями. Из них 30 работ уже увидели свет.

В ряде наших вузов начали регулярно выходить ученые записки кафедр философии. На протяжении двух последних лет вышло три сборника ученых записок на кафедре философии Московского областного педагогического института.

Примером творческой инициативы в постановке теоретических проблем является работа малочисленной по своему составу кафедры философии Ярославского педагогического института (зав. доцент Н. В. Пилипенко). Кафедра сумела сплотить вокруг себя философские силы вузов города Ярославля и на основе научной координации добиться успеха в разработке комплексной проблемы «Категории материалистической диалектики». «Ученые записки» Ярославского пединститута, посвященные указанной проблеме, были с интересом встречены философской общественностью страны. После широкого обсуждения этой работы кафедра с помощью московских научных работников доработала указанный труд, и он был выпущен Госполитиздатом в 1956 году массовым тиражом.

Творческой жизнью живет коллектив кафедры диалектического и исторического материализма Уральского университета (зав. доцент М. Н. Руткевич). Научно-исследовательская работа ведется на этой кафедре комплексно, вокруг нескольких узловых тем. Разрабатывая проблемы теории социалистического общества, кафедра стремится установить тесную связь с промышленными предприятиями Свердловска, а также с МТС и колхозами. В частности, с 1951 года через пропагандистскую работу кафедра связана с одним из крупнейших рабочих коллективов страны — Уральским заводом тяжелого машиностроения. Материалы, собранные пропагандистами, обобщаются в научных сборниках. Ранее был выпущен сборник «Социалистическое предприятие — школа коммунистического воспитания». В 1956 году вышел новый сборник, выпущенный совместно с кафедрой политической экономии, — «Связь науки с производством в социалистическом обществе».

Примеры, свидетельствующие об оживлении теоретической мысли преподавателей философии вузов, можно было продолжить.

Однако следует подчеркнуть, что некоторая активизация научно-исследовательской работы на кафедрах философии за последнее время не может заслонить отставания этого участка в целом.

Многие философские кафедры из года в год не выполняют планов научно-исследовательской работы, лишь механически передвигая сроки окончания запланированных статей, сборников, монографий.

Даже в некоторых столичных вузах, не говоря уже о периферийных, имеются кафедры, бесплодные в теоретическом отношении. К их числу, например, относится кафедра философии Московского экономико-статистического института. Уровень теоретической работы, ведущейся на кафедре, чрезвычайно низок. Кафедра не выпускает печатной продукции, план научной работы систематически срывается. Заведующий кафедрой доцент М. Я. Пучинский не в состоянии дать нужное направление развитию научно-исследовательской работы на кафедре, так как, несмотря на свой более чем 20-летний педагогический стаж, он имеет в своем активе всего лишь одну статью, отпечатанную на ротаторе.

Все это отрицательно сказывается на уровне учебно-методической работы кафедр.

Студентам указанного института подчас читаются тусклые лекции, неспособные затронуть сердца молодой аудитории. Многие семинарские занятия проходят по вопросно-ответному методу.

Новые, повышенные требования, предъявляемые партией к постановке преподавания общественных наук, должны побуждать нас смелее выдвигать растущие преподавательские кадры, заменяя неспособных обеспечить действительную перестройку работы в духе решений XX съезда КПСС.

На преподавательской работе в вузах у нас сосредоточена многочисленная армия специалистов в области философии, среди них 31 доктор и 667 кандидатов философских наук. Значительность этих цифр еще раз подчеркивает недостаточную научную продуктивность наших кафедр.

Нам сейчас нужны серьезные философские труды, стоящие на уровне современной науки, раскрывающие закономерности развития социалистического общества, обобщающие новые величайшие открытия в естествознании.

Особенно неблагоприятно обстоит дело с созданием учебной литературы. У нас до сих пор нет учебников и учебных пособий по философским наукам. В настоящее время работают авторские коллективы по созданию учебников, но, во-первых, эти учебники еще находятся в стадии подготовки, а во-вторых, и после их появления задача будет решена лишь частично. Эти учебники будут пока общего типа. Между тем нам нужны разнообразные учебники по курсам диалектического и исторического материализма, в которых должна учитываться специфика физико-математического, биологического, исторического, художественного и т. д.

образования. В одних вузах большее место нужно уделить одним вопросам, в других — другим, в зависимости от профиля будущей профессии студентов. Создание таких учебников является в первую очередь делом преподавателей марксистско-ленинской философии, которые могли бы отразить в учебниках свой большой педагогический опыт, тогда как академические институты философии должны исследовать новейшие явления жизни и достижения наук и дать капитальные труды обобщающего характера.

С появлением хороших учебников должно быть пересмотрено соотношение между лекциями и семинарами. Появится реальная возможность изменить характер лекций в том направлении, чтобы превратить их из пересказа того, что должно содержаться в учебниках, в творческие лекции, излагающие узловые проблемы курса, анализирующие новые факты и явления жизни с позиций данной науки, прививающие студентам навыки самостоятельного мышления, указывающие им пути самостоятельной работы над изучением проблем курса.

В полный рост встанет и проблема семинарских занятий. Именно на семинарских занятиях развивается у студентов вкус к работе над первоисточниками и современной научной литературой, воспитывается упорство в овладении идейным богатством произведений основоположников марксизма-ленинизма, умение пользоваться этим богатством при решении практических вопросов.

Исходя из этого, целесообразно с появлением добротных учебников изменить соотношение лекционных часов и часов, отводимых на семинары, в сторону увеличения последних за счет времени, отводимого на лекции.

В целях дальнейшего развертывания исследовательской работы необходимо рационально, по-государственному использовать научные силы по философии в вузах, координировать их усилия для решения актуальных вопросов, выдвигаемых практикой. В связи с этим на первый план выступают проблемы организационного руководства научно-исследовательской работой в вузах.

Для координирования научно-исследовательской работы преподавателей общественных наук в 1956 году были выделены ведущие кафедры общественных наук в крупных вузовских центрах. Ряд кафедр философии свою научную работу стал координировать также с Институтом философии АН СССР.

28—30 июня 1956 года Институт философии АН СССР и Министерство высшего образования СССР провели первое координационное совещание по вопросам философии, отметившее как положительный факт в координации научно-исследовательской работы приобщение к ней кафедр философии крупнейших вузов Министерства высшего образования СССР. Это полезное начинание, явившееся первым шагом в большой работе по собиранию научных сил в области философии, следует всячески развивать в дальнейшем.

В координации научно-исследовательской работы всех философов крупных вузовских городов важную роль призваны сыграть опорные кафедры философии. Однако, как показывает практика, большинство из них работает формально, ограничивает свою деятельность лишь утверждением планов научно-исследовательской работы кафедр и отдельных философов, не следит за качеством и сроком исполнения запланированных работ, не доводит их до издания. Для разработки актуальных комплексных тем, а также для координации научной работы различных кафедр, отдельных преподавателей и научных работников необходимо превратить опорные кафедры в вузах в постоянно действующий орган, организовав при них редколлегии или издательские советы, которые должны регулярно издавать сборники работ преподавателей. Только при этом условии данная форма организации научной работы будет давать положительные результаты.

Большие задачи в связи со всемерным развертыванием научно-исследовательской работы в вузах возлагаются на недавно организованный Научно-технический совет Министерства высшего образования СССР. Философская секция Научно-технического совета, объединяющая ведущих специалистов Москвы и периферии, призвана сыграть направляющую роль в организации научно-исследовательской работы кафедр философии, в выборе основных направлений развития философской науки, в оказании действенной помощи опорным кафедрам на местах.

Важной задачей кафедр общественных наук является борьба за идейную чистоту нашего мировоззрения, за неуклонное проведение принципа партийности марксистско-ленинской теории. Ослабление этой борьбы приводит к тому, что в некоторых вузах захватывают инициативу всякого рода лжеinovаторы, извратители и вульгаризаторы марксизма. Всемерное развитие научно-исследовательской работы предполагает повышение требовательности к идейной чистоте выпускаемых трудов, неприемлимость ко всякого рода отступлениям от марксистско-ленинской теории.

Перестройка работы высшей школы в духе решений XX съезда КПСС неразрывно связана с задачей коренного улучшения дела коммунистического воспитания студенческой молодежи.

Известно, что воспитательной работой должны заниматься все кафедры вузов. Особая роль в этом важном деле принадлежит кафедрам общественных наук, в том числе и философии.

Нужно признать, что в области идейно-воспитательной работы кафедр философии имеются существенные недостатки. Это важнейшее направление в деятельности кафедр все еще не слилось органически с другими разделами их работы. Повышение воспитательного воздействия лекций и семинарских занятий, углубление преподавателями своей научной квалификации и совершенствование педагогического мастерства, вовлечение студентов в исследовательскую работу, пробуждение в них духа иска-

ний и творчества, живой интерес преподавателя к тому, чем живет наша молодежь, общение с ней во внеучебное время — все это должно быть поставлено на службу воспитания наших юношей и девушек как достойных граждан социалистической Родины.

Для обеспечения воспитания студенческой молодежи опять-таки решающее значение имеет правильный подбор кадров преподавателей философии.

Главным средством коммунистического воспитания является выработка марксистско-ленинского мировоззрения. Само преподавание диалектического и исторического материализма, лекции, семинары, консультации должны стать главным рычагом формирования взглядов, идей, убеждений молодежи, центром углубленной воспитательной работы.

Преподаватель философии преодолает догматизм и начетничество не подборкой цитат о вреде догматизма, а тем, что он научит студентов диалектически, самостоятельно мыслить. Чтобы решить эту первейшую задачу обучения студентов марксистско-ленинской философии, преподаватель сам должен быть широко образованным специалистом-философом. Только при этом условии студент почувствует, что диалектический материализм помогает ему глубже и проницательнее видеть и понимать мир.

После XX съезда КПСС, под влиянием его решений, направленных на всемерное развитие творческой инициативы советского народа, возросла политическая активность студенческой молодежи. Усилилось ее стремление к глубокому осмыслению закономерностей общественного развития, повысился интерес к теоретическим основам политики Коммунистической партии и Советского государства. Молодежь, обучающаяся в вузах, ищет в марксистско-ленинской теории ответа на многие волнующие ее вопросы. Отсюда ясно, как возросла сейчас требовательность со стороны студенческой аудитории к преподаванию общественных дисциплин. Каждый преподаватель истории партии, политической экономики и философии держит сейчас трудный экзамен на зрелость.

В этих условиях еще большее значение приобретает вопрос о том, кому же поручается преподавание курса диалектического и исторического материализма. Никогда нельзя забывать, что отношение студентов к преподавателю невольно переносится на преподаваемую им науку. Сейчас, как никогда, остро стоит вопрос личного авторитета преподавателя, умного и требовательного воспитателя юношества. Тот, кто снижает научный уровень преподаваемой науки, кто стремится уйти от политически острых проблем, злободневных вопросов или же не умеет достаточно убедительно ответить на них, — тот лишается доверия и уважения студенчества.

Стремление чутко прислушиваться к запросам студенческой молодежи должно сочетаться с высокой требовательностью к студентам, с воспитанием в студенческом коллективе духа партийности, самодис-

циплины и ответственности. В настоящее время усилия всего профессорско-преподавательского коллектива вузов, и в первую очередь кафедр общественных наук, направлены на обеспечение скорейшего перелома в постановке идейного воспитания студенческой молодежи.

Творческое преподавание можно строить на основе хорошо поставленной научно-исследовательской работы. Только преподаватели, глубоко владеющие своей специальностью, сумеют вести в неразрывном единстве и на высоком уровне учебно-методическую, научно-исследовательскую и идейно-воспитательную работу.

У нас немало хороших преподавателей философии, которых горячо любят студенты за то, что их лекции и семинарские занятия пробуждают глубокий интерес к науке.

Марксистско-ленинская философия может и должна стать любимым предметом студентов всех вузов. Для этого необходимо, чтобы все преподаватели философии смогли раскрыть перед студентами глубины марксистско-ленинской философии и дать ответы на волнующие вопросы науки, жизни и революционной борьбы.

**С. Т. КАЛТАХЧЯН,
Ю. П. ПЕТРОВ**

На кафедрах философского факультета МГУ

Задача данного обзора — осветить основные направления научной работы кафедр и их учебной деятельности в связи с теми задачами, которые поставил перед философской наукой XX съезд Коммунистической партии.

* * *

На кафедре диалектического и исторического материализма философского факультета работают 6 профессоров, 5 доцентов, 7 преподавателей, проходят подготовку 73 аспиранта. Имея такой состав, кафедра по праву должна быть одной из ведущих. Чтобы в действительности завоевать такое положение, необходимо исправить серьезные недостатки, которые были вскрыты на заседаниях кафедры, посвященных задачам дальнейшей работы в свете решений XX съезда КПСС.

Прежде всего надо отметить недостаточное количество печатных работ, выпущенных кафедрой, особенно по актуальным вопросам философской науки. Правда, за последние два года вышли в свет две монографии заведующего кафедрой профессора Х. Н. Момджяна, «Философия Гельвеция» и «Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории», монография профессора В. А. Фоминой «Философские взгляды Плеханова» и статья о взаимоотношении производительных сил и производственных отношений; опубликованы статьи профессора В. С. Молодцова «Об ошибках в понимании предмета диалектического материализма», профессора Ф. И. Георгиева по теории познания, кандидата философских наук А. П. Бутенко о роли народных масс в истории и др. Однако этого явно недостаточно.

1956 год отмечен определенными сдвигами в этом направлении. Научно-исследовательская работа кафедры перестраивается по следующим основным направлениям: вопросы диалектической логики (руководитель профессор В. И. Мальцев), диалектика процесса познания (руководитель профессор Ф. И. Георгиев), диалектика про-

изводительных сил и производственных отношений (руководитель профессор В. А. Фомина), критика современной буржуазной социологии (руководитель профессор Х. Н. Момджян), закономерности перехода от капитализма к социализму (руководитель кандидат философских наук А. М. Ковалев). Совместно с кафедрой логики подготавливается сборник по вопросам диалектической логики. Сдана в печать монография кандидата философских наук А. М. Ковалева по вопросам ленинской теории революции.

В 1955/56 учебном году подготовлен новый проект программы по диалектическому и историческому материализму для философских факультетов. В программу включены в качестве отдельных тем такие вопросы: «Язык и мышление», «Диалектика как логика и теория познания», «Диалектика части и целого». Специально поставлена тема о взаимоотношении диалектического материализма и естествознания. В отличие от существующих программ в новом проекте несколько изменена структура курса, дана большая детализация вопросов.

Но есть в проекте программы и недостатки. Не совсем конкретно ставятся вопросы критики современных буржуазных концепций. Слабо учитывается опыт братских коммунистических и рабочих партий, достижения марксистской философии за рубежом. Новый проект программы намерено обсудить силами широкой философской общественности.

На основе разработанной программы поставлена практическая задача — создать курс лекций по диалектическому и историческому материализму для студентов философского факультета. Некоторые лекции уже подготовлены и обсуждены на кафедре. В ближайшее время должно быть обсуждено и опубликовано 10 лекций. План издания всего курса лекций рассчитан на 5 лет. Находится в производстве курс лекций доцента В. К. Скатерщикова по эстетике (12 лекций).

Увеличение печатной продукции, охват важнейших проблем философской науки достигается и привлечением сил аспиран-

тов. Рекомендованы и готовятся к печати некоторые аспирантские диссертации. Силами аспирантов и преподавателей кафедры готовится выпуск сборника статей, посвященных проблемам научного атеизма. Но этими мероприятиями охвачена, к сожалению, незначительная часть большого коллектива аспирантов кафедры.

XX съезд КПСС поставил ряд важнейших теоретических проблем, потребовал внимательного изучения и обобщения опыта международного рабочего движения, учета специфики в переходе к социализму отдельных стран. Преподавателями кафедры был опубликован ряд статей и брошюр по актуальным проблемам исторического материализма. Кандидат философских наук А. П. Бутенко опубликовал статьи «Китайская революция и ее особенности» и «О формах перехода от капитализма к социализму».

В феврале 1957 года проведена конференция по проблемам перехода от капитализма к социализму. Глубокой и принципиальной критике подвергнут так называемый «национальный коммунизм», современный ревизионизм по вопросам диктатуры пролетариата, руководящей роли партии в строительстве социализма, хозяйственно-организаторской функции государства, пролетарского интернационализма и т. д. Но этого, конечно, далеко не достаточно. Членам кафедры необходимо приложить максимум усилий, чтобы вовлечь всех преподавателей и аспирантов кафедры в разработку проблем, поднятых XX съездом КПСС.

Важной частью научной работы кафедры должны являться систематически проводимые дискуссии и обсуждения по актуальным вопросам философской науки. Активно прошло обсуждение доклада профессора Ф. И. Георгиева по категориям диалектического материализма. В 1956/57 учебном году проведено обсуждение мало-разработанной пока проблемы «Закон отрицания отрицания» (доклад доцента С. П. Лебедева). Вторая дискуссия была посвящена философским проблемам современной физики. Был заслушан доклад профессора Э. Кольмана «О некоторых вопросах современной физики», в котором остро ставился ряд проблем и был высказан ряд спорных положений. Доклад вызвал большую активность членов кафедры и приглашенных товарищей. Однако надо прямо сказать, что всестороннего обсуждения доклада не получилось. Выступления достаточно убедительно показали, что необходимо как можно скорее ликвидировать серьезные пробелы в области естественнонаучной подготовки членов кафедры. Эта работа уже начата. Так, были заслушаны доклады видных ученых страны по методологическим вопросам конкретных наук: академика О. Ю. Шмидта, академика Т. Д. Лысенко, академика В. Н. Сукачев, профессора О. Б. Лепешинской, профессора В. Н. Ореховича. Планируется организация семинара по философским вопросам современной физики. Однако оторванность преподавателей и аспирантов кафедры от естественных и гуманитарных

факультетов все еще не ликвидирована. Продолжают работать изолированно и три кафедры диалектического и исторического материализма МГУ, хотя неоднократно ставился вопрос о координации их научной работы и об организации совместных дискуссий по актуальным вопросам философской науки. Наконец, настоятельной необходимостью является укрепление кафедры квалифицированными кадрами, специалистами по философским проблемам естествознания и диалектическому материализму.

В заключение следует отметить, что кафедра диалектического и исторического материализма до последнего времени ничего не предпринимала по реферированию, изучению и обсуждению марксистской литературы за рубежом. Не велась работа и по изучению современной буржуазной философии и социологии для более глубокой их критики и защиты основ диалектического и исторического материализма. В настоящее время при кафедре организован методический кабинет. В его задачи входит организация работы по изучению современной буржуазной критики диалектического и исторического материализма, организация реферирования иностранной литературы по вопросам философии и социологии и т. д. К этой работе необходимо привлечь не только преподавателей и аспирантов, но и лаборантов кафедры, которые сейчас заняты в основном технической работой.

Кафедра диалектического и исторического материализма осуществляет руководство философским образованием студентов: она отвечает за основные курсы и семинары на философском факультете. За последние годы проделана определенная работа по улучшению учебного процесса. Курсам и семинарам по диалектическому и историческому материализму предшествует гуманитарная и естественнонаучная подготовка студентов на первом и втором курсах, что дает возможность преподавателям глубже освещать проблемы диалектического материализма, привлекая материалы конкретных наук. Большое внимание уделяется новым спецкурсам. Организован спецкурс профессора Г. М. Гака «Формы общественного сознания в свете теории познания». Учитывая настоятельную необходимость изучения философских вопросов естествознания, кафедра организовала спецкурс профессора М. Э. Омеляновского «Философские вопросы физики». Кандидат философских наук Н. Ф. Овчинников будет читать спецкурс «Современное учение о строении материи».

Следует отметить, что в текущем учебном году значительно активнее работают семинары по историческому материализму: ставятся новые проблемы, освещаются актуальные вопросы практической деятельности коммунистических партий и специфика движения к социализму отдельных стран.

Большое значение в выработке навыков самостоятельного научного исследования в области философии имеет курсовая работа. Однако раньше темы курсовых работ нередко имели случайный характер. Поэтому заслуживает внимания опыт объединения

ряда студентов вокруг преподавателей для совместной работы над определенной комплексной проблемой. При этом каждый студент в своей курсовой работе самостоятельно разрабатывает один из разделов сложной проблемы. Это способствует ликвидации формализма в выборе тем, больше приобщает студентов к исследовательской работе, дает возможность руководителю оказывать квалифицированную помощь студентам.

Кафедра логики призвана повысить теоретический уровень научно-исследовательской работы. К логике предъявляются большие требования со стороны естествознания и общественных наук. Неблагополучное состояние логической науки в стране беспокоит широкие круги научной общественности. В конце 1956 года в газете «Советская Россия» (№ 76 от 27/IX) был поднят вопрос о необходимости коренной перестройки всей работы в области логики. Исключительно широкие отклики на статью в «Советской России» говорят о том, что многие отрасли науки выдвигают логические проблемы и требуют их решения. Надо прямо сказать, что кафедра логики несет значительную долю ответственности за неблагоприятное состояние логики в стране.

Правда, за последние годы стало больше печатной продукции по вопросам диалектической и формальной логики, по истории логики.

Были обсуждены интересные и содержательные доклады профессора П. С. Попова о проблеме формы и содержания у Канта, доцента Е. К. Войшвилло о силлогизме и другие.

На кафедре логики МГУ долгие годы велись дискуссии по общим вопросам логики, особенно по вопросу об отношении логики диалектической и формальной. Недостатком этих споров было то, что они зачастую велись в отрыве от конкретных проблем науки, при этом делались несостоятельные попытки разделить членов кафедры на «сторонников диалектической» и «сторонников формальной логики».

Эти бесплодные абстрактные споры не помогали решению сложных научных проблем, а скорее мешали разработке как диалектической, так и формальной логики. Создавалась обстановка, мешающая нормальной работе.

Партийное бюро, Ученый совет факультета обсудили состояние научной работы на кафедре. Партийное бюро в своем решении (январь 1957 г.) отметило недостаточность научной продукции как по количеству, так и в особенности по качеству. Кафедра не работала как единый коллектив, плохо знала состояние логики за рубежом, недостаточно учитывала достижения математической логики, слабо привлекала к работе кафедры аспирантов и студентов. Партийное бюро предложило ряд мер по улучшению организации научной работы на кафедре.

После решения партийного бюро намечался определенный поворот в работе кафедры. Заведующим кафедры стал доктор философских наук В. Ф. Асмус. Намечено

вести научную работу в трех направлениях: 1) теоретические вопросы формальной логики, 2) история логики, 3) диалектическая логика. Вопросами диалектической логики занимается также кафедра диалектического и исторического материализма, на которой имеется сектор диалектической логики.

При современном состоянии развития науки невозможно вложить что-либо принципиально новое в формальную логику без глубоких знаний математической логики. Поэтому разработка вопросов общей логики на основе современных достижений математической логики — одна из основных задач кафедры.

В последние годы в научной и педагогической работе членов кафедры больше стали учитываться современные достижения логической науки, в особенности математической логики. Этому во многом способствует курс лекций профессора С. А. Яновской для преподавателей и аспирантов кафедры логики, который она читает уже третий год.

В 1956/57 учебном году было увеличено количество часов по математической логике для студентов-логиков. Преподаватели профессор П. С. Попов и доцент Е. К. Войшвилло используют результаты и методы математической логики в общих курсах логики. На заседании кафедры Е. К. Войшвилло был сделан доклад об отношении математической логики к формальной и об учете достижений математической логики в общих курсах, в котором он поделился опытом своей работы по приближению курса лекций к современному уровню логической науки.

Но это только начало. Кафедра планировала разработку ряда узловых проблем, выдвигаемых развитием конкретных наук. К ним относится, например, проблема зависимости логической системы от природы познаваемых объектов. Некоторыми прогрессивными физиками и логиками выдвигается тезис, что разные системы объектов (например, микромир и макромир) требуют разных логик. В основе лежит материалистическое воззрение, что логика, мысль определяется познаваемыми объектами. Аристотелевская система логики связывается со специфическими объектами — с объектами ньютоновской физики и евклидовой геометрии. Отсюда вывод: неньютоновская физика требует неаристотелевской логики. Вокруг этой проблемы за рубежом строится масса идеалистических спекуляций (например, положение о произвольности логики). Но сама проблема заслуживает внимания, она результат развития науки, в данном случае физики.

Кафедра намерена заниматься также вопросами о роли формальных систем, отношением символического и мышления, грамматики и логики, системами модальных логик, вопросами индуктивной логики и т. д.

Достижения современной логики за рубежом часто связаны с идеалистическими спекуляциями. Поэтому кафедра считает своей важной задачей отделение положительных результатов от их идеалистического толкования. Развертывание критики со-

временных идеалистических направлений в логике — неотложная задача кафедры.

Силами студентов и аспирантов, работающих в кружках научного студенческого общества, проводится большая работа по переводу и реферированию иностранной литературы и критическому анализу современных идеалистических направлений в логике. Это создает предпосылки для повышения уровня теоретических исследований, улучшения преподавания и глубокой критики современных идеалистических течений. В настоящее время на кафедре регулярно на каждом заседании ставятся реферативные доклады.

Большую помощь в педагогической работе окажет стенографирование курса лекций по истории логики, который читают профессор П. С. Попов и доцент Н. В. Воробьев. Подготовлен к печати сборник по истории русской логики.

Начата работа по составлению научной библиографии, в которой намечено учесть все разделы логической науки, а также смежные с логикой дисциплины. До конца 1956—1957 учебного года каждый член кафедры сделает доклад, подводящий итог его работы по тому или иному разделу. Уже заслушаны и обсуждены доклады профессора В. Ф. Асмуса «Декарт и Паскаль о роли аксиом и определений в дедуктивном доказательстве», профессора П. С. Попова «Разработка В. И. Лениным вопросов диалектической логики в «Философских тетрадах»» и ряд других.

Сделаны, однако, только первые шаги. Коллективу кафедры предстоит большая работа по выполнению задач, поставленных XX съездом перед философской наукой.

Кафедра истории зарубежной философии объединяет работу 3 профессоров, 6 доцентов, 2 старших преподавателей и 7 аспирантов. Коллектив кафедры в настоящее время ведет работу в трех основных направлениях.

1. Изучение и критика современной буржуазной философии. В этой области достигнуты определенные успехи. Совместно с Институтом философии АН СССР кафедра подготовила к печати сборник статей «Против субъективного идеализма». Члены кафедры — профессор Т. И. Ойзерман, профессор М. П. Баскин, доцент Ю. К. Мельвиль, доцент И. С. Нарский и др. — часто выступают на страницах журналов «Коммунист», «Вопросы философии» со статьями, посвященными критике современных направлений идеалистической философии и социологии. Налажено реферирование выходящих за рубежом книг. Члены кафедры читают ряд спецкурсов: по неогегельянству, неопозитивизму и другим течениям, причем курсы эти затем печатаются.

Многие статьи, опубликованные членами кафедры, печатаются в странах народной демократии. Вместе с тем работа по критике современной буржуазной философии страдает еще существенными недостатками. Слабо поставлено изучение философских школ, связанных с естествознанием,

таких, как операционализм, некоторые течения неопозитивизма. В научной продукции кафедры все еще сказывается практика прошлых лет, когда в выступлениях советских философов против буржуазной философии имели место упрощенческие тенденции. Об этих тенденциях говорилось в докладе доцента Ю. К. Мельвиля, посвященном некоторым принципам критики современных буржуазных философов (ноябрь 1956 г.). В докладе и выступлениях членов кафедры критиковался недифференцированный подход к социальным корням современных идеалистических направлений за рубежом, игнорирование и недооценка гносеологических корней идеализма.

2. Основное внимание в изучении домарксистской философии кафедра сосредоточила вокруг исследования главных направлений философской мысли прошлого. Это прежде всего относится к немецкой классической философии. Членами кафедры профессором Т. И. Ойзерманом, профессором В. Ф. Асмусом и доцентом М. Ф. Овсянниковым и другими опубликован ряд брошюр и статей по истории немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX века. Профессор Т. И. Ойзерман и доцент М. Ф. Овсянников разработали спецкурс «Немецкая идеалистическая философия». В 1956 году издана монография профессора В. Ф. Асмуса «Декарт». Членами кафедры написано значительное число глав в первых двух томах «Истории философии».

Определенная работа проделана кафедрой и в изучении малонисследованных областей истории философии, таких, например, как история философской мысли стран Востока.

В 1955—1956 учебном году кафедра привлекла к работе молодых преподавателей тт. А. М. Пятигорского и Е. В. Виноградову. Они читают спецкурсы по истории древнеиндийской философии и философии Китая. Товарищам Виноградовой и Пятигорскому удалось объединить вокруг себя студентов, серьезно интересующихся философской мыслью стран Востока. Однако исследовательская работа кафедры в этой области сопряжена с большими трудностями, главная из которых заключается в том, что у нас имеется еще недостаточное количество преподавателей-философов, знающих восточные языки. Заслуживает поэтому внимания предложение руководства кафедры о создании при кафедре сектора истории философии стран Востока, где бы специалисты индологи, китаеведы, арабисты работали вместе с философами.

Важное научное и политическое значение имеет изучение истории философской мысли стран народной демократии. Большую работу в этом направлении ведет доцент И. С. Нарский. Им написан ряд брошюр и статей по истории философии Польши. Совместно с сотрудниками Института славяноведения он принимал участие в издании трехтомника «Социально-политические и философские взгляды польских мыслителей». К сожалению, эта полезная и

нужная работа ограничивается на кафедре пока лишь изучением философской мысли Польши.

3. Большим разделом научной и учебной деятельности кафедры является изучение истории формирования и развития марксистской философии. Из печатных трудов, выпущенных за последние годы, необходимо отметить монографию профессора Т. И. Ойзермана «Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 года». Основная задача, которую решает сейчас кафедра, — изучение генезиса марксистской философии — позволит глубже уяснить отношение марксистской философии к ее источникам. Большое внимание при этом уделяется критике буржуазной фальсификации раннего Маркса.

Несмотря на известные успехи в разработке истории марксистской философии, работа кафедры еще не удовлетворяет запросы нашей научной общественности. Все еще мало появляется печатных работ по истории марксистской философии. Недостаточное внимание уделяется разработке философского наследия Маркса и Энгельса после 1848 года. На кафедре слабо изучается идейное наследство П. Лафарга, Ф. Меринга и др.

Нужно сказать, что небольшой коллектив кафедры, несмотря на значительную научную активность (за 1955—1956 годы опубликовано 56 научных трудов), не в состоянии справиться с прямо-таки необъятной областью исследования. Давно уже назрела необходимость создания специальной кафедры истории марксистско-ленинского этапа в философии. Без такой организационной перестройки нельзя говорить о действительно серьезной постановке изучения марксистско-ленинской философии.

Таковы основные направления научной работы на кафедре истории зарубежной философии. В заключение следует подчеркнуть, что члены кафедры сумели объединить вокруг изучения всех этих проблем большой коллектив аспирантов и студентов. Кафедра содействует напечатанию лучших аспирантских и студенческих работ. Печатные труды и защищаемые на кафедре диссертации отличаются, как правило, высоким теоретическим уровнем.

Коллектив кафедры истории философии народов СССР насчитывает в своем составе 3 профессоров, 7 доцентов, 2 старших преподавателей и 5 аспирантов. Преподаватели кафедры ведут работу на философском факультете, а также на других гуманитарных факультетах МГУ.

В течение 1955—1956 годов коллектив кафедры совместно с Институтом философии АН СССР работал над созданием «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР». Члены кафедры участвовали в написании отдельных глав первого и второго томов «Истории философии». Скоро выходит коллективный труд кафедры «Роль Московского университета в развитии передовой философской мысли в России». Готовится издание совместно с кафедрой

истории философии краткого курса «Истории философии». Кафедра подготовила программу по истории философии для философских факультетов.

В научном плане на 1956/57 год намечено обсуждение ряда монографических работ, в их числе работа доцента З. В. Смирновой «Эстетика русских революционных демократов XIX века», профессора М. Т. Иовчука «О материалистической философии русской революционной демократии», профессора И. Я. Щипанова «Русские просветители XVIII века».

Следует отметить, что с постановкой ряда назревших проблем кафедра серьезно запоздала. К числу их относится прежде всего проблема исследования связи русской и западноевропейской философии. Труды кафедры справедливо критикуются за модернизацию и схематизм в освещении отдельных мыслителей и направлений.

Отставала кафедра и с организацией систематической борьбы против современной буржуазной фальсификации истории русской философии. Правда, в журнале «Коммунист» № 10 за 1955 год была опубликована статья В. Малинина, Н. Тараканова и И. Щипанова «Против современных буржуазных фальсификаторов истории русской философии». Но этого, конечно, совершенно недостаточно. Все еще нет регулярного реферирования выходящей за рубежом литературы. В издаваемых кафедрой работах нет серьезной критики современных фальсификаторов истории русской философии.

Известным шагом вперед будет издание готовящегося сейчас к печати сборника «Против реакционных концепций истории русской философской и общественно-политической мысли». В сборнике принимают участие преподаватели и аспиранты кафедры. Важно только, чтобы критика буржуазной фальсификации не ограничивалась выпуском сборника. Заслуживает внимания поэтому инициатива кафедры, готовящей научную конференцию студентов старших курсов на тему «Освещение истории русской философии в современной зарубежной литературе». Конференция не только расширит научный горизонт студентов, но и будет способствовать воспитанию вкуса к серьезной критике буржуазной идеологии.

XX съезд Коммунистической партии поставил перед советскими философами задачу разработки ленинского этапа в истории философии. Коллектив кафедры совместно с Институтом философии АН СССР решил начать работу по изданию «Очерков по истории марксистской философии в СССР». Члены кафедры участвуют в написании III тома «Истории философии». Готовится к изданию работа кандидата философских наук Л. Н. Суворова «Развитие В. И. Лениным теории познания в годы первой мировой войны». Планируется обсуждение докторской диссертации профессора Г. С. Васецкого «Развитие В. И. Лениным марксистской философии в годы столыпинской реакции».

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что существующее объединение в рамках од-

ной кафедры курсов истории народов СССР и истории марксистско-ленинской философии (ленинский этап) не только принципиально неверно, но уже начинает тормозить развертывание работы в области освоения ленинского идейного наследства. Члены кафедры, занимающиеся этими проблемами, не имеют должного руководства и организации, часто загружены другими курсами кафедры.

Ведущие члены кафедры активно выступают в печати. Менее чем за два года было выпущено в свет 39 работ, по преимуществу статей (из них 13 работ написано профессором М. Т. Иовчуком, 7 — профессором И. Я. Щипановым, 5 — профессором Г. С. Васецким). Подготовлено и сдано в производство еще 19 работ.

Одной из наиболее слабых сторон в деятельности кафедры было отсутствие до недавнего времени творческих дискуссий. На обсуждение не выносились спорные проблемы, по которым у членов кафедры не было единого мнения. Некоторые работы предварительно не обсуждались перед опубликованием. Все это, конечно, снижало теоретический уровень научной продукции. Качество ряда курсов и семинаров вызывало серьезные нарекания со стороны студентов. Ученый совет философского факультета, обсуждавший в 1956 году научную и учебную работу кафедры, указал на необходимость перестройки работы, обратив особое внимание на улучшение учебной и методической работы. Ученый совет одобрил реорганизацию кафедры в кафедру истории философии народов СССР.

В новом учебном году деятельность кафедры несколько оживилась. К научной работе привлекаются аспиранты кафедры. Еще в июне 1956 года состоялось обсуждение письма группы товарищей в «Литературную газету» (№ 63 от 29 мая 1956 г.), посвященного вопросам расстановки классовых сил в России в 40-х годах XIX века. Доцент С. П. Мамедов начал читать курс по истории философии народов Закавказья и Средней Азии.

Однако коллективу кафедры предстоит еще многое сделать по устранению недостатков в научной и учебной работе.

В состав философского факультета МГУ входит психологическое отделение с коллективом психологов, объединенных на кафедре психологии и ее лабораториях. Отделение готовит преподавателей, а также специалистов по разработке научных проблем в области психологии. Студентам отделения читаются лекции по общей психологии (профессор А. Н. Леонтьев и профессор А. Р. Лурия), курсы по детской и педагогической психологии, психологии труда, патологической психологии, истории психологии и спецкурсы, а также проводится экспериментальный практикум. За последние годы практикум отделения оснащен экспериментальными установками, которые позволяют знакомить студентов с достижениями в области экспериментальной психологии. Учитывая недостатки практической подготовки студентов в прошлом, кафедра приняла ре-

шение ввести в экспериментальный практикум некоторую специализацию (ознакомление с методами исследования в области психологии труда, детской психологии, медицинской психологии).

Рациональным в организации работы кафедры психологии следует считать наличие общей линии в подходе к психологическим исследованиям: изучение формирования психических процессов. Такой подход позволяет вскрыть реальный процесс и наиболее успешные пути формирования трудовых и учебных навыков, понятий, ощущений, что непосредственно служит целям и запросам социалистической практики.

Ценным является также коллективное исследование определенных проблем, когда психологическое исследование проводится группой исследователей, объединенных общей темой исследования. Это позволяет подойти к проблеме сразу с нескольких сторон и значительно повышает продуктивность работы.

На кафедре работает лаборатория ощущений под руководством Е. Н. Соколова. Основной задачей лаборатории является изучение рефлексорных механизмов рецепторных процессов.

Вторую лабораторию — лабораторию высших (системных) психических функций, возглавляет профессор А. Н. Леонтьев. Здесь разработана новая методика изучения системного строения функций, что дало возможность произвести детальный анализ звуковысотного восприятия.

В настоящее время организуется новая лаборатория — лаборатория психологии труда. Создание этой лаборатории имеет важнейшее значение в свете тех задач, которые поставлены партией перед психологической наукой — необходимостью ее широкого выхода в практику. Установлена связь с Научно-исследовательским институтом технологии и организации производства. Лаборатория будет исследовать вопросы рациональной организации трудового процесса в связи с техническими условиями работы конструкторов и технологов, а также вопросы о типовых рациональных трудовых приемах.

На происходившем в конце февраля — начале марта совещании по вопросам психологии труда обсуждались вопросы современного состояния и задач психологии труда (доклад Е. В. Гурьянова, Д. А. Ошанина, В. В. Чебышевой). В докладе отмечалось, что основными разделами в области психологии труда являются психологические вопросы профессионального и политехнического обучения; центральной народнохозяйственной проблемой является непрерывное повышение производительности труда, поэтому разработка психологических вопросов, связанных с ней, должна стать основной, центральной задачей психологии труда. С докладом о путях развития психологии труда на Западе выступил Д. А. Ошанин. На совещании были заслушаны сообщения о конкретных психологических исследованиях в области психологии политехнического, профессионального

обучения, психологии профессионального труда и доклады, посвященные методикам изучения трудовой деятельности.

Под руководством профессора С. Л. Рубинштейна работает группа преподавателей, аспирантов и студентов по изучению проблемы психологии мышления. Это исследование ставит себе задачей раскрыть в процессах мышления соотношение основных его операций — анализа, синтеза, абстракции и обобщения.

Под руководством профессора А. Р. Лурия изучаются основные этапы в формировании произвольного движения и роль речи в этом процессе. Исследованиями, проведенными совместно с Институтом дефектологии Академии педагогических наук РСФСР, показано, что участие словесной системы в выработке условных двигательных связей вносит ряд новых особенностей (замена постепенной выработки связей скачкообразной, быстрое их упрочение, их системность).

Под руководством доцента П. Я. Гальперина проводятся исследования, освещающие проблему формирования умственных действий и на их основе отвлеченных образов, понятий. В этих исследованиях разработка теоретических вопросов психологии непосредственно связывается с применением психологии к задачам педагогики и методики преподавания различных школьных дисциплин.

Доцент А. В. Запорожец разрабатывает тему «Особенности и роль ориентировочно-исследовательской деятельности в образовании навыков». Эта тема посвящена общей проблеме механизмов формирования произвольных движений и их закрепления в форме двигательных навыков.

За 1955 год кафедрой опубликовано 35 печатных работ. В настоящее время находятся в производстве «Сборник экспериментальных исследований по психологии» под редакцией А. Н. Леонтьева, монография Е. Н. Соколова «Восприятие», сборник «Развитие психологической мысли в России в XVIII—XIX вв.» под редакцией М. В. Соколова. Коллектив кафедры готовит к выпуску учебные пособия: по университетскому курсу психологии (отдельными разделами), а также хрестоматию по психологии в двух томах.

Кафедра психологии активно поддерживает научные связи с психологами других стран. Так, на XIV Международном психологическом конгрессе в 1954 году представили доклады профессор А. Н. Леонтьев, доцент А. В. Запорожец, доцент Е. Н. Соколов. В 1956 году профессор А. Н. Леонтьев делал доклад на Страсбургском психологическом конгрессе на тему «Условный рефлекс, обучение и сознание». Профессор А. Р. Лурия читал лекции на международном семинаре по детской психотерапии в Норвегии. Доцент А. В. Запорожец выезжал в Англию для знакомства с работами английских психологов.

В октябре 1956 года австрийский ученый Ф. Ф. Эрисман сделал доклад на общем собрании научного студенческого общества

об итогах 20-летнего изучения процессов восприятия.

Расширяются связи и между различными научными учреждениями внутри страны. В прошлом году было проведено несколько совместных заседаний с одной из лабораторий Института психологии, на которых доцент П. Я. Гальперин сообщил о результатах исследований, проведенных на кафедре совместно с группой сотрудников.

В начале февраля 1957 года совместно с кафедрой высшей нервной деятельности МГУ было проведено совещание по проблемам ориентировочного рефлекса, с привлечением к этому совещанию научных работников различных учреждений, ведущих исследовательскую работу в этой области.

Необходимо коротко остановиться на работе научного студенческого общества факультета (НСО), председателем которого является профессор А. Р. Лурия.

НСО организует работу научных конференций, научных кружков, а также выпускает научные журналы, где печатаются работы студентов и аспирантов.

В традицию факультета вошло проведение периодических конференций с обсуждениями докладов и выступлениями крупных ученых страны. В 1956 году были проведены 4 конференции: 1) по математической логике — совместно с механико-математическим факультетом, 2) конференция по теме «Категория скачка и проблема происхождения человека» — совместно с биологическим факультетом, 3) психологическая конференция, на которой были доложены работы, проведенные студентами и аспирантами за текущий год, и 4) конференция по вопросам кибернетики. Существенным недостатком этих конференций следует считать слабую организацию обсуждения представленных работ.

В 1955/56 учебном году работало 14 научных кружков, выпущено 5 журналов с философской тематикой и 3 — с психологической. В журналах печатаются работы, которые обсуждались на кружках НСО, статьи с изложением итогов курсовых и дипломных работ.

Ряд работ, напечатанных в журналах НСО, послужил основой для публикации в «большой» печати.

В рамках обзора трудно охватить все стороны научной и учебной деятельности факультета. Но уже беглый очерк основных направлений научной работы кафедр свидетельствует о том, что коллектив философского факультета активно включился в решение вопросов, поставленных XX съездом партии перед философским фронтом страны. Прделана известная работа по улучшению учебного процесса, оживилась научная жизнь, вырос научный уровень и объем печатной продукции. Однако философскому факультету предстоит еще многое сделать, чтобы теснее связать философскую теорию с запросами конкретных наук и социалистической практикой.

**Е. Д. КЛЕМЕНТЬЕВ,
И. К. ПАНТИН, В. А. СМЕРНОВ**

За глубокое изучение ленинского философского наследства

Одной из важнейших задач научной работы в области философии в свете решений, принятых XX съездом КПСС, является задача глубокого изучения и творческой разработки ленинского идейного наследства. Обсуждению этого вопроса было посвящено специальное заседание кафедры истории философии Академии общественных наук при ЦК КПСС.

С докладом «О некоторых вопросах изучения ленинского философского наследства» выступил член кафедры проф. Г. С. Васецкий. Докладчик отметил, что у нас продолжительное время имели место недооценка и даже забвение ряда ленинских положений и принципов, что нашло свое отражение также и в области научно-философской работы. В нашей литературе по философии имеется очень немного монографий и статей, посвященных вопросам развития В. И. Лениным философии марксизма. При этом как в опубликованных работах, так и в кандидатских диссертациях, защищенных на кафедре, имела место недооценка ленинских философских работ.

Докладчик обратил внимание на необходимость разработки истории материалистической диалектики, на то новое, что внес Ленин в развитие марксистского диалектического метода. После опубликования труда «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин усиленно работал над проблемами материалистической диалектики. Необходимость творческого развития и защиты марксистской диалектики диктовалась объективными историческими условиями эпохи империализма, обострением классовой борьбы, усилением противоречий в общественной жизни, потребностью для партии пролетариата ориентироваться в этой сложной, быстро меняющейся обстановке, быстрыми темпами развития естествознания. В. И. Ленин вел решительную борьбу против фальсификаторов марксистской диалектики, западноевропейских и русских ревизионистов, которые пытались доказать, что диалектика не является универсальным методом, пытались подменить диалектику софистикой и эклектикой.

В развитии философии марксизма, отметил проф. Васецкий, большое значение имеет гениальное ленинское обобщение новых открытий в области естествознания, особенно в области физики. Однако за последние десятилетия наука далеко шагнула вперед. В связи с этим нельзя ограничиваться только тем, что было сделано В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» в смысле философского обобщения открытий науки, а, опираясь на гениальные ленинские идеи, надо продолжить в этом направлении научную работу в области философии, вести борьбу против различных идеалистических, позитивистских течений в современном естествознании,

Докладчик остановился также на вопросах периодизации ленинского этапа в истории философии марксизма. Изучая развитие философской мысли, нельзя ограничиваться только общей характеристикой борьбы основных философских направлений материализма и идеализма, а нужно учитывать конкретные исторические условия. При изучении истории марксистской философии нужно рассматривать, какие задачи решала марксистская философия в каждый конкретный исторический период ее развития в связи с политикой и практикой революционной борьбы рабочего класса.

В периодизации истории марксистско-ленинской философии не следует механически исходить из периодизации истории Коммунистической партии Советского Союза, а нужно учитывать специфику развития философии. Докладчик наметил следующую примерную схему периодизации ленинского этапа философии марксизма:

1) Возникновение ленинизма — начало нового этапа в развитии философии марксизма.

2) Развитие марксистской философии в период от зарождения социал-демократического рабочего движения до первой русской революции 1905—1907 годов.

3) Развитие марксистско-ленинской философии в период между первой и второй русскими революциями (1907—1917 гг.).

4) Развитие марксистско-ленинской философии в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1918—1935 гг.).

5) Развитие марксистско-ленинской философии в условиях социалистического общества (1936—1956 гг.).

В заключение своего доклада проф. Васецкий остановился на основных методологических принципах ленинского подхода к критике враждебных марксизму-ленинизму философских течений. В «Материализме и эмпириокритицизме», в «Философских тетрадах» и других работах В. И. Ленин дал по этому вопросу богатейший материал, который должны глубоко изучить философы. Следует хотя бы указать, отмечает докладчик, на ленинскую критику махизма, в которой В. И. Ленин противопоставил идеалистической гносеологии махизма научное решение вопросов теории познания с позиций диалектического материализма. В. И. Ленин неоднократно указывал на политическую целенаправленность борьбы философских школ и течений, на связь философии с политикой, с деятельностью классов и партий. При этом В. И. Ленин, с одной стороны, критиковал буржуазных философов, отрицавших связь философии с политикой, а с другой стороны, выступал против вульгаризаторов и упрощенцев. Ленин учил использовать противоречия в стане наших идеологических противников для укрепления наших позиций.

Большое значение для развития философии материализма имеют ленинские поло-

жения о связи философии с естествознанием, о необходимости философского обоснования новых открытий науки, о борьбе против позитивизма.

В настоящее время, отметил проф. Васецкий, восстановлена историческая правда о деятельности Плеханова как теоретика и пропагандиста марксизма, но нам нужно избегать другой крайности и ясно представлять различие в теоретической деятельности Плеханова и Ленина.

Доклад проф. Васецкого вызвал оживленное обсуждение.

Член кафедры доц. М. И. Сидоров в своем выступлении указал на то, что к изучению ленинского философского наследия нужно подходить под углом зрения тесной связи философии с жизнью, с практикой социалистического строительства. В последний период своей деятельности В. И. Ленин в своих выступлениях и статьях поставил ряд кардинальных проблем, требующих своего разрешения в процессе исследования закономерностей перехода от капитализма к социализму и социалистического строительства. Но мы все еще очень слабо разрабатываем важнейшие ленинские положения. Тов. Сидоров поставил вопрос о необходимости создания книги по истории развития марксистско-ленинской философии в советский период. Правдиво освещая историю развития марксистско-ленинской философии в советский период, мы должны дать отпор той фальсификации и клевете, которая проводится во враждебной нам зарубежной печати. Далее тов. Сидоров остановился на ленинской методологии анализа историко-философских явлений и указал, что нужно учиться у В. И. Ленина тому, как сочетать при разборе тех или иных философских течений политический аспект с гносеологическим. Нам нужно в конкретных исследованиях раскрыть ленинское положение о материалистической традиции в истории русской философии, о соотношении национального и интернационального в развитии философской мысли.

Член кафедры проф. М. А. Наумова говорила о том, что в изучении философского наследия В. И. Ленина отрицательное влияние оказал догматизм и схематизм. В работе «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин поставил перед философами ряд конкретных задач научной работы в области философии. Это ленинское завещание осталось еще не реализованным, и нам нужно обратиться к тем заслуживающим пристального внимания вопросам, которые были выдвинуты В. И. Лениным в этой работе. Так, например, вопрос о соотношении философии и естествознания сохраняет свою актуальность и методологическое значение и в наши дни, тем более, что среди некоторых советских ученых имеют хождение неправильные мнения по этому вопросу. Изучение философского наследия В. И. Ленина, отметила проф. Наумова, имеет большое значение для борьбы против современной буржуазной идеологии.

Аспирант М. Л. Чалин в своем выступлении поставил вопрос о том, что кафедра должна определить ведущие проблемы научной работы по изучению ленинского философского наследия, чтобы сосредоточить на них внимание научных работников и аспирантов. При определении той или иной проблемы для научной работы нужно исходить не только из субъективных интересов аспиранта, но и из интересов развития науки. Тов. Чалин внес предложение о постановке на кафедре более узких теоретических докладов с их обсуждением, об организации творческих дискуссий.

Член кафедры доц. М. Д. Цебенко указала на то, что изучение философского наследия В. И. Ленина является большой и сложной задачей, которая может быть решена в процессе работы ряда научных коллективов. Кафедра истории философии Академии общественных наук должна определить свое место в решении этой задачи и сосредоточить свое внимание на вопросах истории домарксистской и марксистско-ленинской философии. В научной работе аспирантов по истории философии нельзя ограничиваться только констатацией ленинских оценок мыслителей прошлого, а нужно глубоко раскрывать методологию ленинского подхода к историко-философским явлениям. В этих целях следует на кафедре поставить ряд научных докладов, например: «Ленинская оценка мыслителей рабовладельческой эпохи», «Ленинский анализ домарксистского материализма», «Ленинские принципы оценки философии Гегеля», «Методологические вопросы истории русской философии в трудах В. И. Ленина» и т. д. На базе этих докладов можно подготовить специальный сборник научных работ. В историко-философском плане нам нужно уделить специальное внимание вопросам разработки истории диалектики.

Доц. М. В. Яковлев в своем выступлении остановился на тех недостатках, которые имели место в работе кафедры по изучению ленинского философского наследия. В настоящее время кафедра в своей научной работе сосредоточивает внимание на этих вопросах. Кафедрой издан небольшой сборник статей «Из философского наследия В. И. Ленина». Но сделано еще очень мало для решения этой большой и сложной задачи. В этом направлении нужно сосредоточить внимание научных работников и аспирантов кафедры. Что касается разработки вопросов истории марксистско-ленинской философии в послеоктябрьский период, то такая книга насущно необходима.

В итоге обсуждения вопроса о научной работе по изучению ленинского философского наследия кафедра приняла решение о том, чтобы все предложения и замечания по данному вопросу, содержащиеся в выступлениях членов кафедры и аспирантов, отразить в планах научной работы, а также в повседневной учебной работе.

В секторе эстетики Института философии АН СССР

Обсуждение сборников по марксистско-ленинской эстетике

14 февраля 1957 года в Институте философии АН СССР состоялось совместное заседание секторов эстетики Института философии АН СССР, Института истории искусств АН СССР, Института мировой литературы АН СССР и Института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР, посвященное обсуждению двух вышедших в 1956 году сборников по марксистско-ленинской эстетике: «Очерков марксистско-ленинской эстетики», подготовленных сотрудниками Института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР и книги «Вопросы марксистско-ленинской эстетики», написанной сотрудниками Института философии АН СССР. На обсуждении присутствовали в качестве гостей представители Института философии Академии наук Китайской Народной Республики гг. Фын Дин, Чжан Юн, Жэнь Цзи-юй и Хэ Линь.

Как заявил, открывая заседание, Ф. И. Калашин, сам факт появления сразу двух книг по марксистско-ленинской эстетике является положительным. В связи с тем, что сейчас силами сотрудников четырех институтов подготавливается учебник по марксистско-ленинской эстетике, обсуждение сборников приобретает особенное большое значение.

От имени авторского коллектива «Очерков марксистско-ленинской эстетики» на обсуждении выступил П. М. Сысоев. Он остановился на разборе отдельных разделов и глав книги. Касаясь исторического раздела, он отметил, что систематизированных трудов по истории эстетических учений у нас почти нет, вопросы эстетического наследия в нашей литературе разрабатываются крайне недостаточно, что сильно затрудняет работу по созданию учебников и учебных пособий по марксистско-ленинской эстетике. Исторический раздел «Очерков» не восполняет этого пробела. Тов. Сысоев считает, что в «Очерках» слабо разработан вопрос о непреходящей ценности классических произведений искусства и об эстетико-критической деятельности Маркса и Энгельса.

Главы, посвященные проблеме художественного образа, П. М. Сысоев считает несомненной удачей автора Н. А. Дмитриевой. К сожалению, рассмотрению проблемы художественного образа не предшествуют главы, посвященные разбору сущности эстетического и специфики искусства. А без выяснения этой кардинальной проблемы рассуждения о художественном образе лишаются твердой теоретической базы.

Вполне оправданным, по мнению П. М. Сысоева, является включение в книгу главы о видах и жанрах искусства, хотя вынужденная краткость изложения привела к известному упрощению в трактовке этого сложного вопроса.

В книге затрагивается ряд важных вопросов, касающихся места искусства в историческом развитии общества. Но при рассмотрении этой проблемы больше внимания обращено на ее социологическую сторону и относительно меньше — на собственно художественное содержание искусства. В основном правильно, по мнению П. М. Сысоева, поставлен вопрос о рассмотрении истории искусства как становления и развития реализма через ряд качественно своеобразных исторических ступеней и форм этого развития. Однако в дальнейшем этот вопрос следует изучать более углубленно. Глава, посвященная возникновению социалистического реализма, дает в целом верную характеристику этого творческого метода.

Недостаточно, по мнению т. Сысоева, разработан вопрос о социалистическом эстетическом идеале. Упущением является также отсутствие раздела о традициях советского искусства. В главе о многонациональном характере советского искусства почти незатронут вопрос о национальном своеобразии каждой национальной школы не только в области формы, но и в области содержания.

От имени авторского коллектива сборника «Вопросы марксистско-ленинской эстетики» выступил Г. Е. Глезерман. Он подчеркнул, что одновременное появление двух книг по марксистско-ленинской эстетике свидетельствует о назревшей потребности в подобных работах. Однако он отметил, что «Вопросам марксистско-ленинской эстетики», как и «Очеркам», пришлось пройти слишком длительный подготовительный период, вследствие чего кое-что в них устарело. Одним из существенных недостатков книги «Вопросы марксистско-ленинской эстетики» является то, что в ней слабо анализируется конкретный материал искусства. Тов. Глезерман отметил, что наряду с созданием монографий по отдельным проблемам эстетики важнейшей задачей философов, работающих в этой области, является создание систематического учебника по марксистско-ленинской эстетике на основе накопленного опыта в процессе создания двух сборников. Необходимым условием для создания такого учебника является, по мнению т. Глезермана, преодоление некоторой разобщенности между авторами, работающими в этой области. Он призвал участников обсуждения, помимо критики недостатков сборников, стремиться к позитивному решению спорных вопросов.

Затем развернулись прения. Все выступавшие отмечали, что появление сборников — большое достижение наших ученых, так как они представляют собой первую попытку более или менее систематического изложения вопросов эстетики. Оценивая эти сборники, выступавшие указывали, что на их содержании сказалось то, что один из них составлялся философами, другой — историками искусства: в одном поставлено

больше теоретических, философских проблем, больше развернута проблематика гносеологии искусства, в другом — больше разнообразного конкретного материала, и написан он более популярно.

Как единодушно было отмечено всеми выступавшими, бесконечные переработки и длительное пребывание в редакциях, возможно, и способствовавшие в какой-то степени улучшению их качества, привели к тому, что эти сборники отстали от жизни. Сейчас, когда интерес к проблемам искусства сильно обострился, когда за рубежом усилились нападки на советское искусство и метод социалистического реализма, многие положения в сборниках выглядят слишком абстрактно и не дают ответа на актуальные вопросы.

Член-корр. АН СССР А. А. Сидоров, в общем положительно оценивший оба сборника, подчеркнул, однако, что многие их недостатки явились следствием слабого контакта двух авторских коллективов, в результате чего важные теоретические проблемы в сборниках подчас решаются различно. И. Л. Маца отметил, например, что даже в понимании основного вопроса — предмета эстетики — составители сборников придерживаются различных мнений. В результате остается неясным, следует ли эстетику трактовать как какую-то философию художественной культуры или как общую теорию искусства. Нет четкого разграничения эстетики и теорий отдельных видов искусства. То, что выдается за общеэстетические положения, оказывается верным для одних видов искусства и неверным для других. Это — следствие неясности главного вопроса: что же является предметом эстетики. На запутанность этого вопроса обратил внимание и П. С. Трофимов, который считает трактовку предмета эстетики в «Очерках» слишком расплывчатой.

В. М. Квачахия в своем выступлении говорил о необходимости раскрыть сущность эстетики в том направлении, чтобы показать, что она имеет и моральное, и познавательное, и политическое значение. Лишить эстетику морального и познавательного значения — значит лишить ее почвы. Рассматривая искусство только как средство эстетического воспитания, мы сужаем сферу искусства, подчеркиваем лишь одну его сторону. Мы не должны затушевывать и другую сторону искусства, а именно то, что, помимо средства эстетического воспитания, искусство является в каком-то смысле и целью. Положительным, по мнению Квачахия, является уже то, что в этих сборниках имеется термин «эстетическое наслаждение». Но пока этот термин не получит достаточного разъяснения и не займет своего места в качестве одной из категорий эстетики, невозможно, по его мнению, создать эстетику как науку. Предметом искусства является вся действительность, но в отличие от науки эстетическая оценка действительности является эмоциональной.

Ю. Д. Колпинский в своем выступлении сказал, что искусство, безусловно, выполняет общественно-полезную функцию и ради этого оно и существует в обществе. Все дело заключается в том, что резуль-

тат воздействия искусства есть некий произвольный результат, полученный в процессе самого эстетического наслаждения, но посредством него воспитывается такое отношение к действительности, какое нужно для общества.

Как отмечали далее некоторые выступавшие товарищи, есть серьезные противоречия между двумя сборниками и в трактовке вопроса об объективности прекрасного. В сборнике Академии художеств утверждается, что прекрасное имеет природно-естественный характер, а в другом сборнике говорится о том, что прекрасное общественно обусловлено. П. С. Трофимов возражал против содержащегося в «Очерках» положения о том, что прекрасное заложено в самой материи. Красота в природе проявляется в многообразии форм существования материи. Человек воспринимает и оценивает одни явления как прекрасные, а другие как безобразные. Нужно подчеркнуть момент объективного содержания в человеческом восприятии прекрасного, но говорить о том, что красота существует в самой материи, неверно.

На обсуждении был подвергнут критическому рассмотрению вопрос об искусстве как форме общественного сознания, а также вопрос о партийности искусства. Выступивший в начале обсуждения Е. Г. Яковлев остро критиковал то освещение, которое дается этим проблемам в книге «Вопросы марксистско-ленинской эстетики». Он сказал, в частности, что здесь дается слишком общее определение искусства как надстроечного явления и не выявляется то специфическое, что выделяет искусство среди других форм общественного сознания. Не выявляется также специфика партийности именно искусства как особой формы общественного сознания. В философии партийность выражается в том, что существуют две борющиеся партии — материализм и идеализм, в искусстве же, по мнению т. Яковлева, нужно идти по линии выявления реалистических или антиреалистических тенденций. Это тем более важно, что в наши дни появилась тенденция вообще уничтожить разделение на реализм и антиреализм.

Если раньше, говорит т. Яковлев, у нас допускался иногда слишком упрощенный подход к анализу реализма и антиреалистических течений, без конкретного, глубокого анализа этих направлений, то сейчас, исправляя эти ошибки, конкретно, научно анализируя те или иные явления искусства, мы, однако, не можем отказаться от основы нашей научной эстетики — принципиального, твердого различия реализма и антиреализма. В книге «Вопросы марксистско-ленинской эстетики» не выясняется, что реализм — это самое существенное свойство подлинного искусства, партийность искусства усматривается здесь просто в высокой коммунистической идейности.

Ряд товарищей в своих выступлениях затронул вопрос о необходимости различать реализм как общую основу всякого подлинно высокого искусства от реализма как конкретного направления в искусстве, которое сформировалось в определенный пе-

риод и связывается нами преимущественно с XIX веком. П. С. Трофимов критиковал авторов «Очерков» за излишне широкую трактовку реализма. Подобное толкование реализма как такого явления в искусстве, которое призвано правдиво отражать жизнь, не позволяет выявить специфику реализма в отличие от других прогрессивных направлений, тоже правдиво отражавших действительность, являвшихся этапами в развитии мирового искусства. По мнению П. С. Трофимова, определение реализма должно давать возможность отличать его от других прогрессивных явлений в искусстве, различных по методу, по подходу к отображению объективной действительности в форме художественных образов.

Г. А. Недошивин считает несомненной удачей авторов «Очерков» четкое сопоставление реализма как основной тенденции исторического развития искусства и как той специфической формы развития искусства, которая возникла в XIX веке. Ю. Д. Колпинский отстаивал правомерность понимания реализма как внутренней сущности, внутренней подосновы всей тенденции развития всемирно-исторического художественного процесса. Никто не ставит вопроса так, что будто бы с самого начала существовала поляризованная борьба реализма и антиреализма. Речь идет, сказал он, о том, что элементы реализма, понимаемого как реализация в художественном творчестве самой природы искусства как способности объективно, правдиво видеть, осознавать и оценивать мир,—эта тенденция, даже не осознанная в эстетической программе современников как реалистическая, прорывалась через мучительные противоречия в искусстве разных веков, связанном с иллюзиями, превратными представлениями, различными заблуждениями, и развивалась на протяжении всей мировой истории искусства. Если отказаться от этого общего критерия, то теория и история искусства превратятся в анализ систем, лишенных своего внутреннего единства и своего пафоса развития.

Другое дело, что реализм развивается и наступает период, когда он появляется уже не только как внутренний принцип, а как определенная сформировавшаяся эстетическая система, как определенная художественная программа. Это происходит на определенном историческом этапе. Но это не есть просто один из этапов. Это реализация и осознание основной внутренней тенденции развития искусства. Реализм как эстетическая система появляется на определенном историческом этапе, но это не значит, что он исторически исчезнет, как исчезли некоторые другие эстетические системы (классицизм и романтизм), хотя и эти системы включаются как частные моменты в последующие ступени художественного развития.

Серьезную критику вызвал исторический раздел «Очерков», хотя сам факт включения его в сборник был оценен положительно, так как история эстетики у нас очень слабо разработана.

Одним из важнейших недостатков нашей

эстетической литературы, заявил на обсуждении Г. А. Недошивин, является то, что в ней часто нарушаются диалектические принципы подхода к изучению предмета: разрываются теория и история предмета. Авторы «Очерков» попытались преодолеть этот недостаток, но, поскольку это лишь первый опыт, он получился не очень удачным.

Большинство выступавших отмечали крупные недостатки этого раздела. А. А. Сидоров оценил исторический раздел как слишком легковесный, неглубокий, а подчас и прямо неверно отражающий некоторые периоды развития эстетической мысли.

Глубокий и подробный разбор этого раздела дал И. Л. Маца, отметивший разрыв между историей эстетических учений и развитием искусства. Он поднял важный вопрос о том, в каком соотношении дается освещение истории эстетической мысли в России и других странах. В «Очерках» этим двум, отнюдь не равновеликим разделам отведено одинаковое количество страниц. И. Л. Маца подчеркивает поверхностность и несостоятельность такого подхода к вопросу.

Следующая важная проблема, которая поднималась выступавшими,—это проблема освещения эстетических взглядов идеалистов. Как известно, в прошлом нередко глубокие мысли были облечены в идеалистическую оболочку. Поэтому при изложении истории эстетических учений ни в коем случае не следует игнорировать те или иные направления только на том основании, что они идеалистические. Без серьезного анализа идеалистических эстетических систем невозможно правильно показать историю формирования реализма и его борьбы с противоположными направлениями в искусстве. Авторы же «Очерков» допустили такую ошибку в историческом разделе. И. Л. Маца, П. С. Трофимов и другие в своих выступлениях показали, к каким искажениям истории эстетики приводит почти полное игнорирование идеалистических эстетических теорий. Так, например, говоря об античной эстетике, авторы умалчивают о Пифагоре, Сократе, вскользь говорят о Платоне и начинают свое изложение с Гераклита и Демокрита.

Затем средневековье. Оно дано как белое пятно в истории эстетики, как период, который не внес абсолютно ничего ценного в разработку проблем эстетического познания. Однако самый беглый взгляд на историю эстетической мысли в средние века показывает, что и здесь происходила самая ожесточенная борьба между идеализмом, религиозно-богословским направлением и направлениями, пытавшимися обосновать возможность эстетического освоения реальности действительности.

Один из авторов данного раздела, Ю. Д. Колпинский, согласился с этими критическими замечаниями. Сейчас становится все яснее, сказал он, что средневековье являлось периодом, несущим в себе, иногда в уродливой и превратной форме, прогрессивное содержание. Надо понять, что для

ряда народов, например, Китая, эстетическое наследие средних веков является наиболее совершенным.

В ходе обсуждения было показано, что большие недостатки содержат и разделы, посвященные эстетике эпохи Возрождения, а также эстетике французских просветителей и др.

П. С. Трофимов отметил, что в «Очерках» очень поверхностно говорится о Канте, лишь как об отце формалистических течений, давшем философскую основу формализму, субъективизму. Между тем противоречия между материализмом и идеализмом, которые характерны для всей философии Канта, находят свое отражение и в его эстетике. И это надо было показать в конкретной и убедительной форме. Нельзя забывать, сказал тов. Трофимов, что у Канта имеются определенные положения, выражающие признание объективных истоков возвышенного. Далее, Кант, с одной стороны, разрывает этическое и эстетическое, с другой — пытается их соединить. Таким образом, делает вывод П. С. Трофимов, мы должны внимательнее изучать историю эстетики, глубже выяснять специфику каждого философа, каждого эстетического направления.

Большие возражения вызвало освещение в «Очерках» эстетических воззрений Гегеля, которому посвящены, кстати сказать, всего две страницы. Об этом говорил в своем выступлении И. Л. Мациа. Ничего не сказано о диалектике Гегеля в понимании природы, специфики и развития искусства, не показано, что эта диалектика приводила и к правильным выводам и к выводам ложным.

В таком же духе написан и исторический раздел, посвященный русской эстетике. В нем также, с одной стороны, много натяжек (ленинская теория отражения приписывается, например, Чернышевскому), с другой стороны, остается невыясненным основное, существенное в эстетических взглядах русских революционных демократов. Сухо и формально показана роль Белинского в развитии материалистических основ эстетики.

Ряд критических замечаний был высказан и по разделу «Критики основных направлений в современном буржуазном реакционном искусстве и эстетике» сборника, составленного сотрудниками Института философии. Г. А. Недошивин приветствовал появление такого раздела, так как это свидетельствует о попытке преодолеть существовавшее у нас до сих пор положение, когда история мирового искусства, история философской и эстетической мысли освещалась лишь примерно до 1900 года, а все, что было потом, характеризовалось бегло и поверхностно, сводилось к перечислению различных «измов». Но и этот раздел страдает тем, что в нем нет характеристики очень многих направлений современного буржуазного искусства и эстетики и нет настоящей их критики, например, неокантианства в обоих его вариантах, экзистенциализма Хейдеггера, Ясперса и других. Чувствуется, что в этом разделе

не хватает систематичности. Имеются и прямые неточности в определениях.

Е. Г. Яковлев заметил, что сейчас недостаточно вести критику буржуазного искусства только по линии выявления социальной функции и социальной природы реакционной буржуазной эстетики и искусства. Необходимо вскрывать гносеологические корни идеализма в современном буржуазном искусстве. Только в таком случае можно всесторонне и глубоко понять причины деградации буржуазного искусства в целом.

Нужно изменить подход к современному западному искусству, сказал Ю. Д. Колпинский. Недавно еще существовало огульное отрицание всего, что делается за пределами нашей страны. Сейчас наметился другой крен — огульное принятие всякого нового крика моды, появляющегося на Западе. Такой огульный подход к зарубежному искусству неправилен, поскольку и там также идет ожесточенная борьба между художественной правдой и неправдой. Иногда эта борьба приносит, как, например, в итальянском кино, результаты всемирно-исторического эстетического значения. Игнорировать эту борьбу мы не имеем никакого права. Весь вопрос в том, чтобы занять принципиальную позицию, находить союзников в этой борьбе и не теряться при появлении ложных эстетических явлений, хотя и свидетельствующих о большом таланте художника (например, творчество Пикассо). Мы очень часто отождествляем ложность системы с ее глупостью и нелепостью. Если бы это было так, то эти системы не были бы социально эффективными, не были бы исторически живучими и не требовалась бы борьба с ними. В этой области, сказал Ю. Д. Колпинский, предстоит еще огромная работа. Мы должны научиться не ругать, а по-настоящему научно критиковать, раскрывать реальное содержание враждебных явлений.

В ряде выступлений было подчеркнуто, что ценность сборников снижается тем, что в них, хотя и по не зависящим от авторов причинам, никак не отразилась та огромной важности идейная и художественная борьба, которая имела место в самое последнее время. А. А. Сидоров отметил, что на те нападки, которым подвергается социалистический реализм со стороны польских писателей, со стороны писателей некоторых балканских стран, надо отвечать более отчетливо и оперативно, надо глубже освещать ту идеологическую борьбу, те внутренние коллизии, которые наблюдаются сейчас в среде художественной интеллигенции за рубежом. После обсуждения этих двух сборников, сказал А. А. Сидоров, коллективы всех учреждений, занимающихся проблемами эстетики, должны объединиться для того, чтобы создать небольшой смелый, боевой коллективный сборник, в котором неверному пониманию роли и назначения искусства нашими ошибающимися друзьями и нашими прямыми врагами будет противопоставлено марксистское, научное отношение к проблемам искусства.

Г. Л. БЕЛКИНА

Обсуждение вопроса о сущности эстетического

Вопрос о сущности эстетического был в последнее время предметом целого ряда научных дискуссий, выявивших самые разнообразные точки зрения.

На заседании сектора эстетики Института философии АН СССР состоялось обсуждение доклада В. В. Ванслова «О сущности эстетических качеств и проблеме прекрасного». Характеризуя эстетические качества явлений действительности, докладчик выделил следующие основные их признаки. Эстетические качества: 1) чувственно-конкретны, непосредственно воспринимаются органами чувств, 2) выразительны, содержательны, существенно значимы, 3) всегда выражают человеческое, рожденное обществом содержание. Ни один из этих признаков, сам по себе взятый, не достаточен для выявления специфики эстетических качеств, которые характеризуются лишь их совокупностью. Эстетический объект — это такой объект, чувственные свойства которого обязательно несут человеческое содержание, выражают те или иные стороны человеческой сущности.

Различные эстетические теории по-разному объясняли выразительность эстетических качеств: объективно-идеалистические теории — «просвечиванием» духовной сущности мира в материальных свойствах явлений действительности, субъективно-идеалистические — перенесением субъективных свойств человека, его чувств и переживаний на внешний объект; метафизическо-материалистические теории рассматривали эстетические качества как природные свойства вещей (лишь немногие представители домарксистской материалистической эстетики высказывали догадку об общественной сущности эстетического).

Правильно понять общественно-историческую сущность эстетических качеств можно только с марксистских позиций. В процессе преобразования действительности происходит «очеловечивание» природы и «опредмечивание» человека. С одной стороны, вся окружающая человека действительность становится постепенно общественным предметным миром, то есть таким миром, который несет на себе отпечаток человеческой деятельности, является выражением сущности людей; с другой стороны, в ходе этого процесса развивается и сам человек, усложняется его психика, обогащается его внутренний мир, его чувства, мышление и т. д.

В процессе трудовой деятельности развивается присущее только человеку эстетическое чувство, зарождается творчество по законам красоты. Прекрасно для человека все то, в чем выражено его господство над противостоящим ему миром, в чем «опредмечены» его развитие и свобода. Хотя не все созданное трудом прекрасно, а прекрасными могут быть также природные предметы, не обработанные рукой человека, однако все это несколько не опровергает положения об общественной сущности прекрасного и других эстетических качеств. Во-первых, не всякий труд служит

выражением высшего уровня развития человека и его свободы в данных общественных условиях, выражением мастерства, высокий уровень которого, запечатленный в предмете, и создает его красоту. Во-вторых, человек начинает эстетически оценивать явления «дикой» природы лишь тогда, когда у него возникает эстетическое чувство по отношению к продуктам его собственного производства.

Проводя мысль об общественно-исторической сущности прекрасного, докладчик подверг критике взгляды тех эстетиков, которые отождествляют содержание эстетических качеств с содержанием физических, химических, биологических и других чисто природных явлений, и показал на примере искусства, в чем состоит отличие.

Большое место в докладе было отведено проблеме объективности прекрасного и других эстетических качеств действительности.

По мнению докладчика, эстетические качества существуют объективно, то есть независимо от человеческой оценки, но они не существуют вне общества, вне общественной практики и независимо от нее, ибо только в ней возникает объективно такое содержание, которое «опредмечивается» в чувственных свойствах окружающих человека явлений.

Рассмотрение эстетических качеств действительности было связано в докладе с проблемой специфики искусства.

Верной и плодотворной, по мнению докладчика, является мысль о том, что специфика искусства никоим образом не ограничивается только областью формы, что она коренится в эстетическом своеобразии самого предмета искусства. Отражение действительности в ее эстетическом своеобразии, воплощение эстетического идеала и создание художественной формы «по законам красоты» определяют специфику искусства. Идеино-познавательная сила искусства органически связана с его эстетическим воздействием на людей и его общественно-воспитательной функцией. Искусство выступает как высшая форма эстетического освоения действительности.

Таким образом, докладчиком были поставлены три основные проблемы: 1) о природе эстетических качеств, 2) об объективности прекрасного, 3) об эстетической функции искусства. Они и явились главным предметом обсуждения в прениях.

Позиция, выраженная в докладе В. В. Ванслова, встретила возражения со стороны А. Л. Колонтара (Институт истории искусств АН СССР), подвергнувшего сомнению основную мысль докладчика об общественной сущности прекрасного. Трудно отрицать, говорил А. Л. Колонтар, что существует прекрасное в природе (лес, море, горы и т. д.). Но тогда как же можно признать правильным выдвинутое докладчиком положение, что красота природных явлений имеет общественную сущность? Каким образом, в силу каких причин в природной красоте проявляется социальное содержание? А. Л. Колонтар считает, что между тезисом о существовании прекрасного в природе и признанием общественной сущности прекрасного есть противоречие.

Однако другие участники обсуждения согласились с основным положением докладчика об общественной сущности прекрасного и других эстетических явлений.

Значительное место защите и обоснованию этого положения уделили в своих выступлениях тт. К. М. Кантор и Р. В. Садов.

По их мнению, существуют чувственно-конкретные, непосредственно воспринимаемые прекрасные предметы, но эстетические свойства этих предметов не являются вещественными. Предмет, обладающий эстетическими свойствами, является, подобно товару, чувственно-сверхчувственным. Это отражается на характере эстетического восприятия. Его своеобразие состоит в том, что эстетические свойства, будучи общественными по своей сущности, воспринимаются нами как свойства физической природы предмета.

К. М. Кантор отметил в этой связи, что докладчик проявил известную непоследовательность в проведении своего взгляда на сущность эстетического. Эта непоследовательность выразилась, по его мнению, в том, что В. В. Ванслов употребляет термин «эстетические качества» и приписывает этим качествам чувственную конкретность.

Если в самом общем понимании сущности эстетического мнения большинства сошлись, то в конкретном ее истолковании единства не было. В частности, были выражены различные точки зрения по вопросу об объективности эстетических явлений.

По словам А. И. Бурова (Институт истории искусств АН СССР), в докладе, с одной стороны, правильно утверждается общественное содержание эстетического и, следовательно, отрицается наличие красоты как природной закономерности. Но автор пытается обойти вопрос о диалектике субъективного и объективного в эстетическом. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что в докладе почти ничего не сказано об эстетическом идеале. По мысли А. И. Бурова, невозможно совместить признание общественной сущности эстетических качеств с отрицанием значения эстетического идеала в их возникновении. В прекрасных предметах, по мнению тов. Бурова, всегда воплощается эстетический идеал человека. А раз это так, то понять сущность эстетического без субъективного момента вообще невозможно. Игнорирование эстетического идеала ведет к тому, что из характеристики эстетических взглядов с неизбежностью выпадают вопросы об их исторической эволюции, о национальном и социально-классовом характере произведений искусства. В заключение А. И. Буров подчеркнул необходимость материалистического понимания эстетического идеала.

По мнению П. С. Трофимова (Институт философии АН СССР), указанные В. В. Вансловым признаки эстетических качеств не являются для них специфическими, ибо они свойственны и другим явлениям.

По словам П. С. Трофимова, эстетические качества безусловно социальные, но нельзя признать правильным положение В. В. Ванслова о том, что они социальны

по своему содержанию, но природны по своему бытию.

П. С. Трофимов подробно остановился на вопросе об объективности эстетического.

Человек, говорил он, либо отражая действительность в произведениях искусства, либо непосредственно созерцая ее, выражает к ней свое эстетическое отношение в форме определенных оценок, содержание которых сложилось помимо воли отдельных людей. В этом отношении, по мнению П. С. Трофимова, то, что А. И. Буров называл субъективным, есть объективное. Эстетические оценки субъективны как сфера сознания, но они объективны по своему общественно-историческому содержанию. Здесь правомерно провести аналогию с истиной. Как истина объективна в том смысле, что в ней выражено объективное содержание самой реальной жизни, так объективно и прекрасное. Правильность данной аналогии подтверждается тем, что прекрасное выражается с наибольшей силой в искусстве, то есть в специфической сфере идеологии, тесно связанной с другими формами общественного сознания.

Е. М. Батырь подчеркнул в своем выступлении, что было бы неправильно ставить вопрос о существовании прекрасного независимо от человеческого восприятия. По его словам, прекрасное существует как момент эстетического восприятия объективно существующих явлений.

В ходе дискуссии были затронуты также и другие стороны обсуждаемой темы и высказаны разнообразные мнения по более частным вопросам.

Так, Г. Б. Пузис, коснувшись последней части доклада, выразил свое несогласие с данным в нем истолкованием эстетической природы искусства и самого понятия «эстетическое». Он подчеркнул необходимость исходить из учета того, что у искусства основа морально-политическая, творческая и познавательная, а эстетическое — лишь качество или свойство. Он напомнил слова Белинского, что «красота из цели стала средством искусства».

По словам Г. Б. Пузиса, понятие прекрасного в жизни и в искусстве охватывает в единстве понятия добра, истины, красоты, пользы, совершенства и других качеств. При рассмотрении этих качеств неизбежно приходится оперировать различными философскими понятиями: логической категорией истины, этической категорией добра, наконец, чисто эстетической категорией красоты, а также эстетического вкуса, чувства, наслаждения и др. Поскольку все указанные качества так или иначе охватываются понятием прекрасного, очевидно, что категория прекрасного шире по содержанию категории эстетического.

В соответствии с защищаемым им пониманием предмета марксистско-ленинской эстетики как науки о красоте и эстетическом чувстве (см. «Вопросы философии» № 3 за 1956 г., стр. 177—179) Г. Б. Пузис указал на необходимость четкого разграничения общей теории эстетики и общей теории искусства. Смешение этих наук серьезно тормозит правильное исследование проблем эстетики и мешает продвиже-

нию актуальных вопросов общей теории искусства.

И. В. Соколов (ВГИК) считает, что эстетическое следует рассматривать как своеобразное единство чувственного и абстрактного. При восприятии произведения искусства мы воспринимаем не только его чувственную сторону, но и его идею, которая составляет абстрактный момент. Даже закон золотого сечения содержит момент абстракции. Красота в природе существует, по мнению И. В. Соколова, как единство субъективного и объективного, но в ней преобладает объективный момент, в искусстве же — субъективный момент.

Ю. В. Суворов (МГУ) отметил в своем выступлении, что прекрасное, возвышенное, трагическое и другие эстетические качества не могли возникнуть вне человеческой художественной деятельности, имеющей своей целью удовлетворение эстетических потребностей. Эстетическое отношение к результатам своего труда — продукт практики и возникает на ее основе. Эстетические качества объективны, как объективен сам процесс художественного освоения действительности. Они существуют прежде всего в продуктах художественного творчества. Что же касается действительности, художественно человеком не обработанной, то к ней человек может относиться эстетически лишь потому, что у него за плечами уже имеется исторический опыт художественной деятельности. Человек выступает в качестве художника, скажем, по отношению к красивому пейзажу, даже в том случае, если любование прекрасным и не выливается в произведение искусства.

Г. З. Апресян (Литературный институт ССП СССР) подверг критике доклад В. В. Ванслова за абстрактность и недостаточно четкую трактовку вопроса о сущности эстетического. Для правильного понимания эстетических свойств искусства, по мнению тов. Апресяна, чрезвычайно важно учесть то обстоятельство, что оно всегда выступает как своеобразное человековедение. Ведь в искусстве, говорил Г. З. Апресян, все сводится в конце концов к тому, чтобы как можно глубже и ярче раскрывать духовный мир человека, его чувства, мысли, стремления и идеалы. В искусстве все его функции — идейно-воспитательная, познавательная и эстетическая — находятся в единстве. Прекрасное в искусстве нельзя рассматривать в отрыве от того факта, что оно призвано служить определенной общественной цели — преобразованию действительности в интересах народа. Вопрос об эстетических качествах следовало бы рассмотреть более конкретно и многосторонне, как вопрос о сложном историческом, национальном и классовом явлении, показав неразрывную связь эстетического с этическим.

На настоящей дискуссии, сказал Б. И. Шрагин (Институт декоративно-прикладного искусства), речь идет о самых исходных, элементарных понятиях, определяющих отправные моменты эстетической науки. Поэтому было бы совершенно неправильно, не уяснив себе существа этих мо-

ментов, уже пытаться ставить их в связь с другими факторами. Ведь только вскрыв эстетическую сущность искусства, можно понять, как через нее преломляется и находит специфическое выражение классовость, национальное своеобразие и пр. Задача состоит прежде всего в том, чтобы правильно понять сущность и специфику эстетического и тем самым установить действительное содержание исходной категории эстетики как науки. Согласившись с основными положениями доклада, Б. И. Шрагин подчеркнул значение наследия классиков марксизма для решения этих вопросов.

Н. И. Шегид (Воронежский государственный университет) в письме, которое было зачитано на обсуждении, выразил свое положительное отношение к основной идее доклада В. В. Ванслова. Он попытался охарактеризовать те объективные качества действительности, которые в процессе практической деятельности осознаются и оцениваются человеком как эстетические. В процессе трудовой деятельности гармония, пропорциональность и т. п. способствовали формированию эстетических чувств, взглядов, понятий. До человека существовали те закономерно правильные формы развития природы — цветы, радуга, звездное небо и морские просторы, — которые только человеком были оценены как красивые, возвышенные и т. п. Но чтобы эти природные явления могли быть оценены как эстетические, для этого было необходимо вовлечение их в сферу творческой деятельности человека и определенный уровень развития эстетического чувства людей, достигнутый в процессе творческой деятельности. Человек в процессе трудовой деятельности всю природу превращает в свою мастерскую, в свое жилище и смотрит на окружающую природу и на себя самого глазами творца. Поэтому ко всем природным формам и к себе самому он подходит с трудовой меркой, смотрит на мир сквозь призму общественных отношений. Красота мира явилась для него печатью высокого развития как его собственного творчества, так и «созидательных» сил природы.

Ю. Б. Боров (Институт мировой литературы имени Горького АН СССР) признал позицию докладчика в основном правильной, однако он отметил, что, выясняя широкую общественную значимость эстетического, тов. Ванслов пытается идти от субъекта к объекту, тогда как правильнее было бы поступать наоборот, то есть идти от объекта к субъекту. Тов. Боров говорил далее о значении практики в процессе эстетического освоения человеком действительности и показал при этом те основные пороки, которые были свойственны домарксистской эстетике в понимании данного вопроса. Он не согласился в целом с точкой зрения тов. Бурова по вопросу о единстве в эстетическом субъективного и объективного, но указал, что в ней имеется и рациональный момент, состоящий в том, что при определении эстетического вполне оправданным является введение субъективного момента, оно не противоречит признанию объективной природы эстетического.

В. И. Тасалов (Институт истории искусств АН СССР) подчеркнул необходимость правильной постановки и четкого ограничения сферы обсуждаемого вопроса. В данном случае, по его мнению, требуется ответить на вопрос, в чем сущность художественной практики человека и прежде всего искусства как определенного общественного явления. Здесь с самого начала важно учесть, что мы имеем дело не с чистой формой познания, не просто с гносеологией, а с определенной областью явлений, которая раскрывается перед нами в виде совокупности каких-то материальных предметов, что мы имеем дело с формой практического творчества, с формой созидания. Исследовать сущность эстетического — значит выяснять специфику человеческого творчества, а не абстрактного «познания», хотя оно органически присуще искусству.

Тов. Тасалов поддержал точку зрения докладчика и тех выступавших, которые сущность эстетического связывали со способностью людей сознательно преобразовывать предметную действительность. Способность предметов, созданных или обработанных человеком, «говорить» человеку о нем самом, о его общественной природе, о его творческой силе, о его свободе и универсальности составляет смысл эстетической образности предметного мира и основу искусства. В то же время тов. Тасалов допускает возможность существования природной красоты, обнаруживающей те тенденции в природе, которые только в человеческой практике приобретают осознанное и целеустремленное выражение.

Э. В. Ильенков (Институт философии АН СССР) указал на общеметодологическое значение обсуждаемых на дискуссии вопросов. Отрадным, по его словам, явилось то, что в ходе этой дискуссии остро осознается и в какой-то мере реализуется потребность в действительно теоретическом осмыслении важнейших исходных категорий эстетики как науки. Вместе с тем вопрос о красоте предполагает четкое представление о целом ряде общеполитических категорий (например, субъект и объект). Здесь нужно предъявить претензию к философам, разрабатывающим проблемы диалектического материализма, которые еще не показали всей реальной диалектики этих категорий. Отсюда возникает много споров, которые, собственно, должны решаться не в эстетике, а в философии.

В. А. Разумный (Институт философии АН СССР) говорил о правомерности различных путей решения поставленных во-

просов. Некоторые товарищи, указывал он, идут путем генетическим. Другие стремятся определить эстетическое через его основную функцию. Третье направление поисков состоит в попытке найти главные объективные свойства самого предмета, которые являются эстетическими свойствами. И, наконец, четвертый, еще ясно не определившийся путь заключается в том, что к определению прекрасного пытаются подойти в связи с теми биологическими закономерностями, от функционирования которых зависит эстетическое чувство. Каждый из этих путей, по мнению В. А. Разумного, по-своему целесообразен. К этому хотелось бы добавить, что могут появиться, очевидно, и многие другие направления поисков в исследовании сущности эстетического, что обусловлено чрезвычайной сложностью и многогранностью данной проблемы. Ясно также и то, что трудность ее исследования должна быть преодолена коллективными усилиями наших ученых. Необходимость этого возрастает в той мере, в какой в самой нашей жизни усиливается тяга к прекрасному в искусстве и повышаются требования к его художественным достоинствам.

В своем кратком заключительном слове В. В. Ванслов подчеркнул актуальность и своевременность состоявшейся дискуссии. По его мнению, наиболее положительным ее итогом явилось то, что в процессе обмена мнениями удалось выявить общность взглядов по коренному вопросу эстетической теории. Выразилось это в том, что большинство выступавших отстаивали понимание эстетического как явления социального по своей сущности, хотя и не все здесь осталось до конца ясным.

По мнению тов. Ванслова, нельзя признать правильной позицию гг. Трофимова, Бурова и Батыря, отрицающих существование прекрасного и других эстетических качеств независимо от оценки, от восприятия, от созерцающего субъекта. Эта позиция, по словам тов. Ванслова, является половинчатой и может привести к признанию первичности субъекта в эстетическом отношении к действительности.

В. В. Ванслов в заключение отметил положительные итоги дискуссии, в ходе которой были уточнены различные точки зрения, и выразил надежду, что она может послужить плодотворным началом дальнейшего систематического обсуждения категорий марксистско-ленинской эстетики.

Ю. И. АЛЕКСЕЕВ

На сессии Индийского Философского Конгресса

Во второй половине декабря 1956 года авторы настоящего сообщения проф. А. Ф. Шишкин и кандидат философских наук Ю. А. Замошкин по поручению Президиума АН СССР посетили Индию и приняли участие в работе 31-й сессии Индийского Философского Конгресса.

Индийский Философский Конгресс яв-

ляется широким общенациональным объединением деятелей философской науки. Конгресс имеет постоянный организационный комитет, обеспечивающий ежегодный созыв сессий Конгресса, издающий его труды. Он состоит из видных ученых Индии. В настоящее время президентом Индийского Философского Конгресса является извест-

ный философ и общественный деятель профессор Хумайюн Кабир, а почетным секретарем — профессор М. А. Никам, глава философского факультета в Майсурском университете.

31-я сессия Индийского Философского Конгресса проводила свои заседания с 19 по 22 декабря 1956 года в городе Анна-малайнагаре, расположенном на юге Индии, в 8 часах езды по железной дороге от Мадраса. Небольшой по величине город Аннамалайнагар является в то же время одним из древнейших культурных и религиозных центров Южной Индии. В нем расположены два крупнейших храма, посвященных богам Шиве и Вишну. Особенно известен храм танцующего Шивы (Натараджи), чей танец символизирует вечное, непрекращающееся космическое движение. В день открытия Конгресса в Аннамалайнагаре происходило ежегодное празднество в честь Шивы-Натараджи, на которое собрались из всех частей Южной Индии многие тысячи верующих. Мы, советские философы, вместе с рядом гостей и делегатов Конгресса имели возможность присутствовать на этом грандиозном празднестве и познакомиться, таким образом, с некоторыми традициями и верованиями индийского народа.

Город Аннамалайнагар, где происходил Конгресс, знаменит еще и своим университетом, одним из самых влиятельных и крупных университетов Южной Индии (в нем обучается около 5 тысяч студентов). В настоящее время он является наиболее крупным центром развития философской мысли Индии. В Аннамалайском университете ведется большая научная работа в области истории, экономики, тамильской и санскритской филологии, философии, математики, физики, химии, ботаники и биологии. При университете есть инженерный колледж и факультет музыки. Университет является автономным и существует на средства, предоставляемые местным раджой.

На 31-й сессии Индийского Философского Конгресса присутствовало свыше ста делегатов, приехавших со всех концов Индии. Здесь были представлены все крупнейшие университеты и колледжи страны. Руководство Конгресса пригласило также гостей из ряда других стран: из СССР, Пакистана, Цейлона, Италии, Англии, США, Франции и Германии.

Работа 31-й сессии Конгресса проходила на пленарных заседаниях и на заседаниях четырех секций: 1) секции логики и метафизики, 2) секции психологии, 3) секции истории философии, 4) секции этики и социальной философии.

В первый день работы на пленарном заседании Конгресса с приветственными адресами и речами выступили вице-канцлер Аннамалайского университета профессор Шри Нарайяносвами Пиллаи, президент Конгресса профессор Хумайюн Кабир и председатель на 31-й сессии Конгресса профессор Калькуттского университета доктор Рас Вихари Дас. С приветствиями выступили зарубежные гости, присутствовавшие на заседаниях.

В приветственном слове от имени советских философов мы поблагодарили органи-

заторов Всеиндийского Философского Конгресса за приглашение участвовать в работе Конгресса, выразили желание советских философов установить прочные, тесные, дружественные связи с представителями индийской философской мысли, — связи, которые должны содействовать развитию взаимопонимания и укреплению дружбы между СССР и Индией. Мы рассказали о том большом интересе, который проявляет советская интеллигенция к истории индийской философской мысли. Выступление советской делегации было встречено участниками Конгресса дружными аплодисментами.

Два основных вопроса были предметом обсуждения на сессии Конгресса: 1) «Нуждается ли индийская философия в новой ориентации» и 2) «Философские основы социальной революции».

Постановка этих актуальных вопросов придала 31-й сессии Индийского Философского Конгресса особый интерес по сравнению с предыдущими сессиями. По каждому из этих вопросов было сделано три доклада, причем по второй теме один из докладов был предоставлен советской делегации. В прениях по каждому из обсуждаемых вопросов участвовало более 15 человек.

В связи с чем был поставлен первый вопрос: нуждается ли индийская философия в новой ориентации?

Уже в приветственных адресах руководителей Конгресса нашло свое отражение серьезное беспокойство по поводу состояния философской науки в современной Индии. Выступавший первым вице-канцлер Аннамалайского университета Шри Нарайяносвами Пиллаи отметил, что философия в настоящее время постепенно теряет свою прежнюю ведущую роль в системе высшего образования Индии.

«Существует тенденция к неуклонному уменьшению числа студентов, специализирующихся по философии, тенденция к снижению уровня подготовки этих студентов. Философия, по-видимому, в настоящее время не привлекает к себе лучших студентов, как это было несколько десятилетий тому назад».

Президент Конгресса профессор Кабир говорил об «отсутствии в настоящее время интереса к изучению философии даже среди интеллигенции в Индии».

«Во многих университетах, — сказал профессор Кабир, — студенты-философы вербуются главным образом из тех, кто не мог поступить на какой-либо из других, более популярных факультетов».

Философия, по словам профессора Кабира, сегодня страдает от всеобщего невнимания и равнодушия, в то время как интерес к другим наукам, естественным и общественным, неуклонно и быстро растет.

Серьезная неудовлетворенность состоянием исследовательской работы и преподаванием философии в высшей школе нашла свое место в выступлениях ряда делегатов с трибуны Конгресса и в беседах с советскими делегатами. Отсюда понятна актуальность постановки в качестве темы пер-

вой пленарной дискуссии вопроса «Нуждается ли индийская философия в новой ориентации?» Как же ответили на этот вопрос делегаты 31-й сессии Конгресса?

Первый докладчик по данному вопросу, профессор Малкани, руководитель научно-исследовательского Института философии в Амалнере, отрицал всякую необходимость какой бы ни было философской перестройки. «Мой вывод — индийская философия не нуждается ни в какой реориентации. Она нуждается лишь в правильном и грамотном изложении».

Призывая индийских философов вернуться к своим собственным традициям, профессор Малкани под этими традициями понимал лишь традиции одной школы индийской философии, господствующей в последние века, — Веданты, тесно связанной с теологией и мистикой древних священных книг Индии — Вед.

По мнению профессора Малкани, «индийская философия должна основываться на Вечном Слове (священном писании) и на опыте поколений пророков и мистиков». Профессор Малкани в своем докладе стремился разделить, противопоставить индийскую философию философскому развитию Европы. Он пытался доказать, что противоположность между индийской и европейской философией якобы заключается в том, что западная философия считала разум, логическое мышление основным средством философского исследования, в то время как индийская философия не может быть основана на разуме, а должна опираться главным образом на интуицию. «Метод разума, принятый западной философией, чрезвычайно успешен в науке, но не в философии» — такова точка зрения профессора Малкани.

И профессор Малкани в заключение сделал вывод, что «не индийская философия нуждается в реориентации, но те ложные философские ценности, которые мы приняли в результате нашего контакта с западной культурой».

Отмежевываясь от крайних выводов профессора Малкани, направленных против метода рационального познания, против всякой связи с западной философией, второй докладчик, профессор Дж. Н. Чабб, тем не менее, в целом разделяет оценку современной индийской философии, данную в первом докладе. Он указывает в качестве основного пути дальнейшего развития индийской философии путь тесного союза философии и теологии индуизма.

«Философия и теология в подлинном смысле этих слов — одно и то же. Этот союз философии и теологии есть союз божественного откровения и рационального познания в едином процессе, где обе стороны отличны, но неотделимы друг от друга, в процессе, где истина откровения подвергается «свободной» обработке в соответствующую систему идей».

В основе этого единого процесса, по мнению профессора Чабба, лежит откровение. Профессор Чабб предложил принять за основу положение о том, что «истина сначала должна быть услышана, а затем уже исследована разумом, что «Шрути» (свя-

щенные книги) являются нашим единственным прамана (источником познания)».

Профессор Чабб выступил за известную перестройку современной индийской философии, но за перестройку в свете новейших мистических учений и главным образом в свете учения известного мистика Южной Индии Шри Ауробиндо, основавшего собственную школу в Пондишерри. Профессор Чабб призывал к разработке мистического учения Ауробиндо о «сверхразуме», задача которого — проникнуть в абсолют, в иной мистический божественный мир, «преодолев сопротивление и инертность материи».

Основные положения третьего доклада (проф. В а р а д а ч а р и), по сути дела, мало отличались от взглядов профессора Чабба. Он также связывал основную тезис о перестройке индийской философии с мистическим учением Шри Ауробиндо.

После прочтения трех основных докладов (их полные тексты были заранее отпечатаны и розданы делегатам Конгресса) развернулись интересные и оживленные прения. В центре прений стояли вопросы о причинах кризисного положения в современной индийской философии и путях выхода из этого положения.

Большинство ораторов выразило несогласие с профессором Малкани. Выступавшие указывали на консерватизм его точки зрения и поддерживали необходимость перестройки индийской философии. Многие поддерживали выступление проф. Кабира, который в своем вступительном слове (на первом заседании Конгресса) подчеркнул, что одной из главнейших причин снижения интереса к философии является «отрыв философии от реальных вопросов практической жизни», тот факт, что «изучение философии нередко выливается в чистую семантику (игру словами)», что методы преподавания философии нуждаются в радикальном изменении, поскольку они «зачастую схоластичны в худшем смысле этого слова».

Требование приближения философии к жизни, к практическим проблемам истории, к интересам и чаяниям народа выдвигалось целым рядом участников прений.

Профессор Каул, глава философского факультета Алахабадского университета, в своем очень страстном и ярком выступлении настаивал на приближении философии к жизни общества, на переходе от познания «Абсолюта», «Неопределимого» и т. д. к анализу динамики жизни, от монистического идеализма к истории, от «Майи» к «Лиле» («Майя» — одно из основных понятий философии Шанкары, выражающее иллюзорность всех материальных, чувственных явлений объективного мира; «Лила», или «игра бога», — это противоположное понятие ортодоксальной индийской философии, которое выражает реальность, действительность вещественного мира и окружающих человека явлений, правда, рассматриваемых как результат творческой деятельности, «игры бога». — Авторы).

Выступление проф. Каула было встречено аплодисментами аудитории.

Участник Конгресса Норсинх Нарайян выступил за необходимость для философии заниматься своими собственными проблемами, против отождествления и смешения философии и религии. Его выступление, однако, отнюдь не подвергало сомнению основные принципы индуистской теологии.

Один из делегатов Конгресса, отстаивая мысль о связи философии с жизнью, привел одиннадцатый тезис К. Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Однако и этот делегат утверждал в качестве основного пути развития индийской философии путь разработки монистического идеализма Веданты.

Но были выступления и против догматического отношения к традициям Веданты. Одни из делегатов говорили о необходимости усвоения не только учения Веданты, но и других философских школ Древней Индии, например, школы ньяя или школы вайшешика. В другом выступлении содержалась попытка поставить вопрос о критическом пересмотре некоторых основных положений ортодоксальной (то есть признающей авторитет Вед) философии, таких, например, как «карма», или учение о моральном законе объективного мира (понимаемом в смысле некоего предопределения судьбы человека вследствие прошлых деяний его души), или таких, как «мокша» — учение об «освобождении души» в смысле ее отречения от земной материальной жизни, от потребностей тела.

В целом обсуждение вопроса «Нуждается ли индийская философия в реориентации?» выявило стремление ученых Индии приблизить философию к практическим потребностям жизни, к проблемам, волнующим весь индийский народ.

Во многих выступлениях звучала вера в возможность творческого подъема исследовательской работы в области философии, уверенность в новых достижениях философской мысли Индии.

Мы думаем, что, стремясь приблизить философию к жизни, наши индийские коллеги найдут пути для творческой разработки всех положительных приобретений как западной, так и индийской философии и убедятся в необходимости глубокого усвоения самого передового учения современной философской мысли — философии диалектического и исторического материализма.

Многие философы Индии знакомы с марксистской философией, по-видимому, «из вторых рук», то есть по той критике марксизма, которая ведется в западноевропейской и американской философской литературе. Это мешает индийским философам познакомиться с марксизмом по-настоящему, правильно понять его, а тем более применить марксистскую философию к исследованию социальных проблем. Само изложение марксистской теории при этом часто сопровождается серьезными искажениями.

Доклады на втором симпозиуме были посвящены актуальному вопросу: «Философские основы социальной революции».

Первым докладчиком по этому вопросу выступал профессор Д. М. Датта, один из авторов переведенной на русский язык книги «Введение в индийскую философию».

Проф. Датта исходит из того, что философия может производить огромное влияние на общественные изменения. Современное общество вынуждено под давлением сложных обстоятельств и постоянной критики формироваться, имея тщательно продуманные планы относительно своей экономической и политической структуры, семейных отношений, населения, международной политики и т. д. Чтобы не следовать слепо тем или иным обещаниям и планам, надо проверять их рациональную основу, их философский базис. Человек должен знать, будет ли он рассматриваться как орудие или средство для общественных целей или же как цель, как центр ценностей, для реализации которых он будет иметь необходимую свободу, возможность для свободного развития. Прежде всего, следовательно, он должен осмыслить моральный базис социальной схемы: основана ли эта схема на узкоклассовом интересе или на более обширном человеческом взгляде; имеет ли она в виду только максимальное производство и потребление материальных благ, или же все это рассматривается как средство для достижения более высоких ценностей.

Характеризуя черты социальной революции (радикальный характер производимых изменений, необходимость подготовки к ним разума и чувств людей, связь с прошлой культурой и др.), профессор Датта говорит, что социальной революции часто предшествует культурный кризис, причинами которого могут быть: 1) контакт с иностранной культурой, 2) открытие новых истин, 3) изобретение новых машин или другие причины, приводящие в совокупности к потрясению старой экономической системы, 4) внутренние несоответствия (например, между идеалами и практикой) и их последствия. Перед нами знакомая «теория факторов» в общественном развитии, которая не выделяет коренных причин общественного развития вообще, социальной революции в частности и которая поэтому не в состоянии определить смысл и назначение социальной революции. Говоря о марксистской теории социальной революции, автор утверждает, что марксизм якобы считает обязательным при всех условиях элементом революции насилие. При этом марксисты якобы исходят из того, что 1) человек есть материальное, драчливое существо и 2) мораль для них есть вопрос удобства. «Опровергая» все эти (совершенно не имеющие ничего общего с марксизмом) положения, докладчик в противовес этим положениям говорит, что революция не может базироваться на недоверии к человеку, к его моральным и духовным возможностям, что надо иметь веру в человеческий разум и т. д. Профессор Датта заканчивает свой доклад изложением учения Ганди, как философского базиса социальной ненасильственной революции.

Второй доклад на ту же тему (проф. Крипалани) в своих основных положениях

ниях во многом совпадает с докладом профессора Датта.

Профессор Крипалани говорит, что областью философии являются не только метафизические, но и социальные проблемы. Исторически каждое общество, по словам профессора Крипалани, в своем росте и развитии проходит через две стадии. Первая — это стадия спонтанного и бессознательного изменения и роста, вызываемого внутренними потребностями и внешними обстоятельствами; вторая — это стадия изменения и роста через сознательное усилие. Эта стадия может быть результатом как изменившихся внешних обстоятельств, так и изменившихся ценностей, идей и идеалов. Обычно оба эти процесса совпадают. Автор говорит, что все революции добольшевистского периода (*pre-Bolshevik revolutions*) не планировались и не назначались. Тогда не было никакой науки о революции. Маркс поставил вопрос о необходимости научного анализа общества и открыл метод, посредством которого может быть проведена успешная революция.

Профессор Крипалани не признает марксистского положения об определяющей роли материальных условий в истории общества. По его мнению, ставить вопрос о том, что является определяющим в историческом процессе — материальные условия или идеи, — это то же самое, что решать вопрос о курице и яйце. Он говорит, что революционные движения являются результатом главным образом изменяющихся идей и ценностей, причем причины этих изменений могут быть очень разнообразными. Как и у предыдущего докладчика, мы не находим в докладе профессора Крипалани ясного понимания причин революции и ее назначения. Едва ли определяет назначение социальной революции, например, такое положение докладчика: «Революции суть движения человеческого духа не в узком, партийном или сектантском смысле, но в его широком, объемлющем кругозоре, действующем на некоторые фундаментальные аспекты индивидуальной и коллективной жизни». Профессор Крипалани критикует марксизм, далее, за признание обязательности насилия в революции, игнорируя то обстоятельство, что марксизм считает обязательным насилие, гражданскую войну лишь тогда, когда господствующие классы сами ставят в порядок дня «штык». Профессор Крипалани считает нормальным применение насилия во Французской революции XVIII века и в Февральской революции 1917 года в России, но полагает неправомерным применение насилия в Октябре 1917 года против «демократического» правительства Керенского. Он утверждает также, что марксизм не признает устойчивых моральных норм и строит свою теорию революции, якобы не считаясь с моралью. Докладчик далее подробно излагает «технику ненасильственной революции» в духе учения Ганди.

С третьим докладом на предложенную для второго симпозиума тему выступил советский делегат А. Ф. Шишкин. В докладе советского делегата излагались марксистские взгляды на проблему социаль-

ной революции. Специально была охарактеризована роль философии в эпоху социальных революций прошлого (при переходе от феодализма к капитализму) и роль марксистской философии в социалистической революции, посредством которой осуществляется переход к социализму.

Докладчик специально остановился на критике тех искаженных представлений о марксизме, которые распространены в буржуазной философской литературе и которые нашли себе место в двух предыдущих докладах на тему о философских основах социальной революции. Он показал, что марксистский материализм, признавая определяющую роль материальных условий жизни в развитии общества, отнюдь не отрицает идеалов и вообще духовных ценностей, а выводит их из общественного развития. Марксизм отнюдь не снимает, а, напротив, ставит задачу духовного и морального обновления человека, чувства которого были искалечены веками гнета и нужды. Социализм, как показал опыт СССР, создал широчайшие возможности для развития индивидуальных склонностей и дарований человека.

Докладчик показал, далее, неправильность утверждения, что марксизм стоит за насилие, вооруженное восстание, гражданскую войну во что бы то ни стало, при всех условиях, и ссылаясь на ряд положений классиков марксизма-ленинизма о возможности мирного пути развития революции.

После февраля 1917 года В. И. Ленин имел в виду мирный путь развития революции. Но контрреволюционные силы, правительство Керенского, применив оружие против народа, заставили рабочих и крестьян отказаться от надежды завоевать власть мирным путем. Революционное насилие со стороны народа нельзя осуждать. Если реакционное насилие противоречит требованиям морали (такое насилие можно уподобить действию разбойника, который глумится над своей жертвой), то революционное насилие находится в соответствии с требованиями самой высокой морали (это насилие можно уподобить действиям человека, который стремится обезоружить разбойника и спасти его жертву). Вопреки часто повторяемым утверждениям марксисты не отрицают морали, не проповедуют морального релятивизма. Они уважают все лучшие моральные ценности прошлого, уважают веками выработанные нормы человеческого общежития. Марксистская мораль не отрицает, а развивает все приобретения морального прогресса. Она служит благородным задачам социальной революции: делу освобождения общества, делу возвышения человеческой личности.

Социализм означает, что хозяевами производства будут сами производители, стоящие у власти, что производство будет подчинено не интересам наживы, а потребностям народа, что будут невозможны голод, эксплуатация, войны, национальный и колониальный гнет, что труд и мир будут властелинами жизни.

Силы империализма, потерпевшие ущерб

в результате появления и укрепления социалистических государств и в результате национально-освободительной борьбы народов, всеми силами стремятся укрепить свои позиции. Они стремятся развенчать социализм, оклеветать его, ослабить его позиции, реставрировать старые порядки там, где к этому представится малейшая возможность, подавить национально-освободительное движение народов, сохранить и увековечить колониализм.

Империализм угрожает человечеству новыми войнами. Советские люди высоко ценят благородные усилия Индии в борьбе за мир, за проведение в жизнь принципов мирного сосуществования.

Что призвана делать философия в нашу эпоху? Философы разных направлений и школ по-разному отвечают на этот вопрос. Было бы утопией думать, что в наше время возможна общая для всех философия. В настоящее время речь может идти о достижении взаимопонимания между теми философами, которые, принадлежа к различным философским направлениям, по-настоящему встревожены судьбами человечества, судьбами культуры. Эти философы могут и должны найти общий язык там, где речь идет о необходимости сохранения духовных и моральных ценностей человечества, о борьбе против попыток уничтожить эти ценности. Передовые философы всех стран могут и должны найти общий язык там, где надо определить свое отношение к «философской» проповеди презрения к человеку и человеческому разуму, к культу грубой силы и войны, к проповеди и практике угнетения во всех его формах, будь то угнетение классовое, национальное, расовое или угнетение одного пола другим.

Далее докладчик специально остановился на необходимости установления более тесных связей советских философов с философами Индии в борьбе за утверждение гуманистических принципов в жизни всех народов.

В ходе развернувшихся затем прений ряд делегатов в той или иной форме высказали свою солидарность с теми или иными положениями и выводами доклада советской делегации, с теми или иными положениями марксистской теории социальной революции.

Например, делегат — представитель философов Пакистана — согласился с тем положением, что в деле создания предпосылок и условий социальной революции экономический фактор является главным (хотя и сделал оговорку: «до известной степени»).

Другой участник Конгресса заявил, что хотя он и не разделяет марксистской метафизики (имея в виду диалектический материализм), однако он согласен с экономическим учением Маркса и материалистическим пониманием истории.

Делегат от Калькутского университета выступил против неправильного истолкования некоторых вопросов марксизма в докладах профессоров Датта и Крипалани, в частности, против высказывания Датта об отрицании марксистами морали. Этот же делегат указал, что, по его мнению, различие

между марксистским взглядом на социальную революцию и гандизмом имеет место в основном лишь в вопросе о средствах осуществления социальной революции, а не в понимании ее сущности.

Вопрос о средствах революционного переворота, о насильственных и мирных средствах, применимых в революции, а в связи с этим вопрос о различии между марксизмом и гандизмом поднимало большинство выступавших в прениях.

И хотя целый ряд участников обсуждения стоял безоговорочно на позициях гандизма, отрицая всякую возможность применения революционными силами насильственных мер против контрреволюции, все же в прениях раздавались голоса о необходимости применения насилия в определенные периоды и в определенных условиях. Некоторые делегаты говорили о ноже хирурга, который иногда должен заменить терапевтические средства.

В этом духе высказывался, например, профессор Индерсен из Пондишерри, который подчеркнул, что главное, основное в обсуждаемом вопросе — это вопрос о сущности революционного переворота, о его цели, а средства, применяемые в ходе этого переворота, зависят от характера и успешности «революционного эксперимента». Профессор Индерсен пытался устранить искусственное противопоставление насилия и ненасилия, которое допускали другие выступавшие.

Один из выступавших в прениях участник Конгресса указал на некоторую противоречивость в определениях, которые давались понятию «социальная революция» в докладах профессоров Датта и Крипалани. Если профессор Датта определяет революцию как внезапный и резкий социальный переворот, то профессор Крипалани под революцией понимает исключительно медленные, постепенные изменения общественных порядков.

Некоторые выступления в прениях находились под заметным влиянием современной социологии Запада, и в особенности под влиянием так называемой «социальной психологии», распространенной в Англии и США. Так, например, в одном из выступлений была попытка доказать то, что большинство, большие группы людей, принимающие участие в революции, руководствуются главным образом полусознательными или иррациональными мотивами и побуждениями. Лишь за руководителями, за отдельными выдающимися личностями оратор признавал право действовать сознательно, разумно.

Из этих положений он делал вывод о необходимости в первую очередь изучать область подсознательных чувств и мотивов в поведении человека.

Значительный интерес у участников Конгресса вызвало выступление профессора Римского университета Франко Ломбарди, принимавшего активное участие в работе 31-й сессии. Профессор Ломбарди, в своем выступлении отметив, что доклад советской делегации произвел на него большое впечатление, коснулся в основном проблемы связи философии и политики, под-

черкнул необходимость влияния философии на политику.

По окончании прений профессор Датта отказался от предоставленного ему заключительного слова в пользу советской делегации, представитель которой поблагодарил участников обсуждения за внимание к докладу и высказал пожелание о необходимости дальнейших встреч для обсуждения актуальных вопросов философии и социологии.

Прения по вопросу «Философские основы социальной революции» выявили огромное внимание философской общественности Индии к таким важнейшим проблемам современности, как проблема социальной революции, выявили стремление найти ответ на насущные требования современного развития Индии. Прения показали, что в определенных кругах индийских философов существует живой интерес к вопросам марксистской теории, желание правильно понять марксистскую теорию социальной революции и научного социализма. И, наконец, необходимо особенно отметить исключительно доброжелательный, серьезный характер обсуждения темы второго симпозиума.

Наряду с участием в заседаниях Конгресса советская делегация вела многочисленные беседы в свободное от заседаний время с профессорами и студентами, присутствовавшими на Конгрессе.

Во время этих бесед поднимались вопросы марксистской философии и особенно этики, вопросы религии и атеизма, вопросы, относящиеся к внутренней и внешней политике СССР, системе преподавания в советских высших учебных заведениях, вопросы советской литературы и искусства. Эти беседы давали и нам возможность лучше познакомиться с философской жизнью Индии, ее культурой.

В беседе с нами профессор Датта подробно охарактеризовал положение в среде философов Индии. По его мнению, в настоящее время в Индии можно указать прежде всего три основные группы философов.

К первой группе примыкают последователи старых, традиционных ортодоксальных школ индийской философии. Эта группа тесно связана с индуизмом. Профессор Датта указал, что эта группа переживает в настоящее время известный упадок и ее деятельность носит на себе печать схоластики.

Вторая группа включает преподавателей философии в университетах Индии. Взгляды этой группы представляют собой соединение традиционных систем индийской философии (прежде всего Веданты) с современными школами философии Западной Европы и Америки.

В университетах на долю индийской философии приходится, по словам профессора Датта, около $\frac{1}{3}$ курса, а $\frac{2}{3}$ занимает изучение западной философии. Особой популярностью в настоящее время в Индии пользуется экзистенциализм. Характерно,

что именно экзистенциализму была посвящена работа секции истории философии Конгресса.

Третья группа охватывает сторонников разного рода старых и новых мистических учений. Что касается социальной философии, профессор Датта считает, что «Индия сегодня дает нам картину расколотой индивидуальности». Индийские традиционные, несколько обновленные в трудах крупнейших ученых Индии философские системы в настоящее время имеют, по его словам, тенденцию, с одной стороны, срастись с современной философией Западной Европы и США, а с другой стороны, сблизиться с «теориями бесклассового общества» (профессор Датта имеет здесь в виду марксистскую теорию).

Профессор Датта и профессор Никам познакомили советскую делегацию с системой преподавания философии в индийских университетах, с условиями научной работы, с деятельностью Индийского Философского Конгресса, объединяющего философов всей Индии.

Помимо Всеиндийского Философского Конгресса, имеются подобные объединения и в некоторых штатах Индии, например, в штате Бихар. Руководители Философского Конгресса в Бихаре любезно пригласили советскую делегацию на сессию своего Конгресса.

Участие советских представителей в работе Индийского Философского Конгресса помогло установлению более тесных, дружественных связей между философами Индии и СССР. Эти связи необходимо всемерно укреплять и развивать в дальнейшем.

В этих целях перед нашими издательствами должен встать вопрос о значительном расширении работы по переводу на индийские языки или на английский язык советской философской литературы.

Необходимо организовать перевод работ по истории философии и в особенности по истории русской философии (с которой индийская философская общественность почти незнакома), работ по проблемам этики, а также популярной литературы, посвященной отдельным вопросам философии.

Вместе с тем было бы желательно пригласить в СССР группу ведущих индийских философов для знакомства их с постановкой преподавания философии и научно-исследовательской работы и для обсуждения с советскими философами некоторых основных теоретических проблем.

Желание посетить СССР и еще раз встретиться с советскими философами высказывали во время своих бесед с нами многие делегаты Конгресса. Профессор Никам предложил тему для такого обсуждения — «Философия и общество».

Укрепление связей между философами СССР и Индии будет способствовать развитию дружбы между народами этих великих стран.

Ю. А. ЗАМОШКИН,
А. Ф. ШИШКИН

Развитие философской науки в Китайской Народной Республике

VIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, явившийся исторической вехой в истории Китая, поставил перед всем китайским народом огромные задачи в борьбе за успешное завершение социалистического строительства. Обобщив богатый опыт двух этапов китайской революции, съезд наметил грандиозную программу дальнейшего экономического и культурного строительства.

Большое значение имеет VIII съезд КПК и для деятельности молодого Института философии Академии наук КНР. В институте систематически изучаются материалы VIII съезда. Основное требование, предъявляемое к этой учебе, состоит в том, чтобы выработать марксистско-ленинский стиль научно-исследовательской деятельности, связать исследования с практикой и преодолеть догматизм, сектантство и бюрократизм.

Большое влияние оказал VIII съезд и на планирование научно-исследовательской деятельности. Как уже отмечалось в печати, исходя из задачи, поставленной перед китайскими учеными совещанием по вопросу об интеллигенции, созданным в январе 1956 года Центральным Комитетом Коммунистической партии Китая, — за 12 лет приблизиться к передовому уровню тех отраслей мировой науки, которые наиболее необходимы новому Китаю, — Институт философии АН КНР с первых же дней своего существования приступил к выработке 12-летнего перспективного плана развития научной работы на 1956—1967 годы.

Составление планов велось по трем направлениям: выработка проекта 12-летнего перспективного плана научных работ в области философских и общественных наук в целом (всего — по 15 отраслям); выработка проектов 12-летнего перспективного плана научной работы конкретно по каждой отрасли и, наконец, выработка планов на 1957 год по каждому научно-исследовательскому институту в области философских и общественных наук, обеспечивающих успешное осуществление перспективного плана по этапам. Все эти планы разрабатывались применительно к конкретным условиям и потребностям социалистического строительства современного Китая, с учетом опыта братских стран народной демократии, в особенности Советского Союза.

При планировании научно-исследовательской работы в области философии институт обращал главное внимание на определение основных проблем, над которыми предстоит работать китайским философам.

Работа Института философии АН КНР будет вестись по следующим основным разделам:

1) Научно-исследовательская работа в области диалектического и исторического материализма на базе обобщения опыта

Китайской народной революции и социалистического строительства в Китае.

2) Исследование общих проблем материалистической диалектики, логики и теории познания.

3) История логики и логика как наука.

4) Исследование диалектики применительно к естественным наукам.

5) Исследование законов развития производства в социалистическом обществе.

6) Эстетика, этика и атеизм как формы сознания (некоторые основные вопросы).

7) История китайской философии.

8) История философии и современная философия зарубежных стран.

9) Критическое изучение идеалистической философии капиталистических стран.

Большое внимание при планировании уделялось также и вопросам составления учебных пособий. За 12 лет запланировано составить учебники по диалектическому материализму и историческому материализму, истории китайской философии, формальной логике, эстетике, этике, истории философии стран Востока и Запада, диалектической логике, а также ряд хрестоматий и другой справочной литературы. Намечено также продолжать перевод на китайский язык трудов классиков марксизма-ленинизма, осуществить перевод классических трудов древних философов всех стран и произведений передовых представителей современной философии за рубежом, а также перевести отдельные труды философов-идеалистов современных капиталистических стран (в качестве справочного пособия для аспирантов). Объем работы по переводу на китайский язык трудов зарубежных ученых по вопросам философии и логики определен как минимум в 40 миллионов знаков (то есть 4 тысячи авторских листов).

Характеризуя конкретно работу и задачи сектора истории китайской философии, заведующий сектором Фын Ю-лань сообщил, что перед его сотрудниками поставлены три большие задачи: 1) создание марксистского учебника истории китайской философии; 2) составление справочного материала по истории китайской философии; 3) перевод на современный китайский язык классических трудов по китайской философии и составление к ним комментариев (объем работы определен примерно в 10 с лишним миллионов знаков, то есть 1 тысяча авторских листов).

В настоящее время сотрудники сектора ведут работу по переводу на современный китайский язык трудов китайских философов, которые войдут в издаваемый в 1957 году сборник «Классики китайской философии». Сборник охватывает период с древнейших времен до движения 4 мая 1919 года. Заканчивается подготовка к печати 3-го тома сборника — от опиумных войн до

движения 4 мая 1919 года; по остальным томам ведется переводческая и редакторская работа. В стадии обсуждения находится работа по составлению учебника истории китайской философии, причем в центре внимания стоит вопрос об оценке различных философских школ и отдельных философов и о характере борьбы между отдельными философскими школами (например, конфуцианцами и модистами и т. д.).

Сектор истории философии зарубежных стран планирует наряду с составлением учебника по истории западной философии развернуть исследования, дискуссию по проблемам материализма, диалектики, борьбы материализма с идеализмом, по вопросу об оценке многих философских систем в истории западной философии и другим вопросам, которые могут возникнуть в процессе работы над учебником. Сектор предполагает уделить большое внимание выявлению исторических корней и исторической преемственности буржуазного идеализма в концепциях некоторых современных философов Китая и Запада.

Как сообщил заведующий сектором логики профессор Цзинь Юэ-лин, основное внимание сектор уделяет трем вопросам: 1) предмет диалектической логики; 2) диалектическая логика «Капитала» Маркса; 3) диалектическая логика в естественных науках.

Кроме того, сектор наметил двухлетний план исследований в области математической логики. Эта работа будет вестись совместно с научно-исследовательским институтом математики АН КНР, причем Институт философии намерен уделить основное внимание изучению таких вопросов, как теория конструктивного исчисления, закон противоречия, математическая логика и общая логика. Институт математики предполагает изучать такие вопросы, как теория доказательства, и некоторые другие.

В разделе формальной логики сектор планирует вести работу по трем направлениям: 1) составление учебника и хрестоматии; 2) разработка проблемы «Объективные основы законов мышления»; 3) исследование логики Гегеля (проблемы связи между диалектической и формальной логикой).

В области истории логики, помимо составления учебника и справочных материалов, на ближайшие два года планируется исследовательская работа по следующим темам: «Логика в трудах философов модистов» и «Разграничение вопросов истории логики и истории философии в трудах древних китайских мыслителей до эпохи правления Цинь Ши-хуана».

Сектор философии естественных наук предполагает сосредоточить основное внимание на изучении следующих вопросов:

а) философское обобщение новых достижений в математике и естественных науках в целях изучения общих закономерностей движения и развития, изменений в природе, в целях более глубокого изучения всего круга вопросов материализма и диалектики

и тем самым обогащения философии марксизма-ленинизма;

б) исследование сущности, взаимосвязи и своеобразия различных состояний движения в природе; исследования в области классификации современных естественных наук, в частности, вопроса о закономерностях формирования новых отраслей науки;

в) систематическое изучение формирования и развития различных теорий и систем взглядов в математике и естественных науках;

г) изучение вопросов методологии в математике и естественных науках.

Институт философии АН КНР является центром проведения подобных специальных исследований. Он привлекает к этой работе всех ученых в соответствующих областях естественных наук и философии. Поэтому и в самом институте работают не только специалисты-философы, но и определенное число специалистов-естественников.

Оценивая сейчас всю работу в области планирования с точки зрения решений VIII съезда КПК, руководство и сотрудники Института философии АН КНР считают необходимым отметить ряд недостатков, которые имели место в этой работе. Прежде всего это касается годового плана научной работы на 1957 год, который нуждается в существенных исправлениях. Эти недостатки заключаются в следующем.

Во-первых, наблюдался известный догматизм в вопросах выбора тематики научно-исследовательской работы. Это проявлялось прежде всего в том, что уделялось недостаточное внимание изучению целого ряда вопросов, выдвинутых практикой революционного строительства в Китае, а также философскому обобщению опыта социалистического строительства и социалистических преобразований в КНР. Необходимо поднять до уровня теории познания изучение вопросов проводимой Коммунистической партией Китая «линии масс». Недостаточное внимание уделялось также и вопросу о диктатуре пролетариата и длительном сосуществовании Коммунистической партии Китая со всеми демократическими партиями в условиях взаимного контроля.

Во-вторых, наблюдался излишне широкий охват вопросов при планировании научно-исследовательской деятельности, стремление за короткий промежуток времени решить ряд больших проблем, требующих длительного изучения.

Таковы главные недостатки работы по планированию научной деятельности, проведенной Институтом за прошедший год. На специальном заседании Ученого совета института будет рассмотрен вопрос о преодолении недостатков в планировании и исправлении плана работы на 1957 год.

VIII съезд КПК укрепил уверенность научных сотрудников Института философии АН КНР в правильности и необходимости проведения в жизнь курса «Пусть соперничают все ученые». «Чтобы вызвать расцвет науки и искусства в нашей стране, поставить их на службу социалистическому строительству, — заявил в Политическом отчете ЦК VIII съезду товарищ Лю Шао-

ца, — ЦК партии выдвинул курс: «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые». Научная истина становится яснее в ходе дискуссии. В искусстве должны существовать различные стили. В вопросах науки и искусства в целях дальнейшего развития партия не должна осуществлять свое руководство путем администрирования, а должна выступать за свободное обсуждение и свободное соревнование». Исходя из этих основополагающих установок Политического отчета ЦК КПК VIII съезду, сотрудники Института философии АН КНР считают, что, только придерживаясь этого правильного курса, можно добиться привлечения на сторону марксизма-ленинизма еще более широких масс людей и что только через дискуссии можно улучшить научно-исследовательскую работу института.

В соответствии с новым курсом, выдвигнутым ЦК КПК, институт предполагает изменить существовавшую ранее практику чтения лекций в учебных заведениях страны. В ходе преподавания будут широко освещаться не только материалистические, но и идеалистические теории. Благодаря этому молодые ученые Китая смогут понять, почему необходимо вести борьбу с идеализмом, смогут разобраться в его пороках, так как, только зная идеалистические теории, можно эффективно разоблачать идеализм и выдвигать в противовес идеализму подлинно научные, материалистические положения. Все это, кроме того, сделает более полным и глубоким содержание научных исследований.

Откликаясь на решения VIII Всекитайского съезда КПК, Институт философии АН КНР организовал на страницах китайской печати (главным образом на страницах газет «Женьминьжибао» и «Гуанминьжибао») творческую дискуссию по наиболее важным вопросам теории и практики социалистического строительства в Китае, в которую вовлечен большой круг видных китайских ученых. В дальнейшем работа в этой области будет расширена.

Важнейшей проблемой в деле успешного осуществления вышеупомянутых задач Института философии АН КНР в настоящее время является проблема кадров. Реакционное господство гоминдана оставило в этом отношении весьма печальное наследство: проблеме подготовки кадров философов гоминдановское правительство почти не уделяло внимания. Насаждая реакционное господство псевдонаучных «теорий» и школ, вроде «школы» предателя китайского народа Ху Ши, реакционной, насквозь идеалистической «педагогике» Дьюи, клика Чан Кай-ши стремилась затормозить развитие передовой мысли в Китае и утвердить свое господство и в этой области идеологии. Режим Чан Кай-ши был не только антинародным, он был и антинаучным, подавляя свободное развитие науки в Китае.

Победа Народной революции в Китае открыла перед китайской молодежью широкую дорогу в науку, призвала китайских юношей и девушек овладевать лучшим, что есть в культурном наследии китайского народа. Большое место отводится в этом от-

ношении и подготовке новых кадров отечественных философов. В настоящее время кадры философов готовятся в основном в двух высших учебных заведениях страны: Народном университете и Пекинском университете. В этом году созданы факультеты философии в Уханьском университете и в университете «Фудань» в гор. Шанхае.

Из года в год растет число студентов философских факультетов. Если в 1954 году на первый курс философского факультета Пекинского университета было принято всего 40 человек, то в 1955 году — уже 60, а в 1956 году — 100 человек. В Народный университет на философский факультет в 1956 году было принято 200 человек. Философский факультет Пекинского университета в 1956 году закончили 33 человека, которые направлены на исследовательскую и педагогическую работу. Кроме того, в Институт философии в 1956 году принято 10 аспирантов.

Перспективным планом развития научной работы в области философии предусматривается подготовить за 12 лет 4440 специалистов в области философии, в том числе Институт философии АН КНР планирует подготовить 600 человек штатных работников. (В настоящее время штат института состоит из 70 с лишним научных сотрудников, в том числе 32 человека — старшие и младшие научные сотрудники, 8 человек — ассистенты; к концу этого года штат института возрастет до 145 человек.) Эта цифра будет понятной, если учесть, что в ближайшем будущем не предполагается открытие филиалов института в других городах Китая. Всего же штат института, включая редакторов, переводчиков и административных работников, за 12 лет возрастет до 1 000—1 200 человек.

Крепнут международные связи Института философии АН КНР. Установлен тесный контакт с Институтом философии АН СССР, налаживается обмен мнениями по научным вопросам с академиями наук Болгарии, Румынии, Германской Демократической Республики и др. В настоящее время институт готовит для советской научной печати статьи по следующим вопросам:

1) Идеологическая борьба в Китае в настоящее время.

2) Основные законы переходного периода. Сборник избранных статей (готовится Институтом экономики АН КНР).

3) О двуединой политике союза и борьбы рабочего класса Китая с национальной буржуазией (автор — Фын Дин).

Установлен контакт и с прогрессивными учеными Японии. От университета «Хоккайдо» институт получает в порядке обмена журнал «Материализм», высылая в Японию журнал «Изучение философии». Налажена связь с научным обществом «Изучение цивилизации» Института естественных наук в гор. Нара (Япония) и с Токийским политико-юридическим институтом, от которых недавно получены «Ученые записки Института естественных наук» и журнал «Изучение марксизма-ленинизма».

Все вышесказанное свидетельствует о большой работе, которую развертывает молодой Институт философии АН КНР. Нет

сомнения в том, что, завершив организационный период и окончательно выработав перспективный 12-летний план научной работы, институт успешно выполнит те грандиозные задачи, которые поставила перед ним Коммунистическая партия Китая, и даст народу большое количество ценных

трудов по самым различным вопросам философии, способствуя тем самым развитию науки и скорейшему завершению построения социализма в Китае.

ЧЖОУ И-МИН
и **В. Ф. ФЕОКТИСТОВ** (Пекин)

В Институте философии Болгарской академии наук

Во время пребывания в Болгарии по приглашению Болгарского комитета дружбы и культурной связи с границей, мне пришлось немного ознакомиться с работой болгарских философов, и прежде всего с работой коллектива Института философии Болгарской академии наук. Даже это беглое ознакомление показывает, что болгарские философы-марксисты за двенадцать лет народно-демократического строя в стране проделали немалую работу. В условиях царско-фашистского режима в Болгарии Института философии в Болгарской академии наук не было. Институт философии БАН впервые был организован лишь в 1948 году. С каждым годом сфера его деятельности расширяется. Пропагандируя и развивая марксистско-ленинскую философию, болгарские философы-марксисты ведут в то же время борьбу против идеалистических философских течений, все еще пользующихся известным влиянием среди болгарской интеллигенции. Особенно широко была распространена в Болгарии идеалистическая философия имманента Ремке, который имел в Софии одного из наиболее верных своих учеников — академика Д. Михалчева.

С философией ремкеанства болгарские философы-марксисты вели непримиримую борьбу и в условиях фашистского засилья. Еще в 20—30-х годах виднейший болгарский философ-марксист Т. Павлов опубликовал книги «Ремкеанство и материализм», «Идеализм и материализм», в которых подверг решительной критике ремкеанство и другие направления идеалистической философии.

Эта борьба продолжалась и после установления народно-демократического строя в Болгарии. Несколько лет назад в Институте философии БАН была организована дискуссия в связи с рукописной работой Михалчева «Традиционная логика и ее материалистическое обоснование», в которой автор пытался выдать за материализм свои старые увлечения идеалистической философией ремкеанства. Рукопись эта подверглась весьма обстоятельному критическому разбору со стороны академика Т. Павлова, члена-корреспондента БАН А. Киселинчева, проф. Р. Караколова, проф. Ж. Ошавкова, проф. А. Бынкова и др. Материалы дискуссии освещались в журнале «Философская мысль». Итоги дискуссии были подведены в книге Т. Павлова «Итоги борьбы против одной идеалистической реакционной философии».

Наряду с критикой идеалистических на-

правлений в философии болгарские философы проводят значительную работу по позитивной разработке проблем марксистско-ленинской философии.

В 1954 году институт опубликовал сборник статей «Вопросы развития Болгарии на пути к социализму» под редакцией члена-корреспондента БАН А. Киселинчева, проф. Ж. Ошавкова и кандидата философских наук Ст. Ангелова. В статьях сборника рассматриваются такие важные вопросы социалистической революции и социалистического строительства Болгарии, как вопрос об экономической основе болгаро-советской дружбы; о характере народно-демократической революции в Болгарии и ее движущих силах; о диктатуре пролетариата; о социалистической собственности как экономической основе народно-демократического строя; о законе постепенного перехода от старого качества к новому и его значении для социалистического переустройства болгарской деревни; о социалистическом соревновании как движущей силе развития Болгарии на пути к социализму; о роли народно-демократической власти в создании экономической базы социализма; о некоторых чертах морального облика нового человека; о задачах марксистской истории Болгарии.

Сборник является полезной книгой как с точки зрения пропаганды марксистско-ленинской теории, так и с точки зрения творческой разработки учения о строительстве социалистического общества, исследования конкретных проявлений в Болгарии общих законов переходного периода от капитализма к социализму. Хотя в статьях сборника и содержатся некоторые нечеткие и дискуссионные положения, в целом он написан с марксистских позиций и свидетельствует о значительном росте идейно-теоретического уровня болгарских философов.

Точно так же большой интерес представляет другой коллективный труд болгарских философов — «Вопросы марксистской теории в трудах Дмитрия Благоева». В 1956 году исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося болгарского марксиста. Поэтому выход в свет указанного труда был особенно своевременным.

Конечно, указанный труд еще далеко не исчерпывает всех материалов, характеризующих роль Д. Благоева в деле пропаганды и развития марксистской теории применительно к особенностям исторического развития Болгарии. Однако этот труд мы вправе считать значительным шагом вперед по сравнению с издававшимися ранее от-

дельными статьями и брошюрами, посвященными виднейшему теоретику и вождю пролетарского движения в Болгарии.

За время своего существования Институт философии БАН подготовил ряд монографических исследований. Большая часть из них принадлежит перу президента БАН акад. Т. Павлова, который до 1952 года был одновременно и директором Института философии БАН (в настоящее время институт возглавляет член-корреспондент БАН А. Киселинчев). За последние десять лет Т. Павловым выпущены в свет книги: «Теория отражения» (второе и третье переработанные и расширенные издания), «Основные вопросы эстетики» (первый том), «Познаваемость мира», «Краткое изложение теории отражения в связи с учением И. П. Павлова», «Основные вопросы мичуринского учения в свете диалектического материализма», «Основное в учении И. Павлова в свете диалектического материализма», «За марксистскую историю Болгарии», «За марксистскую эстетику, литературоведение и критику», «Избранные педагогические работы», «Искусство и жизнь», «Диалектико-материалистическая философия и частные науки». Некоторые из этих книг переведены на русский, польский, чешский, сербский, а также немецкий языки.

Среди книг, выпущенных сотрудниками Института философии БАН, следует отметить монографию А. Киселинчева «Марксистско-ленинская теория отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности» (книга эта была переведена на русский и немецкий языки), сборник «О капиталистических пережитках в сознании трудящихся Болгарии и борьбе с ними», а также монографию П. Гиндева «К вопросу о характере народно-демократической революции в Болгарии».

Неплохо обстоит дело в Институте философии БАН с организацией научных дискуссий по тем или иным проблемам на заседаниях Научного совета института. Особенно поучительна в этом отношении работа Института философии БАН по организации дискуссий по философским вопросам естествознания совместно с соответствующими естественнонаучными учреждениями БАН.

Так, в 1953 году здесь была проведена широкая дискуссия по философским вопросам теории видообразования. В дискуссии приняло участие много философов и биологов болгарской столицы. Хотя здесь были представлены самые различные точки зрения, в целом обсуждение проходило под флагом дальнейшего развития мичуринского учения. Большинство участников дискуссии выступило с резкой критикой рецидивоввейсманизма-морганизма и мальтузианства в биологии. Вместе с тем было указано на перегибы некоторых биологов-мичуринцев, выразившиеся в огульном отрицании внутривидовой борьбы и признании в процессе видообразования одних лишь резких скачков.

Не менее плодотворно прошла и дискуссия по философским вопросам физики, в ходе которой выступили 24 оратора. В докладе А. Поликарова были подвергнуты

критике идеалистические ошибки, допущенные некоторыми болгарскими физиками. Заседание это проводилось совместно с Институтом физики БАН.

Большим плюсом в работе Института философии БАН является участие в обсуждении тех или иных теоретических проблем всех ведущих работников института. Само собой разумеется, что этому каждый раз предшествует большая предварительная работа.

Всего в Институте философии БАН в настоящее время работают 14 штатных сотрудников (младших и старших), а также 30 внештатных. Внештатные сотрудники не получают в институте денежного вознаграждения. Основная их работа — педагогическая деятельность в Софийском университете, в Высшей партийной школе и других высших учебных заведениях. Что касается работников периферии, то институт пока еще слабо связан с ними. Между тем среди них имеется немало способных, творческих работников, горячо интересующихся научной работой, которые могли бы оказать помощь институту в разработке актуальных философских проблем.

Так, например, в гор. Сталине в Высшем институте народного хозяйства кафедрой марксизма заведует проф. К. Тодоров, уже много лет занимающийся изучением вопроса о специфике жизни как одной из форм движения материи. В этой области им высказан ряд оригинальных мыслей, на что указывалось при обсуждении его рукописи в Москве на совместном заседании Института биофизики и сектора философских вопросов естествознания Института философии АН СССР, куда он был приглашен Президиумом АН СССР осенью 1955 года.

Наряду со старыми, опытными философами-марксистами, о которых шла речь выше, в Болгарии растет способная философская молодежь. Многие из молодых болгарских философов получили образование в Советском Союзе — в Москве, Ленинграде, Киеве.

В самой Болгарии философские кадры готовятся на философско-историческом факультете Софийского университета, а также в Высшей партийной школе. Часть аспирантов учится в очной аспирантуре, часть — в заочной.

О значительном росте философских кадров в Болгарии свидетельствует повышение качества статей в журнале «Философская мысль», а также расширение круга его авторов, в особенности молодых. Если вначале в работе журнала принимали участие единицы, затем десятки авторов, то теперь, как это видно из перечня статей, опубликованных в журнале в связи с 10-летием со дня его основания (см. «Философская мысль» № 6. 1955 г.), число авторов перевалило за полторы сотни.

Журнал «Философская мысль» охотно предоставляет свои страницы для работ не только болгарских, но и зарубежных авторов. Здесь печатаются статьи советских, польских, чешских, немецких философов. Журнал публикует обзорные статьи с разбором зарубежных философских изданий.

Так, только в 1955 году здесь были даны рецензии о французском марксистском журнале «La Pensée», о философском журнале ГДР «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», о польском журнале «Myśl filozoficzna», а также статьи о 200-летию Московского государственного университета, о философской жизни в Румынии, о конгрессе философов в Италии, о женевской конференции по использованию атомной энергии в мирных целях.

Во время наших бесед с болгарскими философами многие из них справедливо поднимали вопрос о координации научной деятельности философских учреждений стран социалистического лагеря. Этот вопрос, безусловно, заслуживает самого пристального изучения. В самом деле, страны социалистического лагеря уже давно координируют свою деятельность в области экономики и

политики. В последнее время начала осуществляться координация научной работы по использованию атомной энергии в мирных целях. Что же касается общественных наук, и в частности разработки проблем марксистско-ленинской философии, то здесь для объединения наших усилий сделано еще очень мало. А между тем потребность в такого рода координации ощущается с каждым годом все сильнее. Поэтому было бы очень неплохо, если бы Институт философии АН СССР проявил в этом отношении полезную инициативу.

Таковы вкратце впечатления о работе болгарских философов.

В заключение хотелось бы пожелать болгарским друзьям новых успехов в их большой и нужной для народа работе.

Г. В. ПЛАТОНОВ

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

О некоторых концепциях истины в современной идеалистической гносеологии

В современной буржуазной гносеологии наиболее распространенными концепциями истины являются позитивистские концепции. Сторонники позитивизма благодаря ссылкам на «опытные факты», на «физические данные», на математические и логические понятия и категории, на «практические» результаты познания и т. п. обеспечили позитивистской гносеологии довольно большую популярность среди научных кругов капиталистических стран.

Все гносеологические концепции идеалистической философии — это можно с полным правом сказать и о неопозитивистской концепции истины — выхватывают ту или иную сторону сложного и противоречивого процесса познания, абсолютизируют ее, превращают в незыблемую догму, отрывая познание от природы, от материи. При этом различные гносеологические концепции абсолютизируют различные стороны процесса познания; в этом и заключаются их специфические особенности, отличающие их от других идеалистических концепций.

Современный позитивизм, как известно, включает в себя весьма различные течения: прагматизм, логический атомизм, физикализм и неомихизм, семантику. Эти течения имеют много общего, но каждому из них присущи и свои особенности.

Наиболее характерной для современной буржуазной философии вообще, а для позитивистской гносеологии в особенности является прагматистская концепция истины. Сущность этой концепции сводится к так называемому инструментализму, согласно которому наши идеи и понятия играют роль специальных инструментов, особых средств и способов, «ключей» к данной ситуации, с помощью которых человек достигает определенных практических целей. Согласно этой концепции, только те положения можно считать истинными, которые «инструментальны», то есть служат достижению определенных целей, поставленных человеком. Современный английский прагматист У. Галлие, ссылаясь на Пирса и Джемса, утверждает, что истиной является то, «что работает», «что оплачивается», то есть вознаграждает человека за его теории, его идеи (см. W. B. Gallie «Peirce and Pragmatism». 1952, pp. 21, 76).

Излагая инструменталистскую логику Дьюи, современный американский прагматист Г. Тайер в книге «Логика прагматизма» утверждает, что суждения, гипотезы и другие формы познания «инструментальны», они могут быть только полезными, — никакого объективного значения они не имеют (см. H. S. Thayer «The Logic of Pragmatism. An Examination of John Dewey's Logis». N. Y. 1952, p. 85, 120). Эти положения есть не что иное, как повторение инструменталистской концепции Дьюи, развитой им в его книгах «Логика; теория исследования» (1938), «Проблемы человека» (1946), а также в последней его крупной работе «Познание и познанное» (1949), написанной совместно с Бентли, где он пытается эклектически сочетать инструментализм и семантику.

Одной из самых новых и «модных» форм инструментализма является его биологическая интерпретация, представляющая собой смесь прагматизма с социальным дарвинизмом и мальтузианским пониманием борьбы за существование. Эту концепцию преподносит современный австрийский проповедник позитивизма и прагматизма И. Фишль в книге «Современный материализм и позитивизм», вышедшей в 1953 году. Ссылаясь на Шиллера и Дьюи, Фишль определяет истину как пользу. Прагматисты, говорит он, включают в свою логику дарвинизм и умозаключают: истинно то, что содействует победе в борьбе за существование, а ложно то, что ведет к поражению. Поэтому и логика становится «биологией». Поясняя свои рассуждения, Фишль заявляет, что восприятие истины является биологическим процессом: «Не только пальцы и когти животных, но также и идеи людей являются инструментами в борьбе за существование» (J. Fischl «Materialismus und Positivismus der Gegenwart», Graz—Wien. 1953, S. 353).

Более того. Оказывается, что сами идеи имеют биологические цели: они «указывают выход из катастроф и спасают организм от гибели». Именно такие идеи, которые приносят пользу организму, являются истинными, причем «биологически истинными» (там же). По существу, Фишль лишь воспроизводит рассуждения Э. Маха, который в своей работе «Познание и заблуждение» рассматривал познание как «биологически полезное психическое переживание».

Инструменталистская концепция истины, развиваемая Дьюи и всеми современными прагматистами и по своему содержанию полностью совпадающая с рассуждениями об истине основоположников прагматизма Пирса, Джемса и Шиллера, научно несостоятельна. Прежде всего она односторонне и узкоутилитарно трактует сложный и противоречивый процесс познания. В процессе познания, бесспорно, играют свою роль интересы людей и их стремление применить и использовать на практике различные идеи, теории, понятия и т. д. Действительно, ценность и значение научных теорий и взглядов определяются жизнью, практикой. Именно эта сторона процесса познания искусственно изолируется прагматистами от других его сторон и искажается ими.

Дело в том, что прагматизм считает истинным любое положение, которое кому-либо приносит практическую пользу, выгоду. Это значит, что подлинная истинность научных теорий и понятий игнорируется прагматистами; по их мнению, они «истинны» только потому, что полезны и удобны, следовательно, никакого объективно истинного содержания в наших знаниях нет, истинность состоит не в отражении объективных свойств и отношений вещей, а лишь в их «полезности», «инструментальности». В действительности же практическая ценность и значение научных теорий определяются тем, насколько объективно и верно отражают они законы окружающего мира. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин указывал, что господство человека над природой есть результат объективно-верного отражения в голове человека ее законов, то есть полезными и ценными для практики человека являются объективно-истинные теории и идеи, а не наоборот, как считают прагматисты. Относительно утверждений о «биологической полезности» различных теорий Ленин говорил, что «познание может быть биологически полезным, полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если оно отражает объективную истину, независимую от человека» (Соч., т. 14, стр. 127).

А прагматизм отрицает объективную истину. Как известно, прагматизм утверждает, что полезность, или «истинность», идей и теорий определяется в практике человека. На первый взгляд это утверждение может показаться верным. Но дело в том, что прагматизм извращает само понятие практики. В определении практики прагматисты всецело стоят на релятивистско-субъективистских позициях, на позициях солипсизма; для них, как говорил Ленин, успех и есть все то, что им нужно на практике. Прагматизм сводит практику к индивидуальной деятельности человека, к удовлетворению его желаний и стремлений. А под индивидуальной деятельностью прагматисты понимают так называемое биологическое приспособление человека к окружающей его среде. Успехи в этой деятельности они объявляют критерием истинности, определяющим полезность или бесполезность средств и инструментов, которыми пользуется человек.

Понимание практики в философии марксизма в корне противоположно прагматистскому: диалектический материализм рассматривает практику как общественно-историческую деятельность людей в области материального производства, классовой, революционной борьбы и научного эксперимента, основанного на определенном уровне развития техники. Общественно-историческая практика человека имеет объективную основу: люди в процессе производства вступают в независимые от их воли и желания экономические отношения, определяющие отдельные стороны общественной практики, которая развивается в соответствии с объективными законами истории. Более того, в основе человеческой практики лежат объективные законы природы и общества, что отрицается прагматизмом. Отсюда следует, что критерий практики в познании вопреки утверждениям прагматистов носит объективный характер, и поэтому общественная практика действительно позволяет установить истинность подлинно научных взглядов и теорий и опровергнуть ложные взгляды и представления.

Это тем более необходимо отметить, что в настоящее время делаются многочисленные попытки чуть ли не отождествить взгляды марксизма и прагматизма на роль практики в познании. Так, в юбилейном сборнике, посвященном 90-летию Дьюи, помещена специальная статья под названием «Джон Дьюи и Карл Маркс», в которой автор находит девять (!) положений, «общих» для марксизма и прагматизма. В частности, он заявляет, что как прагматисты, так и марксисты являются волюнтаристами в социологии, они признают единство теории и практики и выступают «против абсолютной истины, в защиту относительной и временной истины» и т. д. (John Dewey: «Philosopher of Science and Freedom». A. Symposium. N. Y. 1950, pp. 336—341). Подобные сопоставления — плод фантазии и в лучшем случае недоразумений.

Противоположность марксизма и прагматизма в решении всех этих вопросов совершенно бесспорна. Во-первых, положение марксизма о единстве теории и практики основано на признании решающего значения общественно-исторической деятельности людей и активной роли передовых теорий и идей в их практической жизни. В прагматизме же подобное положение означает растворение идей и теорий в эмпирически-утилитарной деятельности человека, в его индивидуальной и узкоограниченной «практике». Во-вторых, положение марксизма о том, что люди сами делают свою историю, означает признание активной созидательной деятельности общественных классов, народных масс как подлинных творцов истории на основе и в соответствии с объективными законами развития материального мира. В прагматизме же это положение толкуется как субъективистское, волюнтаристское «сотворение» действительности в личном, индивидуальном «опыте» человека, познающего субъекта. В-третьих, прагматизм отри-

даст объективную и абсолютную истину, и его концепция истины носит релятивистский характер, тогда как марксизм всесторонне развивает учение об истине, раскрывает на основе объективной истины диалектику связи абсолютной и относительной истин. Прагматистская концепция истины оправдывает и обосновывает так называемые религиозные «истины», проповедуемые как старыми прагматистами, вроде Джемса и Шиллера, так и новыми и «новейшими» прагматистами. Тот же Галлие заявляет, что «мы мыслим бога», и поэтому он существует, если, разумеется, такое его «существование» кому-то выгодно, полезно, нужно. В книге «Англо-американский прагматизм» его итальянский адепт и популяризатор профессор Ламанна говорит, что, согласно прагматизму, «вера творит истину», ибо «религиозность есть интимное, личное чувство» (Е. Р. Ламанна «Il pragmatismo anglo-americano», Firenze, 1952, pp. 108, 140). В этой книге обоснование религии с помощью прагматистской концепции истины приводит к возрождению средневековых «категоризмов» о примате веры над разумом, над истиной.

Таким образом, вся прагматистская концепция истины является антинаучной, враждебной разуму и научному познанию мира; она служит фидеизму, религии.

* * *

Рассмотрим некоторые типичные концепции истины других направлений неопозитивизма, и в первую очередь концепции семантиков и логических позитивистов, в которых субъективизм и релятивизм проявляются наиболее отчетливо.

Остановимся на концепции истины логического позитивиста Л. Виттгенштейна, развиваемой им в книге «Философские исследования», вышедшей в 1953 году. Основные идеи, высказанные автором еще тридцать лет назад в известном «Логико-философском трактате» (1922), получили в его новой книге еще более откровенное субъективно-идеалистическое толкование.

Выступая против объективности познания и объективной истины, Виттгенштейн утверждает, что элементы действительности не могут быть определены и даже описаны, они могут быть только названы; по его мнению, сам язык, речь, якобы уже является свидетельством истинности высказываний субъекта. Виттгенштейн заявляет: «Если я сказал, что я знаю, как идти дальше, это значит, что я действительно это знаю» (L. Wittgenstein «Philosophical Investigations», 1953, p. 323). Иначе говоря, познающий субъект с его собственными ощущениями, его «экспериментированиями», с различными элементами языка определяет истинность нашего мышления, наших знаний. Это чисто солипсистский «критерий истины», так как сам познающий субъект — «Я» — становится критерием истинности собственных взглядов, выраженных в словах. Слово в данном случае берется вне всякого объективного содержания, как пустая оболочка, чисто звуковая форма, и считается, что оно само по себе «содержит истину».

Весьма характерную для всего современного неопозитивизма концепцию истины развивает признанный вождь семантической философии Р. Карнап. Его последняя работа, «Введение в символическую логику» (1954), подводит итог развитию семантических концепций за истекшие два десятилетия, в том числе и концепций истины.

Семантическая гносеология является, по существу, возрождением средневекового номинализма, но без свойственных ему элементов материализма, с выхолащиванием из словесных, звуковых форм содержанием. Действительно, «логический синтакс языка» Карнапа, долженствующий заменить науку логики и всю теорию познания, сводится к изучению формально-словесной структуры мышления, «предложений о предложениях». Это, говорит Карнап, «формальная теория форм языка». Он вынужден признать, что его «логический синтакс языка» ничего не дает «для познания природных явлений». Отсюда вполне закономерен вывод, к которому приходит Карнап в своих рассуждениях о проблемах «научной логики». Логика, говорит он, — это формальная наука; она «не имеет никакого предмета; она является системой предложений, оторванных от всякого предмета и от всякого содержания» (R. Carnap «Le Problème de la Logique de la Science», Paris, 1935, p. 37). Научные понятия и теории лишены у Карнапа всякого объективного содержания, ни о какой их объективной истинности не может быть и речи. Более того: все важнейшие философские и научные понятия оказываются псевдопонятиями. На место всеобщих понятий ставятся «всеобщие слова», лишенные всякого смысла и значения.

Заслуживает внимания следующее положение Карнапа. Он вводит разграничение понятий «логическая истина» (л-истина) и «фактическая истина» (ф-истина). Первая из них строится на внутреннем соответствии логических положений и правил логического синтаксиса языка, вторая же претендует на соответствие фактам. Последнее положение говорит как будто о приближении Карнапа к взгляду на истину как на соответствие наших мыслей реальным фактам действительности. Однако само понятие факта у Карнапа толкуется в типично-позитивистском духе, то есть как нечто «данное нам», познающим субъектам, и, следовательно, получается, что мысли соответствуют не самим фактам, а различным логическим суждениям (см. «Introduction to Semantics», Harv. Univ. Press, 1946, pp. 140, 247). Концепция «л-истины» Карнапа типична для современного логического позитивизма. В своей книге «Введение в символическую логику» Карнап весьма детально рассматривает различные отношения взаимно истинных или

ложных суждений, анализируя правила логического квадрата формальной логики, которые можно считать частными по отношению к его более полным и более сложным правилам, выраженным в «таблицах истинности». Исходя из этого основания, Карнап стремится определить «условия истинности и смысл» различных суждений и символов, их выражающих. На этом основании он устанавливает формально-логический критерий истинности, утверждая, что истинность какого-либо предложения «S» в некоторой системе «B» определяется истинностью следствий из этого предложения, получаемых в соответствии с определенными правилами выводов этих следствий («Einführung in die symbolische Logik». W. 1954, S. 89; «таблицы истинности» см. SS. 10. 11, 54—67).

Вся концепция Карнапа должна быть отвергнута. Истина существует одна, и существует единственный критерий истины — общественная практика человека. Что же касается формально-логического критерия Карнапа, то он не может быть критерием истинности, ибо с его помощью нельзя установить объективную истинность исходных суждений, отсюда и все выводы могут иметь какое угодно, отнюдь не истинное значение. Вместе с тем в основе рассуждений Карнапа лежит логическое требование непротиворечивости; и если исходные принципы объективно верны, если их истинность подтверждена практикой, то это требование приобретает большое познавательное значение. Но этот факт извращается Карнапом, что приводит к абстрактному формализму и логицизму.

Значение требования непротиворечивости в научном познании наиболее отчетливо проявляется в построении и развитии геометрических систем. Так, система геометрии Эвклида представляет собой логически стройную систему, где все частные выводы и теоремы находятся в полном соответствии с исходными положениями, аксиомами и постулатами. Важнейшим признаком подлинной научности и познавательного значения новой, неэвклидовой системы геометрии Лобачевского явилось то, что она представляет стройную, логически непротиворечивую систему; в ней все выводы и построения логически вытекают из исходного положения, заменившего V постулат о параллельных Эвклида. Один из создателей математической логики, Д. Гильберт, в своей известной работе «Основания геометрии» дал логическое обоснование различных систем геометрии. Он сформулировал пять групп аксиом, на основе которых могут быть построены различные геометрические системы. Эти группы аксиом следующие: I — аксиомы соединения (принадлежности); II — аксиомы порядка; III — аксиомы конгруэнтности; IV — аксиома о параллельных; V — аксиомы непрерывности. Анализируя логическую структуру этих групп аксиом, Гильберт прежде всего отмечает их непротиворечивость. Он говорит, что аксиомы пяти групп «не противоречат друг другу, то есть с помощью логических умозаключений из них нельзя вывести положения, которое противоречило какой-либо одной из них» (Д. Гильберт «Основания геометрии». Гостехиздат. М.-Л. 1948, стр. 92). Следовательно, все положения, выводимые из данных групп аксиом, удовлетворяют логическому требованию непротиворечивости. Вместе с тем их объективно-истинное значение определяется не этим требованием самим по себе, а тем, что аксиомы геометрии являются отражением многократного повторения в сознании человека результатов его практики, опыта. Об этом прямо говорит Гильберт, характеризуя свою систему аксиом: «Каждая из этих групп выражает определенные, связанные друг с другом основные результаты нашего опыта» (там же, стр. 56). Следовательно, логическое требование непротиворечивости носит не абсолютный, а относительный характер и имеет смысл и значение лишь в связи с решающим критерием истинности — человеческой практикой. Поэтому абсолютизация этого требования и его сведение к формально-логическому критерию истинности, свойственное гносеологии неопозитивизма, приводят к абстрактному формализму и к отрицанию объективной истинности познания.

* * *

Весьма характерной особенностью гносеологии неопозитивизма является стремление прикрыть субъективизм и релятивизм всевозможными ссылками на достижения современной науки, в особенности физики и математики. Например, американский неопозитивистский орган «Philosophy of Science» опубликовал в апрельском номере за 1954 год специальную статью под названием «Истина в науке и философии». Автор статьи прямо заявляет о своем релятивизме. Ссылаясь на теорию относительности, он утверждает, что эта теория «доказала» полную относительность наших понятий. Автор подменяет понятия и смешивает различные вопросы: вопрос об относительном характере всякого реального движения, что действительно обосновывается в теории А. Эйнштейна, и гносеологический вопрос о путях познания мира, познания объективной истины. Вопрос об истинности эвклидовой и неэвклидовой геометрии автор решает с позиций конвенционализма А. Пуанкаре. Он говорит, что принять или не принять положение о равенстве внутренних углов треугольника 180° или $180^\circ - \alpha$ всецело зависит от соглашения между людьми, и никакой проверки эти положения не подлежат, поскольку вообще не существует «абсолютной эмпирической истины» («Philosophy of Science». Vol. 21, № 2, April, 1954). Получается, что геометрические системы и понятия не имеют никакого отношения к реальным свойствам физического пространства, что они заведомо априорны, условны и субъективны. Известно, что такая точка зрения была опровергнута еще Лобачевским, а в настоящее время — Эйнштейном.

доказавшим зависимость геометрических понятий и категорий от объективных физических свойств реального пространства. Различным геометрическим системам соответствуют «различные силы в природе», и окончательно решить вопрос о справедливости той или иной системы геометрии можно только на основании опыта, и прежде всего с помощью астрономических наблюдений и экспериментов. Идеи Лобачевского о зависимости геометрических свойств пространства от его физической природы были глубоко и всесторонне развиты А. Эйнштейном в его теории относительности. Для физика, подчеркивал Эйнштейн, громадное значение имеет вопрос о том, справедлива ли евклидова геометрия или нет. Поэтому «необходимо связать основные понятия геометрии с объектами природы; без такой связи геометрия не имеет для физика никакой цены» («Сущность теории относительности». М. 1955, стр. 13). В общей теории относительности Эйнштейн показал зависимость геометрических свойств пространства от материальных физических факторов и прежде всего от действия поля гравитации (тяготения). Он считал, что только практика может решить вопрос о справедливости или несправедливости евклидовой и неевклидовой геометрии, а также и вопрос о том, равна сумма внутренних углов треугольника 180° или $180^\circ - \alpha$. Эйнштейн пришел к выводу, что «гравитационное поле оказывает воздействие и даже определяет метрические законы пространственно-временного континуума», и далее, что «...геометрия в присутствии гравитационного поля не будет евклидовой» (там же, стр. 57). Таким образом, перед нами два противоположных метода анализа: с одной стороны, подлинно научный подход творца теории относительности, определяющего справедливость тех или иных систем геометрии на основе физических свойств материального мира, и с другой — беспочвенные, догматические утверждения позитивистского гносеолога, означающие, по существу, отказ от решения научных проблем, которое никогда не может быть найдено методами субъективизма и релятивизма.

Семантическая концепция истины выхолащивает из научных понятий и категорий всякое объективное содержание, сводит его к пустой, бессодержательной, формальной оболочке, к пустым звукам вроде средневековых *flatus vocis*.

Об этом весьма откровенно говорят сторонники так называемой семантической «теории» знаков, утверждающие, что «все «философские» вопросы о принципах и интерпретации познания сводятся к вопросам семиотики» (W. A. Wick «Metaphysics and the New Logic», Chic., 1942, p. 161). Закономерен вывод, к которому приходят семантики в своих рассуждениях: «мышление без разума». Так и называется статья, напечатанная в «The Philosophical Review» (№ 6. 1946), автор которой проповедует мышление посредством «символов чистых слов». А так как слова есть пустые символические знаки, то получают «символы чистых символов», затем, очевидно, последуют «символы символов чистых символов» и т. д., ибо нет предела формализации и «развитию» бессодержательности в современной буржуазной гносеологии. Дело в том, что символ как внешняя форма выражения слова полностью отрывается от его содержания, теряет всякий рациональный смысл и поэтому превращается в бессодержательную форму, выраженную тем или иным знаком.

Все это абсолютно не имеет никакого отношения к науке. В науке в различных дисциплинах, в особенности в математике, весьма широко применяется символика. Но математические символы отнюдь не являются субъективными и произвольными по своему содержанию, они условны лишь по своей внешней форме.

Резко критикуя агностицизм теории иероглифов, или символов, отрывающей знаки и понятия от свойств реальных вещей, Ленин вместе с тем указывал на необходимость употребления разнообразных понятий знаков и символов, против которых ничего нельзя иметь, но при одном условии: знаки и символы должны выражать понятия и представления, отражающие реальные предметы и их реальные свойства. Как раз это условие и не соблюдается в семантической гносеологии, отрывающей словесную и символическую форму от объективно-реального содержания мыслей, которое они призваны выражать.

Семантическая гносеология широко открывает двери фидеизму, религии. На службу им приходит так называемый принцип толерантности (терпимости). Этот принцип гласит, что «в логике не существует никакой морали» и поэтому «каждый может строить свою логику, то есть свои формы языка, как он хочет». В соответствии с этим принципом, отрицающим объективную истинность логики и всего познания, семантики допускают конструирование любых понятий и систем, религиозных понятий и представлений, в том числе и бога, существование которого «обеспечено» соответствующей системой логических и лингвистических категорий. На этот «принцип» и опираются современные богословы. Американский журнал «Philosophy and Phenomenological Research» сообщил о выходе в 1951 году в Филадельфии книги Брияра под названием «Святой Фома и существование бога», в которой автор, ссылаясь на «принцип толерантности» Карнапа, тщится доказать, что бог «существует, ибо его понятие сконструировано с помощью определенной системы слов и лингвистических правил». Таким образом, было сконструировано новое, «логико-лингвистическое» доказательство бытия бога, до которого не додумались и средневековые мудрецы.

Интересно в связи с этим отметить, что в буржуазной философской печати нередко можно встретить «критику» релятивизма и субъективизма с мистико-идеалистических позиций. Содержится она и в новой книге известного идеалиста Ф. Франка «От-

носительная или абсолютная истина?», в которой автор поставил своей задачей сформулировать принципы науки так, чтобы они служили религиозным целям. Франк требует, чтобы наука вновь стала служанкой богословия. Он критикует прагматизм и позитивизм за релятивистское понимание истины. Франка не устраивает, что, согласно прагматистской концепции истины, вера в бессмертие души перестает быть истиной, если она не приносит пользы. Вера в бога, по его мнению, не должна опираться на систему каких бы то ни было логических или лингвистических операций. Он требует вечных, неизменных, абсолютно истинных принципов, способных дать бесспорное обоснование религиозных догм и понятий. Всеобщие принципы науки, утверждает Франк, раскрывают нам «божественные законы природы», и поэтому такие принципы должны лежать в основе религии как бесспорные, абсолютные истины. Эти «всеобщие принципы науки показывают нам, как бог управляет миром». Франк откровенно проповедует, что не только религия без науки, но и наука без религии не может существовать и что «человечество нуждается в религиозном вожде» (P. Frank «Wahrheit — relativ oder absolut?». Zürich. 1952, SS. 103, 106). Франк призывает на помощь Фому Аквинского и современного неотомиста Ж. Маритэна для обоснования своей проповеди «вечной и абсолютной божественной истины». Маритэн в специальной работе «Об истине» пишет, что Понтий Пилат на вопрос: «Что есть истина?» — не получил ответа. Однако такой ответ есть, и дает его Фома Аквинский: «Истина в боге. Нет, не только в боге, но и бог сам есть истина, перзешая и суверенная». Такой ответ вполне устраивает приверженцев поповщины, а также многих современных гносеологов.

К платоновскому идеалу абсолютной, божественной истины ныне обращаются буржуазные философы самых различных направлений. Американский мистик-«реалист» Сантаяна, теории которого всячески рекламируются американскими философско-богословскими журналами, провозгласил своеобразный принцип «двойственности истины». Сантаяна объявил недоступными человеческому познанию «высшие сферы бытия», «сущность вещей» и т. п. В своей книге «Царство бытия» он проповедует полный релятивизм в познании «низшего царства» — материи, но в познании «высшего царства», «царства сущностей», требует веры в абсолютную божественную истину, то есть в бога, который, по его мнению, есть «сущность, добро, истина, красота» (J. Santayana «Realms of Being», N. Y. 1942, pp. 814, 841). Когда-то, в средние века, теория двойственности истины, выдвинутая прогрессивными мыслителями (Аверроэсом и др.), играла положительную роль. Она отвоевала у церкви обширную сферу познания природы, земных явлений, оставив церкви сферу «небесных» явлений, познание бога и пр. Но в настоящее время, в век величайших достижений науки, подобная проповедь двойственности истины реакционна, ибо она стремится отнять у науки уже давно завоеванные ею области, в частности область так называемых небесных явлений, где, как известно, наукой достигнуты громадные успехи.

Все это подтверждает правильность положения Ленина о том, что современный фидеизм «стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли» (Соч., т. 14, стр. 343).

Концепции истины современной буржуазной философии глубоко враждебны науке. Они стараются притупить творческую силу ума, на место знания ставят веру, фактически отвергают действительные пути познания истины. Но, как говорит народная пословица, от истины, как и от солнца, нельзя загородиться ладонью. Свет истины всегда озарял и озаряет творчество передовых ученых во все времена и во всех странах.

Г. А. КУРСАНОВ (Свердловск)

О так называемом тавтологическом характере логики

В истории логики неоднократно высказывались мнения о том, что основные учения логики имеют тавтологический характер. С возникновением и развитием символической логики подобного рода высказывания встречаются все чаще. Особенно настойчиво пропагандируют положение о тавтологическом характере логики неопозитивисты — Виттгенштейн, Карнап и др. (см. L. Wittgenstein «Tractatus Logico-Philosophicus». London. 1949, 5. 43, 6.1, 6.11, и др.; R. Carnap «Die alte und die neue Logik». «Erkenntnis». B. I, Leipzig. 1930, S. 23; H. Reichenbach «The rise of scientific philosophy». Univ. of California press Berkeley and Los Angeles. 1951, p. 223).

В нашей философской литературе, посвященной критике современного идеализма, большей частью рассматриваются и опровергаются лишь идеалистические выводы неопозитивистов. Но так как в основе этих выводов лежат некоторые исходные положения, необходимо рассмотреть также и эти положения. Одним из таковых является положение о тавтологическом характере логики. Неопозитивисты прямо заявляют, что некоторые важные положения их философии вытекают из признания тавтологического характера логики.

Чтобы разоблачить видимость «научного» обоснования идеализма неопозитивистами, нужно рассмотреть положение о тавтологическом характере логики и

подвергнуть его критике. Критическое рассмотрение этого вопроса и четкое отграничение логических учений от идеалистической их интерпретации будет способствовать также более правильному пониманию предмета логики.

* * *

Утверждая, что логика имеет тавтологический характер, неопозитивисты обычно указывают при этом на два важных учения логики: учение о всегда истинных высказываниях¹ и учение о выводе.

Всегда истинные высказывания в классическом исчислении высказываний часто называются тавтологиями и характеризуются обычно как пустые или бессодержательные высказывания. Так, например, по мнению Рейхенбаха, «тавтология есть пустое высказывание» (H. Reichenbach «Warscheinlichkeitslehre», 1935, S. 26). С точки зрения Карнапа, «тавтологии бессодержательны и ничего не утверждают» (R. Carnap «Die alte und die neue Logik», S. 23). По утверждению Витгенштейна, «тавтологии и противоречия лишены смысла» (L. Wittgenstein «Tractatus Logico-Philosophicus», 4. 461).

Возникает законный вопрос: если тавтологии представляют собой высказывания бессодержательные и даже бессмысленные, то почему же тогда они называются в логике истинными, а их отрицания (противоречия) ложными?

Ведь бессмысленное высказывание (то есть лишенное смысла сочетание слов или символов) не может быть характеризовано ни как истинное, ни как ложное (см. H. Reichenbach «Warscheinlichkeitslehre», SS. 19, 26). Очевидно, истинность и вместе с тем бессодержательность или пустоту тавтологий следует понимать в особом смысле. Чтобы выяснить, в каком именно смысле тавтологии можно называть истинными и вместе с тем бессодержательными, рассмотрим вопрос об отличии логической и не логической истины.

Карнап в книге «Введение в символическую логику» (R. Carnap «Einführung in die symbolische Logik», Wien, 1954) следующим образом отличает логическую истину от не логической. Если истинность предложения, говорит он, устанавливается без обращения к фактам, путем анализа формы предложения (то есть способа, при помощи которого знаки с известным нам значением связаны между собою), то этот анализ называется логическим анализом, а установленная истина — логической истиной (logische Wahrheit)². Эмпирическая истина устанавливается следующим образом. С помощью наблюдения устанавливают факты, о которых идет речь в проверяемом предложении, и результат наблюдений сравнивают с тем, что утверждалось об этих фактах в предложении: «Если факты таковы, как о них утверждалось в предложении, то оно истинно; в противном случае предложение ложно». Полученная таким образом истина называется не логической, синтетической, или эмпирической, истиной (см. R. Carnap «Einführung in die symbolische Logik», стр. 15).

Излагаемое Карнапом отличие логической (или формальной) истины от истины не логической (или эмпирической) само по себе верно. Логика, начиная с Аристотеля, справедливо различает эти две стороны нашего знания о действительности.

Верно также, что истинность всегда истинных высказываний является логической истиной, то есть истиной формы. Если мы подставим в формулу всегда истинного высказывания какие-нибудь конкретные предложения, то полученное высказывание будет также истинным, однако конкретного знания о действительности такое высказывание не дает. В этом смысле о подобного рода высказываниях можно говорить, что они пусты или бессодержательны. Так, например, если мы в формулу $P \vee \bar{P}$ подста-

¹ Всегда истинными высказываниями называются такие сложные (молекулярные) высказывания, истинность которых не зависит от истинности или ложности основных (атомарных) высказываний. Например, высказывание $P \vee \bar{P}$ всегда истинно. В самом деле, основные высказывания «Р» и « $\bar{P}$ » не могут быть оба ложными. Если «Р» ложно, то « $\bar{P}$ » истинно, а если « $\bar{P}$ » ложно, то «Р» истинно. Но если один из членов дизъюнкции всегда представляет собою истинное высказывание, то, следовательно, и дизъюнкция является всегда истинным высказыванием. Отрицание всегда истинных высказываний называется всегда ложным высказыванием или противоречием. Например, если мы будем отрицать всегда истинное высказывание $P \vee \bar{P}$, то получим высказывание $\overline{P \vee \bar{P}}$, которое является всегда ложным. Действительно, высказывание $P \vee \bar{P}$ может быть преобразовано в высказывание $\bar{P} \cdot P$, из которого ясно видно, что оно всегда ложно, независимо от того, «Р» или « $\bar{P}$ » является истинным.

² В частности, для установления того, что данное сложное высказывание всегда истинно, оно преобразовывается в нормальную форму. Коль скоро сложное высказывание путем эквивалентных преобразований будет представлено в виде такой конъюнкции дизъюнкций, у которой каждый дизъюнктивный член будет либо основным высказыванием, либо его отрицанием, — это значит, что высказывание всегда истинно.

вим вместо «Р» предложение: «Здесь, теперь дождь идет», то получим высказывание: «Здесь, теперь дождь идет или здесь, теперь дождь не идет». Это высказывание истинно, но вместе с тем и бессодержательно. Если мы на вопрос о том, какова сейчас погода, ответим, что сейчас дождь идет или не идет, то мы фактически никак не ответим на поставленный вопрос.

Однако, верно различая логическую и не логическую истины, Карнап и другие неопозитивисты дают далее такое истолкование их природы, с которым уже никак нельзя согласиться. Прежде всего нельзя согласиться с неопозитивистским истолкованием природы эмпирической истины. Хотя неопозитивисты нередко определяют эмпирическую истину как соответствие фактам, действительности (см. M. Schlick «Allgemeine Erkenntnislehre», zweite Auflage. Berlin, 1925, S. 56—57; L. Wittgenstein «Tractatus Logico-Philosophicus». 2. 223); R. Carnap «Einführung in die symbolische Logik», S. 15), однако соответствие они толкуют не как отражение, а как однозначное отношение суждения к факту (см. M. Schlick «Allgemeine Erkenntnislehre». S. 57). Под фактом же неопозитивисты разумеют не объективную действительность, а непосредственно пережитое, испытанное, то есть ощущение.

Такое субъективно-идеалистическое истолкование эмпирической истины явно противоречит всей человеческой практике.

Неверно также и положение о том, что всегда истинные высказывания не отображают действительности (см. L. Wittgenstein «Tractatus Logico-Philosophicus», 4. 462; R. Carnap «Die alte und die neue Logik», S. 23; H. Reichenbach «The rise of scientific philosophy», p. 222). Пытаясь обосновать это положение, неопозитивисты подменяют вопрос о соответствии действительности формального содержания всегда истинных высказываний вопросом о соответствии действительности подставляемого в них конкретного содержания. Конечно, Виттгенштейн, Карнап и другие неопозитивисты правильно утверждают, что из высказывания: «теперь, здесь дождь идет или теперь, здесь дождь не идет», — нельзя узнать, какова на самом деле погода (см. L. Wittgenstein «Tractatus Logico-Philosophicus», 4. 461; R. Carnap «Einführung in die symbolische Logik», S. 14). Однако этот факт отнюдь не свидетельствует о том, что форма данного высказывания бессодержательна, то есть

что высказывание PVP ничего о действительности не утверждает. На самом деле всегда истинное высказывание PVP отображает обычный, миллиарды раз повторяющийся в человеческой практике факт относительной качественной определенности предметов действительности. В этом высказывании утверждается, что любой предмет действительности или обладает известной качественной определенностью или не обладает.

И это верно. Отрицание данного высказывания, выражаемое формулой PVP , является всегда ложным высказыванием именно потому, что в действительности не бывает того, чтобы какой-либо предмет имел известный признак и одновременно не имел его.

Ложность утверждения неопозитивистов о том, что всегда истинные высказывания не отображают действительности, наглядно обнаруживается, как только мы поставим вопрос: почему, рассуждая в согласии с требованиями всегда истинных высказываний, мы, при прочих равных условиях, получаем истинные суждения, а нарушая эти требования, получаем ложные суждения? Ссылки на то, что наше мышление или наш язык так устроены, ничего не объясняют (см. V. Kraft «Mathematik, Logik und Erfahrung». Wien, 1947, S. 117; H. Reichenbach «The rise of scientific philosophy», p. 222). Ибо сейчас же возникает другой вопрос: почему наше мышление или наш язык устроены так, а не иначе?

Пытаясь ответить на этот вопрос, неопозитивисты приходят к конвенционализму, то есть к мнению о том, что принципы логики представляют собой результат произвольных конвенций (соглашений) (см. R. Carnap «Logische Syntax der Sprache». Wien, 1934, S. 45; V. Kraft «Mathematik, Logik und Erfahrung», S. 117).

В итоге получается, что логическая истина отличается от эмпирической не только способом проверки, но и по существу. Если эмпирическая истина выражает согласие высказывания с действительностью, то логическая истина выражает только согласие между индивидами.

Конвенционалистская трактовка природы логической истины ставит под вопрос правомерность оценки всегда истинных высказываний как истинных¹ и приводит к крайнему субъективизму и волюнтаризму. Не случайно такой представитель субъективного волюнтаризма, как Гуго Динглер, одобрительно отзывается о конвенционализме (см. H. Dingler «Der Zusammenbruch der Wissenschaft». München, 1931, S. 74). Однако, по его мнению, для достижения уверенности в правомерности принципов логики не нужно искать согласия между индивидами. Основа для этой уверенности лежит только в воле субъекта. «Здесь господствует необходимость в форме: если хо-

¹ Д. В. Хемлин в статье «Аналитические суждения» (ст. Hamlyn «Analytic truths» в журнале «Mind», v. 65, № 259, June, 1956, pp. 359—367) вполне закономерно приходит к выводу, что, исходя из витгенштейновской оценки тавтологий как высказываний, которые не выражают фактического положения, их нельзя называть истинными.

чешь иметь последнюю уверенность, то эту уверенность может дать только воля» (H. Dingler «Philosophie der Logik und Arithmetik». München. 1931, S. 23).

На самом деле истинность всегда истинных высказываний ничем по существу не отличается от эмпирической истинности. И та и другая являются отражением действительности. Поэтому-то ни соглашение, ни воля субъекта не могут дать нам уверенности в истинности всегда истинных высказываний. Такую уверенность дает только практика. Практическая деятельность человека, говорит В. И. Ленин, миллиарды раз повторяясь, «должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом» («Философские тетради». 1947, стр. 164).

* * *

Идеалистическое истолкование природы всегда истинных высказываний дополняется у неопозитивистов таким же идеалистическим истолкованием природы правил вывода. По их мнению, правила вывода также не отражают действительности. Более того, они якобы не имеют никакого отношения к истине, а представляют собою априорные правила действия над мыслями или предложениями. «Вывод,— утверждает Виктор Крафт,— не имеет дела с истинностью. Установлением связи с истинностью учение о выводе только запутывается в противоречиях, ибо для того, чтобы утверждать истинность вывода, мы должны правила вывода рассматривать не только как правила действия, приема, но и как предпосылки, и в качестве таковых они также должны быть истинными» (V. Kraft «Mathematik, Logik und Erfahrung», S. 104).

Однако в противоречиях запутывается как раз неопозитивистское учение о выводе. И это происходит потому, что неопозитивисты не признают критерия практики, с помощью которого только и можно доказать истинность правил вывода, то есть соответствие их объективной действительности. В самом деле, доказать истинность правил вывода путем установления согласия содержания правил вывода с ощущением невозможно, ибо логическая необходимость не дана непосредственно в ощущении. Доказать их истинность путем рассуждения также нельзя, ибо при этом получается regressus in infinitum. Ведь для того, чтобы доказать истинность правила данного умозаключения при помощи какого-либо другого умозаключения, мы сначала должны были бы доказать истинность правила этого другого умозаключения, но для этого мы должны были бы доказать истинность правила третьего умозаключения, при помощи которого мы хотели бы доказать истинность правила второго умозаключения, и т. д. до бесконечности.

Вот почему неопозитивисты и в этом вопросе становятся на позиции конвенционализма и уподобляют правила вывода, как все вообще законы логики, правилам игры (см. V. Kraft «Mathematik, Logik und Erfahrung», S. 117; C. G. Hempel «Le problème de la vérité». «Theoria». V. III, Göteborg, 1937, pp. 241—242).

Давая субъективно идеалистическое истолкование природы правил умозаключения, неопозитивисты, кроме того, еще неправильно утверждают, что вывод умозаключения не дает ничего нового по сравнению с посылками. По мнению неопозитивистов, «все выводы тавтологичны: выводное предложение говорит всегда то же самое (или меньше), что и посылка, только в иной языковой форме» (R. Carnap «Die alte und die neue Logik», S. 25).

Положение о тавтологической природе вывода неопозитивисты также пытаются использовать для подтверждения своих идеалистических взглядов. Если, говорит здесь Карнап, выводы не дают нам больше того, что заключено в посылках, то, значит, умозаключать о существовании чего-либо за пределами наших непосредственно данных ощущений неправомерно.

Следует отметить, что неопозитивистское понимание сущности вывода отличается от миллевского. Милль не отрицал того, что умозаключение дает новое знание по сравнению с посылками. По его мнению, подлинные умозаключения (то есть индуктивные методы) как раз этим и отличаются от таких кажущихся умозаключений, как, например, силлогизм, полная индукция, непосредственные умозаключения.

В отличие от этого Карнап заявляет, что все, в том числе и все индуктивные, умозаключения не дают ничего нового по сравнению с посылками (там же).

В понятии «нового в выводе» нам следует разобраться.

Если, как это утверждал, например, Милль, «новым» в выводе может быть названо только то, что не содержалось в посылках умозаключения, тогда во всяком случае все достоверные выводы должны рассматриваться как не дающие ничего нового. Ведь необходимость вывода в умозаключении достоверности как раз и определяется тем, что этот вывод уже содержался в посылках.

Однако, если «новым» в выводе мы будем называть то, что хотя и содержалось в посылках имплицитно, но не было выявлено в форме суждения, тогда и умозаключение достоверности мы должны будем отнести к тем формам мышления, которые дают новое знание познающему.

Мы полагаем, что последнее высказывание является правильным. В подтверждение сказанного достаточно рассмотреть те правила вывода, которые употребляются в классическом исчислении высказываний. Одно из этих правил (правило подстановки) гласит: если в данной формуле заменить везде какую-либо логическую переменную

произвольной формулой, то мы получим новую формулу. Другое правило (правило вывода заключения) гласит: из двух формул A и $(A \rightarrow B)$ получаем новую формулу — формулу B .

Соблюдение указанных правил обеспечивает нам истинность вывода при условии истинности посылок. Вместе с тем получаемый вывод дает новое знание познающему, несмотря на то, что вывод здесь, как и во всяком умозаключении достоверности, уже содержался имплицитно в посылках. В самом деле, как в первом, так и во втором случае мы до процесса вывода обладали знанием об истинности двух формул, а после этого процесса мы обладаем знанием об истинности еще новой, третьей формулы.

Если учесть, что формулами в классическом исчислении высказываний называются логические переменные, то есть буквы A , B , C ..., означающие произвольные суждения (высказывания), и любые выражения, получаемые из них с помощью логических связок: отрицания, конъюнкции, дизъюнкции, импликации,— то ясно, что вывод новых формул с помощью правила подстановки и правила вывода заключения означает не что иное, как вывод новых суждений из данных. При этом новизна вывода, полученного в результате применения правила подстановки, выражается в переходе от общего знания к частному, а при применении правила вывода заключения — в переходе от знания обусловленного к знанию безусловному.

Таким образом, утверждения неопозитивистов о том, что всегда истинные высказывания не отображают действительности, а выводы не дают ничего нового по сравнению с посылками, являются ложными. Ложно, следовательно, и их положение о тавтологическом характере логики.

П. В. ТАВАНЕЦ

ЗА РУБЕЖОМ

Краткие заметки

«ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ» В. И. ЛЕНИНА ВО ФРАНЦИИ

В 1955 году в Париже впервые были опубликованы на французском языке «Философские тетради» В. И. Ленина (V. I. Lénine «Cahiers philosophiques», Editions Sociales, Paris, 1955, 422 p.).

Выход в свет этой ленинской работы восполнил серьезный пробел во французской марксистской литературе. Переводчики Лида Вернан и Эмиль Боттижелли проделали огромную и плодотворную работу, удачно передав ленинский стиль изложения: его воинственный дух, тонкий анализ, острую и негодующую иронию, так ярко характеризующие размышления Ленина. Французский перевод «Философских тетрадей» сделан по изданию Института Маркса — Энгельса — Ленина 1947 года, причем все тексты, цитируемые Лениным, переведены на французский язык с оригиналов. Что касается порядка расположения текстов, то в основном он совпадает в русском и французском изданиях. Исключение составляют отдельные места: 1. Конспект книги Фейербаха «Изложение, анализ и критика философии Лейбница» следует непосредственно за конспектом книги Фейербаха «Лекции о сущности религии». 2. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» помещен перед конспектом гегелевских «Лекций по философии истории». 3. Принято во внимание критическое замечание, высказанное в статье Б. М. Кедрова, опубликованной в журнале «Вопросы философии» № 2 за 1947 год, об искусственности и необоснованности отрыва фрагмента «К вопросу о диалектике» от ленинского конспекта книги Лассалья «Философия Гераклита Темного из Эфеса». Во французском издании эти тексты следуют непосредственно один за другим.

Французская коммунистическая печать посвятила опубликованию этого труда ряд статей (R. G a g a u d y «Les Cahiers philosophiques de Lénine», «Cahiers du communisme» № 1—2, 1956; Guy B e s s «Les Cahiers philosophiques de Lénine», «La Pensée» № 65, 1956). Философы-марксисты Роже Гароди и Ги Бесс заострили внимание на связи материалистической диалектики Ленина с современной политической борьбой во Франции.

Обострение социальных и международных противоречий накануне первой империалистической войны требовало теоретического осмысления исторических событий, выработки определенного отношения к создавшейся обстановке и правильной стратегии и тактики революционной борьбы. Это особенно диктовалось также и тем, что в Европе в то время получили значительное развитие ревизионизм, антиматериализм и антидиалектика, поддерживаемые деятелями II Интернационала, которые привели к разложению его руководящей верхушки и начали дезорганизовывать европейский пролетариат.

«Философские тетради», отмечают Роже Гароди и Ги Бесс, были неразрывно связаны с практической деятельностью В. И. Ленина как пролетарского вождя. Занятия теорией отнюдь не были потерянным временем для такого подлинного человека действия, каким был Ленин. Революционный вождь черпал в них свет и силу, которые помогли ему осуществить гигантские практические задачи в 1917 году. Решение этих неотложных политических задач требовало наивысшего напряжения теоретической мысли. Практика вызвала необходимость теории. Нужно было помешать оппортунизму и ревизионизму извратить марксизм, выхолостить его основное ядро — материалистическую диалектику. Поэтому разработка проблем материалистической диалектики является главным предметом этого ленинского труда. Этим объясняется то, что авторы в качестве центральной темы своего анализа «Философских тетрадей» выделяют именно материалистическую диалектику.

Роже Гароди дает обстоятельный анализ гегелевской диалектики, показывая, как она, будучи материалистически переработана, превращается в подлинную «алгебру революции». Философ не имеет права, пишет он, замыкаться «в себе», быть посторонним наблюдателем. Он обязан бороться и одновременно участвовать как в общественной жизни, так и в научных исследованиях для того, чтобы в каждом явлении раскрыть в живой форме новые законы развития и борьбы. Обладая огромным революционным опытом и большими знаниями ученого-материалиста, Ленин дал

блестящий пример такого единства научного мировоззрения и революционного действия, единства теории и практики.

«Философские тетради» Ленина раскрывают сущность материалистического «перевертывания» гегелевского идеализма. Величайшая заслуга Гегеля, отмечает Гароди, состоит в том, что всем формам иррационализма и агностицизма он противопоставил всемогущество рационального познания. Три основополагающие идеи его «Науки Логики»: единство законов мышления и объективной реальности, идея всеобщего взаимодействия и, наконец, противоречие как источник всякого развития — явились теми гениальными догадками, которые позволили Ленину сказать, что философия Гегеля — это материализм, поставленный на голову. Диалектика мышления предшествует у Гегеля диалектике вещей. Такая диалектика не могла развиваться, исходя из опыта и конкретной практики человека. Черпая все из своей головы, философ создавал природу и историю своим собственным мышлением. И это привело к важному последствию: диалектика, рождаясь в мысли человека, не могла быть не чем иным, как лишь систематизированным и упорядоченным опытом прошлого, уже пройденной истории человечества. Она не была обращена в будущее.

Превратить идеалистическую диалектику Гегеля в материалистическую значило обратить его метод против системы. Чтобы быть верным духу учения Гегеля, надо его превзойти. Изучая «Историю философии» Гегеля, Ленин показывает, что Гегель рассматривал материализм как доктрину, согласно которой действительность воспринимается только через ощущение; поскольку ощущение имеет своим объектом единичное, постольку оно не может служить основой познания. Гегель недооценивал связь между ощущением и понятием. Критикуя субъективных идеалистов за их признание ощущений единственной реальностью, Гегель заменяет, по выражению Гароди, «идеализм ощущений идеализмом мысли».

Высоко оценивая философское наследие Гегеля, его глубокие идеи о роли теоретического познания, об активности разума, Ленин возвращает познанию его подлинные источники — природу, внешний мир, практику человечества. Раскрывая теорию отражения Ленина, Гароди подчеркивает взаимодействие и взаимную связь ступеней познания, особо выделяет детерминирующую роль практики на всех этапах познания. Практика, пишет он, не является лишь моментом познания. Она не только критерий познания, но и его основа. Гегель стоял у самого истока этой большой истины, когда писал в «Науке Логики»: «Жизнь или органическая природа есть та ступень природы, на которой выступает понятие». Цитируя эти слова, Ленин пишет на полях: «Канун» превращения объективного идеализма в материализм» («Философские тетради», стр. 145).

Ленин неоднократно указывал, что крупнейшей заслугой Гегеля является понимание им того, что диалектика — не только процесс мысли, но и законы развития самих вещей. Через объективную диалектику, писал Гегель, «всецело переносят себя в самую суть дела, рассматривают предмет в себе самом...» (цит. по «Философским тетрадям» В. И. Ленина, стр. 238). «Изменение», «движение и жизненность», «принцип всякого самодвижения» — это суть «гегелевщины», пишет Ленин. «Эту суть надо было открыть, понять, спасти, вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс» (там же, стр. 116).

Ленин отмечает, что «Наука Логики» Гегеля, опубликованная в 1813 году, дала первый анализ законов развития, которые позже были глубоко раскрыты в применении к обществу в «Коммунистическом манифесте» (1848 г.) и к органическому миру в «Происхождении видов» Ч. Дарвина (1859 г.).

Исходная точка всего анализа развития — это изучение противоречий. Поэтому Ленин и определял диалектику как «изучение противоречия в самой сущности предметов» («Философские тетради», стр. 237).

Как отмечает Гароди, Ленин показал, что диалектика в корне противоположна догматизму. Суть диалектики состоит не в повторении каждый раз данной формы движения. Быть диалектиком — это уметь открывать в каждом этапе ее развития то специфическое, конкретное противоречие, которое таится в ней, ибо только познание этого конкретного дает нам оценку каждого отдельного явления. Канонизирование того или иного закона диалектики, построение окончательной и завершенной системы ее законов чуждо духу марксизма.

В «Капитале» Маркса мы находим фундаментальные законы диалектики. Усвоив материалистическую диалектику Маркса и Энгельса, Ленин не только творчески продолжил их анализ законов развития капиталистической системы на новом этапе — на стадии империализма, но и разоблачил реформистскую софистику, дал неопровержимое научное обоснование стратегии и тактики революционной борьбы. Теоретические изыскания, изучение «Логики» Гегеля помогали Ленину осуществить гигантские практические дела.

В статье Гароди анализируется, далее, теоретическая борьба Ленина с буржуазными экономистами, Прудоном, Каутским, Вандервельде и другими. Автор показывает, как глубоко Ленин вскрывает источники фальсификации диалектики, сведение ее к софистике и абстрактным спекуляциям.

В «Философских тетрадях», говорит Гароди, Ленин выступает перед нами как философ-марксист, который, с одной стороны, ставит теоретические проблемы на службу практике, с другой — практикой обогащает теорию. Марксизм не отбрасывает цивилизацию прошлого, как это утверждают его враги. Коммунизм есть результат всей

суммы знаний, приобретенных человечеством. «Философские тетради» являются примером такого критического освоения культурного наследия прошлого.

Заканчивая разбор этого ленинского труда, Гароди отмечает, что революционные культурные традиции Франции изучаются и творчески перерабатываются передовыми представителями французского народа, и прежде всего коммунистами. Диалектический материализм все больше привлекает к себе французскую интеллигенцию и массы трудящихся в их борьбе за свободное творчество, за справедливое разрешение социальных проблем. С этой точки зрения, указывает Гароди, «Философские тетради» Ленина являются незаменимым вкладом в «искусство побеждать».

Ги Бесс основное внимание в анализе этой работы обращает на неотделимость ленинской теории познания от материалистической концепции мира. Отвергая попытки реакционных писателей противопоставить «Философские тетради» «Материализму и эмпириокритицизму» в тайной надежде увидеть Ленина в первом труде гегельянцем, Бесс убежденно заявляет, что Ленин одинаково и материалист и диалектик в обоих своих произведениях. Гегель отделял активность мысли от всей человеческой практики и подчинял бытие, природу диалектическому движению идеи. Чтобы вернуть диалектике ее жизненную глубину, ее подлинную свободу, пишет автор, Ленин освобождает диалектику от оков идеализма, возвращает ее к природе и обществу и придает ей, таким образом, универсальный характер.

Автор останавливается на характеристике Лениным диалектической логики и ее категорий. Ленин считал заслугой Гегеля то, что последний рассматривает категории не в их метафизической неподвижности, а в органическом, диалектическом единстве, в движении, в котором одна категория переходит в другую. Анализируя и изучая Гегеля, Ленин в «Философских тетрадях» показывает, как материализм отбрасывает шелуху, обволакивающую диалектическое ядро гегелевской теории. Подлинно материалистической, говорит автор, является та теория познания, которая не разрывает единства бытия и сознания и дает картину поступательного развития процесса познания, исходящего из природы, зависящего от нее и проверяющегося ею. Сознание есть новый момент в этом процессе, когда повторенная миллиарды раз практика становится понятием.

Бесс отмечает, что многие французские философы-идеалисты предпочитают искажать и опошлять мысли, лишь бы не подтверждать их практикой. Таков, например, метод М. Мерло-Понти в его книге «Приключения диалектики» (M. Merleau-Ponty «Les aventures de la dialectique», Paris, 1955), осужденной широкими кругами французской интеллигенции в 1955 году (см. «Вопросы философии» № 4 за 1956 год).

Рассматривая ленинскую теорию отражения, автор резко выступает против неверной интерпретации «отражения» как пассивной копии, зеркала мира. Сознание уподобляется отражению в том смысле, что диалектика природы отражается в диалектике понятий. Поскольку сознание отражает динамичный мир, оно само является динамичным. Ленинское определение познания как бесконечного приближения мышления к объекту в вечном процессе движения, возникновения и разрешения противоречий, подчеркивает Бесс, исчерпывающим образом объясняет понятие «отражения». Марксизм не только не обрекает человечество на унылую пассивность стадного существования, а, наоборот, дает уверенность в могуществе и истинности человеческого познания. Когда Мендес-Франс обвиняет марксистов в том, что они, признавая закон абсолютного обнищания пролетариата при капитализме, ввергают трудящихся в отчаяние, он умалчивает о том, что, обнажая непримиримость классовых интересов капиталистов и рабочих, марксизм указывает последним путь освобождения: построение нового общества, управляемого иными объективными законами.

Ги Бесс воспроизводит в своей статье критику Лениным релятивизма и делает вывод, что материалистическая диалектика (в противоположность тому, что ей приписывают Мерло-Понти и Арон) несовместима с релятивизмом. «Для объективной диалектики в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» («Философские тетради», стр. 328).

Антимарксистский ревизионизм вновь поднимает голову в современной Франции. Истинная диалектика, утверждают ревизионисты, состоит в том, чтобы превзойти марксизм путем отказа от диалектики, игнорирования практики, субъективной оценки исторических законов.

Опубликование «Философских тетрадей» Ленина, пишет Ги Бесс, несомненно, вызовет новый подъем идеологической борьбы во Франции, неотделимой от борьбы против социальной реакции. Наиболее ценный урок, который французы извлекут из ленинского труда, — это осознание насущной необходимости для диалектики отвергнуть идеализм и полностью стать материалистической.

В гегелевской философии, образно пишет автор, чувствуешь себя как в большой машине с двумя выходами. Выйдешь спереди — перед тобой суровая, но открытая дорога, которая ведет от абсолютного идеализма к диалектическому материализму; выйдешь сзади — тупик убогого субъективизма. Мы, заключает Ги Бесс, предпочитаем дорогу тупику.

Т. А. САХАРОВА

«ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ» А. ТОЙНБИ В ОЦЕНКЕ ЖУРНАЛА «ДИОЖЕН»

За последнее время буржуазные ученые проявляют все больший интерес к завершенной три года тому назад работе крупнейшего современного английского буржуазного социолога и историка Арнольда Тойнби, его десяти томному «Исследованию истории». После первых рецензий на эту книгу, носивших в значительной степени сенсационный характер, в научных изданиях стали появляться серьезные работы, с различных точек зрения анализирующие и оценивающие концепцию общественного развития А. Тойнби. Среди них привлекают внимание статьи, помещенные в специальном номере издаваемого ЮНЕСКО на шести языках журнала «Диожен» и принадлежащие перу видных буржуазных ученых Западной Европы и США (см. «Diogenes» № 13, Janvier. 1956).

В предисловии к этому номеру журнала его главный редактор Роже Кайуа отмечает, что по мере выхода в свет очередных томов «Исследования истории» Арнольда Тойнби возрастал всеобщий интерес к этой работе и одновременно обострялась полемика вокруг нее: одни констатировали содержащиеся в ней многочисленные фактические ошибки и, оспаривая «безрассудные гипотезы и исторические параллели» ее автора, третировали Тойнби как псевдоученого, тогда как другие превозносили его как величайшего историка современности. Следует подчеркнуть, что на этой полемике вокруг Тойнби, создавшей ему большую рекламу в буржуазной печати, сказалось двойственное отношение к нему реакционных кругов, с одной стороны, рассчитывавших использовать его концепции в идеологической борьбе против марксизма, коммунизма, с другой — возмущенных его пессимистическими выводами относительно судьбы Запада, капитализма.

Сам Кайуа, в общем высоко оценивая работу Тойнби, вскрывает вместе с тем многочисленные содержащиеся в ней ошибки и «парадоксальные гипотезы». Его привлекает к «Исследованию истории» то, что после ее появления «история окончательно утратила локальный или национальный характер. Каждая цивилизация, сама по себе значащая весьма мало, выступает у него как элемент всеобщности. Тойнби в истории утверждает плюрализм, который счастливо кладет конец тому, что мной было однажды названо гегелевской наивностью, иначе говоря, идее линейного развития истории и, следовательно, неотвратимости рока» (стр. 6—7). Отказываясь от расизма и географического детерминизма при объяснении истории, продолжает он, Тойнби считает главным источником развития цивилизации деятельность самих людей, что созвучно нашей эпохе. «Исследование истории», заключает Р. Кайуа, подобно многим другим произведениям в литературе и науке, лежит в русле современного ойкуменического движения, отрицающего исключительность какого бы то ни было народа или страны.

В журнале перепечатана также статья А. Тойнби «Что я пытался сделать?» из «Интернэйшнл аффез» (vol. XXXI, № 1), излагающая основные задачи и цели, которые он ставил перед собой в «Исследовании истории» и с которыми небезынтересно познакомиться советским историкам и философам. Тойнби отмечает, что с конца 20-х годов работу над этой монографией он вел параллельно с изданием многотомного «Обзора международных дел»: знание прошлого помогало ему в понимании настоящего, и наоборот. «Историк нашего поколения,— пишет он,— должен изучать Ганди и Ленина, Ататюрка и Ф. Д. Рузвельта, если он хочет с некоторой достоверностью воспроизвести для себя лично и своих читателей Хаммурапи и Эхнатона, Амоса и Будду» (стр. 9).

Подчеркивая, что его концепция всемирной истории противоположна господствовавшим до сих пор концепциям, обосновывавшим преимущественную роль каких-либо стран, наций, рас или религий в истории человечества, Тойнби пишет: «Традиционной схемой, принятой на Западе до конца XVII века, была схема Израиля, воспринятая христианством и исламом с видоизменениями в их пользу. Согласно иудейско-христианско-мусульманской концепции, история рассматривается как божественное деяние, начинающееся с сотворения мира и обязанное завершиться последним судом, а Израиль (или христиане, или мусульмане) изображается как избранный богом народ, который предназначен свершить его предначертания» (стр. 11). После XVII века место Израиля в этой телеологической схеме заняла Западная Европа, а в ней в зависимости от субъективных намерений того или иного историка отдавалось предпочтение либо роли Франции, либо роли Англии и т. д. В этой «западноевропейской панораме истории» едва находилось место для России или Америки, не говоря уже об Индии и Китае и тем более о майя или хеттах. Широкое распространение этой концепции, как полагает английский историк, было связано с «ненормальным периодом» человеческой истории, когда с 1683 по 1914 год одна из цивилизаций, а именно «Запад», временно возобладала над остальными цивилизациями земного шара, а буржуазия Западной Европы стала господствовать над остальным ее населением. «Исследование истории», заявляет его автор, как раз и было призвано покончить с европоцентризмом в исторической науке, подобно тому, как современная действительность покончила с ним на практике.

Тойнби излагает далее в статье свои методологические позиции. Отвергая агностические и субъективистские взгляды на историю, он пишет: «Гуманитарные науки, как и естествознание, ограничиваются сравнительным изучением данных с целью вы-

явить структуру фактов и событий; и я полагаю, что здесь историки должны следовать другим ученым. Академическое разделение между историей и социальными науками случайно и препятствует прогрессу знаний. Нам необходимо положить конец этому традиционному разделению и объединить историю и социальные науки в едином понимании человеческих дел» (стр. 12—13).

Однако, настаивая на объективности законов общественного развития, Тойнби, в сущности, пытается «объективизировать» свои собственные (весьма произвольные и предвзятые) представления об истории человечества. По мнению Тойнби, ни один историк не может полностью отрешиться от идеологических схем, и лучше, признавая это, стремиться понять их смысл, чем, отрицая их, полностью находиться у них в плену. Но это отнюдь не мешает ему находиться в плену реакционных, религиозных идеологических схем, против которых он так решительно высказывался вначале. Вместе с тем, не понимая диалектики превращения возможности в действительность и соотношения случайности и необходимости, Тойнби с целью опровергнуть фатализм в истории допускает, что некоторые общественные явления, например, исход столкновения различных культур, не подчиняются законам. И в это широко раскрытое им «окно» в его концепцию проникают агностицизм, субъективизм и волюнтаризм, которые он столь демонстративно пытался выставить за дверь «Исследования истории».

Последующие статьи в журнале посвящены подробному анализу исторической концепции А. Тойнби. Авторы одних из них (Ж. Мадоль, К. У. Томпсон и Л. Рену) добросовестно излагают отдельные проблемы из «Исследования истории», ограничиваясь частными критическими замечаниями, авторы других (Л. Мэмфорд и Р. Хайне-Гельдерн) полемизируют с Тойнби по существу и противопоставляют его концепции собственные. Авторы намеренно избегают острых политических, социальных и международных проблем современности, ограничиваясь чисто «академической» стороной затрагиваемых ими вопросов. В этом дала, по-видимому, себя знать их оппозиция попыткам реакционных кругов использовать работы А. Тойнби для обоснования империалистической политики и пропаганды «холодной войны».

К сожалению, в журнале не нашла места марксистская оценка философии истории Тойнби. А между тем Маркс и Энгельс, создав исторический материализм, задолго до Тойнби опровергли европоцентристскую концепцию истории, дали материалистическое объяснение неравномерности развития и единства, прерывности и поступательного характера истории человечества и, открыв подлинные законы общественного развития, разработали учение об общественно-экономических формациях, дающее ответ на самые сложные вопросы, над разрешением которых тщетно бьется со своей концепцией цивилизаций А. Тойнби. Исторический материализм также признает повторяемость в истории (см., например, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 450 и др.). Но в отличие от Тойнби, который конструирует на этой основе несостоятельную теорию исторического кругооборота, Маркс и Энгельс раскрыли всеобщий характер поступательного развития общества, в ходе которого «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» (К. Маркс «Капитал», т. 1, М. 1950, стр. 4).

Развивая эти положения, Ленин вместе с тем показал и своеобразие в порядке и формах развития различных стран, их перехода от одной общественной формации к другой, в конечном итоге к коммунизму, в зависимости от конкретных исторических условий.

Жак Мадоль в статье «Биологическое и мистическое истолкование истории» обращает внимание на влияние, которое оказала на Тойнби философия А. Бергсона, в особенности его книги «Творческая эволюция» и «Два источника морали и религии». По мнению Мадоль, сущность исторической концепции Тойнби сводится к перенесению методологии естествознания на область социальных наук. Выражая сомнение относительно правомерности такого подхода к истории, «науке о неповторимом», он останавливается на ряде конкретных вопросов, поднятых Тойнби. В настоящее время, отмечает автор статьи, Запад, чтобы не погибнуть подобно своей предшественнице — греко-римской цивилизации, — должен дать «ответ» на три «вызова» истории: 1) милитаризм, война и национализм, 2) классовая борьба и 3) религиозное (идеологическое) соперничество. «Следует признать, — сокрушается Мадоль, — что перспективы ни в одной из этих трех областей не являются блестящими» (стр. 55). Считая, что Тойнби ставит больше проблем, чем их решает, Мадоль критикует его противопоставление России Западу и отдельные отразившиеся на «Исследовании истории» идеологические предубеждения «холодной войны».

Интерпретация Тойнби современного национально-освободительного движения анализируется в статье Кеннета У. Томпсона «Тойнби и мировая политика». «Основными силами современных международных отношений, согласно Тойнби, — пишет автор, — являются оксиденциализация (то есть распространение «западной» техники и образа жизни. — Э. А.), современный национализм и подъем масс» (стр. 60—61). Как считает Томпсон, оксиденциализация ведет к повсеместному распространению экономических форм Запада и к унификации на этой основе сохранившихся до настоящего времени цивилизаций. Однако это подражание Западу, с сожалением констатирует он, носит поверхностный характер, оно не затрагивает глубоко культурной жизни других народов, и в конечном счете против западной цивилизации обращается оружие, заимствованное из ее же арсенала: индустриализация, национализм и демократия.

Переходя к роли, которую национализм, вернее национальные движения, играет в современном мире, автор статьи вместе с Тойнби ошибочно сводит национальную проблему к национальному самосознанию и отождествляет национализм вообще с любой исторической формой партикуляризма, противопоставляющего себя «универсализму», тогда как в действительности нация и национализм представляют собой преходящие исторические явления, возникающие вместе с капитализмом и национальным рынком. Больше того: квазинаучные рассуждения Томпсона о национализме, по существу, прикрывают сознательную попытку опорочить современное национально-освободительное движение.

Серьезные возражения взглядам Тойнби содержатся в статье видного американского социолога, крупнейшего представителя так называемого технологического детерминизма Льюиса Мэмфорда «Одно исследование истории».

Намеренно не затрагивая собственно исторических проблем, в которых «более компетентны сами историки», Мэмфорд останавливается на критике идеологических, социальных, философских и теологических взглядов, содержащихся в «Исследовании истории». Историческая концепция Тойнби глубоко дуалистична, по мнению Мэмфорда, и основана на противопоставлении сверхъестественного, религиозного мира естественному, политическому, духовного начала — материальному с целью прославления и возвеличения религиозного фактора в истории. Однако, заявляет Мэмфорд, нельзя расчленять общество на макромир (политика, государство, власть) и микромир (психика, стремления людей, религия), так как в действительной жизни они нераздельны и оказывают взаимное влияние; в истории общества, как правило, оба процесса: дематериализация и материализация, иначе говоря, порождение идей материальной жизнью и их обратное влияние на нее, воплощение в учреждениях, — взаимно обусловлены. Хотя в своей статье Мэмфорд и не излагает собственной социологической концепции, следует заметить, что она также страдает весьма серьезными пороками (см. журнал «Вопросы философии» № 5 за 1955 год, стр. 207—209).

Оценивая исключительную роль, которую Тойнби в своей концепции отводит религии и церкви как творческому началу в возникновении и развитии цивилизации, Мэмфорд пишет: «Не воздвиг ли Тойнби эту колоссальную историческую пирамиду угрожающих размеров ради того, чтобы лучше спрятать в ее наиболее укромном помещении архаическую мумию, отнюдь не способную воскреснуть, как этого требует его диагноз» (стр. 31). Крупный недостаток в работе Тойнби Мэмфорд усматривает и в том, что «сравнительный метод заставил его слишком уж распространяться о сходстве между обществами и их повторяемости и пренебрегать тем новым, что каждое из них порождало» (стр. 24). Вот почему, пишет он, Тойнби, по существу, сводит современные проблемы к аналогичным проблемам в прошлом и обходит молчанием насущные проблемы, которые стоят именно перед нашим поколением, а именно демократизацию общественной жизни, предотвращение войны и т. д. Ни универсальная церковь, ни универсальное государство Тойнби не в состоянии сами по себе разрешить эти проблемы. Как замечает автор, «мировое правительство, например, очень может стать мировой тиранией» (стр. 38). Тем не менее эти проблемы вполне разрешимы, и необозримая протяженность будущего человечества, пишет он, позволяет нам надеяться на еще невиданные достижения цивилизации, ибо человечество всегда извлекает для себя урок из прошлого, из истории.

В статье Роберта Хайне-Гельдерна «Происхождение древних цивилизаций и теории Тойнби» анализируется и подвергается резкой критике представление о самопроизвольном возникновении и спонтанном развитии изолированных друг от друга цивилизаций. Эта предвзятая точка зрения, по мнению автора, стихийно возникла среди историков вследствие сложившейся у них специализации; египтологи и синологи, историки древней Греции и индологи, замечает он, «лишь изредка бросали свои взгляды за пределы невидимых стен, которыми они окружили свои владения», которые они ревниво оберегали и которые были более непроницаемы для «иноземцев», чем Великая китайская стена или Троянский вал (стр. 105). И, несмотря на то, что успехи археологии с каждым годом все сильнее разрушали эти ветхие представления-стены, они все еще владеют умами многих ученых и оказали серьезное влияние на Тойнби, полагающего, что шесть или семь первоначальных цивилизаций возникли независимо друг от друга в IV—III тысячелетиях до н. э. из примитивных племенных обществ благодаря мистическим «мутациям». Однако, критикуя концепцию Тойнби, Р. Хайне-Гельдерн метафизически противопоставляет ей концепцию происхождения всех цивилизаций из одного общего источника — архаической цивилизации в Месопотамии. Обоснованию возрожденной им идеи панвавилонизма, правда, в весьма модернизированном виде, и посвящена статья.

Р. Хайне-Гельдерн считает совершенно необоснованными (и с ним нельзя не согласиться в этом) гипотезы, широко распространенные среди буржуазных историков и социологов, особенно немецких, согласно которым образование государств и цивилизаций приписывается воинственным кочевникам или горцам, покорявшим мирные земельские племена. (Подобная разновидность теории насилия, как известно, была воспроизведена К. Каутским в его ревизионистской работе «Материалистическое понимание истории».) Он справедливо отвергает также и попытку А. Бастиана объяснить параллелизм и совпадения в развитии культуры различных народов идеалистической теорией «элементарных идей», спекулирующей на единстве человеческой психики.

Р. Хайне-Гельдерн стремится подкрепить свою концепцию ссылками на установленные археологами многочисленные факты взаимного влияния как между неолитическими культурами, так и между древними цивилизациями. Он указывает на сильное влияние, оказанное вавилонской культурой на культуру Египта, Элама и Ассирии, обращает внимание на «внезапность» появления древней цивилизации в Индии как на свидетельство ее иноземного происхождения. Автор приводит много примеров, говорящих о возможности связи через Тихий океан между Азией и Америкой до Колумба. Отчасти этому вопросу посвящена статья Поля Ривэ «Древнейшие связи между Полинезией и Америкой», опубликованная в одном из последних номеров того же журнала (см. «Diogéne». 1956, № 16, Octobre, pp. 107—123). Приводимый в статье Хайне-Гельдерн такого рода фактический материал представляет несомненный интерес, хотя, к сожалению, он иногда слишком пристрастно интерпретируется автором, который приходит к следующему выводу: «Как ни оригинальна и исключительна, казалось бы, каждая из древних цивилизаций, ни одна из них не возникла изолированно. Всегда было необходимо ее оплодотворение другой цивилизацией. Цивилизации Америки не составляют исключения из этого правила... Возникновение древнейшей цивилизации было уникальным фактом, обязанным исключительно благоприятным обстоятельствам... Все другие цивилизации мира прямо или косвенно являются в определенной степени производными от нее» (стр. 123—124, 125).

Справедливо критикуя Тойнби за биологическую интерпретацию истории, за отрицание им взаимного влияния древних цивилизаций и многие другие, более частные положения, Р. Хайне-Гельдерн несравненно слабее в конструктивной части своей статьи. Подчеркивая, что, «конечно, все народы делали изобретения, и аргументы некоторых диффузионистов, настаивающих на отсутствии духа изобретательности у первобытных народов, целиком ошибочны» (стр. 117), он вместе с тем с порога отвергает самую возможность синхронного или же независимого друг от друга появления одинаковых изобретений и открытий (например, ткачества, гончарного круга, выплавки металлов, письменности и пр.) у различных народов. Однако подобное мнение, на котором, собственно говоря, покоится вся его концепция, не только в высшей степени сомнительно, но и попросту не соответствует действительности. Даже сравнительно недавняя, а потому хорошо известная история Европы полна примеров, когда независимо друг от друга, параллельно появлялись изобретения, начиная от фарфора и книгопечатания и кончая паровой машиной. Это кажется невероятным только в том случае, если любое изобретение рассматривать как плод чистой фантазии, но вполне объяснимо и закономерно, если учесть, что каждое изобретение отвечает определенным объективным потребностям и подготавливается ими. Р. Хайне-Гельдерну для обоснования своей концепции приходится прибегать к сложным ухищрениям, чтобы как-то объяснить, почему американские индейцы, познакомившиеся благодаря китайцам с ткачеством, бронзой и т. д., не заимствовали у них одновременно рис, свиней, кораблестроение и многое остальное. Не правдоподобнее ли предположить, что они сами изобрели и ткачество и бронзу. В то время как Тойнби абсолютизирует прерывность в общественном развитии и специфические черты в истории отдельных народов, Р. Хайне-Гельдерн столь же метафизически абсолютизирует единство и общность в мировой истории.

«Исследование истории» Арнольда Тойнби представляет собой, несомненно, одну из наиболее значительных работ по истории и теории общественного развития, своего рода «последнее слово» буржуазной философии истории. Оно заслуживает того, чтобы быть внимательно прочитанным и изученным советскими историками и философами с целью глубокой научной критики.

Что касается анализа концепции общественного развития А. Тойнби на страницах органа ЮНЕСКО «Диоген», то он, несомненно, вскрывает многие ее слабые места, глубокие теоретические и методологические пороки современной буржуазной философии истории в целом и лишний раз убеждает в том, что последовательное, подлинно научное объяснение развития общества может быть дано только с диалектико-материалистических позиций, историческим материализмом.

Э. А. АРАБ-ОГЛЫ

НА СТРАЖЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОРЯДКОВ

(Американская социология в оценке западногерманского ученого)

Претензии американской буржуазной социологии именовать себя «единственно научной», «объективной», «беспартийной» общественной наукой общеизвестны. На первый взгляд может показаться, что эти претензии не лишены оснований. В связи с развитием эмпирической тенденции, особенно характерной именно для американской социологии, социологи переключили основные усилия на изучение конкретных, частую, казалось бы, весьма далеких от политики проблем. Существенное изменение претерпели и методы социальных исследований: благодаря широкому внедрению математики, статистики, даже экспериментальной техники они приобрели видимость «строго научных». Тем не менее «беспартийность» этой социологии является чистой фикцией. Сегодня это уже ясно не только марксистам, но и некоторым буржуазным социологам.

Характерный пример в этом отношении — статья западногерманского социолога, научного сотрудника Фрейбургского университета в Брейсгау Курта Зонтгеймера, опубликованная недавно в журнале «Франкфуртер Хефте» («Frankfurter Hefte», 1956, № 8). В этой статье, озаглавленной «Социология как инструмент конформизма», развенчивается миф о «беспартийности» современной американской социологии, якобы беспристрастной к чьим бы то ни было классовым интересам.

Отмечая огромный рост интереса к социологии со стороны общественности, автор статьи указывает, что в этой науке попытались найти «спасительное средство, целебную силу, избавление от угрозы, нависшей над миром, панацею от кризисов и социальных потрясений», порожденных общим кризисом капиталистической системы. О надеждах, связываемых с социологией в США, свидетельствуют, по мнению Зонтгеймера, уже такие факты, как многомиллионные ассигнования на социальные исследования, невнятный рост численности специалистов в области социологии и смежных наук (общее число их превышает 30 тысяч человек), обилие издаваемой литературы и т. п. Внешне все это создает впечатление процветающей науки. Но это впечатление обманчиво. На деле, говорит Зонтгеймер, развитие американской социологии может как раз служить примером того, как оказались обманутыми надежды общественности, связываемые с этой наукой.

И далее автор статьи указывает на порочность самого подхода к общественным проблемам, на научную несостоятельность философских основ и методологии американской социологии. «Американская социология,— пишет он,— все устремления которой следует расценивать как попытку развиться в строгую науку, вроде естественных наук, стоит на пути ярко выраженной научной веры позитивистского толка, а это довольно часто лишает ее возможности видеть в правильном свете важные вопросы общественной жизни. Этот путь превращает ее в своего рода вспомогательный фактор расширяющегося общественного конформизма». Характеризуя лежащую в основе американской социологии философию прагматизма, Зонтгеймер показывает, как вопреки либеральным декларациям она становится орудием подрыва демократии, ущемления прав и интересов личности, средством духовной «унификации» людей, низведения их до роли обезличенных деталей чуждого им общественного механизма. Особое внимание он уделяет в этой связи критике прагматического понимания человека как животного, «не отличающегося в основном от других живых существ как по своему разуму, так и по своим духовным качествам». Такой подход не оставляет, конечно, места для идеалов гуманизма и социальной справедливости. Впрочем, отсутствие всяких идеалов, отказ от «ценностей» становится знаменем социологии, открыто провозглашается и утверждается как якобы принцип любой «подлинно научной» социологии.

Однако, замечает Зонтгеймер, в самой этой декларируемой «беспартийности», в принципиальном отказе от моральных «ценностей» заключен глубокий парадокс. Социология не может быть беспартийной. Отбросив все «ценности», эта социология в качестве «единственного средства ориентации» провозглашает принцип: «Общество как целое должно функционировать». Не конечное счастье человека и человечества, как это утверждает буржуазная пропаганда, а сохранение и увековечение существующих порядков любой ценой — вот что является предметом забот буржуазии и ее общественной науки. При этом, пишет автор статьи, «никто не должен ставить вопрос, находится ли оно (общество.— Ю. А.) на правильном пути. Такой вопрос будет дисквалифицирован как ненаучный».

Из этого принципиального положения вытекают далеко идущие последствия. «Таким путем,— подчеркивает автор,— социология как наука... утрачивает свою функцию социальной критики, без которой вообще немислимо осуществление каких бы то ни было других функций». Единственной функцией социологии становится укрепление существующих порядков, исключаящее возможность серьезного обсуждения вопроса о том, насколько они соответствуют человеческой необходимости. Зонтгеймер далее показывает, как американские социологи претворяют эту свою функцию на практике с помощью огромного арсенала приемов, воспитывая людей в духе конформизма, приспособления к «заранее данным» внешним обстоятельствам (капиталистическим порядкам), безусловного подчинения сложившейся системе. В этой связи автор обращает внимание на деятельность «социальных инженеров», то есть социологов, подвизающихся на капиталистических предприятиях и пытающихся в целях «создания гармонической производственной атмосферы» приспособить к нуждам производства не только поведение людей на работе, но и их досуг, всю их психологию и общественные связи. Это делается ради создания «той сглаженной и мягкой личности (называемой *personality*), конфликт с которой вообще едва ли возможен, поскольку она нейтрализована». Зонтгеймер с негодованием клеймит такую практику. «Они (социальные инженеры),— пишет он,— сознательно сводят человека к одной лишь голой функции в социальном процессе да еще претендуют на много, ни мало на то, чтобы он при этом чувствовал себя довольным и счастливым». Что касается самих социологов, то они не видят, что «поддерживаемый ими конформизм отбрасывает... человека на низшую ступень цивилизации».

Следует отметить, что автор книги критикует американскую буржуазную социологию лишь с позиций абстрактного гуманизма, а это ослабляет его аргументацию, лишает ее ясности политических оценок. На место монополистической буржуазии он подставляет безликий общественный механизм, за отдельными индивидами не видит

классов, а за «психологическими» конфликтами — классовой борьбы. Это приводит его и к преувеличению эффективности «конформистской деятельности» американских социологов, к ложному представлению, будто им в значительной мере удалось «гармонизировать» общество за счет интересов личности. Правда, все это не закрывает от него той непреложной истины, что подобная социология «ведет к самоотчуждению человека». При этом Зонтгеймер отнюдь не выступает против самих эмпирических исследований общественных проблем. Они нужны, но они будут бесполезны, более того, в конечном счете, вредны, если в их основе будет лежать позитивистская методология, порочный взгляд на человека как на животное, отсутствие социальных идеалов. В этом суть его возражений американским коллегам, работу которых он оценивает как «санкционирование статус кво с помощью искусной техники приспособления».

К сожалению, Зонтгеймер ничего не противопоставляет позитивистской социологии, господствующей в США и завоевывающей позиции в других капиталистических странах. Западногерманский ученый явно находится в растерянности и смятении. «Новый путь» общественной науки, прокладываемый американской социологией, оказался путем «на низшую ступень цивилизации». Других же путей он не видит и призывает поэтому искать новую концепцию человека, «придающую смысл его жизни».

При этом Зонтгеймер либо не видит, либо не желает видеть, что такая концепция существует. Ее дал марксизм, исторический материализм, исчерпывающе разрешивший противоречие между социально-этическим идеалом и строго научным исследованием общества.

Ю. А. АРБАТОВ

НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА «ВЫЗОВ ИСТОРИИ»

(Обзор полемики на страницах французского журнала «Прев»)

История ставит вопрос о необходимости замены капитализма новым, социалистическим строем, уже практически доказавшим свои коренные преимущества в странах социализма. В настоящее время значительная часть буржуазных идеологов, отвечая на «вызов истории», пытается «доказать», будто современные капиталистические страны перестают быть капиталистическими и постепенно переходят к новому общественному строю, к так называемой технократии. В этом отношении весьма характерны «исследования» буржуазного социолога Альфреда Фриша в книге «Ответ на вызов истории» («Une réponse au défi de l'histoire», Brugge, 1954), переведенной на многие языки («Grossmacht Technokratie», Frankfurt am Main, 1955), а также полемика, развернувшаяся вокруг его работ на страницах еженедельного французского журнала «Preuves».

Ответ на «вызов истории» Фриш усматривает в неизбежном переходе к технократии, которую он провозглашает «неустранимой необходимостью» современной эпохи. По мере развития техники, пишет, разъясняя мысли Фриша, Мишель Коллинэ, «сознательная деятельность человека в области производства, а затем и в социальной области концентрируется в руках небольшой части общества, элиты, — коллективного «мозга» человечества, живущего как пассивный потребитель того, что производит его техника» («La technocratie est-elle une aristocratie moderne?», «Preuves» № 53, 1955, p. 45). Противопоставляя технократов трудящимся массам, Фриш всячески превозносит индустриальных менеджеров (управляющих), финансовых экспертов, высокопоставленных администраторов — всех тех, кто является ответственным за выпуск продукции и административное управление, на чьи плечи легла «высшая организация производства», обусловленная их «высшей квалификацией и главным образом общей компетенцией, основанной на сложных знаниях» («Entrée en scene de la Technocratie», «Preuves» № 47, p. 16). Технократы Фриша — это люди, не связанные непосредственно с производством. Термин «технократ», заявляет он, проводя грани между техником и технократом, является неточным, термин «органократ», несомненно, лучше отвечал бы действительности» (ibid). Будучи порождены техническим прогрессом, технократы якобы «призваны» взять в свои руки реорганизацию общественной жизни в целом.

Технократическая концепция Фриша, Коллинэ и других проповедует неизбежность господства избранной кучки людей, «технократической элиты», наделенной «чувством ответственности» и якобы «независимости от политики», в то же время отрицает наличие творческой активности у широких народных масс; последние рассматриваются как «пассивный элемент», как «люди-машины, лишённые мысли, инициативы и индивидуальности» («De la technique à la technocratie», «Preuves» № 52), являющиеся слепым орудием в руках правящей элиты. «Суть технократии состоит в том, — цинично утверждает Коллинэ, — чтобы управлять массами, чтобы навязывать им решения, по моему мнению, справедливые или рациональные, массы же рассматриваются как лишённые всякой способности судить или понимать то, что делают их техники и руководители» («Preuves» № 52).

Фриш игнорирует социальные и экономические основы классов и подменяет их извечным делением общества на «творческое», «передовое» меньшинство и «пассивное» большинство. Уверая в том, что технический прогресс сам по себе все в большей

степени будет раскалывать общество на «группу технократов» и безликую толпу «людей-машин», Фриш извращает и искажает действительность. Основные принципы устройства усовершенствованных механизмов на самом деле таковы, что для их успешного функционирования требуются рабочие с высокой общей и технической подготовкой, способные не только обеспечить нормальную работу механизмов, но и рационализировать производство. Технический прогресс приводит к необходимости поднимать культурно-технический уровень всего рабочего класса. Однако это требование находится в непримиримом противоречии с капиталистической эксплуатацией, имеющей тенденцию к превращению рабочего в «человека-машину». Совершенствование производства зависит не от «элиты технократов», а от объективных закономерностей, от общего состояния науки, от внедрения ее достижений в производство, от той роли (тормоза или двигателя производительных сил общества), которую играют производственные отношения в определенный период исторического развития, от сознательности и материальной заинтересованности трудящихся масс.

«План и производительность», как заявляет Фриш, действительно стал руководящим лозунгом послевоенной эпохи. Но претворение его в жизнь зависит не от воли и желания технократов, а от ликвидации капиталистических производственных отношений, порождающих анархию производства и безработицу. «Иерархическая система» чиновников, являющаяся основой капиталистического производства, не может определять законы производства, ибо ее сущность состоит не в «ответственности» перед обществом за организацию и планомерное функционирование производства, а в ответственности перед капиталом за извлечение максимальных прибылей. Коренную ломку зашедшего в тупик капиталистического производства осуществит не «элита технократов», а широкие трудящиеся массы во главе с рабочим классом. «Пассивность масс» в производстве, на которую указывает Фриш, обусловливается не какой-то мистической природой. Она порождена социальными условиями капитализма, отделением непосредственных производителей от средств производства. Для того, чтобы трудящиеся массы стали активными, необходимо изменить условия их социальной жизни, первым шагом на пути к которому является вовлечение народа в организованную борьбу против монополистического капитала.

Сущность технократии, продолжает Фриш, состоит в том, что, будучи ведущей силой в экономике, она «призвана» также выступить и как руководящая общественная сила на политической арене, действуя как «технократическая диктатура», которая обязана «если не своим развитием, то по крайней мере расцветом определенному провалу парламентаризма, определенной неэффективности демократического режима» («Preuves» № 47, p. 18). Противопоставляя «технократическую диктатуру» парламентаризму, якобы превратившемуся в «анахронизм» вследствие «коренных изменений» как в социальной, так и промышленной областях, Фриш явно спекулирует на слабых сторонах буржуазного парламентаризма. Он уверяет, что в отличие от парламента «эвентуальная технократическая диктатура пойдет своей собственной дорогой и найдет все необходимые решения» («Une réponse au défi de l'histoire», p. 143). Испытывая страх перед растущим движением народных масс против милитаристской и антинародной политики своих правительств, буржуазия пытается отбросить демократические свободы, парламентаризм и перейти к террористической диктатуре. Эта тенденция и нашла свое яркое отражение в «технократической» концепции Фриша.

Мифическая «диктатура технократии» является идеологическим выражением стремления монополистической буржуазии к установлению фашистской диктатуры, только под другим названием. Эта идея выдвигается для того, чтобы ослабить бдительность масс, дезориентировать их, отвлечь от борьбы за демократические свободы, за завоевание демократического большинства в парламенте и использование его как средства перехода к социализму. Проповедуя «диктатуру технократов», Фриш в то же время пытается как бы противопоставить ее скомпрометированному полностью в глазах масс фашизму. Деятельность технократов, заявляет он, неразрывно связана со «свободой мысли, созидания и действия». Оказывается, что «демократия и технократия совместимы, что технократия в современных формах не может претендовать на диктаторство и что достаточно обдумать приспособление демократической структуры к современным требованиям техники, чтобы избежать технократической опасности» (!!!) («Preuves» № 48, p. 19). Однако единственную панацею от таящейся в диктатуре технократов угрозы подавления демократических свобод Фриш усматривает в воспитании будущих диктаторов в духе «уважения к человеку». В проповеди любви и гуманности — «лучшее средство против опасности диктатуры», — демагогически заявляет он. Лицемерие этих доводов очевидно. Как свидетельствует недавняя история, фашистские диктаторы в Германии внимали не доводам совести и морали, а лишь доводам силы и оружия.

«Диктатура технократов» призвана, согласно концепции Фриша, преобразовать общество в международном масштабе. «Индустриализация западного мира в XIX веке сделала необходимой политику местничества, исходящую из учета своих местных или региональных интересов; технический прогресс XX века требует перехода от национального к сверхнациональному» (ibid., p. 20), — пишет Фриш, воспроизводя аргументацию многих буржуазных идеологов, проповедующих космополитизм и утверждающих, что национальный суверенитет стал «анахронизмом» и т. д. Несостоятельность подобных утверждений совершенно очевидна. Для капитализма характерны две противопо-

ложные тенденции: одна тенденция, возникшая с развитием крупной машинной индустрии, образованием мировых хозяйственных связей, мирового рынка и т. д., ведет к хозяйственному сближению наций; другая, возникшая в результате национального гнета и эксплуатации поработенных наций и народностей, ведет к национально-освободительным движениям, к политическому и экономическому освобождению народов от империалистического гнета и к образованию национальных государств.

Пропаганда космополитизма, которую ведут идеологи технократии, направлена против национально-освободительного движения, она оправдывает и прикрывает борьбу империалистов США за мировое господство, за порабощение других стран и народов.

Справедливо считая, что данные Фришем «ответы» на «проклятые» социальные вопросы, мучающие буржуазию, вряд ли привлекут к технократии симпатии широких масс, его коллега Дени де Ружемонт пытается перевести обсуждение проблем будущего общества в совершенно иную плоскость (см. «Preuves» № 56). В своей статье «Техническая авантюра» он констатирует противоречивость развития техники при капитализме. С одной стороны, технический прогресс ведет к безработице, с другой — к созданию огромных возможностей для удовлетворения все возрастающих материальных потребностей всех членов человеческого общества. Но, акцентируя внимание на второй стороне вопроса, Ружемонт делает вывод, что техника, автоматически разрешая противоречия капитализма, приведет к созданию «технократического общества», главной проблемой которого будет... «проблема» свободного времени! Если раньше, продолжает Ружемонт, смысл жизни состоял в том, «чтобы зарабатывать ее», то не ясно, что с ней делать, когда она внезапно будет предоставлена нам» (ibid., p. 19).

Сводя общественное развитие к техническому прогрессу, а человеческие потребности к одним материальным потребностям, Ружемонт односторонне, искаженно отражает капиталистическую действительность. Создавая возможности для колоссального роста общественного богатства, развитие капиталистической техники ведет не к росту благосостояния всех членов общества и изобилию «свободного времени», а к обнищанию рабочего класса, к безработице, к концентрации огромных богатств в руках небольшой кучки финансовой олигархии.

В данный момент речь должна идти главным образом не о том, «что делать со свободным временем», а о том, как превратить освобождающееся в ходе развития техники время в источник роста благосостояния всех членов общества. А это возможно только в условиях социализма, когда все трудящиеся, а не только кучка эксплуататоров, смогут заниматься наукой, искусством, техникой. В условиях же капитализма наличие у трудящихся свободного времени свидетельствует о росте не жизненного уровня трудящихся, а армии безработных и полубезработных. Вопреки утверждениям Ружемонта техника не может разрешить все те противоречия, которые возникают в условиях империализма. Эти противоречия могут быть устранены только путем революционного преобразования общества на социалистических началах.

Рассуждения о «новых» проблемах в «технократическом» государстве Ружемонта, «технократические концепции» Фриша, Коллинэ и других социологов подтверждают неспособность капиталистического общества разрешить раздирающие его социальные противоречия. Они оправдывают поход монополистического капитала против демократических свобод и национального суверенитета и, по существу, являются завуалированной апологетикой фашизма и реакции. Недаром эти теории были с восторгом встречены именно монополистами, которых они предлагают устранить. «Не приходится удивляться и тому успеху, который имели сторонники технократии в официальных правительственных кругах,— пишет французский марксист В. Ледюк.— Их поставили во главе национализированных предприятий — управлений заводов Рено, во главе организационных комитетов или профессиональных отделов министерств, экономических и финансовых управлений».

В хаосе формул и утопических теорий технократов монополистический капитал пытается увидеть «спасительный» для него ответ на «вызов истории». Но это свидетельствует лишь о слабости, о теоретическом банкротстве буржуазной социологической мысли.

Г. В. ОСИПОВ

НА МЕЖДУНАРОДНОМ СЕМИНАРЕ В ШВЕЦИИ

В сентябре 1956 года в университетском городе Лунде (Швеция) состоялся очередной Международный семинар молодежи¹, в котором авторы настоящей заметки приняли участие как представители Института философии АН СССР. Работа семинара проходила в атмосфере сотрудничества научной молодежи различных стран (всего на семинар съехалось 70 представителей из 30 стран, включая СССР, народный Китай, страны народной демократии). Это не исключало, конечно, принципиальных дискуссий

¹ Международные семинары в Лунде проводятся ежегодно и посвящаются обычно актуальным вопросам социологии, экономики, эстетики и т. д. Темой семинара в 1953 году были «Перспективы развития общества», в 1954 — «Роль искусства в обществе», в 1955 — «Поделится нашими ресурсами».

в первую очередь между марксистами и сторонниками различных буржуазных теорий. Для рассмотрения на семинаре в этом году была предложена тема «Сотрудничающий человек». В плане, разосланном участникам семинара, эта тема раскрывается следующим образом: «Социологи в настоящее время указывают, что современный человек сознательно устремлен к конкуренции. Тем не менее люди больше говорят о сотрудничестве и на сотрудничестве настаивают ответственные лица во всем мире. Сегодня мы нуждаемся в «сотрудничающем» человеке вместо «экономического» человека. Сотрудничество в тех областях, где оно уже успешно практиковалось, несомненно, заслуживает изучения. Мы выбрали несколько важных аспектов проблемы, которые дают конкретное представление о «сотрудничестве».

Основные вопросы из числа намеченных к рассмотрению на семинаре касались отношений внутри капиталистического производства, отношений между классами и группами в капиталистическом обществе. Этим вопросам была посвящена большая часть лекций и дискуссий, состоявшихся на семинаре.

До сих пор капиталистическая конкуренция не только не ставилась буржуазными учеными под сомнение, но и рассматривалась как естественный и единственно нормальный порядок вещей. Все они, начиная с А. Смита и Д. Рикардо и кончая вульгарными экономистами типа Ф. Бастиа, Г. Кэри и других, восхваляли «преимущества» конкуренции, воспевали ее «благодатную» роль.

Постановка вопроса о конкуренции и сотрудничестве на Международном семинаре в Лунде лишний раз свидетельствует о том, что в настоящее время положение начало изменяться. В условиях империализма конкуренция приводит к разорению и поглощению монополиями большинства мелких и средних предприятий, к неограниченному господству монополий. Перед лицом массового недовольства результатами процессов, порожденных конкурентной борьбой монополий, многие буржуазные ученые не решаются уже на безоговорочную апологию этого волчьего закона капиталистического общества. Более того, отдельные экономисты и социологи, особенно отражающие интересы средних и мелких предпринимателей, начинают теперь усматривать в подобной конкуренции, в борьбе и господстве монополий один из главных пороков капиталистической системы. Так, например, американский социолог Э. Боуэн приходит к выводу, что капитализм «воочию продемонстрировал трагические последствия метода конкуренции» (E. Bowen «The Cooperative Road to Abundance», New York, 1953, p. 34).

Антиподом конкуренции эти буржуазные ученые изображают метод кооперирования в капиталистическом производстве. Особые надежды возлагаются в этой связи на план замены «экономического» или «конкурирующего» человека человеком «сотрудничающим» путем создания «кооперативной» экономики, то есть замены производственной монополии потребительской кооперацией.

К обсуждению этого «пути» и свелась в значительной мере дискуссия на международном семинаре в Лунде. Особенно удобным это оказалось потому, что в Швеции кооперативное движение достигло высокого развития: около половины всех шведских семей являются членами потребительской кооперации; последней принадлежит восемь тысяч розничных магазинов, пятьдесят фабрик и заводов. Двенадцать крупных кооперативных ассоциаций фермеров насчитывают до миллиона членов. Описанию организации и работы кооперативов был посвящен ряд прочитанных на семинаре лекций. Кроме того, было организовано детальное ознакомление участников семинара с работой нескольких кооперативных магазинов и фабрик.

Пример Швеции свидетельствует о том, что, объединяясь в кооперативы, рабочие и фермеры могут лучше защищать свои интересы от посягательств монополий. Не говоря уже об известном улучшении их материального положения, кооперация способствует организации широких масс и вовлечению их в борьбу за свои интересы. Именно поэтому монополии ведут борьбу против кооперативного движения. Об этом рассказывали представители ряда стран на семинаре, в том числе и представители Швеции, где за последнее время усиливается наступление на кооперативные организации. Что касается таких стран, как США, Франция и некоторые другие, то, как указывали участники семинара, сопротивление монополий оставляет там мало возможностей для роста кооперативной экономики. Тем не менее нельзя согласиться с пропагандируемой во многих выступлениях на семинаре точкой зрения, состоящей в том, что развитие кооперативов открывает перед капитализмом «путь в будущее», излечивая язвы и пороки капиталистического производства.

Потребительские кооперативы не устраняют главного — системы эксплуатации рабочих частным капиталом. Как признал, в частности, один из лекторов, профессор Хексчер, широкое развитие кооперативного движения не помешало значительной интенсификации труда шведских рабочих. Эти кооперативы не устраняют и источник эксплуатации — частные предприятия и монополии. Основные экономические позиции в Швеции принадлежат концернам «Трафик» (железнодорожный), АСЕА и «Эрикссон» (электротехнические), «Бофорс» (военно-промышленный), СКФ (шарикоподшипниковый) и другим.

Нисколько не изменяют существа капитализма и фермерские кооперативы, ибо они строятся на капиталистических началах. Вступая в сотрудничество, фермеры стремятся лишь рационализировать сельскохозяйственные работы, полнее использовать новейшую технику, получить кредит и капитал для операций, укоротить путь продуктов

к потребителям и установить контроль над ценами на продукты, которые продаются и покупаются. Однако в рамках этого сотрудничества все средства производства остаются в частной собственности каждого фермера.

Таким образом, рост кооперации сам по себе не может изменить существа капитализма. Как показывает пример Швеции, кооперация не устраняет, в частности, и капиталистической конкуренции. И в промышленности и в сельском хозяйстве конкуренция приводит к усилению процесса роста крупных предприятий и ферм за счет разорения мелких. Разоряющиеся фермеры и мелкая буржуазия обычно вливаются в ряды промышленных рабочих. В области распределения за последнее время также отмечается усиленное вытеснение кооперативных магазинов частными магазинами.

Рост конкурентной борьбы обуславливается также все более суживающимися возможностями экспорта шведской продукции за границу. В связи с этими фактами усиления конкуренции в шведской экономике буржуазные ученые и те политические деятели, которые не связаны с системой кооперации, начинают все чаще выступать в поддержку принципа конкуренции. Сваливая на систему кооперации вину за наблюдающийся в Швеции спад производства, они открыто заявляют о «желательности и предпочтительности конкуренции в экономике». Так, например, профессор Г. Карлссон, сравнивая отношения конкуренции и сотрудничества в экономике, прямо заявил о том, что «классический тип свободной конкуренции лучше всего годится для общества».

Положение складывается весьма характерное: в стране, где кооперативное движение получило особо значительный размах, в стране, которую ставят в пример зарубежные сторонники «кооперативного пути в будущее», отдают предпочтение «свободной конкуренции».

Совершенно ясно, что при всех достоинствах кооперативных организаций они не открывают перед трудящимися капиталистических стран «пути в будущее». Кооперация может полностью сыграть свою роль лишь в условиях нового общества, основанного на ликвидации эксплуатации человека человеком. В. И. Ленин указывал, что строй цивилизованных кооператоров только «при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией... есть строй социализма» (Соч., т. 33, стр. 431). Кооперация же без общественной собственности, без диктатуры пролетариата никоим образом не сможет изменить сущности капитализма. В. И. Ленин еще в 1923 году разоблачал как «пошлые мечтания» утверждения тех, кто считал, что «простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир)» (там же, стр. 434).

* * *

Второй круг обсуждавшихся на семинаре вопросов касался отношений между классами и группами в капиталистическом обществе. В прочитанных участникам лекциях была предпринята попытка доказать наличие существенных «изменений», происшедших якобы в отношениях между классами и группами за последнее время. Общая тенденция этих «изменений», по утверждению буржуазных социологов, сводится к замене конкуренции и борьбы между классами и группами сотрудничеством между ними.

Шведский профессор Г. Хексчер для обоснования этого положения выдвинул свою теорию «организованных групп». К таким группам он относит профсоюзы, рабочие кооперативы, ассоциации фермеров, корпорации бизнесменов и другие организации. В основе создания этих групп, заявлял он, «лежит идея о том, что улучшение условий ее членов будет возможно не через посредство индивидуального «улучшения», а через посредство повышения общего стандарта группы, к которой принадлежит индивид».

Утверждая, что основной чертой современного капиталистического общества является «организованность», Хексчер говорил: «Сегодня мы можем сказать о шведском обществе, что оно является почти полностью организованным, как в том смысле, что все самые различные интересы представлены какими-либо организациями, так и в том смысле, что эти организации охватывают почти все население».

Однако, признав необходимость объединения трудящихся для защиты своих интересов, лектор тут же заявил, что отношения между различными «организованными группами» радикально изменились и теперь вместо имевших раньше место борьбы и конфликтов якобы господствуют сотрудничество и мир.

Для доказательства этих радикальных изменений лекторы не могли привести ничего, кроме фактов так называемой «профессионализации бизнеса» в Швеции, выражающихся в том, что ныне капиталисты якобы берут на себя больше ответственности перед обществом, чем ранее.

Буржуазные идеологи пытаются доказать, будто теперь в капиталистическом обществе происходит более справедливое распределение плодов труда: рабочие обзавелись собственностью и стали частью среднего класса, а капиталисты перестали фактически быть собственниками предприятий и превратились в общественных служащих. Утверждается, что государство полностью контролирует экономику в интересах всего общества, а развивающаяся кооперативная и акционерная собственность

якобы коренным образом отличается от частнокапиталистической. Получается, таким образом, «капитализм без капиталистов и пролетариев».

Аргументы, с помощью которых лекторы и отдельные участники семинара пытались «доказать» эти типичные для современной буржуазной социологии положения, не содержали в себе ничего нового и оригинального.

Следует отметить, что с этими аргументами согласились далеко не все участники семинара. Многие из них совершенно недвусмысленно указывали на то, что вопросы сотрудничества в обществе зависят прежде всего от его экономических основ. «Вы никогда не отделите вопросов политики от вопросов экономики», — заявил Джордж Баламон из Судана. В ряде выступлений указывалось, что в современных странах капитала нет возможностей для сотрудничества между представителями различных классов и групп. Об этом говорят хотя бы факты о «возможностях» для получения образования. Например, в Западной Германии в высшие учебные заведения фактически закрыт доступ для рабочих и крестьян. Только 4—6 процентов студентов в ФРГ являются выходцами из семей крестьян и рабочих. Представители США отмечали, что монополии и «индустриальные лидеры» полностью держат систему высшего образования в своих руках. Указывая на эти факты, представители молодежи различных стран, и прежде всего колониальных и зависимых народов, заявляли на семинаре, что сотрудничества не может быть там, где «правительство находится не в руках народа». «Кто контролирует наше правительство», «кто контролирует наши финансы», «много ли представителей самого народа находится в правительстве» — вот на какие вопросы надо прежде всего ответить, заявляли выступавшие.

Не нашла поддержки у многих участников семинара и выдвинутая профессором Хексчером идея «практических компромиссов».

Приводя шведскую поговорку о том, что «дурной компромисс лучше, чем успешный судебный процесс», Хексчер утверждал, что именно на этом принципе строятся теперь отношения между «организованными группами» в капиталистическом обществе. При этом он уверял, что для профсоюзов компромиссное соглашение всегда полезнее, чем забастовка, даже если приходится отказываться от некоторых первоначальных требований.

Другими словами, речь идет о безусловном предпочтении компромисса борьбе, то есть о заведомой капитуляции, как политической «основе» рабочего движения.

В. И. Ленин в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» дал исчерпывающую характеристику подобным «практическим компромиссам». Указав, что марксизм не отрицает в принципе допустимость компромиссов в классовой борьбе трудящихся, Ленин призывал проводить различие между компромиссом, вынужденным объективными условиями и ничуть не уменьшающим революционной преданности и готовности к дальнейшей борьбе, и компромиссом тех, кто сваливает на объективные условия свое желание выслужиться перед капиталистами (см. Соч., т. 31, стр. 49).

Совершенно очевидно, что, пропагандируя «практические компромиссы», Хексчер не проводит такого различия, а, напротив, фактически обосновывает необходимость добиваться компромиссов любой ценой. Ясно, что подобные компромиссы могут быть направлены лишь на такое «сотрудничество», которое подразумевает отказ рабочих от борьбы при любых обстоятельствах и заключение соглашений с капиталистами на любых условиях.

Классовая борьба, идущая ежедневно, не может «исчезнуть» сама собой, ибо остаются ее основы — антагонистические противоречия между трудом и капиталом. Это вынуждены были признать и отдельные буржуазные ученые, выступавшие в Лунде. Профессор Карлссон, например, говоря о наличии различных общественных сил в Швеции, отмечал: «Мы имеем сотрудничество в правительстве и, возможно, в других сферах, конкуренцию в бизнесе и других областях, конфликт между классами или нациями». Профессор Хексчер также заявил, что «классовая борьба не исключается. Возможно, что в Швеции при определенных условиях может возникнуть даже революционная ситуация».

Подводя итоги работы Международного семинара молодежи в Лунде, следует отметить, что участвовавшие в нем молодые научные работники проявили большой интерес к марксистско-ленинской науке об обществе. Представителей Индии, Австралии, Ирана интересовал, например, вопрос о системе изучения марксизма-ленинизма в странах социалистического лагеря. Представители Северной Африки, Западной Германии и ряда других стран интересовались вопросами развития марксистской теории, а также конкретным применением принципов марксизма-ленинизма в разных странах. Представители некоторых капиталистических стран рассказали, что многие студенты у них самостоятельно изучают марксизм. Подробные выступления представителей социалистических стран по вопросам марксистской теории были заслушаны участниками семинара с большим вниманием.

Международный семинар в Лунде еще раз показал несомненную пользу непосредственных контактов между молодыми научными работниками, придерживающимися различных взглядов и мировоззрений. Подобные контакты помогают лучше узнать друг друга, глубже понять различные точки зрения.

В. С. СЕМЕНОВ, В. В. ДЕНИСОВ

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Ответ читателю

В редакцию журнала «Вопросы философии» поступило письмо священника В. П. Розова, содержащее возражения против некоторых положений статьи тов. Ф. Н. Олещука «Религиозные пережитки и пути их преодоления», напечатанной в № 6 нашего журнала за 1954 год. Так как в письме затронут ряд вопросов, представляющих общественный интерес, ниже публикуется ответ, дающий освещение этих вопросов.

Основное внимание автор письма уделил опровержению мысли, что религия мешала и мешает развитию науки, ссылаясь в доказательство на ряд деятелей науки, которым религия якобы не только не мешала, а помогала двигать науку вперед.

Некоторые из названных ученых: Ньютон, Ампер, Пастер — действительно были людьми религиозными. Но следует отметить, что погоня за увеличением числа людей, которые были учеными и в то же время верующими, приводит к искажениям истины. Нет никаких оснований, например, считать Дарвина таким же приверженцем религии, каким был Ньютон. Широко известно, что, хотя Дарвин под влиянием окружающей его среды и не порывал с церковью, по своим убеждениям он не был сторонником религиозного мировоззрения. «Евангелием сатаны» в письме к Гексли, своему другу и последователю, назвал Дарвин свой главный труд «Происхождение видов», и, став автором теории естественного отбора, этот ученый никогда не выступал в защиту «божественного промысла».

Можно было бы, конечно, пополнить список верующих ученых и не вызывая особых возражений. Но суть дела в том, как нужно объяснить, что некоторые деятели науки оставались верующими, и можно ли отсюда сделать вывод, что религия не только не мешает, но даже способна помогать развитию науки.

Прежде чем ответить на эти вопросы, хочется обратить внимание на следующее. Если среди ученых, особенно в прошлом, было немало людей религиозных, то среди духовенства было много людей по своим личным убеждениям неверующих. История знает и лиц, которые, будучи неверующими, без особых угрызений совести продолжали носить духовный сан, и лиц, для которых такого рода двойственность была причиной глубоких душевных переживаний.

Можно ли, например, назвать верующим христианином человека, заявившего: «Давно известно, сколь полезна нам эта басня об Иисусе Христе»? Эти слова принадлежат римскому папе Льву X, который занимал папский престол с 1513 по 1521 год.

Долго не утратят своего воздействия на умы людей личная драма и идейное наследство священника прихода Этрепиньи провинции Шампань (Франция) Жана Мелье (1664—1729). Убедившись в несостоятельности догм религии и измученный преследованиями со стороны князей церкви, Жан Мелье покончил с собой, оставив после себя знаменитое «Завещание», на титульном листе которого он написал, что в его произведении даны «ясные и очевидные доказательства призрачности и ложности всех божеств и всех религий мира».

Известно, что за период Советской власти сотни служителей культа различных ступеней церковной иерархии отошли от церкви, опубликовав в советской печати заявления о своем отказе от веры.

Каждый вправе спросить: что общего между учеными, верующими в бога, и служителями культа, которые не веруют в бога? Ответим на этот вопрос. Общее между ними заключается в том, что тем и другим свойственны личные противоречия, хотя эти противоречия в каждом из рассматриваемых нами случаев выступают совершенно по-разному.

В. И. Ленин в статье «Об отношении рабочей партии к религии» (1909 г.) писал, что в буржуазном обществе священник, пожелавший стать членом социал-демократической партии, мог бы быть в качестве исключения принят в партию, если он добросовестно выполняет партийную работу и не выступает против партийной программы, «ибо противоречие духа и основ нашей программы с религиозными убеждениями священника могло бы остаться при таких условиях только его касающимся, личным его противоречием» (Соч., т. 15, стр. 377). При этом Ленин разъяснял, что прием религиозных людей в партию, допустимый в определенных условиях, не означает свободы религиозной пропаганды внутри партии. Наоборот, прием в социал-демократическую организацию преданных делу рабочего класса религиозных людей имел целью воспитание их в духе научного мировоззрения.

В свете материалистического понимания истории мы можем уяснить себе причины отмеченных выше противоречий. Почему, например, в головах известной части ученых капиталистического мира научные взгляды уживаются с религией? Потому главным образом, что в буржуазном обществе люди, делающие иногда замечательные открытия в тех или иных областях науки, не свободны от влияния общественных условий, которые поддерживают и питают религию. Принадлежность к эксплуататорским классам или зависимость от этих классов, стихийность экономического развития, кризисы, войны, страх потерять общественное положение, а иногда и работу, общая атмосфера давления со стороны церкви и государства, которые всякое свободомыслие рассматривают как «подрыв устоев», — все это, несомненно, оказывает свое воздействие и на ученых. Чтобы порвать в таких условиях с религией и церковью, ученый должен обладать широким научным мировоззрением и, кроме того, личной смелостью. Не каждый ученый обладает этими качествами в достаточной мере.

Конечно, ученый делает научные открытия в той или иной области знаний не при помощи «откровений свыше», а лишь потому, что в меру своих сил и способностей старается точно исследовать явления и закономерности окружающего его материального мира. Иначе он не смог бы стать ученым. Но открытия в той или иной области науки оказываются часто недостаточными, чтобы их автор мог освободиться от религиозно-идеалистического мировоззрения. Сделав открытия в астрономии, в физике, химии, медицине и т. д., ученый тем самым автоматически еще не освобождается от идеалистических взглядов.

Неизбежно сталкиваясь с вопросами, которые часто выходят за круг специальных интересов, вроде: создан ли мир богом или существует вечно, как нужно относиться к борьбе между материализмом и идеализмом, — тот или иной знаменитый физик, химик, хирург в силу отмеченных выше условий общественной жизни и окружающей его среды нередко оказывается в плену антинаучных, религиозно-идеалистических воззрений. Это особенно часто происходит с учеными-эмпириками, интересующимися лишь вопросами своей узкой специальности и чужающимися широких философских обобщений, с учеными, которые, хотя и являются стихийными материалистами, не владеют диалектикой и в силу этого могут скатываться к идеализму. В сознании таких ученых научные представления по ряду вопросов зачастую уживаются со всякого рода мистикой.

Не случайно Энгельс в «Диалектике природы» отмечал, что Ньютон пришел к утверждению, будто бог дал первый толчок к движению планет вокруг солнца, вследствие сугубо механического характера своего мировоззрения. Именно руководствуясь метафизическим методом, некоторые философы и ученые приходили к так называемой теории «двойственной истины». Например, английский философ Френсис Бэкон утверждал, что в вопросах науки следует строго придерживаться данных научного опыта, а при решении вопросов общего мировоззрения допускал признание бога. Такая непоследовательность во взглядах Бэкона, если говорить о его философии, была, несомненно, связана с тем, что он, будучи в основном метафизиком, не сумел правильно сочетать частное и общее в познании.

Диалектический материализм Маркса, Энгельса, Ленина до конца преодолел свойственный старому, механистическому материализму разрыв между опытным познанием отдельных сторон действительности и научным решением наиболее общих вопросов мировоззрения и дал стройную научную теорию и правильный метод для познания и изменения человеком окружающей его действительности.

Уже в условиях капиталистического общества многие ученые, сознавая несостоятельность буржуазного строя и под влиянием того, что новейшие открытия в области науки наглядно подтверждают истинность диалектического материализма, переходят на позиции научно-атеистического мировоззрения.

В СССР, где социальные корни религии подорваны, а база, на которую раньше опиралась церковь, уничтожена, из многотысячной армии деятелей науки лишь очень немногие еще не овладели диалектико-материалистическим мировоззрением, не порвали с религией и религиозными организациями.

Значит, некоторые ученые веровали и веруют в бога не потому, что религия и наука в какой-то мере родственны между собой, а потому, что, несмотря на противоположность научного и религиозного мировоззрений, в общественной жизни и в развитии общественной мысли существовали и существуют условия, приводящие этих ученых к колебаниям между наукой и религией. С устранением этих условий, что наиболее всеобъемлюще и основательно совершается в ходе социалистической революции, ученые в своем подавляющем большинстве последовательно отстаивают науку против религии.

Нет никаких оснований утверждать, что религиозное мировоззрение способствовало развитию науки. Главное в современных религиях — вера в сверхъестественные силы, в бога, признаваемого творцом Вселенной. Главное в научном мировоззрении — отрицание сверхъестественных сил, утверждение вечности и несотворимости материального мира. Религия учит, что люди прежде всего должны возлагать свои надежды на милость бога, готовиться к загробной жизни. Наука же, исходя из того, что бога и загробной жизни нет, учит людей надеяться на свои собственные силы, зовет человечество к активной борьбе за создание лучшей жизни на земле. Религия своими иллюзиями отвлекает людей от правильного понимания явлений окружающего мира.

Наука дает человеку надежное оружие в деле познания и использования законов природы и общества. Во всем этом заключается глубокая идейная непримиримость научных и религиозных взглядов.

В самом деле, как может, например, убеждение, что жизнь природы и общества зависит от воли бога (пути которого, по учению религии, «неисповедимы»), способствовать развитию науки? Или как может догмат религии о загробных наградах за страдания на земле помогать людям бороться за земное счастье? Никакого компромисса при решении подобного рода вопросов быть не может! Вот почему, осуждая всякое оскорбление чувств верующих и оскорбительные выпады против духовенства, Коммунистическая партия в то же время указывает на несовместимость науки и религии и систематически помогает верующим освобождаться от религиозных предрассудков.

Если нельзя признать правильным суждения о религии как помощнице науки, основанные на том, что есть ученые, верующие в бога, то ничуть не больше истины содержится и в выводах, что некоторые деятели науки и культуры стали таковыми потому, что получили духовное образование.

Нельзя, например, согласиться с мыслью, что Н. Г. Чернышевскому и Н. А. Добролюбову помогло стать революционными демократами то, что они были сыновьями священников и получили образование в духовных семинариях. Каждый скорее согласится с тем, что Чернышевский и Добролюбов пришли к революционному демократизму и атеистическим выводам в своей философии не благодаря духовному происхождению и образованию, а вопреки им. Они стали борцами против крепостничества, царизма и идейной реакции под влиянием всего хода общественного развития прошлого столетия в России и за рубежом и под влиянием передовых научных идей, с которыми они ознакомились главным образом вне семьи и вне стен духовных семинарий. Конечно, учебные заведения дореволюционной России, в том числе и церковно-приходские школы и духовные семинарии, давали учащимся некоторую сумму положительных знаний в области языка и литературы, математики, физики и т. д. Но общая система образования и воспитания в учебных заведениях при царизме отнюдь не способствовала тому, чтобы из их стен выходили революционеры в политике и науке.

Рассмотрим другой вопрос. За последнее время защитники религии все чаще прибегают к доводам от науки, чтобы оправдать религиозные верования. Своими попытками при помощи ссылок на науку о языке и на естествознание оправдать библейскую легенду о сотворении богом мира в шесть дней автор письма отдает дань именно такого рода приемам защиты религии. Он утверждает, что слово «день» в библии там, где речь идет о сотворении мира, употреблено вместо слова «период». При этом делается ссылка на науку о языке, на то, что язык людей древности был беден, вследствие чего для обозначения понятия «период», включающего мысль о миллионах лет, в библии и употреблено слово «день».

Но это рассуждение нельзя признать убедительным по ряду причин. Во-первых, следует иметь в виду, что развитие языка тесно связано с развитием мышления, и наоборот. Правда, наука о языке знает, что люди до поры до времени нередко называли новые вещи старыми именами, но лишь когда разница между новым и старым не была особенно значительной. Научному языкознанию совершенно неизвестны случаи, когда бы, например, люди, думая об океане, называли его каплей. И нет никаких оснований полагать, что люди, в мышлении которых уже сложилось такое широкое понятие, как период в сотни миллионов лет, называли бы это словом «день».

Во-вторых, сам текст библии не оставляет никаких сомнений, что речь там идет об обыкновенных днях. «И был вечер и было утро», — читаем мы о сказочных днях сотворения мира в библейской легенде. Неужели следует понимать, что здесь речь идет о вечере и утре огромных во времени периодов, а не о вечере и утре обычных дней? Зачем так искажать бесхитростные слова и мысли людей древности? Библейская легенда о сотворении мира богом в шесть дней, конечно, имела в виду именно то, о чем в ней сказано. Наука же в процессе длительного развития вскрыла несостоятельность этой легенды, установив, что мир никогда никем не создавался, а существует вечно.

Неудачна также попытка опереться на естественные науки в стремлении объяснить сотворение богом света в первый день, а небесных светил — в четвертый. Автор совершенно неправоммерно заявляет: «Но теперь наука приходит к выводу, что основой материи является энергия, а свет является первичным состоянием энергии». К такому выводу приходила лишь идеалистическая лженаука, но не подлинная наука. Идеи энергетизма, связанные с заменой понятия материи понятием энергии, пропагандировал, например, немецкий химик и философ В. Оствальд (1853—1932).

В. И. Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм» показал полную несостоятельность энергетики Оствальда и вскрыл ее антинаучный, идеалистический характер. Подлинная наука утверждает, что материя не нуждается ни в каких энергетических основах, а сама является носителем всех видов энергии, в том числе и энергии излучения. Попытки представить какой-либо из видов энергии первоначальной субстанцией мира равнозначны попыткам мыслить движение без материи, что не имеет ничего общего с наукой. Научные же открытия о превращениях при некоторых условиях частиц вещества в свет и обратно не колеблют, а лишь подтверждают великий закон природы — закон сохранения материи и движения.

Остановимся кратко на некоторых других вопросах. Прежде всего обращает на

себя внимание утверждение, что религия не связана с идеализмом. В письме сказано: «Связывать религию с идеализмом по меньшей мере недостойно ученого человека. Религия определено и ясно учит (христианство), что мир духовный и мир материальный представляют объективную реальность, существующую независимо от человеческого сознания. Религия признает заблуждением как материализм, так и идеализм». Ошибка здесь заключается в том, что затушевывается противоположность двух основных направлений в философии — материализма и идеализма — и не учитывается разница между идеализмом субъективным и идеализмом объективным.

Действительно, в отличие от субъективного идеализма, который не признает существования вещей независимо от человеческого сознания, религия признает, что материальный мир существует независимо от сознания людей. Но это не выводит религию за рамки идеализма. Кроме субъективного идеализма, история философии знает идеализм объективный, виднейшими представителями которого были, например, Платон и Гегель. Эти философы утверждали, что над миром вещей, существующих независимо от человеческого сознания, существует высший мир духовных сущностей (у Гегеля мистическая «абсолютная идея»).

Последовательный материализм не признает существования над природой никаких духовных сущностей, как бы их ни называли. Религия же признает, что над вещами материального мира в качестве первичного существует духовное начало — бог. Это и делает религию простейшей формой идеализма, и прежде всего объективного идеализма.

Нельзя пройти и мимо замечания, что атеизм вызван лишь ошибками и злоупотреблениями отдельных служителей церкви, «готовых религию обратить в орудие своих страстей». Автор письма понимает атеизм лишь как антицерковное движение, как неизбежный протест против имеющихся в церкви не порядков, а не как отрицание веры в бога. Отсюда получается, что борьба между атеизмом и религией будет продолжаться вечно. Но научный атеизм вовсе не сводится к борьбе против отрицательных явлений в среде духовенства. Научный атеизм — одна из сторон, одна из составных частей марксистско-ленинского мировоззрения. Это — научно обоснованное отрицание всякой религии, всяких представлений о сверхъестественном.

Научный атеизм признает, что культ и церковь в тех или иных формах будут существовать, пока существует вера в бога. Острие научного атеизма направлено против религии, а не против церковнослужителей. Идейная же борьба научного атеизма против религии, несомненно, закончится полной победой атеизма. Еще известный французский публицист и философ Пьер Бейль (1647—1706) утверждал, что вполне возможно существование общества, состоящего исключительно из атеистов. На наших глазах слова Бейля постепенно сбываются.

Н. И. ГУБАНОВ

Семья и общество

(Ответ тов. РАЙТЕРУ на вопрос «Проявлялось ли в историческом прошлом развития семьи и проявляется ли в современной семье влияние материальных и идеологических общественных отношений»)

Современные семейные отношения отличаются сложностью и многогранностью. Они складываются из отношений супружеских (брак), отношений между поколениями родственников (супруги — их родители — их дети) и отношений между братьями и сестрами.

Границы семьи очень подвижны и определяются как общественными, классовыми, национальными, так и индивидуальными условиями и традициями жизни людей. Семья может включать в себя несколько поколений и несколько брачных союзов (пример — семья Журбиных в одноименном романе В. Кочетова) или один брачный союз и лишь два поколения (супруги — их дети). Наконец, встречаются семьи, состоящие лишь из мужа и жены. В данном случае семейные отношения сводятся лишь к браку. Отсюда можно сделать вывод, что из всех семейных отношений всеобщий характер имеют лишь брачные отношения. Они создают семью и определяют ее лицо. Через них в первую очередь воздействуют на семью, на весь строй ее жизни условия материальной жизни общества, господствующий в обществе способ производства.

Семейные отношения имеют материальную и духовную стороны, в которых проявляется экономическая и духовная, идеологическая жизнь всего общества.

Материальная сторона жизни современной семьи складывается из хозяйственно-имущественных отношений между ее членами. Характер этих отношений, в свою очередь, зависит от классового положения семьи, а в конечном счете — от экономического базиса общества. Кроме хозяйственно-имущественных отношений, к материальной стороне семейной жизни относятся также супружеские отношения, связанные с деторождением. Духовная сторона жизни современной семьи складывается из отношений психологических (чувства супружеской и родительской любви, а также любви

детей к родителям), этических (взаимный нравственный долг супругов, родителей и детей).

Эта сторона семейной жизни приобрела свойственное ей в настоящее время значение лишь на сравнительно высокой ступени человеческой истории, явилась результатом длительного экономического и духовного прогресса человечества.

* * *

Брак не всегда был связан с созданием семьи, так как брак — ровесник человечества, а семья возникла значительно позже.

Первоначально брачные отношения существовали непосредственно внутри первобытной человеческой орды, затем они были связаны с родовыми отношениями, и только парный брак положил начало семейной организации общества.

Брачные отношения внутри первобытной орды регулировались преимущественно половым инстинктом. Запретительные ограничения не имели тогда силы. Любая женщина стада считалась «женой» всех мужчин, любой мужчина — «мужем» всех женщин. Но это отнюдь не исключало возможности более или менее длительного парного сожительства мужчины и женщины. Следовательно, *неупорядоченные половые отношения, как первоначальная форма брака, означают, что в обществе не существовало еще никаких норм и запретов в этих отношениях, но, с другой стороны, не существовало и принуждения к полигамии.*

Эта форма брака обусловлена преобладанием в то время такого способа добывания средств к жизни, как собирание готовых плодов природы, неразвитостью даже примитивного половозрастного разделения труда и крайней бедностью духовной жизни первобытного человека. Первое означало, что у людей еще не могло возникнуть стремления к увеличению орды, второе — что мужчины и женщины еще не были экономически заинтересованы друг в друге, третье — что почти полностью отсутствовала также их взаимная духовная заинтересованность и, следовательно, связанные с ней нравственные чувства и обязательства. К тому же брак в то время не был связан и с воспитанием детей.

Все это, вместе взятое, позволяет сделать вывод, что у людей в то время не было необходимости в регулировании брачных отношений, в каких-либо брачных нормах и запретах.

В дальнейшем происходило постепенное сужение круга лиц, между которыми общество разрешало свободные половые отношения. Сначала из этого круга были исключены родители и дети, затем — братья и сестры (кровородственный и групповой браки).

Чем объяснить эту тенденцию в истории брака? Прежде всего действием естественного отбора. Биологическое становление человека отнюдь не завершается с началом применения и изготовления орудий труда, с возникновением мышления и членораздельной речи. От первых людей, во многом еще похожих на своих предков — человекообразных обезьян, до современного типа человека, так называемого «*homo sapiens*», прошли сотни тысяч лет. В этот огромный исторический период происходило биологическое доразвитие (совершенствование) человека, и наряду с начавшимися действовать социальными законами действовали биологические законы. Постепенное сужение сферы их действия и расширение сферы действия социальных законов и составляет сущность процесса становления человеческого общества и соответственного брака и семьи. Действие естественного отбора в брачных отношениях состоит в том, что те племена, у которых кровосмешение (браки между близкими родственниками) было ограничено, биологически развивались быстрее и полнее, чем те, у которых оно еще существовало. С другой стороны, по мере успехов трудовой деятельности человека на брак все сильнее влияли социальные факторы. Переход от собирания пищи к охоте породил у первобытных людей стремление к увеличению численности орды. Наиболее верным средством к достижению этой цели были брачные запреты, которые затрудняли, а со временем сделали совсем невозможными браки внутри орды и заставили мужчин искать себе жен на стороне.

Групповой брак послужил основой рода, возникновение которого связано с укреплением и развитием половозрастного разделения труда, резко увеличившего экономическую заинтересованность мужчины и женщины друг в друге и усилившего роль экономических отношений в браке.

С развитием производительных сил, увеличением плотности населения и связанным с этим духовным ростом общества групповые брачные отношения приходили во все большее противоречие с экономическими интересами людей, теряли свой наивный, первобытный характер и казались, особенно женщинам, все более тягостными и унижительными. Поэтому, как отмечает Ф. Энгельс, женщины, опираясь на свое экономическое влияние в период матриархата, добились осуществления перехода от группового к парному браку.

Вместе с парным браком и на основе его внутри рода возникают отдельные, **также еще малоустойчивые семьи**, однако основной ячейкой общества продолжает оставаться род, и хозяйство, как и воспитание детей, носит преимущественно общеродовой характер.

Падение экономического влияния женщин, выразившееся в замене материнского

рода отцовским (патриархатом), имело для них особенно тягостные последствия, ибо этот процесс совпал с возникновением частной собственности и эксплуатации.

Главной целью семьи становится «рождение детей, происхождение которых от отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение имуществом отца» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, 1952, т. II, стр. 208). Таким образом, возникновение частной собственности обусловило экономическую необходимость моногамии, которая была осуществлена за счет ограничения свободы женщины, «как провозглашение неведомого до тех пор во всей предыдущей истории антагонизма полов» (там же, стр. 212). Однако нельзя усматривать причину возникновения моногамии только в частной собственности. Экономический прогресс человечества явился основой его дальнейшего культурного прогресса, что способствовало развитию и обогащению в людях их чувств и нравственных понятий долга, чести, совести, собственного достоинства, сыгравших огромную роль в облагораживании брачных и семейных отношений, в превращении животного полового влечения в возвышенное и светлое человеческое чувство любви.

Но эти нравственно-психологические предпосылки моногамии были враждебны ее экономическим предпосылкам и не укрепляли собственническую семью, а действовали в направлении изменения ее характера или же разрушения ее.

Моногамия уже в условиях эксплуататорского строя, при всех ее противоречиях, имела большое значение для дальнейшего прогресса семейно-брачных отношений. Если раньше мужчины фактически не знали отцовского чувства, то теперь любовь к детям и забота о них перестала быть уделом одних лишь женщин. Дети стали силой, облагораживающей отношения между родителями; привязанность и любовь к детям со стороны отца в той или иной форме переносилась и на его отношения к их матери; супружество становилось не только биологической и экономической, но и нравственной необходимостью.

Еще родовое общество активно вмешивалось в брачные дела своих членов, так как оно было заинтересовано в воспроизводстве населения и соответствующем воспитании молодого поколения. В классовом обществе эта связь семьи и общества еще более усилилась, так как семья стала одним из средств не только нравственного, но и политического воспитания людей, а у собственнических классов — еще и ячейкой для сохранения и накопления богатства. Поэтому с возникновением государства оно было широко использовано господствующими классами для насаждения и укрепления угодных им семейно-брачных отношений. Появились юридические установления о браке и семье. *Экономические, психологические и нравственные отношения между членами семьи были дополнены юридическими отношениями.*

Таким образом, социальная сущность семейно-брачных отношений определяется прежде всего экономическим базисом общества. Однако базис является основным, но далеко не единственным звеном, связывающим эти отношения с общественной жизнью. Известно, что феодальная семья в ряде азиатских и африканских стран была не моногамной, а полигамной, и это объясняется не столько экономическими, сколько политическими и религиозными причинами. В отдельных странах недостаток мужского или женского населения также временно приводил к возникновению многоженства или многомужества; здесь налицо непосредственное влияние на брак и семью одного из условий материальной жизни общества. Феодальная моногамия, развившаяся на развалинах римского мира в процессе смешения народов, облекла власть мужа в более мягкие формы и дала женщинам, по крайней мере с внешней стороны, более почетное и свободное положение, какого никогда не знала классическая древность. Это трудно объяснить изменением экономических отношений, но становится вполне понятным, если учесть нравственное влияние на римское население соседних народов, у которых женщина пользовалась несравненно большей свободой и почетом. Эти примеры, число которых можно было бы значительно увеличить, убедительно говорят о том, что существует ряд факторов материального и идеологического порядка, оказывающих влияние на семейно-брачные отношения, помимо экономического базиса общества.

* * *

Уничтожение частной собственности и связанных с ней обычаев и традиций старого общества лишает насилье и принуждение в семье их основы и смысла и превращает брак в добровольный, равноправный союз мужчины и женщины.

Следовательно, многие силы, скреплявшие собственническую моногамную семью, как-то: подчиненность и экономическая беспомощность женщины, страх жены и детей перед главой семьи, религиозный долг и т. д., — перестают действовать. Кроме того, по мере нравственного роста социалистического общества в семейно-брачных отношениях все большую роль играют чувства взаимного долга супругов и их совместной ответственности перед обществом за воспитание детей, которое становится главной общественной функцией семьи. Наследование имущества, имеющее первенствующее значение в отношениях между родителями и детьми в собственнической семье, не может являться и не является главным элементом в отношениях между родителями и детьми при социализме. Таким образом, первое, что характерно для социалистической семьи, — это *возрастание в ней роли нравственно-психологических отношений, расширение идеологической области семейной жизни.*

Хозяйственно-имущественная сторона семейных отношений и соответственно хозяйственно-экономическая функция семьи сохраняются при социализме, но они в корне меняют свой характер.

Хозяйственно-имущественные отношения в социалистической семье — это отношения между тружениками общественного социалистического производства, совместно организующими свой домашний быт, ведущими свое хозяйство и обеспечивающими нетрудоспособных или же занимающихся исключительно домашним трудом членов семьи. Хозяйственно-экономическая деятельность социалистической семьи не отгораживает ее от общества (что характерно для собственнической семьи), а, наоборот, связывает с общественным производством и общественной жизнью.

Являясь сферой воспроизводства населения и воспитания подрастающего поколения и осуществляя свою хозяйственно-экономическую функцию, социалистическая семья оказывает большое и благотворное влияние на общественную жизнь и поэтому пользуется всемерной поддержкой со стороны социалистического государства. За годы пятой пятилетки реальная заработная плата рабочих и служащих возросла на 39%, а доходы колхозников — на 50%. В шестой пятилетке намечено повысить реальную заработную плату рабочих и служащих еще примерно на 30%, а доходы колхозников — на 40%. Принятый 14 июля 1956 года Верховным Советом СССР закон о государственных пенсиях гарантирует определенную материальную обеспеченность всем рабочим и служащим, которые не могут работать вследствие старости или инвалидности. Улучшение пенсионного обеспечения в СССР, так же как и повышение заработной платы низкооплачиваемым рабочим, знаменует собой дальнейшее повышение жизненного уровня трудящихся. Но материальное благосостояние трудящихся СССР определяется не только уровнем заработной платы. Бесплатное лечение, бесплатные и льготные путевки в санатории и дома отдыха, бесплатное обучение в учебных заведениях, расширение сети детских садов и яслей, создание специальных школ-интернатов, где дети, родители которых имеют невысокие заработки и обременены семьей, будут находиться на полном государственном обеспечении, — все это снимает с семьи немалую часть материальных забот, а значит, укрепляет ее материальное положение. Что касается многодетных семей, то они получают большую специальную помощь от государства. Самым благоприятным образом отражаются на семье и меры по улучшению условий труда и быта советских людей, особенно женщин: сокращение рабочего дня, развитие и совершенствование системы общественного питания, резкий (почти в два раза) подъем жилищного строительства, увеличение отпусков по беременности.

Советское государство повседневно проявляет заботу об устойчивости советской семьи, о том, чтобы возможно меньше было необоснованных разводов и чтобы вступающие в брак серьезно относились к нему.

В сфере семейной жизни сохранилось много разного рода пережитков прошлого, и преодоление их довольно-таки затруднительно. Религиозные, националистические и просто мещанские пережитки еще бытуют в некоторых семьях, и особенно в тех, члены которых мало принимают участия в общественной жизни, уклоняются от нее.

Бывает и так, что человек, зарекомендовавший себя на производстве передовиком и общественником, оказывается отсталым и некультурным человеком в быту, в личной жизни, в семье. Поэтому является важным, чтобы в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей, которую ведут все наши государственные и общественные организации, больше внимания уделялось преодолению пережитков в быту, в семейной жизни.

Прогрессирующее обобществление быта советских людей увеличивает возможности успешной культурно-воспитательной работы.

По мере успехов коммунистического строительства и расширения обслуживающих нужды семьи отраслей общественного производства сфера хозяйственно-имущественных отношений в семье будет все больше сужаться. Вместе с тем дальнейший экономический, культурный и нравственный рост социалистического общества расширит, укрепит и сделает более содержательной нравственно-психологическую сторону семейно-брачных отношений и еще более увеличит роль семьи как основного очага воспитания подрастающего поколения социалистического общества.

* * *

Таким образом, семья представляет собой сложное специфическое общественное явление, в котором имеют место как материальные, так и идеологические отношения.

Семейно-брачные отношения имеют экономическую и естественную основы, причем изменение форм брака и семьи определяется, в конечном счете, изменением экономического строя общества, развитием производительных сил. Но, кроме этого, на брак и семью оказывает воздействие еще ряд других общественных факторов, как материальных, так и идеологических. С развитием форм брака и семьи изменяется соотношение между их материально-экономической и идеологической сторонами, а также характер, сила и направление влияния семейно-брачных отношений на общественную жизнь и роль семьи в общественной жизни.

А. Г. ХАРЧЕВ (Ленинград)

ТЕМАТИКА СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ» НА 1957—1958 ГОДЫ

Диалектический материализм

Предмет марксистско-ленинской философии.
В. И. Ленин об элементах диалектики.
О ленинском понимании противоречия как источника развития.
Внутренние и внешние противоречия.
Основные и неосновные противоречия.
Пути разрешения антагонистических противоречий.
Развитие и разрешение диалектических противоречий.
Диалектическое противоречие как принцип конкретного понятия.
Закон противоречия формальной логики и диалектические противоречия.
В. И. Ленин о научном предвидении.
О внутренних и внешних факторах развития.
Категории субъекта и объекта.
Многообразие форм перехода от старого к новому.
О законе отрицания отрицания.
Законы диалектики и законы конкретных наук.
Скачкообразность в переходе от ощущения к мышлению.
О соотношении логического и психологического.
Психика, сознание, мышление.
Диалектическая теория умозаключения.
Взаимосвязь категорий в логике диалектического материализма.
Категория количества в свете современных достижений математики.
О бесконечности пространства и времени.
Явление и сущность.
О природе связи основания и следствия.
Возможность, вероятность, случайность.
Необходимость и случайность в статистических процессах.
Категории формы и содержания (об использовании старой формы новым содержанием и новой формы старым содержанием).
Категории «конечное» и «бесконечное».
Категории «часть» и «целое».
Разработка философских категорий в истории философии (цель, материя и сознание, вещь и отношение, сущность и явление, форма и содержание, количество и качество, тождество и различие, единичное и общее, субстанция, причина и действие, основание и следствие, необходимость и случайность, свобода и необходимость) (серия статей).
Марксистское учение об анализе и синтезе.
Математическая логика, ее предмет и применение.
Аксиоматический метод в науке, его место и значение.
Категория меры.

Философские вопросы естествознания

В. И. Ленин и современное естествознание.
Критика методологических концепций современной буржуазной философии естествознания (серия статей).
Гносеологические основы исторического процесса дифференциации и интеграции естественных наук.
Проблема «перекрестного вооружения» смежных областей науки методами исследования.
Специфика физических и химических форм движения материи и их взаимосвязь

друг с другом: а) методологические проблемы физической химии; б) методологические проблемы химической физики.

О связи между физическими и биологическими формами движения материи. Предмет и метод биофизики.

О связи между химическими и биологическими формами движения материи.

Кибернетика и исследования в области физиологии и психологии.

Научная символика, законы ее образования и ее роль в естественных науках.

Проблема аксиоматизации в современной науке (применение символической логики в биологии, квантовой механике и т. д.).

Теоретическое мышление и эксперимент: их роль в естествознании.

Сравнительный метод в биологии.

Классификация и ее роль в естествознании.

О логической структуре биологических классификаций (применение символической логики к таксономии).

Исторический метод в биологии и его отношение к экспериментальному методу.

Основные принципы объективного метода И. П. Павлова и его значение для исследований в области физиологии и психологии.

О закономерностях формирования второй сигнальной системы у детей.

Особенности эволюции нервной деятельности животных.

Проблема психологического и физиологического.

Принцип причинности в современной биологии.

Проблема целесообразности в живой природе.

Противоречия в сфере органического и понятие жизненности организмов.

О диалектическом понимании эволюционного процесса.

Критика идеалистических и метафизических представлений об эволюции.

Соотношение внутренних и внешних факторов в процессе органической эволюции.

Диалектика индивидуального и исторического развития организмов.

Методологические проблемы современной клеточной теории.

Методологические проблемы современной генетики.

Проблема прерывности и непрерывности материи в современной физике.

О характере математических абстракций.

О борьбе материализма и идеализма в современной математике.

Проблемы теории вероятностей в современной математике и физике.

Проблема динамической и статической закономерности в современном естествознании.

Роль математики в современной физике.

Гносеологические основы применения математики в современной биологии.

Современное состояние вопроса о применении математики в биологии (обзор отечественной и зарубежной литературы).

Современные физические представления о «поле» и учение диалектического материализма о материи.

Новые идеи в квантовой электродинамике и их философское значение.

Физика атомного ядра и некоторые проблемы философии.

Развитие интерпретации квантовой механики.

Образование и область применимости физических понятий.

Проблема пространства и времени.

О диалектическом единстве процесса познания и истории познания закономерностей природы (на материале отдельных естественных наук).

Статьи об общетеоретических и философских взглядах крупнейших зарубежных и отечественных естествоиспытателей (о Ч. Дарвине, Г. Галилее, М. Фарадее, Д. И. Менделееве, Л. Больцмане, М. Планке, Г. Лоренце, Н. Е. Введенском и А. А. Ухтомском, А. Н. Северцове).

Современный позитивизм и естествознание.

Критика операционализма в современной физике.

Современный фидеизм и наука.

Обзоры статей по философским проблемам современного естествознания в зарубежных журналах (по отдельным проблемам).

Рецензии на зарубежные и советские книги, посвященные философским проблемам естествознания.

Краткие сообщения о новейших достижениях и открытиях в области естествознания:

а) открытие «античастиц» (антипротона и антинейтрона);

б) новые открытия в радиоастрономии;

в) успехи в области «теории информации» (кибернетики);

г) достижения в области физики полупроводников;

д) управляемые химические и ядерные реакции;

е) успехи применения физических методов в области генетики,

ж) новые физические приборы;

з) успехи радиобиологии;

и) космическое излучение и его роль в биологии;

к) новые уточнения в хронологии мира на основе данных радиогенетики;

л) новые данные о наличии жизни на Марсе;

м) успехи в области синтеза органических веществ.

Исторический материализм

Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие исторического материализма (ряд статей по отдельным проблемам).

КПСС — руководящая сила в развитии социалистической идеологии.

Преимущества социалистического демократизма («Развитие советской демократии», «Роль народных масс в политической жизни при социализме», «Социализм и свобода личности» и др.).

Производство, потребление и потребности при социализме.

Географический фактор в развитии социалистического общества.

Субъективный фактор при социализме.

Общественное мнение в социалистическом обществе.

О профессиональном разделении труда при социализме.

Принцип материальной заинтересованности в условиях социализма.

Классы и классовая структура общества в СССР.

Правовые и производственные отношения при социализме.

Пути и формы обобществления быта в СССР.

Об источниках живучести пережитков капитализма в сознании.

Семейный строй и брачные отношения в СССР.

О формах перехода различных стран к социализму (ряд статей).

Особенности развития Китая к социализму (ряд статей).

Классовая борьба в странах народной демократии.

Дружба народов и преодоление пережитков буржуазного национализма.

Пролетарский интернационализм и патриотизм.

Проблема воспитания молодого поколения при социализме.

Современные проблемы гуманизма.

О роли рабочего класса и компартии в национально-освободительном движении.

Предмет исторического материализма.

Исторический материализм и историческая наука.

Об источниках развития производительных сил.

Закономерности развития идеологии (ряд статей).

Об отношениях к наследию прошлого.

Наука и религия (ряд статей).

Мораль и религия.

Категории марксистской этики (ряд статей).

История философии

О предмете и периодизации истории марксистско-ленинской философии.

О предмете истории философии как науки.

Эволюция предмета философии.

Диалектический материализм и история философии.

Развитие историко-философской науки в Советском Союзе (к 40-летию Октябрьской революции).

Вопросы истории философии в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Применение В. И. Лениным материалистической диалектики к решению историко-философских проблем.

В. И. Ленин как историк марксистской философии.

Критика В. И. Лениным буржуазного объективизма.

Советская историко-философская наука в борьбе за диалектический материализм.

Борьба за классическое философское наследство в СССР.

Разработка научной истории русской философии в годы Советской власти.

Статьи по историографии истории философии.

О материалистической традиции в истории русской философской мысли.

Место и роль русских материалистов в истории материализма.

Характеристика философии русских революционных демократов.

Идеалистические течения в России в XIX веке (цикл статей).

Основные течения русской философии в период подготовки декабрьского движения.

Борьба русских философов и ученых конца XVIII и XIX веков против априоризма Канта.

Основные школы в освещении истории русской домарксистской философии.

Чернышевский как историк философии.

Этические взгляды Фейербаха и Чернышевского.

Статьи и заключение по поводу обсуждения спорных вопросов освещения философского наследия А. Н. Радищева.

Статьи по критике буржуазной фальсификации истории русской философии.

Принцип материального единства мира в истории философского материализма.

Генетический и аналитический методы в истории домарксистской философии.

Историко-философская концепция Гегеля.

Историко-философская концепция Б. Рассела.

О характере философских взглядов Чжан Дзая.

Об арабских философских рукописях, хранящихся в наших среднеазиатских республиках.

О философских рукописях, хранящихся в Армении.
 Атомистика на Ближнем Востоке.
 О происхождении и сущности калама.
 Материалистические традиции в немецкой философии.
 Полемика Вольтера и Руссо.
 Философия польского просвещения.

Эстетика

В. И. Ленин об идейности искусства.
 В. И. Ленин о народности искусства.
 Роль партии в развитии социалистического искусства.
 О народности советского искусства.
 Социалистический реализм — метод советского искусства.
 Развитие творческого метода социалистического реализма в советском искусстве (серия статей).
 Роль искусства в коммунистическом воспитании народа.
 Роль идеи в художественном творчестве.
 Специфика национального в искусстве.
 Метод и стиль в искусстве.
 О типическом в жизни и искусстве.
 Правдивость и правдоподобие в искусстве.
 Что такое формализм и когда он возникает в искусстве.
 Проблемы коммунистического воспитания, перестройки быта, семьи, морали, борьбы классов и масс в советском искусстве (серия статей).
 Проблема личности и коллектива в советском искусстве.
 Проблема содержания и формы в искусстве.
 Историческое развитие жанров в искусстве.
 Проблема культурного наследия.
 Обзоры статей по эстетике в литературно-художественных и искусствоведческих журналах.

Критика буржуазной философии и социологии

Социалистическая идеология в борьбе против идеологии упадка и реакции.
 Наступление империалистической реакции и задачи борьбы с буржуазной философией.
 Социальные и гносеологические корни гусерлианства и феноменологии.
 Зарубежные критики американского прагматизма.
 Критика неореализма Гартмана.
 Современные философские течения в Мексике.
 Реакционная сущность западногерманского неокантианства.
 Философия Уайтхеда.
 Новейшие открытия в области естествознания и борьба материализма с идеализмом.
 Реакционная сущность экзистенциализма.
 Критика «логического атомизма» Б. Рассела.

* * *

Пролетарский интернационализм против идеологии буржуазного национализма.
 Реакционная сущность буржуазного индивидуализма.
 Проблема личности и общества в современной буржуазной социологии.
 Современные теории элиты и апология технократии в современной буржуазной социологии.
 Критика мифа об американском обществе как обществе «среднего класса».
 Проблема национального характера в современной буржуазной социологии.
 Критика психологического направления в современной буржуазной социологии.
 Философия истории Ортега-и-Гассета.
 Идеологическая борьба в Западной Германии (ФРГ).
 Кризис буржуазной демократии и современная буржуазная политическая наука (современные теории диктатуры буржуазии).
 Критика современных буржуазных теорий народонаселения.
 Борьба коммунистических партий против буржуазной философии.
 Что такое «национальный коммунизм»?

* * *

О борьбе против буржуазной идеологии в Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии и других странах народной демократии.

СОДЕРЖАНИЕ

Ц. А. Степанян — В. И. Ленин об общих закономерностях и конкретных формах перехода к социализму	3
М. М. Розенталь — О значении «Философских тетрадей» В. И. Ленина	14
Д. М. Кебурия (Тбилиси) — К вопросу о конкретности понятия	28
В. В. Мшвениерадзе — Философия неопозитивизма . .	39
Е. Г. Плимак — Масонская реакция против материализма в России	51
С. Г. Широян — Выдающийся арабский мыслитель Абуль-Аля аль-Маарри	63
Н. А. Киселева — О роли математики в современной физике	71
В. М. Жданов — О применении математического метода в биологических науках	80
Томас А. Броди (Мексика) — Образование и область применимости научных понятий	83
Эли де Гортари (Мексика) — Современные течения философии в Мексике	93
Ю. А. Замошкин — Критический очерк «психологического направления» в социологии	101
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ	
Я. Я. Рогинский — О некоторых общих вопросах теории антропогенеза	110
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
Н. Н. Жуков-Вережников — О значении микробиологических данных для разработки теории видообразования	117
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Н. П. Аникеев — Об историографии индийской философии. М. Р. Тульчинский — О некоторых проблемах исторического материализма. Е. Д. Модржинская — Отповедь фальсификаторам марксизма. С. А. Эфирев, Н. С. Юлина — Разум и наука непобедимы. С. Т. Мелюхин (Ленинград) — Книга по истории науки . .	128
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
С. Т. Калтахчян, Ю. П. Петров — Повысить уровень преподавания марксистско-ленинской философии в вузах. Е. Д. Клементьев, И. К. Пантин, В. А. Смирнов — На кафедрах философского факультета МГУ. М. В. Яков-	

- лев — За глубокое изучение ленинского философского наследства. **Г. Л. Белкина, Ю. И. Алексеев** — В секторе эстетики Института философии АН СССР. **Ю. А. Замошкин, А. Ф. Шишкин** — На сессии Индийского Философского Конгресса. **Чжоу И-мин и В. Ф. Феоктистов (Пекин)** — Развитие философской науки в Китайской Народной Республике. **Г. В. Платонов** — В Институте философии Болгарской академии наук . 151

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

- Г. А. Курсанов (Свердловск)** — О некоторых концепциях истины в современной идеалистической гносеологии 188
П. В. Таванец — О так называемом тавтологическом характере логики 193

ЗА РУБЕЖОМ

Краткие заметки

- Т. А. Сахарова** — «Философские тетради» В. И. Ленина во Франции 198
Э. А. Араб-Оглы — «Исследование истории» А. Тойнби в оценке журнала «Диожен» 201
Ю. А. Арбатов — На страже существующих порядков . 204
Г. В. Осипов — Несостоятельный ответ на «вызов истории» 206
В. С. Семенов, В. В. Денисов — На международном семинаре в Швеции 208

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

- Н. И. Губанов** — Ответ читателю 212
А. Г. Харчев (Ленинград) — Семья и общество 215
 Тематика статей журнала «Вопросы философии» на 1957—1958 годы 219

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Д. Каммари (главный редактор), **А. Д. Александров, Б. М. Кедров, В. С. Кеменов, И. В. Кузнецов, М. Б. Митин, В. С. Молодцов, М. М. Розенталь** (зам. главного редактора), **М. И. Сидоров, Ц. А. Степанян, В. Н. Столетов, П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев, А. Ф. Шишкин.**

Адрес редакции: Москва, Г-19. Волхонка, 14, комн. 418. Телефоны: Б 8-76-32, Д 3-35-40.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 05002. Подписано к печ. 26/IV 1957 г. Тираж 50 000.

Изд. № 473. Заказ № 975. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 12 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ
АНТОНИО ГРАМШИ
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ.

Предисловие Пальмиро Тольятти.

Том I — «Ордине Нуово», состоит из статей, написанных в 1919—1920 годах основателем Итальянской коммунистической партии, одним из первых марксистов в Италии, Антонио Грамши. В опубликованных статьях освещаются в основном различные стороны рабочего и коммунистического движения.

Том II — «Письма из тюрьмы». В том вошли письма к родным и знакомым, опубликованные в 1926—1936 годах.

Том III — «Тюремные тетради». Том состоит из философских, исторических и литературоведческих работ Грамши.

Предварительные заказы на книги следует посылать в местные магазины книготоргов.